

С. З. Гончаров

ЛОГИКО-КАТЕГОРИАЛЬНОЕ МЫШЛЕНИЕ

Часть 2

**Объективная основа возникновения
и развития мысли**

**Екатеринбург
2008**

Федеральное агентство по образованию
ГОУ ВПО «Российский государственный
профессионально-педагогический университет»
Уральское отделение Российской академии образования

С. З. Гончаров

ЛОГИКО-КАТЕГОРИАЛЬНОЕ МЫШЛЕНИЕ

Часть 2

***Объективная основа
возникновения и развития мысли***

Екатеринбург
2008

УДК 161/162
ББК Ю 425
Г 65

Гончаров С. З. Логико-категориальное мышление [Текст]: в 3 ч. Ч. 2: Объективная основа возникновения и развития мысли / С. З. Гончаров. Екатеринбург: Изд-во ГОУ ВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т», 2008. 344 с.

ISBN 978-5-8050-0369-2

В книге конкретизируется и систематически раскрывается общественно-материальная основа возникновения и развития категориального мышления. Особое внимание уделено значению неорганического тела человека, социальным технологиям, общественным отношениям, социокультурной основе диалектического мышления, соотношению ментальности технической цивилизации и культуры. Издание адресовано научным работникам, преподавателям, аспирантам и студентам вузов.

Рецензенты: д-р филос. наук, проф. В. В. Ким (ГОУ ВПО «Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького»); д-р филос. наук, проф. Д. В. Пивоваров (ГОУ ВПО «Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького»); д-р филос. наук, проф. А. Б. Костерина (ГОУ ВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т»)

ISBN 978-5-8050-0369-2   © ГОУ ВПО «Российский государственный профессионально-педагогический университет», 2008
© С. З. Гончаров, 2008

Введение

В первой части нашего исследования мы выяснили логические, гносеологические, психологические закономерности возникновения и развития мысли¹. За этими закономерностями скрывается их общественно-материальная основа, познав которую мы можем понять, почему в различные исторические периоды мышлению присущи особый категориальный состав, различные способы (формы) познавать реальность. Конкретизация такой основы позволяет относиться к современным формам мышления рефлексивно, критично, не срациваясь с ними.

Данная основа включает в себя, во-первых, активное *технологическое* отношение людей к реальности в аспекте ее преобразования, во-вторых, *общение* и *общественные отношения* в процессах преобразования реальности.

Исследование указанной основы исходно ориентировано на социологический и социокультурный аспекты мышления. Эти аспекты исследовались в конце 1970 – начале 1980-х гг. с нарастающей интенсивностью (Ж. М. Абдильдин, И. А. Абишев, Л. М. Андрюхина, А. С. Арсеньев, Г. С. Батищев, В. С. Библер, М. А. Булатов, В. Е. Давидович, Э. В. Ильенков, Л. М. Косарева, С. Б. Крымский, А. Н. Лой, С. Н. Мареев, Т. П. Матяш, Л. К. Науменко, З. М. Оруджев, Б. В. Починок, Е. Я. Режабек, А. А. Сорокин, Г. В. Старк, А. А. Хамидов, В. И. Шинкарук и др.). В недавно опубликованной монографии К. Н. Любутина и П. Н. Кондрашова дан детальный анализ влияния повседневности на процессы понимания².

Задачи **второй части** нашего исследования заключаются в конкретизации общественно-материальной основы мышления, в раскрытии тенденций ее развития и в обосновании ее исторической типологии.

В методологическом плане мы исходим из *универсальных* возможностей человека как культурно-исторического существа, из *само-*

---

¹ Гончаров С. З. Логико-категориальное мышление. Ч. 1. Субъективная основа возникновения и развития мысли. Екатеринбург, 2007.

² Любутин К. Н., Кондрашов П. Н. Диалектика повседневности: Методологический подход. Екатеринбург, 2007.

производства человеком идеальных, социальных и материальных форм, из существенного значения *неорганической* надставки над органическим телом человека в виде искусственных органов (техники) сознательной воли, из основополагающей роли *социальной связи*, которая всегда остается *абсолютной* для людей и первичной по отношению ко всем феноменам человеческого бытия, от экономических до религиозных.

Мы руководствовались положениями о том, что «практика есть существеннейшая и ближайшая основа человеческого мышления» (Ф. Энгельс), что «логические категории все же прямо вытекают из “наших отношений”» (К. Маркс), что необходима обработка не только истории мысли, но и истории техники (В. И. Ленин). Поле труда и общественных отношений – это существенная область формирования логических категорий. Если в мышлении идеально представлено содержание общественной практики, то содержание практики реально представляет собой людям содержание их собственного мышления. Поэтому в данной работе значительное внимание уделено техносфере, общественным отношениям и социокультурной динамике.

Мышление индивидуума есть общественная сила, оно есть *идеально выраженная аналитико-синтетическая мощь общественного труда*, проецируемая на реальность. Таково мышление в его *необходимости*.

Следует отметить более панорамный аспект мышления, его *космологическое* измерение как силу универсальной субстанции. Природе присуща *целосообразность* – согласованность *частей с целым* благодаря материальным взаимодействиям, следующим из *самых свойств* субстрата, из материала природы. Такая согласованность явлена в разной степени у различных фрагментов природы. В прозрачном виде целосообразность проступает на уровне живого – клетки, растения, живого организма. Об этом убедительно писал Гегель в своей «Философии природы». Организм ассимилирует неорганический материал и создает из него свое «самостное единство» (Гегель). И вот всеохватная целосообразность природы, освобожденная от материального элемента, предстает как идеальная устремленность на целое – как целенаправленность. *Целенаправленная идеальная сила, знающая саму себя, и есть мышление, Разум* в его космологическом измерении. Универсальная субстанция, по Спинозе, действует многообразными спосо-

бами: она не только простирается в пространстве, движется во времени, обнаруживается как сила гравитационная, электромагнитная, целосообразная, но и являет себя в форме разума. Разумность существа состоит в действиях, следующих не из свойств природного субстрата такого существа, а из учета *закономерностей других внешних тел*, причем *любых*, как подчеркивал Э. В. Ильенков, из учета того обширного *целого*, в составе которого действует такое существо. И такое целое для разумного существа *не окончено*. Разумные существа способны перестраивать порядки природы в целосообразные целостности и выступать в качестве такого космического фактора, который имеет возможность, в принципе, управлять всеми стихийными силами. Универсальность и перспективу человеческого разума Гегель представил как абсолютную Идею, как вселенского Демиурга, соединяющего своей логикой разрозненные дискретные единичности в целостности. Теологический аспект мышления, представленный Гегелем, детально раскрыт И. А. Ильиным¹.

Мышление, отмечал К. Маркс, вырастает из естественных процессов и является по своей природе одним и тем же. В данной работе выясняется, собственно из каких естественных процессов оно формируется.

Если в данной, второй, части исследования мышление раскрывается в его *необходимости*, в социально-технологической обусловленности, то далее, в **третьей части** исследования, оно будет раскрыто в структуре целостного духовного акта как знающее само себя и направляемое ценностями.

---

¹ *Ильин И. А.* Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека: в 2 т. М., 2002.

Глава 1

ОБЩЕСТВЕННО-МАТЕРИАЛЬНАЯ ОСНОВА КАТЕГОРИАЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ

§ 1. Предметные органы общественной практики и мышление

Общественная жизнь, отметил Маркс, является по существу практической. «Все мистерии, которые уводят теорию в мистицизм, находят свое рациональное разрешение в человеческой практике и в понимании этой практики»¹. «Как естествознание, так и философия, – формулирует Ф. Энгельс новую методологию, – до сих пор совершенно пренебрегали исследованием влияния деятельности человека на его мышление. Они знают, с одной стороны, только природу, с другой – только мысль. Но существеннейшей и ближайшей основой человеческого мышления является как раз *изменение природы человеком*, а не одна природа как таковая»². Важно замечание Маркса о понимании практики. Ведь практику можно толковать и в «грязно-торгашеской» форме.

Три всеобщих определения конституируют человеческую активность как практику. Люди осваивают реальность *научно-теоретически, ценностно и практически*. В первом случае они изменяют свое представление о реальности и обретают новое знание. При этом реальность осознается *объективно*, со стороны межпредметных отношений. Человек согласует свое мышление с сущностью, объективными закономерностями.

В рамках ценностного освоения (нравственного, эстетического, религиозного) реальность берется не сама по себе, а со стороны ее значимости для человека, для его потребностей и интересов, целей и идеалов, т. е. в аспектах *должного и желаемого*. Ценностное отношение *дополняет* односторонность объективного понимания реальности более *конкретным* осмыслением, из которого возникают целе-

---

¹ Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 3.

² Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 545.

полагание, идеология, мировоззрение. Мир не удовлетворяет человека, и человек стремится изменить его.

В рамках практического освоения люди изменяют не свои представления о реальности (знания и ценности), а *саму реальность согласно своим ценностям и знаниям*. Теперь человек не согласует свое мышление с реальностью, но *приводит реальность в согласие со своими знаниями и ценностями*, он превращает фрагменты реальности в *органы своей сознательной целенаправленной воли* и утверждает свою *власть*. Практика – это отнюдь не любое, а *сознательное, целенаправленное* воздействие на реальность. Образ желаемого будущего уже присутствует в настоящем *идеально*, как цель деятельности. Труд – основа всякой практики и абсолютное условие человеческой жизни. Но труд с самого начала есть сознательный, целенаправленный процесс, который тем отличается от активности животных, что будущий результат труда уже имеется *идеально*, и цель, как закон, определяет способ действия человека. Наконец, практика является *общественным* процессом при любом общественном устройстве. *Изменение самой реальности, сознательность и целенаправленность, общественная природа* составляют *родовые* характеристики практики. Практика тем превосходит мышление, отмечал В. И. Ленин, что она включает в себя достоинство не только *всеобщности*, но и *непосредственной действительности*. В практике соединяются идеальная форма, существующая в мышлении, и материя.

Если содержанием теоретического освоения является превращение *материального в идеальное*, а ценностного – *оценка материального идеальным и духовное делание*, то содержанием практического освоения выступает *превращение идеального в материальное*. Поэтому практика – самая богатая по содержанию форма освоения реальности, включающая в себя в снятом виде и теоретическое, и ценностное освоение. Человек предстает здесь как *действующий*, и реальность выступает для него как *действительность*, сам человек становится *действительным* для других, а значит, и для себя.

Связующим звеном между мышлением и практикой является фундаментальное обстоятельство: наличие у человека *искусственного* тела и включенность сознания и мышления в процесс обслуживания функций такого тела. Тело человека включает в свой состав органическое тело и тело *неорганическое*, функционально-предметное. С появ-

лением неорганической *внешней надставки* над органическим телом возникает одновременно и *внутренняя надставка* в сфере психики – сознание. Психика обслуживает функционирование органического тела. Сознание появляется как технологически необходимый регулятивный фактор, который *направляет функционирование неорганического* тела. Это тело может функционировать при условии, если оно представлено в сознании *системой значений*. Представим это схематично (рис. 1).

Рис. 1. Структура тела общественного человека

Натурализм в понимании человека как раз и упускает *решающее значение* искусственных органов общественной практики, будь то средства труда или социальные организации.

Неорганическое тело образуют *искусственные органы человеческой воли*. К ним относятся техника *материальная* – для обработки природы; техника *социальная* – для обработки людей людьми; техника *интеллектуальная* – для обработки идеальной реальности, тех значений, которые функционируют лишь в сознании или при посредстве сознания; это методы и технологии духовной деятельности.

Социальная техника, в отличие от материальной, *невещественна*. Она образована *исключительно из отношений между людьми, из их координации и субординации и представлена в сознании людей соответствующей системой значений*. Это – все социальные организации и институты, будь то государство, вуз или армия. Социальная техника – «чувственно-сверхчувственная»; чувственная лишь со стороны внешней, сверхчувственная по своей *сущности* – системе отношений, которые постигается только умозрением. «Вообще отношения, – заметил К. Маркс, – можно только *мыслить*, если их хотят фиксировать в отличие от тех субъектов, которые находятся между собой в тех или иных отношениях»¹. Например, государство есть *ор-*

---

¹ Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46, ч. 2. С. 84.

ганизация общей воли граждан для совместной жизни. Эта общая воля регламентирована конституцией и всей развернутой системой права. Как таковое государство есть система *отношений* между людьми, направляемая обязанностями и правами граждан, должностных лиц; оно сверхчувственно и постигается только умозрением. Здания, техника, должностная форма одежды суть лишь внешнее выражение *нормативно организованных волевых отношений* между гражданами. Общественные отношения могут пониматься только благодаря *мышлению*. Более того, они вообще возможны лишь постольку, поскольку люди *мыслят* и обладают способностью абстрагироваться от чувственных деталей и случайностей, удерживая в сознании *типовые социальные значения и формы*. Государство может функционировать, если граждане сознательно действуют согласно своим обязанностям и правам; оно сильно сознательностью народа, добровольной лояльностью, законопослушанием граждан. Поэтому его «нет у животных» (Аристотель).

Техника есть искусственный орган человеческой воли для реализации целей. Технология – это система «люди – техника», взятая в *операционально-процессуальном состоянии* как *операциональное поле*, где взаимодействуют актуальные операции, протекающие во времени, и операции, опредмеченные в пространстве. Для человека техника есть не что-то другое, а «свое другое». В технологии (материальной, социальной, интеллектуальной) выражено *активное отношение* людей друг к другу и к природе.

Людей можно отличать от животных по разным внешним признакам. Сами же люди начинают выделять себя из мира животных реально и в своем сознании тогда, когда они обретают способность производить условия для своей жизни с помощью орудий, а *орудия – посредством орудий*; когда они создают не только материальные орудия для обработки природы в нужном для себя направлении, но и социальные организации для возделывания своей собственной *общественной природы* наперекор *природным вожделениям*; наконец, когда они производят совместно свое *неорганическое тело*, которое опосредствует их отношения к себе самим и к природе и является *существенным основанием* общественного жизненного процесса. Из процесса совместного созидания этого существенного основания развиваются все сверхприродные – социальные – характеристики человека,

будь то мышление, воображение, эстетическое созерцание, духовные чувства, вся полнота человеческой субъективности. Вся «мерзость старого мира» заключается в *частной монополии* на это существенное основание, на *объективные органы* человеческой воли.

Жизнедеятельность животного определена по существу теми *естественными орудиями*, которые в качестве частей тела *сращены* с животным и неотделимы от него. Естественные орудия (клыки, когти и др.) определяют ареал обитания, способ питания, поведение, иерархию среди других биологических видов. Тем самым эти орудия определяют и особенности психики животного.

Сращенность орудий с телом явилась непреодолимым барьером в эволюции животных. «Дарвин, – отмечал К. Маркс, – пробудил интерес к истории естественной технологии, т. е. к развитию растительных и животных органов, играющих роль в жизни растений и животных роль орудий». Заслуживает внимания, продолжает он, – «история развития производительных органов общественного человека, этих материальных базисов каждой особенной общественной организации»¹. В отличие от «естественной технологии» природы технология, производимая людьми, удваивается на реальную и идеальную, на практическую и мысленную.

Человек ставит между собой и природой орудия-посредники, которые *пространственно отделены* от человека. Этим он уже дистанцируется от природы, разрывает естественную чувственную пуповину, *слитность* с природой. Умножая орудия с помощью орудий, люди обретают колоссальную технологическую мощь по отношению к природе. Орудия становятся дополнительными *рецепторами* в предметном анализе свойств природы, увеличивая многократно возможности естественных органов чувств человека. С помощью материальной техники люди превращают свойства и процессы природы в органы своей сознательной воли, вовлекают в материальный процесс все новые связи и зависимости, и в принципе наращиванию технологической мощи человека *нет предела* при действии должных *нравственных императивов*. Еще *более важное значение* для понимания родовой природы человека имеют искусственные органы, которые люди ставят между собой, регулируя и направляя свою совместную деятельность. Именно эти социально-функциональные органы служат

---

¹ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. СПб., 1872. Т. 1. С. 326.

конкретным основанием для понимания человеческой психики, сознания, мышления. «Общественные производительные силы созданы не только в форме знания, но и как непосредственные органы общественной практики»¹.

Сознание *технологически необходимо* для обслуживания искусственных органов человеческой практики – как по отношению к природе, так и по отношению людей друг к другу. «Сознание» означает, буквально, совместное знание (со-знание). Знание есть *система значений* по преимуществу *общих, социально значимых*. Сознание не выводимо из одних только отношений людей к природе. Оно всецело продукт *отношений* между людьми.

В процессе обработки природы возникает и развивается система трудовых операций с их родами, видами и подвидами. Эти операции составляют технологическую основу и почву для формирования схем мышления. Но для *согласования* технологических действий, направленных на предмет труда, люди вступают в *общение* друг с другом и производят действия сугубо коммуникативные (общение). Такие действия имеют значение не своей *материальной* стороной, ибо они направлены не на предмет, а на субъектов труда, и важны не своим материальным составом, а лишь *значениями*, которые они передают, воздействуя на психику индивидов. Поскольку важен не материальный состав действий, а их значение, то такие коммуникативные действия *редуцируются со стороны своей материальности* и предстают как действия *символические*. Представим это схематично (рис. 2). Здесь стрелки, соединяющие индивидов, обозначают коммуникативные действия; стрелки направленные на предмет деятельности, обозначают предметные действия. Коммуникативные действия (жесты, звуки) раздваиваются на внутреннюю сторону – *значения*, и на внешнюю – *материальную форму*. *Значение есть такое содержание, которое представляет индивиду не себя, а отсылает и указывает на иное содержание*. Благодаря такому отсыланию сознание всегда интенционально, *направлено* – или на внешнюю реальность, или на свой собственный состав, на уже имеющиеся в нем значения.

Поскольку для *общения* важны значения, а не их материальные носители, то материальная сторона передачи значений вырождается,

---

¹ Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов. Т. 46, ч. 2. С. 215.

в конечном итоге, до системы знаков, до языка. Жесты (символические телодвижения для передачи значений), звуковой язык, письменный язык, искусственные языки составляют ступени такой редукции. Значения настолько сращиваются со знаками, что становятся неотделимы от них и актуализируются произвольно, автоматически, порождая нередко *знаковый фетишизм*. Знаки становятся телом значений. Значения, идеи во всем их *своеобразии* становятся неотделимыми от знаковой формы национального языка. Язык превратился в материальную оболочку сознания.

Рис. 2. Схема раздвоения действий на предметные и коммуникативные

Из предметных действий развивается система дифференцированных трудовых операций. Эти операции переводятся во внутренний план психики с помощью языка и превращаются в *логические* действия не с вещами, а с их *заместителями*, с идеальными предметами, с *классами* таких предметов. Из коммуникативных действий, из общения развиваются *общие значения*, технологически необходимые для общения. *Именно общение принуждает психику работать по общим схемам*. Общение и обобщение – одного практического корня.

Система общих значений составляет *субстрат* сознания. *Сознание – это психика, организованная общими, социально важными значениями*. Оно есть социально-психическая форма функционирования *идеального*, которое развернуто в психике *системой значений* и закреплено в языке, в этой материальной оболочке именно общего, *общественного* сознания. Язык, словарный запас, писал Э. В. Ильенков, есть та форма, посредством которой «человек получает возможность отражать мир

в качестве общественного человека»¹, а не единичного биологического индивида. «Сознание ... с самого начала есть общественный продукт и остается им, пока вообще существуют люди»². Язык – исходная форма сознания потому, что люди – существа общественные, передающие значения друг другу в общественно значимых формах.

Из *технологических трудовых операций развивается логическое мышление, из общения развивается сознание*, совместное знание, система общих значений. Единство деятельности и общения обуславливает единство мышления и сознания. Иллюстрируем изложенное (рис. 3).

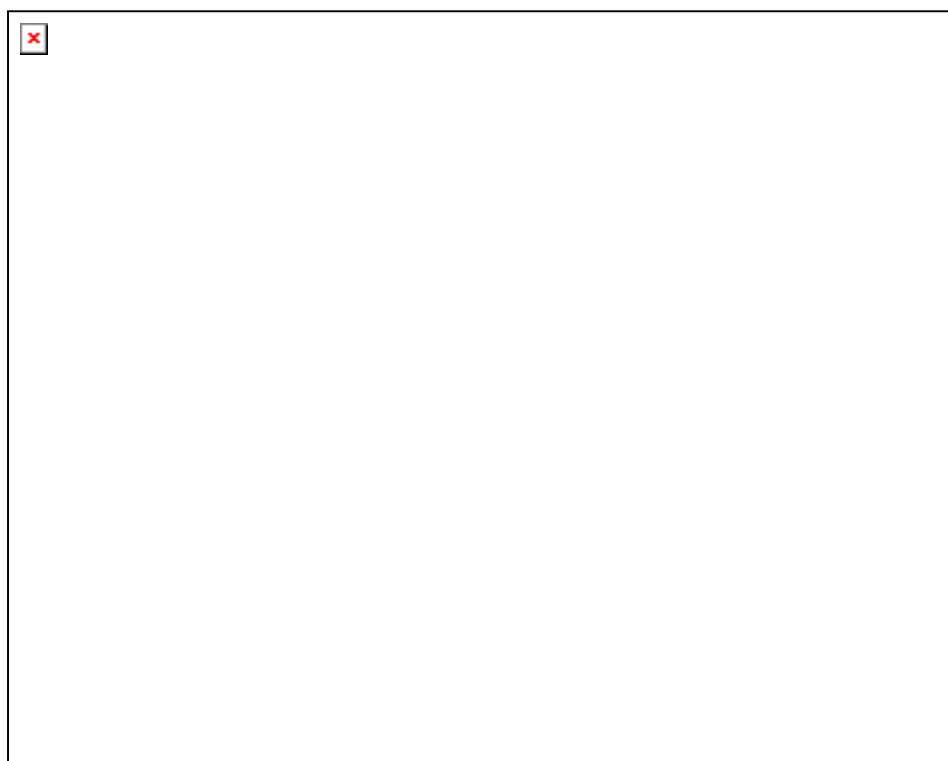

Рис. 3. Деятельностно-коммуникативная основа единства мышления и сознания

Мыслить можно не осознавая процесс мышления. Но процесс сознания не может быть бессознательным. Мыслить предмет и осознать его – это, в общем и целом, различные феномены. Осознание всегда сложнее. Оно предполагает умение созерцать предмет с *социальной* позиции, с позиций уже накопленного социального опыта,

---

¹ Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. М., 1997. С. 44.

² Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 29.

в контексте общественного сознания и известную очевидность в понимании. Технологическая вышколенность специалиста еще не гарантирует его ответственность, профессиональную честь и честность, умение работать в коллективе и добросовестно трудиться на общую цель. Сознание, собственно, тогда и возникает, писал Э. В. Ильенков, когда «индивид оказывается вынужден смотреть на самого себя как бы со стороны ... глазами всех других людей», когда он соизмеряет «свои индивидуальные действия с действиями другого человека, то есть в рамках совместно осуществляемой жизнедеятельности». В актах такого соизмерения своих усилий с логикой общего дела возникает воля как умение «подчинять свои собственные влечения и побуждения некоторому закону, некоторому требованию, диктуемому вовсе не индивидуальной органикой собственного тела, а организацией “коллективного тела”, коллектива, завязавшегося вокруг некоторого общего дела»¹. Различие между мышлением и сознанием выражено в необходимости единства обучения и *воспитания* личности.

Так как сознание вырастает из общения, а общение развивается в общественные отношения, то *широта общения и универсальность общественных отношений составляют основу для научного понимания сознания и мышления*. Локальной общности индивидов присущи и локальные, местные значения, и схемы мышления с особой лексикой, привязанной к местным условиям, к особым формам деятельности и к специфическим интересам индивидов.

Люди – существа общественные, работают друг на друга; каждый индивид включен в то или иное *общее дело*, будь то труд в коллективе, образование в вузе или служение в армии. В общем деле необходимо координировать индивидуальные усилия для реализации общей цели. Такая координация (согласование) осуществляется в актах *общения*. Общение принуждает психику к *обобщению* тех значений, которые индивиды передают друг другу в общении. *Без общих значений общение невозможно*. Общие значения фиксируются материально в языке, в *знаково-символических системах, в коллективном продукте*. Язык – самое важное средство общения. В нем закреплены только общие значения. Оперировав языком, индивиды закрепляют тем самым общие значения в своей

---

¹ Ильенков Э. В. Диалектика идеального // Ильенков Э. В. Искусство и коммунистический идеал. М., 1984. С. 68.

психике *нейрофизиологически*, в больших полушариях головного мозга. Создается *видимость* возникновения сознания как функции мозга, а не как функции *совместной деятельности и общения!* Психика индивида начинает организовываться не только инстинктивными побуждениями тела, но и общими значениями, которые возникают из общего дела и технологически необходимы для него. Усваивая язык в актах общения, индивид тем самым осваивает общие значения и вносит свои значения в язык, которые сохраняются в словарном запасе, если они важны для общего дела, для жизни других людей.

Итак, можно схематично представить исходную ячейку зарождения сознания: *«общее дело – общение – обобщение – общие значения – язык – материальное кодирование общих значений в голове индивида – совместное знание – сознание»*.

Сознание есть социально-психическая форма функционирования идеального или, конкретнее, сознание есть психика, организованная социально важными и общими значениями, которые возникают в совместной деятельности и общении и которые необходимы для регуляции этих процессов. Такие значения *направляют, согласовывают и регулируют* совместную деятельность и общение. Более того, в системе общих значений социальность представлена в обобщенном и концентрированном виде. Теперь, чтобы войти в общество людей, необходимо в первую очередь усвоить такие значения путем усвоения языка. Воистину вначале было слово!

Общее дело *расширяется по своему* составу по мере развития производства людьми своей собственной жизни. Разделение труда, иных социальных функций порождает различные социальные группы людей. Общение тоже обретает иной масштаб и превращается в *общественные отношения*. В общении индивид представляет самого себя. В общественных отношениях он выступает как представитель той или иной социальной группы (рабочий, крестьянин, художник, политик и т. д.). В общественных отношениях индивид расширяет круг общения. Поэтому обобщаются в большей степени значения, необходимые для обслуживания общественных отношений. Именно *общественные отношения утверждают в психике людей предельно общие, всеобщие значения*.

С дифференциацией деятельности и общения развивается и язык. Вначале, у истоков антропогенеза, это был, вероятно, язык жестов. Жест есть телодвижение для передачи значений. Но воздей-

ствие жеста на других индивидов ограничено в пространстве полем восприятия и световым периодом суток. Язык жестов вытесняется новым «лидером» – *звуковым* языком, который не скован прежними ограничениями. Звуковой язык превращается в *речь* и с развитием этносов закрепляется в форме родного *национального языка*. Однако звуковой язык существует лишь во *времени*. Скачок произошел с образованием *письменного языка*. Благодаря такому языку содержание сознания предшествующих поколений стало транслироваться, передаваться новым поколениям не только во времени, но и в *пространстве*. Возникла возможность передачи *исторической памяти*. На основе национального языка созданы искусственные языки – язык математики, музыкальные ноты и др. Усваивая иностранные языки, личность тем самым приобщается к опыту иных народов, к содержанию их сознания.

Таким образом, в антропогенезе действия индивидов раздваиваются на *качественно различные виды*: на действия *материальные*, направленные на деятельное *преобразование предмета*, и на действия *коммуникативные*, обращенные к другим индивидам для передачи значений, будь то жест или звуковой комплекс. Коммуникативные действия материальны лишь по форме, но *идеальны по содержанию*. Например, ударом кулака можно материально изменить предмет. Но кулак как жест угрозы материально ничего не изменяет, а отсылает к возможным будущим действиям, т. е. передает *значение*. С дифференциацией материальных действий в процессе разделения труда дифференцируются и коммуникативные действия. Трудовые операции преобразуются в *символические общие действия* с классами предметов – в *логические операции*, система которых становится особым процессом – *мышлением*. Мышление возникает из материальных технологических действий, сознание же непосредственно возникает из коммуникативных действий, из общения и общественных отношений.

Люди мыслят, часто не осознавая того, как они это делают. Прошли тысячелетия прежде, чем были осознаны процессы мышления. Осознать явление – значит отстраниться от него и взглянуть на него со стороны, *включить его в систему социально важных значений, в контекст накопленного социального общего опыта*. Осозна-

ние – более сложная процедура, оно связано со степенью социализации человека, с социальной зрелостью.

Мышление есть тот же процесс труда, но протекающий символически – не с вещами, а с их заместителями, со значениями. В акте мышления субъект оперирует значениями. Логические операции мышления производны от трудовых операций. Различие состоит в том, что логически субъект оперирует не *единичными* «этими» предметами, а *классом предметов того или иного рода* (студент, государство, долг и др.). На предмет проецируются устоявшиеся трудовые операции. Понять предмет логически – значит мысленно увидеть его в составе того или иного целого.

Сделаем выводы. Если сознание производно от деятельности и общения, то с дифференциацией деятельности и с расширением круга общения расширяется *горизонт* и *разнообразится состав* сознания – возрастает степень обобщенности и обогащается система значений. Содержание деятельности и общения позволяет объяснить состав сознания, которое вплетено в общее дело и обслуживает (направляет и регулирует) деятельность и общение.

Сознание социально по следующим параметрам:

- по своему *происхождению* (возникает из совместной деятельности и общения);
- *содержанию* (оно состоит из социально важных и общих значений);
- *форме функционирования* (такой формой является язык как материальная оболочка сознания, как материальный носитель значений, как средство общения);
- *функциям* (сознание направляет и регулирует функционирование всех звеньев социальной системы);
- *по своему общему носителю*, хранителю и транслятору состава сознания новым поколениям; сознание сохраняет и транслирует новым поколениям социальная общность – этнос, нация – посредством национального же языка.

Актуальное (живое) сознание «оседает» и закрепляется в знаковых и символических системах. Так создается *историческая память* народа. Это накопленное, опредмеченное сознание передается новым поколениям. Образование есть процесс такой передачи. Без достаточной исторической памяти новые поколения, как правило, деградируют.

Таким образом, сознание с самого начала является *общественным продуктом*. Люди производят, заметил К. Маркс, не только холст и шелковые ткани. Производя материальный продукт, они производят и общественные отношения друг к другу. Производя такие *общие (общественные)* отношения, они тем самым производят и свое сознание с его всеобщими значениями. Возникают целые специальные отрасли такого производства в форме науки, искусства, религии, правосознания, философии, идеологии и др. Невозможно быть субъектом общественных отношений, не освоив всеобщие значения. Обновляя содержание деятельности и общения, люди обновляют и содержание своего сознания.

Итак, связующим звеном между практикой, с одной стороны, сознанием и мышлением, с другой стороны, является следующее. *Функционирование искусственных предметных органов общественной практики опосредствуется сознанием и мышлением людей с такой же необходимостью, с какой психика обслуживает функционирование естественного тела живого существа*. Поэтому можно научно исследовать мышление и сознание по тем органам общественной практики, функционирование которых направляется и регулируется всякий раз мышлением под контролем сознания. Понятие органов общественной практики позволяет *конкретизировать* влияние процессов изменения реальности на мышление и понять с очевидностью, почему в разные периоды истории существуют разный состав мышления и разные «парадигмы». Однако не только эти органы обуславливают состав мышления, но и мышление влияет на состав и функции искусственных органов практики. Субъекты *самообуславливают* состав своего мышления и сознания путем реального обновления искусственных органов общественной практики.

§ 2. Социально-технологическая основа категориального мышления

Что демонстрирует «метафизика» Аристотеля? Степень универсальности практики задает горизонт категориальному мышлению. Предмет осознается со стороны всеобщих определений в той мере, в какой субъект *практически* выделяет его таковым. Практическая категоризация определяет теоретическую категоризацию в сознании. Объясняя отсутствие у Аристотеля категории стоимости, К. Маркс писал,

что видеть в товаре только сгусток труда стало возможным «лишь в таком обществе, где товарная форма есть всеобщая форма продукта труда», а товарообмен – «господствующее общественное отношение»¹. Весьма интересна зависимость, которую прослеживает К. Маркс между мышлением и *социальной связью*. Аристотель понимает, пишет К. Маркс, что стоимостное отношение «5 лож = 1 дому» свидетельствует о качественном отождествлении ложа и дома и что чувственно различные вещи без тождества их сущностей не могли бы соотноситься как соизмеримые величины. Но здесь он останавливается в затруднении и прекращает анализ формы стоимости, так как не может указать саму субстанцию отождествления – труд. Отчего же возникло затруднение? Интересен ответ К. Маркса: оттого, что «греческое общество покоилось на рабском труде и потому имело своим естественным базисом неравенство людей и их рабочих сил». Равенство всех видов труда может быть расшифровано тогда, когда «идея человеческого равенства уже приобрела прочность народного предрассудка», а это возможно в обществе, где отношение людей друг к другу как товаровладельцев является «господствующим общественным отношением»². Выходит, что схемы категорий Канта (субстанции, в данном случае) сами по себе не срабатывают. Нужна еще *коллективная практическая категоризация реальных отношений*. И не только она, но еще и «идея человеческого равенства», т. е. *нравственный* уровень самосознания, который определяет сам «шаг», сам диапазон в отождествлении различного! Нравственность, оказывается, задает горизонт мышлению, размер «шага» в отождествлении различного. Если античное сознание не созрело до идеи человеческого равенства, то современное буржуазное сознание субъектов транснационального капитала *сознательно* отошло от этой идеи. Такой отход необходим потому, что он является субъективной предпосылкой *неэквивалентного* экономического обмена с так называемыми развивающимися странами.

Вещи сами по себе обладают своеобразным бытием, проникнуть в которое можно лишь разносторонним действием с ними. Они осознаются и мыслятся так, как мы с ними действуем. Поэтому вещи *сами по себе* и их *явление* нам сквозь призму нашей деятельности с ни-

---

¹ Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 69–70.

² Там же.

ми не совпадают по содержанию. Это пронизательно отметил И. Кант. Например, в деятельности людей разнообразные вещества сводятся к одному определению – *материалу*. Материал – не вещь, а ее *функция в нашей деятельности*. Сведение вещей и людей к той или иной функции есть *объективно-предметная абстракция*, возникающая в деятельности и общении. В актах труда субъект действует, предмет подвергается действию, субъект формирует, предмет формируется, один полюс активен, другой пассивен, «ткач прял, и продукт его есть пряжа». Это непосредственно воспринимаемое, наиболее осязаемое и достоверное отношение впечатывается в психику субъекта процессом труда, переводится во внутренний план психики, в сознание, где оно обобщается и возводится во всеобщий способ понимания, в ранг логической категории, например как *материя и форма, причина и следствие* у Аристотеля.

Известно, что у досократиков понятие первоначала было сращено с представлениями о конкретном веществе. У Фалеса это – вода, у Анаксимена – воздух, у Гераклита – огонь. «Все обменивается на огонь, – писал Гераклит, – и огонь – на все»¹. То, что у Платона и Аристотеля, в отличие от Фалеса, Анаксимена и других досократиков, доминируют всеобщие мыслительные определения (форма, причина и др.) и категории теряют свою сращенность с конкретно-чувственным содержанием, есть следствие развития общественного производства и общественных отношений, а затем и философского мышления. Философ рационализирует практически проделанную абстракцию, но не порождает ее *содержательную* форму из «чистого разума». Такая форма уже порождена «за спиной» философского сознания в совместной практической деятельности, устоялась в технологии в *объективный способ* функционирования вещей (и людей) и уже циркулирует в массовом сознании как принудительно навязанный практическим процессом эмпирический *способ мысли* (в виде метафор, сравнений, пословиц, поговорок, отвлеченных представлений) задолго до того, как философ сознательно возвел эту форму в статус категории, т. е. сообщил ей форму *всеобщности*. «Слова сначала находятся толпой, – заметил Б. Спиноза, – а затем употребляются философами»². Но слова находятся для обозначения лишь *устойчивых и важных* фрагментов человеческой реальности. Если бы кате-

---

¹ *Антология мировой философии: Античность*. Минск, М., 2001. С. 27.

² *Спиноза Б. Этика // Избр. произведения: в 2 т. М., 1957. Т. 1. С. 271.*

гории рождались в «чистом разуме» одиночек, то такие категории не были бы понятны и востребованы другими, а сами философы казались бы нефилософам людьми странными. Тем самым такие категории не сохранились бы в памяти последующих поколений. Между тем народы чтят своих философов и ставят им памятники.

Эмпирические микросхемы мысли, вырастающие стихийно из общественного процесса, являются для философа материалом для понятийного творчества. Одно дело мыслить эмпирический материал согласно категориям, *не осознавая* их, а другое дело сами категории сделать материалом для мышления и осознать их как особую идеальную предметность. Философия и начинается тогда, когда предметом мышления становится не внешняя реальность, а само мышление, один из самых трудных, зато и самых благородных предметов мысли. Мышление о мышлении Аристотель считал таким родом деятельности, который приносит *блаженство*. Аристотель научился у Платона преодолевать притяжение чувственных созерцаний и витать в эфире чистых понятий. А понятия суть *формы без материи*, они бесплотны и в силу этого идеальны в двойном смысле: они представляют собой *эталоны* предметов и *совершенны* в своем роде, будучи *не отягощенными* инородным элементом. *Блаженство рождается от переживания совершенства*, когда дух парит в «солнечных пространствах» прекрасных значений, что присуще как научной мысли, так и художественному сознанию. Хотя Аристотель критиковал Платона за теорию идей, но все-таки на вершину иерархии форм он поместил *Перводвигателя*, который мыслит самого себя и потому блаженствует; более того, своим *совершенством* приводит в движение все сущее. Идея совершенства стала после Платона осью всех иных более конкретных ценностных определений. Эту идею мы попытаемся осмыслить в третьей части нашего исследования.

Категории возникают путем схематизации форм предметной деятельности. Это убедительно демонстрирует «Метафизика» Аристотеля, где категории еще не отделены окончательно от своего материнского лона – *трудовой деятельности античного ремесленника*. Аристотель интуитивно исходит из понимания категорий как аналогов форм деятельности, и свое толкование категорий он обосновывает, ссылаясь на практику ремесленника. Доказывая пассивность субстрата, он утверждает: «Ведь ... не сам же субстрат вызывает собствен-

ную переменную», «не дерево делает ложе, и не медь – изваяние»¹. Подобные обоснования встречаются в «Метафизике» на каждом шагу. «Энтелехия» у Аристотеля есть не что иное, как целенаправленная деятельность человека, отделенная от человека и перемещенная в предмет; своего рода скульптор, целесообразно формирующий вещи изнутри. Очевидно, внутренний скульптор есть идеализованный человек-скульптор. Способ производства статуи выступает у Аристотеля и способом «понимания всей вселенной»². Чтобы мыслить энтелехию как целевую причину, организующую части в целое, надо ее так или иначе созерцать. Во внешнем опыте энтелехия сама по себе не дана. Остается внутренний опыт человеческой субъективности. Целенаправленная субъективная деятельность и послужила аналогией для категории энтелехии. *Аналогии социального опыта* всегда служат исходной основой зарождения новых схем мышления, иначе бы новые схемы мысли были бы непонятны. Ибо понять предмет – значит, в частности, построить его активностью своего Я. Построить же его можно только из аналогий опыта, различных мыслительных схем, уже известных и понятных другим.

Исторически определенный характер труда влияет на содержание категорий. Учение Аристотеля о *материальной, действующей, формальной и целевой причинах* есть абстракция со структуры труда античного ремесленника. Последний совмещал в своем труде такие функции, как *материальное* изготовление продукта в актах *действий*, проектирование его *формы, целеполагание*; продукт образуется из *материала*, которому определенными *действиями* придается определенная *форма* с определенной *целью*. Поэтому и в теории указанные виды причин берутся в единстве. Разделение труда, возникшее в мануфактуре, а затем усиленное на фабрике, разлагает *целостность* деятельности ремесленника, которая прежде носила полухудожественный характер, отделяет целеполагание от целеосуществления. Мануфактурное разделение труда, отмечал Маркс, поражает индивидуума «в самой его жизненной основе»³. Труд теряет характер *искусства*, сводится к механической деятельности, к *жесткому однозначному следованию* извне навязанных *частичных технологических операций*. Редукция состава труда к причинам «дейст-

---

¹ Аристотель. Метафизика // Соч.: в 4 т. М., 1975. Т. 1. С. 72.

² Абдильдин Ж. М. Проблема начала в теоретическом познании. Алма-Ата, 1967. С. 50.

³ Маркс К. Капитал. Т. 1. С. 376.

вующей» и «материальной» – к затратам мускульной энергии при обработке материала – порождает и теоретическую редукцию всех видов причин к причинам «материальной» и «действующей», которые Гоббс объединил в «полную причину», выразив ее жестким формализмом «если ... то». Вопрос же о целосообразности природы уже не ставится в науке Нового времени. Концепция причинности Т. Гоббса отражала «структуру новой реальности – абстрактной деятельности»¹. Новой структуре труда, ставшей массовой, соответствовало и новое учение о причинности в философии Нового времени, тоже ставшее общепринятой.

Оказывается, схемы категорий зарождаются не в поле апперцепции, а в пространстве труда. Апперцепция служит необходимой предпосылкой мышления, но из нее не выколупаешь устойчивую и общепризнанную форму мышления.

От отдельных примеров перейдем к систематическому изложению социально-технологического базиса категориального мышления: конкретизируем его основные компоненты, его развитие и типологию. Вначале рассмотрим такие компоненты базиса в *отношении человека к природе* (предметно-чувственная деятельность, труд), затем – в рамках отношений между людьми. Но прежде отметим главные компоненты общественно-материальной основы мышления.

Эта основа, обуславливающая *объективность, рациональность, опосредствованность, всеобщность и универсальность* мышления, включает следующие факторы:

- *объективные* связи и отношения, составляющие предметное содержание мышления;
- *выделенность и фиксация* этих отношений в их абстрактной определенности в искусственных органах общественной практики (материальной и социальной технике);
- перевод этих связей и отношений в *формы деятельности* субъекта и в его *мыслительные схемы* в процессе оперирования орудиями и управления социальными организациями;
- особая форма субъектности – *совокупный субъект* общественной практики, с позиций которого только и можно понять *коллективный характер категоризации* и сам процесс категоризации в целом;

---

¹ Косарева Л. М. Предмет науки. М., 1977. С. 62.

- способ объективации технологической деятельности, аккумулирующей в себе предметные связи и отношения (*инструмент, машина, автомат*);

- *разделение труда*, порождающее определенность трудовых операций и тем самым определенность и разнообразие эмпирических схем мышления;

- *обмен формами деятельности* в общественных отношениях – как в экономических, так и в социокультурных; обмен явился могучим фактором вычленения устойчивого инварианта деятельности, значений;

- *формы собственности* и соответствующие им *экономические отношения*, которые, выражая развитие производительных сил, обуславливают *степень универсальности* общения и общественных отношений, а значит и мышления; служат социальными формами, скрывающими самодеятельность субъектов или дающими простор для самодеятельности и самореализации продуктивно-творческих сил личности и тем самым определяющими стиль мышления, общую методологию истолкования реальности;

- материальное средство духовного обмена – *язык*, фиксирующий способы деятельности и общения и переводящий эти способы в моменты сознания в виде значений;

- *практико-функциональный уровень мышления и сознания*, непосредственно включенных в функционирование искусственных органов общественной практики, направляющих и регулирующих их функционирование и выступающих как *технологически необходимый идеальный* фактор социальной системы, как ее «самоотображение», идеально опосредствующее функционирование всех ее звеньев – и материально-технологического освоения природы, и общения, и общественных отношений между людьми.

Анализ значения каждого из факторов следует начать с процесса труда как генетического начала всех последующих факторов и с обоснования необходимости введения понятия практико-функционального уровня мышления и сознания.

Практико-функциональный уровень мышления в функционировании социально-технологического базиса. Труд включает всеобщие моменты – предмет труда, средства труда и целенаправленную деятельность, организованную мышлением. Движущее единство этих моментов есть процесс труда, а покоящееся единство выступает как

продукт¹. Мышление – неотъемлемый регулятивный момент процесса труда. Труд есть процесс воплощения идеального, сознательной *цели*, которая определяет способ действий и которой субъект должен подчинить свою волю. Родовое отличие труда состоит в том, отмечал К. Маркс, что в «конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся ... идеально»². В труде субъект при помощи средств труда вызывает «заранее намеченное изменение предмета труда»³. Охваченные пламенем живого труда, вещи призваны «к функциям, соответствующим их идее и назначению, они ... потребляются целесообразно»⁴.

Имманентность мышления процессу труда раскрыл Маркс, предвидя превращение науки в непосредственную производительную силу общественного труда, а труда – в прикладную науку. Материальное производство будет представлять собой «материально-творческую и предметно-воплощающуюся науку»⁵. Наука же помимо всего прочего есть профессионально развитое мышление. Труд заслуживает исследования не только с технологической и экономической точек зрения, но и в *аспекте реализации идеального, мышления*. Если «производство доставляет потреблению предмет в его внешней форме», то «потребление *полагает* предмет производства *идеально*, как внутренний образ, как потребность, как влечение и как цель. Оно создает предметы производства в их еще субъективной форме», как «мысленно представляемый предмет для производства». Без производства нет потребления, без потребления нет производства. «Каждое из них есть не только непосредственно другое и не только опосредствует другое, но каждое из них, совершаясь, создает другое, создает себя как другое»⁶.

Для философии процесс труда, общественного производства важен и как воплощение идеального. С этих позиций опредмеченный труд есть одновременно и *опредмеченное мышление*, «мысленно представляемый предмет», ставший действительностью. А поскольку

---

¹ Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов. Т. 46, ч. 2. С. 202.

² Маркс К. Капитал. Т. 1. С. 189.

³ Там же. С. 191.

⁴ Там же. С. 194.

⁵ Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов. Т. 46, ч. 2. С. 221.

⁶ Там же. С. 221.

ку социальная реальность порождена трудом, общественным производством, то она *вся организована мышлением*. Недостаточное понимание этого обстоятельства привело к кризису материализма в XX в. Кризис заключается в *недооценке роли идеального, мышления, сознания в функционировании социальных систем*, всех ее звеньев. Креативно-антропологическое содержание труда отеснено стоимостным параметром. Философия, *содержательная логика* должны в полной мере учитывать в своем содержании не только *процесс превращения материального в идеальное* (действительности в мысль), но и обратный процесс – *превращение идеального в материальное, мысли в действительность*. Вторая фаза в функционировании идеального не менее важная. Это по-своему отметил Кант, утверждая верховенство «практического разума» над «теоретическим». Исследование роли *идеального* в социальной реальности выводит теорию на *культурно-антропологическое* понимание общественного производства, экономики.

Идеальное воплощается через средство труда. Средство есть то, с помощью чего, посредством чего реализуется цель. Средство труда есть искусственный орган воли человека, «орган, который он присоединяет к органам своего тела, удлиняя, таким образом, вопреки Библии, естественные размеры последнего»¹. И не только Библии, но и вопреки натуралистическим представлениям о человеке. У человека, подчеркивал Маркс, – «кроме этих непосредственных органов образуются *общественные органы в форме общества*»². Функционирование этих двояких «органов общественной практики» *опосредствуется практико-функциональным мышлением с такой же необходимостью, с какой психика животного обслуживает его жизненный процесс*. Такое опосредствование является важнейшим обстоятельством для объяснения формирования рациональных структур мышления, его категориального состава в разные периоды истории.

Функционирование биологических органов животного, как и его поведение, опосредствуется психическими процессами отражения, корректировки и т. п. условий и результатов действий. В отличие от биологических органов искусственные органы общественного челове-

---

¹ Маркс К. Капитал. Т. 1. С. 190.

² Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 121.

ка (начиная с орудий и кончая государством) включают в свое функционирование процессы отражения, конструирования идеальных предметов, корректировки, предвидения и прогнозирования, планирования и др. *на уровне идеально-опосредствующей деятельности мышления и сознания*; такие органы функционируют при условии, что их «работающие» свойства представлены в голове в форме сознательных отображений – знаний. Если машины, локомотив, телеграф и т. п., замечает Маркс, это внешние, «созданные человеческой рукой органы человеческого мозга, овеществленная сила знания»¹, то мышление, сознание суть *внутренние технологически необходимые идеальные факторы функционирования внешних искусственных органов общественной практики*. Мозг из физиологической части организма превращается в орган мыслящего человека тогда, когда сам человек включен в функционирование искусственных органов общественной практики. Само мышление есть необходимый процесс идеального опосредствования движения таких внешних органов. И были бы странными ограничение идеального только *индивидуальным сознанием* (Д. И. Дубровский), игнорирование *кооперации* мысленных действий индивидов в области совместной деятельности и общения². Например, финансовый капитал существует в «воображении общества» (К. Маркс) в форме мысленных коллективных представлений посредством общепризнанных символов. Ведь денежная купюра есть «материализованное мысленное представление» (К. Маркс) не Робинзона-одиночки, а общественного человека. Точно так же должности главы государства, администрации города или должность ректора вуза существуют как объективно-мыслительные формы, организующие граждан, социальные группы, коллективы. На наш взгляд, нельзя верно понять феномен идеального без полного учета того обстоятельства, что *идеальное есть превращенная, иная форма функционирования общественного*.

Орган есть сущностное, *процессуальное единство части и целого*, вне которого он перестает быть органом. Разнообразие функций модифицирует работу органа. Возникновение искусственных органов,

---

¹ Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов. Т. 46. ч. 2. С. 215.

² Критический анализ концепции Д. И. Дубровского в аспекте идеального см. в кн.: Ильенков Э. В. Диалектика идеального. С. 8–77.

вначале примитивных, затем более сложных, функционирование таких органов модифицируют работу психики индивидов. Тело человека как личности, писал Э. В. Ильенков, – это его «органическое тело вместе с теми искусственными органами, которые он создает себе из вещества внешней природы ... многократно усиливая естественные органы своего тела и тем самым усложняя и многообразя свои взаимные отношения с другими индивидами, свою “сущность”»¹. Внешнее материальное опосредствование (предмет – орудие – индивид; социальная общность – общение – субъект) сопровождается идеальным опосредствованием. Два вида опосредствования (реальное и идеальное) формируются одновременно, они – нераздельные, друг друга предполагающие полюсы единого процесса.

Походка, остроумно заметил Э. В. Ильенков, осуществляется с помощью ног, но не существует в самих ногах. Точно так же идеальное существует с помощью голов многих людей в актах совместной деятельности и общения. Например, бюджет страны, денежные счета граждан в банке, денежные банкноты, правовые нормы, государственные повеления, должностные ставки, права и обязанности, нравственные императивы и т. д. – все это реальность *идеальная*, с *объективно-мыслительным, социально значимым статусом*, но никак не *психическая реальность*.

Материал психики, знаковая материя и т. п. имеют примерно такое же отношение к тем процессам, которые они *представляют*, как вещество денежной купюры относится к *стоимости*, которую эта купюра символизирует. Идеологические (по выражению В. И. Ленина) отношения тоже суть отношения, *представляющие* отличную от них реальность. Поэтому за этими отношениями разумно схватывать ту реальность, которую они представляют идеально. Отношение представленности, делают важное замечание К. Н. Любутин и П. Н. Кондрашов, позволяет процессу «”являть собой другое”, обретать средства и состояния, отличные от присущих ему по природе, выступать в качестве “и. о.” (исполняющего обязанности) иного представленного в нем явления»². Бытие идеального общественно-процессуально. За-

---

¹ Ильенков Э. В. Что же такое личность? // С чего начинается личность. М., 1979. С. 194.

² Любутин К. Н., Кондрашов П. Н. Диалектика повседневности. С. 61.

мечание Э. В. Ильенкова акцентирует именно эту общественно-процессуальную доминанту идеального.

Маркс отмечал в своих работах довольно часто, что социальные системы *рефлектированы* внутрь себя, т. е. предполагают и включают в свое функционирование собственные «самоотображения» в виде *системы значений*, которые исполняют *регулятивную* функцию. Рабочий выступает как «для-себя-сущий труд», «для-себя-бытие труда», а капиталист как «для-себя-сущий капитал»¹; в капиталисте самовозрастающая стоимость «стала собственной волей, для-себя-бытием, сознающей себя самоцелью»².

Регулятивную функцию сознательных «самоотображений» Маркс раскрыл в соотношении базиса и надстройки, «материального» и «идеологического». В соотношении базиса и надстройки раскрыт не только частный *социологический* аспект, но и *сугубо философский* – соотношение *бытия и мышления*, «общественного бытия» и «общественного сознания», *материального и идеального* в общественном жизненном процессе. Демистифицируя метод Гегеля, Маркс взял на вооружение понимание Гегелем основных категорий – «бытие-в-себе, бытие-для-другого, бытие-для-себя». Соотношение базиса и надстройки Маркс рассматривает в рамках этих категорий. Основа полагает обоснованное не как нечто чуждое себе, а как *свое другое*. Но на таком полагании дело не кончается. Полагая обоснованное, основа *углубляется* в себя и конкретизируется в своем содержании благодаря обоснованному; единство основы и обоснованного есть *самообоснованное*. Базис (основа) полагает политико-юридическую надстройку и соответствующие ей формы общественного сознания, т. е. полагает идеологические отношения не как нечто внешнее себе, но как *технологически необходимую* часть для своего собственного существования, точнее, действительности. Базис не функционирует вне надстройки, вне идеального, вне политико-правовых процедур, норм и отношений. Содержанием материальных отношений являются не идеи, а нечто им противоположное. Содержанием идеологических отношений являются как политико-юридические значения, так и духов-

---

¹ Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов. Т. 46, ч. 1. С. 225, 256.

² Маркс К. Экономическая рукопись 1861–1863 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 47. С. 14, 16.

ное производство, продуцирование идеального, системы значений в общественном сознании (наука, искусство, религия и др.). Наука же, становясь производительной силой труда, становится имманентной базису, она поставляет «мысленно представляемый предмет для производства» (Маркс). Экономика мотивирована материальным содержанием, надстройка – идеальным. Одни производят общественный продукт «в его внешней форме», другие создают идеальный продукт «как образ, побуждение и как цель». Это – разделение труда. Но за таким разделением надо видеть *внутреннее единство*, в частности *единство материального и идеального*, базиса и надстройки. Неверное толкование соотношения базиса и надстройки заключается в учете лишь односторонней связи «базис → надстройка», «основа → обоснованное». Однако у Маркса, как и у Гегеля, иная схема мысли: «основа → обоснованное → самообоснованное». К. Маркс не ограничивается логикой «действия на другое», «бытия-для-другого». Он всегда за отношением одного к другому раскрывает круговое движение – отношение целого к самому себе, *внутреннее отношение вещи («бытие-для-себя»)*. Ф. Энгельс в своих последних письмах об историческом материализме специально раскрыл активную роль надстройки в отношении базиса: «основа ↔ обоснованное».

Для преодоления одностороннего понимания материального и идеального следует воспринять их соотношение с «высоты» понятий совокупного работника и совокупного труда, которые ввел К. Маркс. Для понимания совокупного труда надо проделать ряд абстракций. Отвлечемся от внешних характеристик работников (рабочих, инженеров, конструкторов, ученых и т. д.) и рассмотрим только их трудовые, профессиональные функции. В воображении останется лишь единый координированный и субординированный целенаправленный процесс взаимно связанных трудовых функций. Состав этого процесса не однороден в пространстве по характеру функций. Включим в рассмотрение вектор времени. Великий ансамбль трудовых функций предстанет развивающимся: объем одних функций остается неизменным, другие функции уменьшаются по объему, третьи, словно эпидемия, стремительно распространяются на поле труда. Это поле неоднородно по «плотности» функций интеллектуального и материального труда. Мобильность новых трудовых функций внешне выра-

жается в изменениях профессиональной и социально-классовой структуры общества.

Субъектом совокупного труда является совокупный работник. Он носитель единой общественно комбинированной трудовой силы, соединяющей в себе интеллектуальные и материальные моменты и порождающей совокупный продукт¹. Совокупный работник, образно выражаясь, обладает миллионами мыслящих голов и мастеровых рук. Он одновременно в разных частях пространства выполняет разные функции: проектирует, планирует, конструирует, руководит, организует, воплощает знание в природный материал и т. п. Все, что сознанию отдельного работника представлялось прочным и отъединенным, предстает с позиций совокупного работника *мимолетным моментом единого текущего процесса взаимного полагания, опосредствования и взаимной обусловленности* (как в живом организме). Но это уже понимание с позиций сущности, а не внешней видимости, целого, а не обособленной части, динамики, а не статики.

Уровень сущности тем отличается от наличного бытия, что в его рамках процесс осуществляется как непрестанное разрешение противоречий, как *согласование противоположностей*, отъединенных друг от друга – материального и идеального, материального и представленного, производства и потребления, части и целого и др. «Все твердые предпосылки, – замечает Маркс по этому поводу, – сами становятся текучими в ходе дальнейшего анализа»². В сфере сущности одно полагает другое и вместе с тем полагается всем целым. За отношениями между частями скрывается отношение целого к самому себе. Взаимодействие частей реализует внутренний процесс, в котором целое воспроизводит себя. То, что ранее, на уровне наличного бытия, представлялось устойчивым, самодостаточным, «бытием-в-себе», в сфере сущности превратилось в моменты единого процесса взаимного полагания и взаимного опосредствования, в «бытие-для-другого». Наличное бытие теперь воспринимается как область внешних явлений, за которыми скрываются существенные процессы взаимного полагания и опосредствования. Это уже совершенно иная оптика восприятия и понимания, которую Гегель квалифицировал как диалектику.

---

¹ Маркс К. Результаты непосредственного процесса производства. Процесс обращения капитала // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 49. С. 95.

² Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов. Т. 46, ч. 2. С. 332.

Со стороны представителей той или иной профессиональной группы труд воспринимается в аспекте его *разделения*, а не единства. Такая видимость выдвигает и в науке на первый план *разделение* труда. Заострение различий при отвлечении от единства труда приводит к разрыву единого функционального поля труда, что и произошло в практике классовой борьбы и революционных потрясений. *Проблема межклассовых различий не решается с позиций разделения труда потому, что сами эти различия есть следствие разделения труда!* Более того, разделение труда выражается и в разных формах собственности.

Понятия совокупного работника и совокупного труда акцентируют как раз *единство, целостность* внешне обособленных, но внутренне связанных родов, видов и подвигов труда в аспекте интеграции трудовых функций – интеллектуальных и материальных, управленческих и исполнительских, продуктивных и репродуктивных. Эти понятия ориентируют на методологию *целого*, с позиций которого можно верно понять, в свою очередь, логику частей в составе целого, а также соотношение материального и идеального в общественном жизненном процессе – их взаимное предположение, взаимную *представленность* друг в друге и их неотрывную существенную взаимосвязь.

Идеальные формы так же опосредствуют в структуре совокупного труда движение материальных видов деятельности, как денежное обращение опосредствует движение товаров, товарообмен. Если деньги *идеально* представляют собой *стоимости* товаров, то товары *идеально* представляют своими *ценами* деньги. Если «объективные мыслительные формы» (нормы, понятия, теории, концепции, идеология, мировоззрение и другие формы идеального), циркулирующие в общественном сознании, *идеально* представляют практический процесс (движение реальных производственных и социальных структур), то сам практический процесс производства жизни материально представляет собой *существенный* состав общественного сознания. Это – реальная практическая рефлексия, *взаимоотражение, взаимное полагание* материального и идеального.

Э. В. Ильенков настаивал на всеобщности идеальных форм потому, что такие формы обслуживают, сопровождают, направляют, регулируют и организуют функционирование всех звеньев социальной системы – именно *общих, общественных* процессов. В идеальных формах *всеобщим*, концентрированным образом закодирована соци-

альность. Поэтому изменение и проектирование новых идеальных форм непременно ведет к изменению и качественному превращению социальных форм и материальных структур техносферы. Упрощенный материализм не понимал и ныне не понимает всю *важность* идеального в общественном жизненном процессе и тем самым обрекает государство на поражение в современной мировой «войне», которая направлена не на тело, а на душу человека и ведется *концептуальным и организационным* оружием.

Не только процесс труда, но и общественные отношения предполагают и развивают умения (т. е. ум, мышление) читать социальные значения вещей и людей, увязывать их функции с логикой целого. Общественные отношения требуют *большей силы абстракции* для их субъектов. Специально отмечая необходимую включенность мышления, сознания в товарообмен, Маркс пишет, что товары сначала «мысленно и словесно» превращаются в бруски золота, прежде чем они обмениваются друг на друга; в реальном обмене «эта абстракция ... должна быть ... овеществлена, символизирована», здесь нужно материальное средство для «действительного *опосредствования*», им является монета «только как ... материализованное мысленное представление, т. е. как символ»¹. Такой денежный символ «предполагает всеобщее признание; он может быть только общественным символом»². В экономическое бытие монеты включено общественное представление о ней как о символе с определенным значением. Этот символ может быть только *общим, общезначимым*, так как опосредствует *общение, общественные отношения*, где должна быть общая символика, которая абстрагируется от индивидуальных различий общающихся лиц. Не только экономические, но и все иные социальные процессы предполагают общепризнанную символизацию и «мысленное сведение» эмпирических «этих» индивидов к их социальным ролям, статусам, полномочиям, правам и обязанностям (руководитель, нотариус, инженер, президент, глава администрации области и т. п.). Ведь общественные отношения являются таковыми потому, что они *субстанциально общие*.

Иронизируя над экономистами, оспаривающими определение стоимости рабочим временем на основании того, что труд различных

---

¹ Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов. Т. 46, ч. 2. С. 469.

² Там же. Т. 46, ч. 1. С. 83–86.

индивидов не является одинаковым, Маркс пишет, что экономисты этого сорта «вообще еще не знают, чем человеческие общественные отношения отличаются от отношений между животными. Они сами – животные». В товарообмене, продолжает он, люди относятся к труду друг друга как к труду равному и всеобщему и в этой форме общественному. Конечно, «это является абстракцией так же, как и все человеческое мышление, и *общественные отношения между людьми возможны лишь в той мере, в какой люди мыслят и обладают этой способностью абстрагироваться от чувственных деталей и случайностей* (курсив наш. – С. Г.)»¹.

Общие, т. е. общественные, отношения принуждают мышление к обобщению, к общим схемам. Общение впечатывает в сознание общие значения локального порядка потому, что оно есть обмен содержанием субъективности *конкретных индивидуальностей*. Общественные отношения тем отличаются от общения, что их субъектами выступают не конкретные лица, а *социальные группы* с их определенными ролями и статусами. Поэтому общественные отношения учат возводить частное содержание во всеобщие значения с большей эффективностью; они раздвигают горизонт сознания согласно своей общей природе.

Общение, общественные отношения суть реальная основа того, идеальной формой чего является общественное сознание. Всеобщность идеального – это выражение общественности индивидов. Если общественные отношения, социальные статусы и социальные институты нуждаются в системе *всеобщих значений*, закрепленных в сознании, то сознание людей находит в общении, общественных отношениях свою *реализацию и реальное существование, свою реальную опору*. Более того, *социальное бытие* человека возможно при условии признания *данного человека, его статуса и значения в сознании других*, в общественном сознании, т. е. социальное бытие людей предполагает *признанность* такого бытия другими людьми, их сознанием. Этот *сверхчувственный умопостигаемый* аспект социального бытия ощущает на себе каждый беженец из стран СНГ, добивающийся российского гражданства.

Быть социально – значит быть признанным! Поэтому первым социальным актом является *признание, признанность*, будь то инициации в древности, гражданство, экзамены в школе или защита дис-

---

¹ Маркс К. Экономическая рукопись 1861–1863 годов. С. 249.

сертации в диссертационном совете. «Мое *всеобщее сознание* есть лишь *теоретическая форма* того, живой формой чего является *реальная* коллективность, общественная сущность»¹. *Живая общественность и всеобщность сознания суть разные выражения единого процесса, предполагающие друг друга как реальное и идеальное, как бытие непосредственное и бытие представленное.*

Отношение *представленности* позволяет субъектам являть в материале своей психики, в знаках, символах, образах, вещах не свой психический материал, не графику, не начертания, не природный материал, а нечто совершенно иное, отличное от материала психики и т. п., являть *внепсихическую* реальность, которая находится за пределами не только их психики и тела, но и наличных событий, которые сами «лезут» в глаза.

Общность людей предполагает соответствующую *всеобщность* значений в сознании людей. Сознание есть для-себя-бытие коллективности, общественности. «*Как родовое сознание, человек утверждает свою реальную общественную жизнь* и только повторяет в мышлении свое реальное бытие, как и наоборот, родовое бытие утверждает себя в родовом сознании и в своей всеобщности существует для себя как мыслящее существо»². Без соответствующей символики и идеальных образов национальной культуры этносы распадаются и исчезают в истории, превращаются в блуждающие потоки населения. Идеальное, сознание, дух есть *для-себя-бытие социальности.*

Таким образом, причиной того, что мышление воспроизводит реальность в *общей (всеобщей) форме*, является не особая нервная ткань мозга, а бытие человека как субъекта *общения и общественных отношений*. По этой же причине *функция представительства*, рассмотренная нами в первой части работы, обретает форму *всеобщности*, выталкивает из эмпирических содержаний содержание, всеобщим образом представляющее типы тех или иных отношений, которые мыслятся. Единые меры, будь то меры веса, времени или логические категории, нравственные и правовые нормы, обретают *единое и общепризнанное* выражение по мере расширения общения и общественных отношений, в которых такие меры функционируют в де-

---

¹ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. С. 118.

² Там же. С. 119.

тельности людей. Реальная общественная связь между людьми, проходя через их сознание, порождает с необходимостью «общественно значимые ... объективные мыслительные формы для производственных отношений данного исторически определенного способа производства»¹. Такие формы предстают как «объективные мыслительные» потому, что они технологически необходимы для функционирования искусственных органов общественной практики, начиная от структур повседневности и кончая социальными институтами, в частности государством. Социальные институты организуют *комбинирование* общей деятельности субъектов и с необходимостью записывают в сознании субъектов объективно значимые, общепризнанные и общепринятые значения, нормы, образцы, эталоны.

Обоснованно возражая против сведения исследований сознания к гносеологическому или идеологическому аспекту, А. М. Мосоров и Г. В. Мокроносов утверждают, что сознание существует в двух материальных формах – «в форме языка и в форме общественных отношений». Язык – социально индифферентная форма сознания; иначе ведет себя часть сознания, вошедшая в общественные отношения; оно вовлечено в удовлетворение потребностей людей, классов; оно – «работающее» сознание². Разумеется, из того, что люди вступают в общественные отношения как сознательные существа и что в этих отношениях выражается их сознание, еще не следует, что совокупность общественных отношений тождественна общественному сознанию. Различие между реальным и идеальным здесь все-таки остается. Под «работающим» сознанием упомянутые авторы фактически подразумевают *практико-функциональный* уровень мыслительных процессов. Именно мышление непосредственно обслуживает (проектирует, планирует, направляет, регулирует и контролирует) общение и общественные отношения; эта субъектная функция мышления может и не осознаваться во всей ее *полноте*. Не случайно Маркс употреблял термины «мысленное» представление, «мыслительные» формы, «мышление».

Практико-функциональный уровень мышления непосредственно опосредствует реализацию потребностей в системе общественных отношений и функционирование органов общественной практики –

---

¹ Маркс К. Капитал. Т. 1. С. 86.

² Мосоров А. М., Мокроносов Г. В. Общественные отношения и личность. Свердловск, 1969. С. 131–132, 138.

как технологии материального производства, так и экономические, социальные и политические процессы. Такое опосредствование позволяет понять, почему люди вбивают себе в голову те или иные «иллюзии». Если мышление опосредствует противоречащие друг другу отношения, то оно само будет логически противоречивым, как это показал Маркс в своей критике Прудона. Функционирующие органы общественной практики диктуют соответствующие себе мыслительные процессы, которые нельзя отменить по желанию потому, что они суть функционально необходимые «объективные мыслительные формы». Этот уровень мыслительных процессов не может не отражать закономерности потому, что он призван их идеально опосредствовать – направлять, регулировать и т. д. Закономерности производства и общественных отношений проходят через сознание и воспроизводятся в форме духовных аналогов. «Без постоянно возобновляющейся идеализации реальных предметов человеческой жизнедеятельности, – писал Э. В. Ильенков, – без превращения их в идеальное ... человек вообще не может быть деятельным субъектом общественного производства». Идеальное – функция человека как «субъекта общественно-трудовой деятельности»; оно вообще только и существует, по мысли данного автора, в ходе этого процесса и до тех пор, пока этот процесс длится, продолжается и воспроизводится в расширенных масштабах. «Когда предмет создан, потребность общества в нем удовлетворена, а деятельность угасла в ее продукте, умерло и само идеальное»¹. Функционирующие органы общественной практики с необходимостью актуализируют и держат в напряжении те или иные содержания практико-функционального мышления, навязывают соответствующие себе оперативные мыслительные схемы, которые обслуживают исторически определенные отношения людей к природе и друг к другу. Обновляя эти органы-посредники, люди обновляют и логико-категориальные структуры, «прочно сидевшие» ранее в сознании. Прежние схемы мысли интеллектуально устаревают потому, что не могут опосредствовать новые общественные отношения и технологии, и «здравый рассудок» приходит в замешательство.

---

¹ Ильенков Э. В. Диалектическая логика: Очерки истории и теории. М., 1974. С. 187, 201–202.

Итак, понятие практико-функционального мышления следует ввести на следующем основании. Во-первых, это понятие *конкретизирует обусловленность общественного сознания людей их общественным бытием*. Во-вторых, оно ориентирует исследование мышления и сознания по *их функциям* в общественном практическом процессе, по тому, какие обстоятельства они опосредствуют. Отмеченные выше обстоятельства поддаются объективному научному анализу, который тем самым переносится на мышление и сознание.

Анализ социально-технологической основы мышления. Обратимся к анализу социально-технологического базиса рациональных структур мысли. Возникновение органов общественной практики, вначале примитивных, затем все усложняющихся, модифицируют работу человеческой психики. Внешнее опосредствование «предмет – орудие – деятельный индивид» сопровождается внутренним, идеальным опосредствованием «предмет мышления – категории – мыслящий субъект»; предметно-преобразующая функция труда сопровождается идеально-преобразующей функцией мышления. *Атрибутивный статус* мышления во всех видах человеческой деятельности и такие свойства мышления, как объективность отражения, рациональность, способность отражать законы, операциональная конструктивность, опосредствованность, всеобщность и универсальность, выводимы из функции мышления – опосредствования функционирования предметных органов общественной практики.

Естественные орудия животного составляют его существенную определенность так же, как искусственные органы-посредники человека составляют объективную основу для объяснения его мышления и иных существенных свойств. Естественные орудия, сращенные с телом животного, не передаются по наследству и не присваиваются иными животными. Противоречие между организмом и средой разрешается путем *изменения естественных орудий*, что ведет к изменению *фенотипа или генотипа животного*. Сращенность естественных орудий с животным обрекает его на то, что оно «тождественно со своей жизнедеятельностью и не отделяет себя от внешней среды. Ибо между ним и средой нет материального посредника, который разрывает чувственное слияние с предметом и оперирование которым затормаживает природные вожелания, переключает психику на действие с предметом-посредником. Отсутствие у животных *материально-*

го опосредствования со средой свидетельствует, отмечал К. Р. Мегрелидзе, об отсутствии постоянных актов *опосредствования и в их психике*. Образно выражаясь, в охоте на антилопу львица воспринимает предмет охоты по Беркли – как комплекс своих предстоящих сытых ощущений. Животное не комбинирует намеренно образы, так как оно не отстраняется от них. Человек свободно оперирует образами согласно своей цели, что является интериорным выражением процесса труда, реального предметного преобразования. Отстранение субъекта от многообразного содержания своей субъективности – результат овладения отношения «субъект – орудие – объект».

Орудие разрывает телесно-чувственный контакт с предметом. С предметом труда индивид контактирует через предмет-посредник. Поэтому он научается отражать *отношение одного предмета к другому предмету*, а не только отношение предмета к своему чувственному телу. Он начинает понимать *межпредметные* связи, которые независимы от субъекта: индивид → *предмет-посредник (орудие)* ↔ *предмет труда*. Внимание поглощается взаимодействием орудия и предмета. *Именно из такого внимания, которое стало затем специализированным в системе разделения общественного труда, и развилась наука с ее объективным методом понимания.* Способность объективного осознания (орудие ↔ предмет) усиливается с развитием орудийного фонда. Более того, познающие субъекты начинают использовать вещества природы в качестве *своих неорганических рецепторов* как индикаторы тех или иных качеств вещей, например в химии. Когда же предмет берется лишь в отношении к *чувственно воспринимаемому телу* индивида (без орудийных посредников), тогда и возникают агностицизм, скептицизм, софистика.

Способность мышления познавать не только объективные, но и *закономерные* связи тоже выводима из процесса труда. Закон есть объективная устойчивая связь, «прочное» в явлениях. Но именно такие связи люди сознательно конструируют в труде, *на имманентном для связей субстрате*, тогда как в продуктивном воображении форма отделена от материи. В процессе труда те или иные связи выделяются из системы других связей, фиксируются в их *чистой определенности* (абстрактности) и комбинируются с другими такими абстрактными связями в те или иные устойчивые структуры – локомотив, самолет, жилой дом и др. Такие структуры выступают как *практически соз-*

данные предметные абстракции. Избирательность и направленность на устойчивые межпредметные связи объясняется тем, что люди базируют свою жизнь именно на устойчивых связях. В деле, затрагивающем интересы многих, никто не делает ставку на случайность. Строитель гарантирует надежность жилого дома, механик – надежность двигателя тем, что то и другое сконструированы из устойчивых связей и устойчивым образом. Устойчивые связи служат гарантией безопасности, основой для предвидения и прогнозирования, управления и др. *Жизненная потребность в устойчивых связях выражается в теоретической потребности открывать и моделировать закономерные связи и отношения.* Даже в мире случайностей научное мышление ищет устойчивую тенденцию и формулирует ее в теории вероятностей.

Атрибутивный статус мышления в жизнедеятельности людей проявляется в том, что с потерей этой способности распадаются *все иные способности* общественного человека. Даже чувства проработаны мышлением. В отличие от внешних чувств, возникающих от *физического* воздействия, человеку присущи внутренние, духовные чувства, возникающие от *переживания значений* (радость, презрение и др.). Духовные чувства – чувства понимающие, «чувства-теоретики» (Маркс). Мышление, таким образом, есть не одна из частных способностей наряду с другими способностями, а *атрибутивная способность, сообщающая всем иным способностям человеческую принадлежность.* Мышление, по Гегелю, есть «всеобщая субстанция духовного». Во всяком человеческом созерцании, пишет он, имеется мышление. «Мышление есть также всеобщее во всех представлениях, воспоминаниях и вообще в каждой духовной деятельности, во всяком хотении, желании и т. д. Все они представляют дальнейшие спецификации мышления»¹. Мышление равным образом выражается не только в субъективном внутреннем мире, но и во всех объективациях человека, будь то труд ремесленника, деятельность политика, экономиста и др. Однако Гегель не объясняет, почему мышление есть «всеобщая субстанция духовного».

Объективно мышление имеет одну природу, как и любой естественный процесс. «*История теории,* – подчеркивал Маркс, – конеч-

---

¹ Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М., 1974. С. 122.

но, доказывает, что понимание отношения стоимости было *всегда одним и тем же*, только более ясным или более туманным. Так как процесс мышления сам вырастает из известных условий, сам является *естественным процессом*, то действительно постигающее мышление может быть одним и тем же, отличаясь только по степени, в зависимости от зрелости развития, следовательно, также и от развития самого органа мышления»¹.

Единство мышления следует из тех условий, из которых оно «вырастает», – из предметно-чувственной деятельности, основу которой образует труд. В труде человек действует «так, как действует сама природа, т. е. может изменять лишь форму веществ»². Сам организм человека есть природная предпосылка, модифицированная в ходе истории. В рукописях к «Капиталу» Маркс часто отмечает в труде сторону «формирования». *Мышление есть формообразующая функция труда, отделенная от труда, «интериоризированная» психофизиологически, закрепленная в нейро-функциональных системах больших полушарий головного мозга, изнутри организующая все психические процессы, все виды человеческой активности и протекающая как таковая не с вещами, а с их заместителями – со значениями с опорой на символы и знаки.* Отношение мышления к психике можно представить как отношение исторически развитой *общественной формы к природному материалу*, окультуренному такой формой. *Так как труд есть «вечное условие» и субстанциальная определенность человека, то и мышление как выражение и продолжение труда есть «всеобщая субстанция духовного»* (Гегель). Человеческая психика сформировалась в процессах труда, общественного производства, поэтому она изнутри проработана и организована мышлением, т. е. *символическим трудом*. Мощь мышления выражает аналитико-синтетическую мощь общественного труда, которая выражается в аналитико-синтетической силе мышления и идеально проецируется на предметную реальность.

Здесь уместно наглядно представить такое идеальное проецирование. Одно дело восприятие случайным прохожим обширного заброшенного болотистого пустыря, а другое дело восприятие этого же

---

¹ Маркс – Людвигу Кугельману. 11 июля 1866 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 32. С. 461.

² Маркс К. Капитал. Т. 1. С. 51–52.

пространства будущим руководителем стройки на этом пустыре. В первом случае восприятие деформировано хаотичностью, неуютностью, безобразностью местности. Во втором случае профессиональное восприятие не подавлено всем этим, так как оно проецирует на предстоящий объект *мощь* строительной техники, коллективных технологий строителей и мысленно созерцает *будущие* жилищные и культурные комплексы, дарующие людям тепло, уют и эстетику природного ландшафта. То же самое характеризует и взор политика, руководителя, организатора того или иного *общего дела*, которые, владея социокультурными технологиями, могут превращать социальный хаос в жизнеспособный порядок. *Субстанциальность труда* объясняет и *атрибутивность* мышления, обслуживающего процессы труда и общественного производства. Мышление есть всеобщая внутренняя *технологическая* форма, организующая любую деятельность общественного человека. Как труд формирует самый разнообразный материал в бесконечное многообразие продуктов, так и мышление формирует материал созерцаний, представлений, чувств, переживаний, воспоминаний, интересов, желаний, мотивов в целесообразные идеальные произведения. Труд приспособливает внешний материал для потребностей, он целенаправлен. Мышление тоже целенаправленно производит идеальные формы для согласования реальности с человеческими потребностями, интересами. Как в труде люди работают друг для друга, производя общественно значимый продукт, так и в своем мышлении они производят идеальные формы друг для друга, продуцируя общественно значимые идеальные формы. *Всеобщий статус мышления в человеческой субъективности объясняется именно общественностью человека*. Аристотель в трактате о душе прозорливо отметил *формотворческую* природу мыслящей души: душа подобна руке; как рука есть «орудие орудий», «так и ум – форма форм». Все проявления человека содержат в себе орудийный момент в виде средств-посредников как в отношении людей к природе, так и в их отношениях друг к другу. В мышлении таким посредником выступают понятия, категории как средства переработки представлений.

В искусственных органах общественной практики, в первую очередь в орудиях, реальные связи (количественные, причинно-следственные, функциональные и др.) выделяются в *абстрактной определенности* и комбинируются в новые структуры. Тем самым орудия

выступают как *предметно-практические абстракции*, как сосредоточия коллективной практической категоризации. Удар топора, писал А. Н. Леонтьев, осуществляет практический анализ и обобщение объективных свойств предметов по определенному, объективированному в самом орудии признаку. Таким образом, именно орудие является как бы «носителем первой настоящей сознательной и разумной абстракции, первого настоящего сознательного и разумного обобщения»¹. В орудии определенность той или иной связи, свойства не занавешена инородным материалом и прозрачна для понимания, но не через созерцание орудия, а через *действие с ним*. Прозаическая связь «фундамент – надстройка» создается при постройке жилища и т. п. В процессе труда она представлена на стороне объекта материально, на стороне субъекта – как способ деятельности. Эта предметная связь при ее реальном конструировании держит в напряжении не только тело, но и мыслящую голову, опосредствующую труд. Превращаясь в регулятивный способ деятельности, такая связь освобождается от частных деталей и случайностей, повторяется, закрепляется и становится исходным пунктом *обобщения подобных же действий* в различных областях деятельности. В итоге абстрагирующей деятельности головы возникает способ мыслить предмет с позиций этой же, но уже обобщенной схемы: главное – неглавное, основа – обоснованное. Так как способ конструирования реальной связи (фундамент – надстройка) был фактором *предметообразующим*, то он становится и фактором *мыслеобразующим*. Способ реального действия преобразовался в способ мышления, в общую схему мысли, которая может проецироваться на самые разные предметные области. Когда Маркс уподобляет отношение между экономикой и государством отношению «базис – надстройка», то он использует ту конструкцию, которая используется людьми при постройке зданий. Можно, конечно, оторваться от наглядности: «базис – надстройка» – и выразить мысль обобщенно: «основа – обоснованное», следуя «Науке логики» Гегеля. Но такая генерализация не меняет *сути дела*. Ибо «основа – обоснованное» есть логическое (всеобщее) выражение многообразных частных способов *структурирования реальности в деятельности людей*. Логика выражает в своих категориях всеобщие схемы преобразования и осознания

---

¹ Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. М., 1972. С. 276–277.

реальности. Например, распоряжение, приказ, постановление начальства всегда имеют ссылку на «основание». Безосновательные решения обжалуются в суде. Раздел гегелевской логики «Учение о сущности» целиком посвящен именно *основанию*, которое предстает в итоге восхождения мысли как «мощь субстанции», как «взаимодействие сил», как «действительность». Нет надобности искать «субстанцию» в бесконечной природе или отождествлять ее с природой. Совокупная деятельность совокупного субъекта и есть реальная субстанция. «...Сумма производительных сил, капиталов и социальных форм общения ... есть реальная основа того, что философы представляли себе в виде “субстанции”»¹. А затем они проецировали эту «реальную основу» на мироздание.

Орудия, предметные практические абстракции есть материальная опора для формирования схем мысли. «Как будто, – восклицает К. Маркс, – ветер, или пар, или вода могут быть применимы как двигательные силы без обладания ветряной мельницей, паровой машиной, водяным колесом! ...Я могу иметь сколько угодно воздуха, воды и т. д. Но фактором производства они являются для меня только в том случае, если я имею ... те вещи, при употреблении которых они действуют как факторы производства»². Применяя средства труда, субъект превращает силы природы в собственные силы, он подчиняет их своей воле так же, как действия своей руки. Связи и силы природы превращаются «в органы человеческой воли, властвующей над природой», в «органы ... человеческой деятельности в природе»³.

Практической категоризации подвергаются лишь те связи, которые вовлечены в практику и выделены в предметных абстракциях. Если в процессе труда субъект осваивает предмет, подводя его под орудие, то в мышлении осуществляется подобный процесс подведения под схемы (понятия, категории), своего рода интеллектуальные орудия. Такое подведение есть символический акт труда.

В ретроспективе за логической категорией скрывается предметно-практическая абстракция, заключающая односторонне выделенную связь, которая разворачивается в способы действия и превращает-

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. С. 37.

² Маркс К. Теории прибавочной стоимости // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 26, ч. 3. С. 186.

³ Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов. Т. 46, ч. 2. С. 215.

ся в схему мысли, в «стратагему» действия по связыванию чувственных данных. Данные схемы суть «логический хрусталик» умозрения реальности в контексте наличной культуры по освоению реальности. Точность и широта осознания реальности зависят от многообразия таких схем, обусловленного *орудийным фондом* общества.

Поскольку орудия производятся с помощью орудий, то в процесс формирования схем мышления вовлечены предметные органы практики, а не только продуктивное воображение. *Вне опоры на предметно-практические абстракции схемы мышления размываются под давлением чувственных данных.* Производство – фундамент логогенеза. Мышление само по себе, вне опосредствования органов общественной практики, не в состоянии продуцировать *объективные* по значению и *общественно-значимые* мыслительные формы, ибо оно не располагает ни источником объективности, ни силой, внедряющей в общественный духовный оборот указанные формы и поддерживающей их.

Практическое конструирование предметных абстракций тем превосходит мысленное конструирование, что в первом случае связи соединяются в новые структуры на *материальном субстрате.* *Практическое конструирование объясняет необходимость и всеобщность* теоретических («априорных») понятий, возникновение в сознании самой онтологической модальности «необходимость». Достаточно один раз практически замкнуть связи в новую структуру при определенных условиях, чтобы избежать надобности доказывать необходимый характер новой структуры. Ибо такая структура образована на *собственном материальном субстрате и с необходимостью следует из его специфической материальности,* из самих свойств вещей, а не из структур апперцепции. *Одна действующая тепловая машина доказывает «аподиктичность»* положений термодинамики исчерпывающим образом. Практика обладает «достоинством всеобщности и непосредственной действительности». В практическом *конструировании кванторы всеобщности и единичности совпадают!* Доказательство необходимости, утверждал Ф. Энгельс, происходит не в «эмпирическом наблюдении», а в «человеческой деятельности, в эксперименте, в труде»¹. Современные открытия в естествознании делаются, как правило, путем конструирования из реальных связей новых феноменов. Например эффект лазера был открыт не в са-

---

¹ Энгельс Ф. Диалектика природы. С. 544.

мой природе, а сконструирован из природных связей. Необходимость логической связи идеально выражает объективно-предметную необходимость. В мысленном конструировании сама материальность опускается, но сохраняется *логическая модальность* – «необходимость». Понимание необходимости рождается, в конечном счете, не из восприятий, а из предметных *действий*. Люди сами порождают новые структуры и причинные ряды не только из природного материала, но и из взаимных отношений друг к другу. «Определенные общественные отношения, – отмечал Маркс, – так же произведены людьми, как холст, лен и т. д.»¹. Наиболее убедительно практическое конструирование новых отношений представлено в экономических процессах. Категории экономической науки прозрачно выражают устойчивые отношения, произведенные людьми. Субъекты структурируют и визуальное поле своих восприятий. Композиция предметной среды организует чувственное сознание. Если некто воспринимает куб, то поле его восприятия структурируется «кубообразно». Преобразуя предметную среду, люди сами задают себе структуры созерцания.

Представленные Кантом категории рассудка своей основой имеют предметные абстракции, которые в практическом процессе обретают устойчивые функциональные формы, отделяются от предметной наполненности и преобразуются в логическом сознании («апперцепции») в «монограмму», модельную всеобщую аналогию по освоению чувственных данных. Комбинируя в производственной и социальной практике реальные структуры из односторонне выделенных устойчивых связей, люди тем самым создают основу для формирования схем мышления, которые составляют его исходный «алфавит».

На примере экспериментальной научной практики процесс формирования и обобщения схем мышления основательно и конкретно раскрыл В. С. Степин. В эксперименте фрагменты природы предстают как «объекты с функционально выделенными свойствами, как «объекты оперирования». Выделенная структура отношений таких объектов репрезентирует, *представляет* исследуемый срез действительности. Абстрагирование этой структуры осуществляется путем конструирования моделей, снимающих существенные параметры класса экспериментально-измерительных процедур. При построении таких моделей

---

¹ Маркс К. Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 132.

происходит «замещение», *представленность* объектов оперирования идеальными объектами. С идеальными объектами субъект действует в познании «аналогично тому, как он действует практически с предметами материальной действительности»¹. Модельные схемы развиваются в направлении большей обобщенности практики: от эмпирических схем (они выражают инвариант класса экспериментальных ситуаций) к первичным моделям теоретического объяснения (выражают инвариант совокупности классов реальных экспериментов, а значит и класса эмпирических схем) и далее к фундаментальным теоретическим схемам. С ростом обобщенности моделей формируется все более объективированное представление действительных связей². Именно объективированное представление, объективная представленность является *родовым* определением всех видов *идеального*. Отношение представленности классически ясно выразил Э. В. Ильенков. Идеальное бытие вещи, подчеркивал он, отличается как от ее материального бытия, так и от того материального процесса, в котором идеальное существует. «От структур мозга и языка идеальный образ отличается тем, что он — *форма внешнего предмета*. От внешнего же предмета идеальный образ отличается тем, что он опредмечен в органическом теле человека и в теле языка как субъективный образ»³.

Рассмотренное нами в первой части исследования развитие мысли от простой формы до всеобщей опирается на развитие практики ко все большей универсальности. Рост обобщенности практической категоризации можно представить в виде трех этапов: *единичного*, когда тот или иной тип связи вовлечен в одну из сфер практики, узколокально, поэтому всеобщая форма связи еще не отделена в сознании от многих своих *проявлений* и сливается со своей внешней *частной* формой; *особенного*, когда связи данного типа включены во *многие* сферы общественной практики, родовая форма связи отделяется от своих единичных проявлений и функционирует в сознании в виде многих аналогов, *тождественных по сущности*, но *различных по выражению*, т. е. осознается на уровне *видовом* и в большей определенности; *всеобщего*, когда *многие* виды связи одного рода включе-

---

¹ Степин В. С., Томильчик Л. М. Практическая природа познания и методологические проблемы современной физики. Минск, 1970. С. 27.

² Там же. С. 31–39.

³ Ильенков Э. В. Диалектическая логика. С. 193.

ны в основные сферы практики, превратились в каждой сфере в технологический фактор общественного производства и идеально циркулируют на практико-функциональном уровне общественного сознания как оперативно-регулятивная схема, опосредствующая реальные процессы. «В реальности, – писал Ильенков, – всегда происходит так, что явление, которое впоследствии становится “всеобщим”, вначале возникает как единичное, как частное, как особенное явление, как исключение из правила». Всякое новое усовершенствование в процессе труда, всякий новый способ деятельности человека в производстве, пояснял Ильенков, прежде чем стать общепринятыми и общепризнанными, возникают как некоторое отступление от принятых норм. «Лишь возникнув в качестве единичного исключения из правила в труде одного или нескольких человек, новая норма перенимается всеми другими и превращается со временем в новую всеобщую норму»¹. Но такой взгляд предполагает *историческую* точку зрения, анализ *непосредственной* деятельности и общения людей. Всеобщие идеальные формы (и логические, и нравственные, и правовые) вырастают из повседневной практики. За нравственной нормой (всеобщим) всегда скрываются прошлые поступки-образцы (отдельные единичности). Процесс превращения единичного во всеобщее в процессе коллективной деятельности К. Н. Любутин и П. Н. Кондрашов определили как способ «*типизирующей институализации*». Отобранные в ходе практики способы деятельности «постепенно закрепляются в виде определенных правил, предписаний, рецептов, технологий ... а если они носят социально значимый характер, то постепенно оформляются в правовые нормы, т. е. санкционируются»².

Тотальное упрочение связей одного рода в общественной практике создает возможность абстрагировать их родовую форму как таковую таким же путем, каким люди выделяют всеобщие эквиваленты стоимости, длительности и т. д. Родовая форма связей превращается в устойчивую «объективно необходимую» мыслительную форму (способ мышления), которую философское мышление доводит до ясного логико-категориального выражения. Например, не системные исследования в философии привели к «комплексному подходу»

---

¹ Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. С. 127.

² Любутин К. Н., Кондрашов П. Н. Диалектика повседневности. С. 178.

в решении народно-хозяйственных задач в СССР во второй половине XX в., а, наоборот, практическая потребность в интеграции технических, экономических и социальных процессов, социальной инфраструктуры стимулировала теоретическую разработку системного метода решения крупных народно-хозяйственных и социальных задач. И проводили такую интеграцию специалисты – практики, в мышлении которых целостный подход уже сформировался в общих чертах. Такие специалисты на уровне руководителей предприятий регионального и общесоюзного уровня, министерств решали задачи интегрированного конструирования социальной среды.

Но как только способ осмыслять реальность по схеме «система – структура – элементы» обрел форму всеобщности в общественном интеллекте, этот способ стал *первичным* в мысленном и практическом освоении реальности: он теперь априорно *задает видение* реальности и запускает процесс практического преобразования и теоретического мышления. Мыслящий субъект сразу расчленяет материал созерцания по схеме категориальной связи «система – структура – элементы», он ищет в созерцании *реальные эквиваленты* этой категориальной связи. В таком поиске, в категориальном синтезе проявляется раскрытая Марксом закономерность «оборачивания метода». Символический дифференциальный коэффициент, отмечал К. Маркс, становится «*самостоятельным исходным пунктом*, реальный эквивалент которого лишь должен быть найден»¹. Этот коэффициент превращается в «стратагему действия» в поиске той или иной производной, и инициатива передвигается с содержательно-алгебраического полюса на «символический», операциональный. Вторичное (коэффициент) становится первичным исходным пунктом математических действий². Точно так же логические категории из вторичного образования становятся первичными, «стратагемой действия» – руководством в *поиске конкретного реального отношения*, «реального эквивалента». Категориальный состав мышления подобен деньгам. Как деньги представляют стоимость товаров *всеобщим* образом и всегда *остаются* в обращении в отличие от иных товаров, так и категории представляют всеобщим образом способы мышления и тоже всегда остаются в процессе обращения мыслей, идей.

---

¹ Маркс К. Математические рукописи. М., 1968. С. 55.

² Там же. С. 237.

Практическая потребность выдвигает на первый план философской рефлексии тот или иной способ мышления. Фабрично-заводское производство XVIII–XIX вв. утверждает в мышлении жесткую последовательность причинно-следственных связей, принцип линейного детерминизма. Природа мыслится уже как «материя», как материал для преобразования, она десакрализована. Категория противоречия стала одной из главных в философии Гегеля и Маркса, так как метафизическое мышление с его статичностью и рядоположенностью не могло опосредствовать социальную динамику. Взаимосвязь технико-экономических, социальных, культурных факторов общественного развития диктует целостность в управлении, планировании. Практическая потребность в точности и должной пропорции во взаимосвязи частей целого породила интенсивную теоретическую разработку понятий системы, структуры, элемента, системного, системно-функционального и других подходов к реальности. Формы мышления – это не закрытые структуры, как эйдосы Платона; они исторически конкретны. Люди сами производят материальную основу своего мышления. Детерминация мышления этой основой есть в итоге самодетерминация и самообновление людьми своего мышления. «Люди, развивающие свое материальное производство и свое материальное общение, изменяют вместе с этой своей действительностью также свое мышление и продукты своего мышления»¹. В таком контексте категории выступают как «созданные нами самими» (И. Кант), т. е. из реального, *практического синтеза*, соединения связей вырастает и логический синтез.

Сделаем предварительные выводы. Материальные связи получают первичную коллективную категоризацию в предметных органах практики (орудиях и др.) Функционирование таких органов опосредствуется практико-функциональным мышлением. В процессе опосредствования односторонне выделенные связи деятельно переводятся в мыслительные отношения, в первичные микросхемы мысли. Такие схемы составляют исходные средства мышления, из которых образуются модельные аналогии. Развивая предметные органы труда, субъекты вовлекают в практический процесс все более общие закономерные связи, что способствует большей общности микросхем мысли. Развитие мысли от простой формы до всеобщей выражает развитие практики ко все большей универсальности. Обновляя орудийный фонд обще-

---

¹ Маркс К. Энгельс Ф. Немецкая идеология. С. 25.

ства и формы общения, люди обновляют и содержательные формы мышления, его категории. Прежние схемы мысли интеллектуально устаревают, так как не могут опосредствовать новые обстоятельства.

Однако технологическое освоение реальности осуществляется всегда в рамках исторически определенной *общественной* формы, которая существенно влияет на технологии. Вне общественной связи за предметом не закрепляется его орудийная функция, *его единообразное общественное предназначение*. Поэтому десоциализированные индивиды используют рельсы и цветные провода для сдачи на металлолом, вырывая их из функционирующей техносферы. Лишь в рамках общественных отношений обозначается функциональная закреплённость за вещами и возникает возможность отличить орудийную функцию вещи от ее натуральных характеристик. Разделение труда ведет к специализации трудовых операций и тем самым к специализации инструментов, что явилось необходимой предпосылкой возникновения машин.

Из общественной формы трудовой деятельности А. Н. Леонтьев и Ф. Кумпф выводят генезис мышления, идеального. В труде действия индивидов раздваиваются на технологические, изменяющие предмет, и коммуникативные, призванные согласовывать технологические действия. Внешние коммуникативные действия интериоризируются. Далее возникают операции, опосредствующие сами интериорные действия, что ведет к образованию внешней и внутренней сфер мышления: первая опосредствует практические действия, вторая схватывает «процессы *общей* подготовки и опосредствования». Мышление, пишет Ф. Кумпф, есть совокупность совершаемых с помощью языка внутренних действий, опосредствующих, в конечном счете, внешние действия¹. Однако интериоризация внешнепредметных действий управляется сугубо *общественным* фактором – овнутряются операции *общественно-значимые*, реализующие *коллективные интересы* и поэтому входящие в *общественное* сознание через обозначение специальными *терминами*. Отметим связь общественной формы с технологическим освоением реальности применительно к теме нашего исследования.

---

¹ Кумпф Ф., Оруджев З. Диалектическая логика: Основные принципы и проблемы. М., 1979. С. 58, 61.

Орудие есть предметная основа, а абстрактная операция – деятельная основа рациональных микросхем мысли. Абстрактные операции могут стать такой основой, если они стали *определенны и устойчивы, общественно значимы и необходимы*, что возможно в системе общественного разделения труда, где различные операции отделяются друг от друга и каждая из них закрепляется за отдельным работником. В мануфактуре система операций превращается в *надындивидуальное образование*, а его субъектом выступает не отдельный индивид, ремесленник цеха, а комбинированный совокупный работник, живой механизм мануфактуры¹. Продукт таких операций призван удовлетворять общественные потребности, поэтому сами операции *общественно значимы*, они передаются новым работникам, обозначаются *специальной терминологией* и входят в общее (общественное) сознание. Дробление деятельности на множество различных операций порождает новые специальные термины, схватывающие в операциях общий инвариант. В Новое время с развитием мануфактурного разделения труда возникает профессиональная специальная терминология. *Абстрактная операция, фиксированная термином, есть эмпирическая микросхема мысли с ее узколокальной разрешающей логической возможностью*. Овнутрение надындивидуальной системы операций, их последовательности порождает рациональный и опосредствованный мыслительный процесс, выражающий абстрактные связи в абстрактных операциях.

Разделение труда специализировало трудовые операции. *Специализация операций привела к специализации орудий*. В орудии заключен «общественно-выработанный способ действия»². К числу главных результатов разделения труда относятся «дифференциация, специализация и упрощение орудий»³. Определенность операций закрепляется материально, в особых инструментах. Теперь уже орудие задает форму операций, абстрагируясь от индивидуальных особенностей работников. Утверждается относительная *константность* операций. Их надындивидуальная система и объективация в орудиях и в языке содействовали выделению операций из вещественного состава труда, осознанию операций, точности, последовательности и конструктивности мышления. Последовательность операций в изго-

---

¹ Маркс К. Капитал. Т. 1. С. 351.

² Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. С. 277.

³ Маркс К. Экономическая рукопись 1861–1863 годов. С. 401.

товлении продукта становится аналогом, согласно которому и предмет строится в мышлении последовательно, операция за операцией.

Специализация орудий явилась необходимой предпосылкой возникновения машин, которые сообщили качественно новый импульс развитию рационального мышления. В мануфактуре разделение операций является «чисто субъективным», комбинацией частичных рабочих; применение орудий еще зависит от индивидуального мастерства, «от силы, ловкости, быстроты и уверенности каждого отдельного рабочего»¹. Константность и точность операций находят предел в живом человеческом факторе. Орудия остаются проводником *индивидуального* умения. Этот узкий технический базис, замечает К. Маркс, «исключает возможность ... научного расчленения процесса производства» Мыслительные схемы, опосредствующие процесс труда, эмпиричны и локальны. Принцип строения производства – *субъективный*, так как *субъект остается главным технологическим агентом*. Базисом является ставшее односторонним ремесло.

Технологическое применение науки возможно при таких технических условиях, когда *абстрактные логические операции* воплощаются в природном материале с полным сохранением их формы и унифицируются. Это возможно благодаря механизации операций. В машине механизирована функция управления орудием. Рабочий орган машины «совершает своими орудиями те самые операции, которые раньше совершал рабочий»². Тем самым исполнение операций освобождается от ограничений живым человеческим фактором.

Единство *абстрактной и конкретной сторон* деятельности тоже перемещается в машину: двигатель генерирует *однородное* механическое движение, которое специфицируется рабочим органом машины в *конкретное* движение согласно производственной цели (пилить, шлифовать, сверлить и др.). Операции, для выполнения которых раньше требовался «виртуоз», теперь выполняются простым превращением однородного движения двигателя в «утонченные» операции, совершаемые рабочим органом машины. Такое превращение абстрактного движения в конкретное достигается простым приемом – нажатием на педаль и др.³

---

¹ Маркс К. Капитал. Т. 1. С. 350.

² Там же. С. 385.

³ Маркс К. Экономическая рукопись 1861–1863 годов. С. 405–407.

Теперь работник своими действиями опосредствует технологическое движение *самых трудовых операций*, переданных рабочему органу машины. *Операциональный аспект труда выступает на первый план* и снимает вещественно-мышечное содержание труда. Длящиеся во времени операции опосредствуют операции, опредмеченные в пространстве. Возникает практическое *операциональное поле*, *рефлектированное* внутрь себя в лице работника, например оператора. С резким возрастанием реального операционального опосредствования в труде рациональные и опосредствованные структуры мысли в практико-функциональном мышлении превращаются в относительно самостоятельные, устойчивые логические образования, освобожденные от диктата сенсорного поля, чувственных данных. Технологическая, аналитико-синтетическая мощь труда преобразуется в продуктивную идеальную силу индивида в форме его мышления. На предмет теперь идеально проецируется система логических операций, выражающих в снятом виде систему трудовых операций.

Применение машин изменяет субъективное строение производства на *объективное*, так как центр тяжести смещается с живого труда на *опредмеченный*, с рабочей силы – на *предметные органы* труда. Разделение операций между работниками мануфактуры сменяется *разделением операций между машинами на фабрике*. Возникает *технологическая кооперация* машин и системы машин. «Субъективный принцип разделения труда отпадает», технологический процесс разлагается «объективно» в результате применения механики, химии и т. д.¹ В рабочем органе машины операции противостоят работнику в пространстве, в застывшем виде. Он относится к ним со стороны, субъект-объектно, стоит «рядом с ними», что содействует выделению субъекта из вещественного содержания операций и их объективному осознанию.

Объективное строение производства резко повысило долю объективности, рациональности, увеличило диапазон опосредствования в мышлении и составило основу нового типа мышления Нового времени, собственно научного мышления. Машинное производство породило бурное развитие математики и естествознания как своего технологически необходимого идеального фактора. В науке утверждается метод рациональной обработки экспериментальных данных. Возникает острая поле-

---

¹ Маркс К. Капитал. Т. 1. С. 391.

мика между сенсуалистами и рационалистами. В немецкой классической философии принцип деятельности выдвигается на первый план.

Итак, *принцип производства* является решающим в понимании логического вообще. Логический компонент психики человека *производен от производства чего-либо – от технологий производства*. Знаменитый европейский рационализм вырос и утвердился на основе фабрично-заводской системы. Логика мысли есть превращенная форма технологий, *технологичность в ее чистой форме*. Сущность – это формы производства чего-либо или самой природой, или человеком, не важно. Существенно то знание, которое позволяет произвести предмет, подчинить произведенное человеческой воле. Например, что такое товар? Ответ по существу означает раскрытие происхождения товара – как он возник, почему и зачем. Иначе говоря, вопрос о сущности можно решить, исходя из мышления общественного человека, из общественного именно производства. Мы не знаем сущность живого, ибо еще не поняли, как живое произведено самой природой. Не знаем устойчивого способа производства живого. Именно устойчивого, а не случайного. Нам нужно знать устойчивое (закон), чтобы, опираясь на устойчивое, воспроизводить нечто. Так и с человеком, его сущностью: как производится родовая определенность человека? в каком процессе? при каких условиях? и т. п. Лишь поместив этот вопрос в область производства – процесса, можно подойти к верному ответу.

§ 3. Общественные отношения – конкретное основание категориального мышления

Мы проследили опорные пункты формирования категорий в рамках отношения «человек – предметно-чувственная деятельность – предметные органы практики – природа», намеренно отвлекаясь, по возможности, от общественной формы труда, от общения и общественных отношений. Такое отвлечение было необходимо как для последовательности изложения, так и для того, чтобы зафиксировать *перенос объективных отношений* в процессе материальной деятельности в человеческую голову в форме *мысленных отношений*. Превращение объективных отношений в схемы мышления позволяет избежать социологического *релятивизма*, упускающего объективное содержание понятий. Например, в трактовке А. А. Богданова социальная обусловленность («социоморфизм») мышления полностью вытесняет объек-

тивное содержание понятий. «Мы уже видели, – писал он, – что теоремы геометрии, законы природы – это продукты и орудия коллективной работы... Ясно, что действие закона предполагает *измерение* масс и расстояний, притом устойчивыми, точными *мерами*, которые вырабатываются соглашениями людей, – предполагают *алгебраические операции* умножения, возведения в квадрат, деления, которые выполняются, конечно, людьми. Отбросьте “социальную практику” измерений, установления единиц меры, вычислений и пр. – от закона тяготения ничего не останется». Мышление, заключает автор, социоморфно, оно «берет свои формы, в конечном счете, из социальной практики»¹. Мышление, конечно, социоморфно, ведь мыслящий человек – социальное существо. «Социоморфность» есть субъективная, общественно признаваемая форма выражения объективного содержания. И чем более развита эта форма, чем более разнообразны схемы мышления, тем в большей мере мышление пластично воссоздает объективное содержание. Но А. А. Богданов отрывает субъективную форму («социоморфизм») от объективного содержания мышления. Гравитационное поле Земли было и до появления А. А. Богданова на свет. *Объективное* действие закона гравитации *вовсе не предполагает* процедур измерения, алгебраических операций и т. п. Меры тоже не конвенциональны – расстояние пудами не измеришь. Если отбросить упомянутые «процедуры», то исчезнет не закон гравитации как сила природы, а его *идеальный* образ. В философском понимании мышления решающим является *объективность* содержания мысли (идеально выраженные объективные связи), а затем уже исторически изменчивые особые формы бытия этого содержания и особые детерминации процесса осознания предмета, будь то операциональный, социологический, культурологический аспекты. В. И. Ленин обоснованно ставил А. А. Богданову вопрос: «Признает ли референт, что идея причинности, необходимости и т. д. является отражением в человеческой голове законов природы, действительного мира?»².

Анализ общественной формы необходим по существенным причинам. Рассматривая кооперацию как элементарную, а затем все ус-

---

¹ Богданов А. А. Философия живого опыта: Популярные очерки. М., 1920. С. 226–229.

² Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм // Полн. собр. соч. Т. 18. С. 5–6.

ложняющуюся общественную форму труда и реконструируя становление труда, В. И. Плотников подчеркивает, что труд мог возникнуть «только в качестве *элементарной социальной связи*» (первичной производственной группы), содержащей «в возможности и труд, и сознание, и речь, и культуру, и социальные институты, и самого человека»¹. Это положение имеет принципиальное, *методологическое* значение. Оно ставит с головы на ноги понимание социальной самодетерминации, в которой причинные ряды начинаются всегда *от субъектов общественного жизненного процесса*, а не от средств производства и других материальных факторов. Например, потребность в интенсификации общения, в увеличении скорости оборота капитала ведет к тому, что страна покрывается сетью сухопутных и железнодорожных дорог, авиалиниями, что убыстряет социальный обмен и повышает процессуальную плотность социального времени.

Общественная форма труда, общественные отношения суть ближайшее конкретное основание таких определений категориального мышления, как объективность, рациональность, опосредствованность, всеобщность и универсальность. *Эти определения не выводимы из внешнепредметной деятельности без привлечения ее общественной формы.* Так называемый деятельностный подход следует довести до *деятельностно-коммуникативного принципа.*

Многочисленный повтор актов *социального обмена* сообщает становящейся общественной форме определенность и устойчивость. Так, с интенсивностью общения развивается и *общая* форма объективации сознания – язык, с развитием обмена между *различными* общинами возникает и *всеобщая* форма продуктов – товарная форма. То, что слово «уже *обобщает*», объяснимо всецело функцией языка – быть средством общения. Язык выражает лишь то, что является общим для общающихся. Иначе он не был бы средством общения именно различных индивидов. Общие, т. е. общественные отношения, принуждают мышление обобщать значения, работать по общим схемам. В социальном обмене происходит реальное отвлечение от *единичного* и упрочение *константности* общей – общественной формы деятельности. Социальный обмен принуждает к сведению различных мер

---

¹ Плотников В. И. Социально-биологическая проблема. Свердловск, 1975. С. 116.

(веса, объема, протяжения, энергии и др.) к единой мере. Как экономический обмен сводит локальные меры стоимости к единой и всеобщей мере, так и духовный обмен принуждает к обобщению частных микросхем мысли до всеобщих и единых мыслительных форм – логических категорий, исполняющих интеллектуально-коммуникативную функцию – функцию единого связывания и истолкования чувственных восприятий.

В общении Петр выражает содержание своего индивидуального сознания Павлу. Чтобы быть понятым, Петр должен свое субъективное содержание выразить в форме, понятной Петру, т. е. сообщить своему субъективному содержанию *общепонятную* форму. Чем шире круг общения Петра, тем более общей будет и форма выражения субъективного содержания. Поиск такой общепонятной формы, адекватной субъективному содержанию, составляет «муки» творчества для писателей и поэтов, журналистов и др. Однако язык – внешняя общественная форма передачи содержания сознания. Внутренней формой такого содержания являются мыслительные и ценностные соотношения. Духовный обмен принуждает стороны общения использовать для взаимопонимания общепонятные аналогии, примеры, уже известные и привычные схемы мышления и другие приемы, из которых путем *практики интеллектуальных коммуникаций спонтанно* формируются единые, общезначимые и общепонятные способы мышления – логические категории.

Степень генерализации схем мышления качественно возрастает с утверждением *общественных отношений*, субъектами которых являются индивиды как представители тех или иных *социальных групп*. В общественных отношениях индивидуальность снята, на первый план выходят общественно значимые функции личностей – быть инженером, управленцем, механиком и др. *С расширением круга общения, с увеличением диапазона общественных отношений соответственно возрастает степень обобщенности значений в сознании, которое опосредствует общение и общественные отношения.* Не случайно понятийное творчество и категориальное мышление возникли в городах, где, по сравнению с деревней, коммуникативные процессы протекали более интенсивно – это социальные технологии меновой торговли, выборов, суда, обучения, управления людьми и др.

Итак, между предметно-чувственной деятельностью и мышлением необходимо выявить *опосредствующие общественные формы*.

Вначале эти формы следует рассмотреть порознь, затем необходимо свести их воедино. Проследим влияние экономических и других общественных отношений на развитие объективности, всеобщности, рациональности, опосредствованности и универсальности мышления.

Влияние меновых отношений капиталистической экономики на формирование категориального мышления. Разделение труда делает продукт каждого односторонним, а потребности – многосторонними, что порождает необходимость *обмена*. В рамках частной собственности продукты принимают форму *ценности для обмена, форму меновой стоимости* (товара). Посредством такой формы частные производители соотносят между собой количественные затраты своего труда¹. Товар положен на рынке «как отношение» не к одному другому товару, а ко всякому товару; он вступает во «всеобщее отношение» с миром товаров². При развитии разделении труда возникает потребность «во всеобщем средстве обмена, независимом от специфического производства каждого»³. Меновая стоимость развивается до *всеобщей* формы – формы денег, представляющей единым образом стоимость всех товаров.

1. Проследим этот процесс по следующим пяти направлениям. Меновые отношения развивают общественные отношения в плане все большей универсальности. Ибо деньги не привязаны к национальной, политической, религиозной и другой общности; они рвут локальные связи, втягивают в обмен отдаленные страны, распространяют обмен по всему земному шару, сообщают меновой стоимости *всеобщность* как по обмениваемому материалу, так и по охватываемому обменом пространству. Второе дыхание меновым отношениям сообщило новое экономическое отношение – капитал. *Капитал есть экономическое отношение в форме самовозрастающей стоимости на основе производства при посредстве обращения*. Для реализации прибавочной стоимости капитал увеличивает рынок сбыта *экстенсивно* и *интенсивно* – путем количественного расширения рынка сбыта одних и тех же товаров и путем обновления продукции и создания новых потребностей в сфере спроса. Потребление новой продукции создает челове-

---

¹ Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов. Т. 46, ч. 1. С. 103.

² Там же. С. 150.

³ Там же. С. 144.

ка «с более богатыми свойствами и связями»¹. В погоне за прибылью капитал количественно и качественно расширяет рынок сбыта, низкими ценами преодолевает национальную ограниченность, традиционное удовлетворение потребностей, воспроизводство прежнего образа жизни; он сокрушает, пишет Маркс, все преграды, тормозящие развитие производительных сил, расширение потребностей и т. д. Капитал создает общественную ступень, по сравнению с которой все прежние выступают «как локальное развитие человечества и как суеверное поклонение природе»². Однако пределом для капитала является узость его экономической формы, сводящей все к единому параметру – стоимостному. Такая редукция всего и вся к ценности для обмена вступает в противоречие с социокультурным измерением человеческого бытия, которое *сам же капитал и развивает*.

Растущая универсальность общения и общественных отношений – ближайшая причина всеобщности и универсальности мышления. Если сущность человека в ее действительности есть «ансамбль» всех общественных отношений и если последние становятся универсальными, то таковой становится и человеческая сущность. Опосредствуя подобные отношения, «мышление носит такой же характер универсальности» (Ф. Энгельс). Такие отношения выдергивают индивидов из ограниченных местных условий, втягивают во всеобщий обмен деятельностью, разнообразят потребности и чувства и расширяют горизонт сознания, генерализируют способы мышления. Содержание психики становится «трансцендентальным», транссубъективным, т. е. организованным *общественно-значимыми формами*, которые сложились в крупных по масштабу общностях и отношениях. Такие формы вырастают не из органического тела индивида, а из общего, *общественного тела в виде кооперированной деятельности и общественных отношений*, хотя и при посредстве органического тела и психики индивида. Масштабность общественных потребностей, реализуемых субъектом, направляет его мышление, внимание и волю на обширные по диапазону связи и отношения. Реализуя общественные функции, субъект воспринимает реальность с позиций общих, общественных потребностей, выходит за рамки своих индивидуальных предпочте-

---

¹ Там же. С. 386.

² Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов. Т. 46, ч. 1. С. 387.

ний, что служит предпосылкой развития его сознания от *единично-индивидуального* уровня к *особенному, групповому, и всеобщему, родовому*, когда субъект признает себя в своем самосознании представителем человеческого рода, его интересов и продуктивно-творческих сил. Узость жизненных условий, отмечал Ф. Энгельс, порождает «узость кругозора». И, наоборот, у индивида, жизнь которого охватывает обширный круг разнообразной деятельности и различных видов практического отношения к миру, «мышление носит такой же характер универсальности ... не затвердевает ... в виде абстрактного мышления». Степень универсальности мышления определяет и степень его объективности – умения «видеть несколько дальше своего непосредственного окружения, не упускать из виду общей связи мировых событий и не впасть в ту самодовольную “объективность”, которая не видит дальше собственного носа и именно поэтому является самой узколобой субъективностью, хотя бы она разделялась тысячами таких субъектов»¹. Мировое производство и мировой обмен формируют родовое самосознание. Генерализация значений в сознании субъекта производна от универсальности общения и общественных отношений, которые опосредствуются мышлением субъекта.

Индивиды производят продукты друг для друга, и «это доказывает, – подчеркивал К. Маркс, – что каждый индивид в качестве человека выходит за пределы своей собственной особой потребности и т. д. и что они относятся друг к другу как люди; что общая им родовая сущность осознана всеми. К тому же не бывает, чтобы слоны производили для тигров, вообще чтобы одни животные производили для других»². Данная мысль К. Маркса требует, конечно, отдельного рассмотрения. Отметим лишь, что она, с одной стороны, проливает свет на основу *развития человеческого сознания и солидарности людей*, а с другой – обнажает ту установку сознания, которую предполагает *неэквивалентный* современный обмен между Западом и «развивающимися странами», а именно взгляд на туземное население как на индивидов с *неравным человеческим достоинством*.

Осознание субъектом себя как индивидуального бытия человеческого рода является фундаментальным фактором – тем *абсолют-*

---

¹ Энгельс – Эдуарду Бернштейну. 25, 31 янв. 1882 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 35. С. 216.

² Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов. Т. 46, ч. 1. С. 189.

ным основанием, согласно которому субъект осознает и природные связи в единстве всеобщего (родового), особенного (видового) и единичного. Реальная общественная связь с ее градацией на всеобщее, особенное и единичное ($V \rightarrow O \rightarrow E$) пронизывает всю жизнь человека, она закреплена даже в фамилии (В), отчестве (О) и имени (Е) лица. Эта общественная жизненная связь (общество – социальная общность – личность) раскрыта субъекту в каждый момент его жизни наиболее осязательно, экзистенциально и достоверно. В силу *атрибутивности* такой связи субъект осознает по аналогии с ней любые фрагменты реальности. «Человек есть существо родовое не только в том смысле, что и практически и теоретически он делает своим предметом род – как свой собственный, так и прочих вещей, но и в том смысле – и это есть лишь другое выражение того же самого, что он относится к самому себе как к существу универсальному и потому свободному»¹. Именно потому, что человек делает своим предметом *род людей*, он научается по аналогии понимать и *род вещей*, а не наоборот. Социальная связь всегда *первична*, независимо от того, осознают ее первичность люди или нет.

Связь $V \rightarrow O \rightarrow E$ раскрыта субъекту практически и теоретически, и именно эта связь есть *всеобщий способ мышления* субъекта любой реальности. Более того, эта связь превратилась в мышлении в тот всеобщий аналог, согласно которому субъект мыслит любую эмпирическую связь и определяет всякое понятие по схеме «единичное = всеобщее + особенное». Понятие определяется через род (всеобщее) и видовое отличие (особенное). Все фигуры силлогизмов, как открыл Гегель в «Науке логики», своим формальным составом представляют разные комбинации $V \rightarrow O \rightarrow E$.

Почему категории $V \rightarrow O \rightarrow E$ являются, по выражению Гегеля, *всеобщей формой развития понятия*, всеобщими моментами понятия или, по выражению Л. Фейербаха, «категориями всех категорий»? Потому, что они имеют *абсолютную* жизненную важность для человека как *общественного* существа, выражают человеческую связь как основу всех иных связей и отношений человека. Более того, отношение $V \rightarrow O \rightarrow E$ существует для человека не только «в себе» (как в бессознательной природе), но и «для себя», дано человеку

---

¹ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. С. 92.

и в реальности, и в его сознании, выступает как бытие, внутрь себя рефлектированное и знающее само себя. Поэтому данное отношение понятно человеку интуитивно, он им владеет в своем сознании и в своей практике и поэтому символически овладевает и понимает тот эмпирический материал, который мыслится по схеме данного отношения. Соотношение $B \rightarrow O \rightarrow E$ выступает всеобщим представителем подобных реальных форм вне мыслящей головы.

То, что эти категории суть всеобщие формы развития понятия, Гегель действительно доказал, и Маркс целиком был согласен с Гегелем в данном пункте и сравнивал свое открытие относительной и эквивалентной форм стоимости с гегелевским открытием всеобщей формы развития понятий. Более того, Маркс упрекал «профессиональных логиков» за то, что они упустили в своих исследованиях взаимную связь этих форм. «Стоит ли удивляться тому, – писал он в первом издании “Капитала”, – что экономисты, всецело поглощенные вещественной стороной дела, проглядели формальный состав относительного выражения стоимости, если профессиональные логики до Гегеля упускали из виду формальный состав фигур суждений и умозаключений»¹. Таким «формальным составом» является соотношение $B \rightarrow O \rightarrow E$. И Гегель, и Л. Фейербах, и Маркс отмечали, что всеобщее, особенное и единичное суть «категории всех категорий». Все категории в «Науке логики» выводятся на основе отношения $B \rightarrow O \rightarrow E$. Связь «всеобщее – особенное – единичное» на протяжении всей жизни человека является основополагающей. Что сказал бы старик Гегель, восклицает Маркс, если бы узнал на том свете, что «общее» означает у германцев и у скандинавских народов общинную землю, а «частное» – выделившуюся из этой земли частную собственность. «Выходит, что логические категории прямо вытекают из наших отношений»². «Категориальные формы, – отмечает Л. М. Косарева, – будучи по генезису формами социальных отношений, наполняются природным содержанием настолько, что социальный генезис этих форм утопает в натуральном теле физического закона»³. Социальное превращается в логическое и обретает статус императива ($B \rightarrow O \rightarrow E$)! В таком

---

¹ Маркс К. Капитал. Критика политической экономики. СПб., 1872. Т. 1. С. 17.

² Маркс – Энгельсу. 25 марта 1868 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 32. С. 45.

³ Косарева Л. М. Предмет науки. С. 138.

превращении *ведущим* способом усвоения этой социальной схемы являются, конечно, *нравственные* отношения, доступные каждому.

Итак, меновые отношения производства содействовали универсализации общественных отношений, а значит и мышления, опосредствующего эти отношения.

2. Всеобщее развитие меновых капиталистических отношений привело к *тотальному овещению* социальности. В деньгах общественная связь и общественное могущество представлены как «*чувственно-осязаемая вещь*»¹. Деньги потому «могущественны», что они представляют собой *универсальную социальную субстанцию* – труд в его исторически особой, *стоимостной* форме. «В виде денег, – замечает К. Маркс, – я могу носить всеобщее общественное могущество, всеобщую общественную связь»² как нечто «совершенно внешнее» к индивиду, как предмет, «которым можно завладеть механически и который может быть равным образом и утрачен»³. Манипулируя такой чувственно-сверхчувственной вещью, можно изменять свои общественные отношения и положения.

Овещение отношений в *денежной буржуазной социальности* противопоставило их субъекту *объективно*, что способствовало в противоречивой форме выделению субъекта из этих отношений, дистанцированию от них, *объективному* их пониманию по схеме «объект – субъект».

Если применение машин сменило строение технологического базиса с субъективного на *объективное*, то овещение *также* изменило строение общественных отношений с субъективного на *объективное*. *Субъективное* строение отношений между людьми основано на *личной зависимости*, это отношения господства и подчинения, покровительства и службы, например, между сеньором и вассалом, мастером и подмастерьем. *Сила той общности, которая связывает людей друг с другом* (патриархальный уклад, античное общество, феодализм и цеховой строй), *еще доминирует над общественной мощью меновых отношений*. Объективное строение общественных отношений выступает как личная независимость индивидов, основанная на *вещной зависимости*, при которой образуется «система всеобщего общественного обмена веществ, универсальных отношений, всесто-

---

¹ Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов. Т. 46, ч. 2. С. 449.

² Там же. С. 411.

³ Там же. Т. 46, ч. 1. С. 166, 171.

ронных потребностей и универсальных потенций»¹. При вещной зависимости все виды деятельности, личные и общественные отношения превращаются в стоимости, т. е. в ценности для обмена, который теперь охватывает все сферы и поры общества. Общественная связь выражается в меновой стоимости, «ибо только в меновой стоимости для каждого индивида его собственная деятельность или его продукт становится деятельностью и продуктом для него самого; он должен производить всеобщий продукт – *меновую стоимость...*»². Деятельность и ее продукт теперь могут доказать свою *общественную* силу и значимость при неременном условии – они *должны превратиться в ценность для обмена – в меновую стоимость, в деньги*. Общественная мощь выступает в форме вещной, стоимостной, денежной. А *личная зависимость становится производной от вещной зависимости*; это, конечно извращение в нравственно-психологическом отношении. Необходимость превращать человеческую связь в меновую связь разложила все отношения прежней личной зависимости. «Буржуазия повсюду, где она достигла господства, разрушила все феодальные, патриархальные, идиллические отношения. ...В ледяной воде эгоистического расчета потопила она священный трепет религиозного экстаза, рыцарского энтузиазма, мещанской сентиментальности. Она превратила личное достоинство человека в меновую стоимость...»³. Если французские дворяне убивали друг друга «ради чести», то ковбои Дикого Запада – «ради денег»⁴. Если в период Средневековья *ростовничество* воспринималось как нравственно нечистоплотное, то в новейшее время банковский капитал оседлал продуктивную (производительную) экономику и диктует сценарии будущих общественных событий. На лик Христа Спасителя легла тень ростовщика.

Сугубо вещная объективация отношений – *необходимая* предпосылка для их объективного осознания. Меновая стоимость товара есть «нечто всеобщее, в чем всякая индивидуальность, всякие особые свойст-

---

¹ Там же. С. 100–101.

² Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов. Т. 46, ч. 1. С. 99–100.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 426.

⁴ Кагарлицкий Б. Ю. Марксизм: не рекомендовано для обучения. М., 2006. С. 15.

ва отрицаются и погашены»¹. Стоимость вообще равнодушна к вещественному составу товара. Так как стоимостное бытие товаров, куда включено и стоимостное бытие людей, реализуется через человеческую голову – ибо товары представляют свою стоимость в виде цен, идеально, т. е. не сами по себе, а при посредстве человеческой головы (счетные, идеальные деньги, ценные бумаги и все расчеты), то *меновые отношения* развили способность головы *абстрагироваться от всяких вещественных составов, развили силу абстракции*. Поскольку меновые отношения в реальности и в сознании товаропроизводителей оформлены в виде абстракций, которые опосредствуют движение товаров, ценных бумаг и др., постольку «эти вещные отношения зависимости в противоположность личным и выступают так, что над индивидами теперь господствуют *абстракции*, тогда как раньше они зависели друг от друга. Но абстракция, или идея, – отмечал К. Маркс, – есть здесь не что иное, как теоретическое выражение этих материальных отношений, господствующих над ними»². Так как «отношения, разумеется, могут быть выражены только в идеях», то «философы усмотрели своеобразие Нового времени в господстве над ними идей»³, а не вещных отношений, выраженных в идеях.

Предметность социального мышления заключается в умении (уме) созерцать за идеями их внешнюю плоть, общественные отношения, а за этими отношениями – экзистенциальное, *жизненное* содержание субъектов отношений, отражающее, в какие реальные условия отношения погружают различных индивидов, что и как индивиды делают, по поводу чего общаются и *насколько креативны такие отношения для различных субъектов*.

Если передача трудовых технологических операций машине содействовала усилению операционального аспекта мышления, то овещнение отношений способствовало утверждению *объективного* их понимания.

Если орудие задает форму операций, абстрагируясь от индивидуальных особенностей работника, то овещнение отношений полагает индивидов как их акторов (деятелей) в *абстрактно-всеобщей* форме, игнорируя индивидуальные черты лиц – персонификаторов меновых

---

¹ Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов. Т. 46, ч. 1. С. 100.

² Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов. Т. 46, ч. 1. С. 107–108.

³ Там же. С. 108.

отношений. Абстрактно-всеобщее понимание *распространяется и на природу* и утверждается как доминирующая особенность понимания реальности в *науке* Нового времени. Различие в строении технологического базиса и общественных отношений в виде субъективного и объективного выражается идеально в различных ориентациях науки и мировоззрения в целом. Мы разделяем предложенную Г. Н. Волковым периодизацию науки по ее целевой функции. Это – личностно-мировоззренческая ориентация (от возникновения науки до Галилея и Ньютона); преимущественно технологическая, материально-производственная ориентация (с XVII до первой половины XX в.); ориентация на развитие продуктивно-творческих сил человека (вторая половина XX и начало XXI в.)¹.

Механизм овещнения способствовал объективному пониманию с издержками превратного характера – грубым фетишизмом меновых отношений, редукцией ценностных ориентаций к установке на всеобщую полезность. Все физические и духовные свойства человека выступают «лишь в качестве носителя этой системы всеобщей полезности, и нет ничего такого, что вне этого круга общественного производства и обмена выступало бы как нечто *само по себе более высокое*, как правомерное само по себе. ...Только при капитализме природа становится лишь предметом для человека, всего лишь полезной вещью ... теоретическое познание ее собственных законов само выступает лишь как хитрость, имеющая целью подчинить природу человеческим потребностям, будь то в качестве предметов потребления или в качестве средств производства»². Всеобщая утилитарность, отмечал Г. С. Батищев, сводит разумное понимание к использованию «формально присвоенного, но творчески не освоенного», раскрытие логики предмета подчиняется внешней целесообразности, «хитрости», по выражению Гегеля.

Но, чтобы овладеть общественными отношениями и осознать их объективно, *люди должны были противопоставить их себе как нечто внешнее, независимое и самостоятельное*. И с точки зрения исторической, отмечал Маркс, превращение человеческих отношений в вещные отношения является «необходимым этапом»³. Несомненно, замечает

---

¹ Волков Г. Н. Истоки и горизонты прогресса: Социологические проблемы развития науки и техники. М., 1976. С. 152–174.

² Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов. Т. 46, ч. 1. С. 386–387.

³ Маркс К. Результаты непосредственного процесса производства. С. 47.

Маркс, «эту вещную связь следует предпочесть отсутствию всякой связи... или же наличию всего лишь локальной связи, основанной на самом тесном кровном родстве или же на отношениях господства и подчинения. Столь же несомненно и то, что индивиды не могут подчинить себе свои собственные общественные связи, пока они эти связи не создали. Но нелепо понимать эту всего лишь *вещную связь* как естественную, неотделимую от природы индивидуальности (в противоположность рефлексированному знанию и воле) и имманентную ей. Эта связь – продукт индивидов, она – исторический продукт. ...Отчужденность и самостоятельность, в которой эта связь еще существует по отношению к индивидам, доказывает лишь то, что люди еще находятся в процессе созидания условий своей социальной жизни, а не живут уже социальной жизнью... Универсально развитые индивиды, общественные отношения которых, будучи их собственными коллективными отношениями, также и подчинены их собственному коллективному контролю, являются продуктом не природы, а истории. Та степень и та универсальность развития потенций, при которых становится возможной *эта* индивидуальность, имеют своей предпосылкой как раз производство на основе меновых стоимостей, которые вместе со всеобщим отчуждением индивида от себя и от других впервые создают также всеобщность и всесторонность его отношений и способностей. На более ранних ступенях развития отдельный индивид выступает более полным именно потому, что он еще не выработал всю полноту своих отношений и не противопоставил их себе в качестве независимых от него общественных сил и отношений. Так же как смешно тосковать по этой первоначальной полноте индивида, так же смешно верить в необходимость остановиться на нынешней полной опустошенности»¹.

Такую опустошенность галлюциногенный Голливуд ныне восполняет *виртуальной романтической компенсацией*. Такие компенсации будут, выражаясь словами Маркса, «сопровождать буржуазный взгляд вплоть до его блаженной кончины». Социализм (от термина «социальное») и призван утвердить условия, при которых люди «живут социальной жизнью» (К. Маркс), т. е. реально признают равноценность достоинства друг друга и на основе такого признания становятся *солидарными* в созидании социальной связи – взаимно дополняют и обогащают друг друга своими дарованиями и способностями,

---

¹ Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов. Т. 46, ч. 1. С. 105.

творяют формы общения, просторные для самодеятельности и самоосуществления своих продуктивно-творческих сил. Социализм – это переходный период от вещной социальной связи к социальной связи в ее человеческой форме, при которой престижность стоимостных показателей и вещный фетишизм (социальное язычество) отмирают.

Понятно, что развитие социальной связи как человеческой общности *качественно* преобразит сам стиль мышления. Аналогии социального опыта, составленные из фабрично-заводских «инженерных» схем и вещных институциональных форм, а также из автоматизированных «безлюдных» технологий с их технико-стоимостной оптимальностью, уйдут в прошлое. Ибо главным станет не производство средств жизни, а *социокультурное производство человека, его творческого потенциала*. Такое производство утвердит иные аналогии мышления, вырастающие из постэкономического уклада жизни. Противостояние материализма и идеализма, светской прагматики и религии, рационализма и иррационализма сменится со временем гармоничным синтезом ранее односторонних противоположностей в рамках обновленного духовно-нравственного социально-интегрального вдохновенного мышления. Разлученные на многие столетия разум и сердце человека сольются в единый луч креативного сознания, *иначе* внимающего мирозданию и божеству.

Следует отметить различие между *опредмечиванием* и *овещнением*. В первом случае отношения между людьми объективируются предметно в виде социальных институтов, формализованных норм, знаковых и символических средств. Люди *осознают человеческое содержание* отношений и выступают их *субъектами*, властвуя над ними и контролируя их. В обществе все, что имеет прочную форму, – продукт, разделение труда, предметные воплощения процесса производства и т. д. – является лишь мимолетным моментом общественного производства, «а в качестве его субъектов всегда выступают только индивиды», взятые в их взаимоотношениях. Здесь перед нами – их «собственный процесс движения, в котором они обновляют самих себя в такой же мере, в какой они обновляют созидаемый ими мир богатства»¹.

Предметный аспект в объективации отношений будет *всегда*. Это у Лейбница каждая монада полностью автономна. Ю. П. Андреев

---

¹ Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов. Т. 46, ч. 2. С. 222.

выделил телесную, вещную, институциональную и знаковую формы социальной предметности¹. В рамках овещнения вещная оболочка отношений *скрывает* экзистенциальное, человеческое содержание, и отношения между людьми воспринимаются как отношения между товарами, ценами, курсом валют. *Густые тучи вещных форм скрывают солнце человеческой имманентной связи.*

Овещнение есть превращение личных сил и отношений в силы вещные, перенесение людьми собственной субъектности с самих себя на вещи. В результате возникает превратный мир: отношения «междусубъектные» превращаются в отношения «междуобъектные» (Г. С. Батищев), продукты совместной деятельности обретают самостоятельное общественное бытие, присущее им якобы от их естественных природных свойств. Общественные отношения между людьми предстают для самих людей как чисто телесная связь между вещами, существующая вне и помимо воли индивидов. Происходят персонафикация вещей и овещнение лиц. Общественное богатство предстает не как человеческие способности, воплощенные в мир произведений, а как деньги, капитал, существующие вне *субъектного развития* людей. Мир товаров, социальных институтов и норм предстает как самостоятельная объединенная сила, диктующая сценарий жизни каждому. Индивиды превращаются в представителей такого мира, срастаются с ролями-масками. В превратном мире возникает искаженное сознание – *вещный фетишизм*, т. е. наделение вещей человеческими качествами и характеристиками, будь то «товарный фетишизм», фетишизм рынка, должности, знаковых систем. Возникают сциентизм и вещная логика науки, описывающая человека, его многомерный личностный мир техницистским, анонимным языком с ценностно-нейтральной лексикой, годной для описания лишь бессубъектных вещей. Создается анонимное «общество факторов», которые борются друг с другом, целая техногенная цивилизация, в которой человеческое самосозидание вытесняется на задворки расширенным воспроизводством товаров, власти, технологий. На первый план выступает богатство не в потребительной форме и тем более не в субъективной (продуктивно-творческие силы человека), а в *стоимостной*.

---

¹ Андреев Ю. П. Содержание и структура общественных отношений. Саратов, 1985. С. 45–47.

Финансовый капитал, который накапливается в банках в виде «счетных денег», существует, отмечал К. Маркс, только в представлении общества и являет собой «сумасшедшую» форму богатства.

Феномен овещнения – не иллюзия, а реальное положение дел, воспринимаемое соответствующим образом сознанием, которое захвачено объективными выражениями самих людей и живет *объектным, а не субъектным* истолкованием реальности. Нечто подобное происходит с детским восприятием. Так внешняя реальность, данная в пространстве, воспринимается ребенком как предметно-чувственная реальность. Ребенок еще не отделяет объективное бытие предмета от преломления предмета в материале его чувственности. Он полагает, что яблоко само по себе мягкое, пахучее, сладкое, красное, хотя эти качества есть результат преломления *физических и химических* свойств яблока в его собственной психике. Но, несмотря на то что, повзрослев, он научится отличать объективные свойства от их субъективного выражения, внешняя реальность все равно будет восприниматься им как предметно-чувственная реальность.

Этап отчуждения и овещнения был *необходим*. Люди сначала объективируют свои общественные силы, фиксируют их предметно, формализуют их как нечто внешнее и тем самым создают условия для их усвоения и для своего собственного возвращения к своей подлинной социальной природе, к *непосредственно-общественным отношениям* по поводу *взаимного развития универсальной человеческой природы*, по поводу обмена, взаимного дополнения и обогащения ею.

Ценность для обмена (меновая ценность) в условиях капиталистической экономики – это не только рациональный взгляд; меновая ценность проникает во все сферы и ячейки общества при реальной *редукции* сознания: необходимо *свести личность, обладающую свободой воли, до вещи, такой волей не обладающей, надо уравнивать их в качественном отношении* – вначале произвольно, неосознанно, а затем и произвольно. Только при таком сведении несводимого можно «на глазах у всех» обменивать должности, тело, национальные интересы на деньги. Надо обязательно заглушить нравственность, совесть и их отмену объявить «умением жить». *Без такой редукции буржуазная социальность невозможна*. «Продажные женщины, наука, покровительство, ордена, земельная рента, прихлебатели – все это составляет

статьи обмена, совсем как кофе, сахар и селедка»¹. И общество воспринимается как арена взаимодействия *анонимных вещных* факторов.

Итак, объективное строение технологического базиса и общественных отношений определяет и *объективное строение общественного сознания*. Метод объективного понимания реальности становится «естественным» методом науки, неотделимым от нее.

3. Меновые отношения производства породили особую реальность – *абстрактную деятельность* как массовый экономический фактор в производстве, что закрепило абстрактно-всеобщее понимание реальности, присущее математизированному естествознанию Нового времени. Для капитала потребительная стоимость есть лишь средство реализации стоимости. Стоимость – это застывший общественно-необходимый абстрактный труд. Капиталу труд противостоит не как конкретный, а как «абстрактный труд, труд, абсолютно безразличный по отношению к своей особенной *определенности*, но способный к любой определенности»². Капиталу противостоит *совокупность* всех видов труда, и является случайным, какой именно труд противостоит ему в данный момент. Конечно, труд не бывает беспредметным, без всякой определенности. Но в отличие от средневекового ремесленника для работника, производящего капитал, определенность его труда не имеет особого значения. Работник может поменять род, или вид, или подвид труда, выехать за заработком в другую страну. Безразличие к виду труда возникает в таком развитии многообразия действительных видов труда, ни один из которых уже не является господствующим над всеми остальными. «Таким образом, – отмечает К. Маркс важный методологический принцип, – наиболее всеобщие абстракции возникают вообще только в условиях наиболее богатого конкретного развития, где одно и то же является общим для многих или для всех». Тогда всеобщее «перестает быть мыслимым только в особенной форме». Абстракция «труда вообще» есть «не только мысленный результат конкретной совокупности видов труда». Она порождена тем *практическим абстрагированием*, когда индивиды «с легкостью переходят от одного вида труда к другому»; труд здесь «не только в категории, но и в реальной действительности стал средством для создания богатства вообще и утратил ту сращенность, которая раньше существовала между

---

¹ Маркс К. Размышления // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 44. М., 1977. С. 148.

² Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов. Т. 46, ч. 1. С. 247.

определенными индивидами и определенными видами труда»¹. В процессе производства капитала общественный характер труда уже не связывается ни с одним из видов труда, как это было свойственно, например, античности, когда труд земледельца являлся и непосредственно общественным трудом; чтобы быть свободным гражданином полиса, надо было быть земледельцем.

Капитал есть самовозрастающая стоимость, поэтому целью производства является увеличение стоимости. Эта цель в масштабах всего производства выделяет *количество* труда, *увеличение этого количества* как движущий мотив производства. Тем самым количество труда выходит на первый план в сознании субъектов. Рабочего теперь интересует не определенность его труда, а то, что он *вообще труд*; как таковой он является потребительной стоимостью для капитала. Это базисное экономическое отношение входит в массовое практико-функциональное мышление агентов производства и задает *абстрактное однородное мыслительное поле и теоретическому мышлению*. Вместе «с абстрактной всеобщностью деятельности, создающей богатство, признается также и всеобщность предмета, определяемого как богатство»². В философии Гоббса, отмечает Л. М. Косарева, проявился категориальный аппарат (категории количества, однородного пространства и времени, механической причинности), характеризующий научный способ мышления Нового времени. Эти категории выражали «абстрактно-формальный срез действительности, выявленный абстрактно-формальной деятельностью, которая стала всеобщей стихией в Европе Нового времени»³.

То, что в психике выступало как различие между перцепцией и апперцепцией, между конкретной чувственной активностью и абстрактно-однородной активностью, предстало теперь в *обширном поле общественного труда как различие между трудом конкретным и абстрактным*. Учет количества труда, затраченного на производство товаров, становится первейшей необходимостью. Но измерение абстрактного труда нуждается в соответствующей мере – *в однородном времени*. В массовое сознание агентов производства и обмена внедряется

---

¹ Там же. С. 41.

² Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов. Т. 46, ч. 1. С. 40–41.

³ Там же. С. 61–62, 67.

взгляд на время и пространство как на нечто однородное. По-видимому, отмечает Л. М. Косарева, истоки ньютоновской механики «следует усматривать в сфере всеобщего, т. е. в сфере уже “отраженного” (в категориальном аппарате) общественного бытия»¹. Такой взгляд утверждался в сознании производителей капитализированного продукта и купцов, а уже затем и в теоретическом сознании. Ибо торговля между производителями *разных* стран требует *единых мер*. Однородность пространства и времени утверждается в психике процессом производства и обмена. Такая однородность была утверждена *онтологически*, а потому и *логически*. У Ф. Бэкона, отмечал Маркс, материя улыбается поэтически-чувственным блеском всему человеку. У Т. Гоббса чувственность теряет «яркие краски и превращается в абстрактную чувственность *геометра*»; многокачественное материальное движение сводится к механико-математическому; полнота живого созерцания дистиллируется в абстрактные определения мысли, и материализм становится односторонне-рассудочным не под давлением «бытия вообще», а благодаря тем процессам, в которых люди воспроизводят свое общественное бытие. Это процессы предметного *формирования материала природы* (технологическое отношение) и *общественные отношения*, в которые вступают люди как их субъекты. Два вида процессов опосредствуются практико-функциональным мышлением. *Процессы формирования природного материала определяют состав категорий, а общественные формы, организующие общение и общественные отношения, сообщают составу категорий форму всеобщности, генерализируют значения в сознании субъектов.*

4. Меновые отношения резко повысили степень *опосредствования* общественных отношений, *динамизировали* социальные процессы и мышление, их обслуживающее, утвердили в массовом сознании подвижные опосредствующие и обобщенные структуры мышления, невозможные в традиционных аграрных обществах феодальной эпохи.

Экономические отношения производства кроме общих элементов (производство – обмен – распределение – потребление) включают все новые *звенья – посредники*. Каждый раз новым посредником является форма *меновой* стоимости, персонифицированная в *капиталисте, купце, маклере, банкире, финансисте*. Соответственно растет по

---

¹ Косарева Л. М. Предмет науки. С. 67.

спирали и степень опосредствования; более высокая форма опосредствования в качестве *капитала* повсюду полагает более низкую. Содержанием опосредствования является следующее. Исходное *единство* потребительной и меновой стоимостей, заключенное в товаре, *разрушается*, и между этими противоположностями вклиниваются новые посредники; единство между данными противоположностями восстанавливается лишь в рамках обширного процесса опосредствования, так же как единство между положительным и отрицательным зарядом в опосредствованной электрической цепи. Так, между товарами вклиниваются *деньги*, между промышленным капиталом и потребителями встает *купец*, представляющий *торговый капитал*, внутри торговли появляется *оптовый торговец* – посредник между фабрикантом и розничным торговцем или между различными фабрикантами. *Товарный маклер* в свою очередь опосредствует фабрикантов и оптовых торговцев. *Банкир* представляет стоимость по отношению к фабрикантам и купцам; акционерное общество – по отношению к простому производству; на высшей ступени *финансист* встает как посредник между государством и буржуазным обществом в целом. На самой высокой ступени опосредствования (финансовый капитал) богатство предстает в виде самовозрастающей стоимости в самом абстрактном, метафизическом, *воображаемом* виде, «в наиболее сумасшедшей форме это выступает у финансиста»¹. Капитал превращается в процесс и в систему процессов – в круговорот денежного, промышленного, торгового, финансового капиталов. С превращением экономического основания общества в текучий процесс опосредствования динамизируются все вторичные и третичные общественные отношения, все части надстройки и соответствующие им формы сознания.

Возникает практико-функциональное мышление, способное *опосредствовать и соединять воедино далеко отстоящие друг от друга звенья обширных процессов. Не результат процесса, а сам длящийся процесс выступает в мышлении на первый план*, например в диалектике Гегеля и Маркса. Диалектика «в позитивное понимание существующего... включает в то же время понимание его отрицания, его необходимой гибели, каждую осуществленную форму она рассматривает в движении, следовательно, также и с ее преходящей стороны, она

---

¹ Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов. Т. 46, ч. 1. С. 290.

не перед чем не преклоняется и по самому существу своему критична и революционна»¹. В этом высказывании Маркса интенсивно выражена динамика социальных процессов.

Интенсифицируя социальный обмен, меновые отношения повысили *плотность социального пространства* (концентрацию социально важных функций на единицу предметно оформленной среды) и *плотность социального времени* (количество социально значимых процессов в единицу времени), а значит и *продуктивность мышления*. Продуктивность мышления (производительность в опосредствовании процессов и в получении знаний) возросла качественно и количественно; качественно – так как повысилась степень объективности, рациональности, обобщенности, категориальности, опосредствованности, операциональной конструктивности и универсальности мышления; количественно – ибо увеличилось количество мыслительных процессов в единицу времени. В целом возросла продуктивная сила мышления – способность переводить эмпирический материал (чувственно конкретный, представляемый) в мыслительные отношения, в объективно верное и обобщенное знание.

5. Люди производят не только материальные предметные структуры, но и общественные формы; они структурируют не только экономические, но и социальные, политические, правовые и другие идеологические отношения. Такое структурирование предметно представлено в виде *организации* общественных отношений. Организация есть *внутренняя форма*, целесообразно объединяющая людей в ту или иную общность, будь то трудовой коллектив или государство. В рамках организации индивиды *комбинируют* свои *различные виды деятельности в единое общее дело*, практически творят реальную целостность. Структурирование общественных форм есть *практическая коллективная институциональная категоризация* связей и отношений. Но в отличие от материально-предметных абстракций эта категоризация *невещественна*, она представлена в виде координации и субординации отношений между людьми, в виде их полномочий, прав и обязанностей.

Организационная сторона человеческой жизни производится сознательно, при направляющей и регулирующей роли идеального,

---

¹ Маркс К. Капитал. Т. 1. С. 22.

мышления. Имманентным «субстратом», из которого вырастают организационные формы, является *общее дело*, т. е. те *общественные потребности и цели*, которые люди реализуют в системе разделения деятельности. Реализация общего дела и участие в иерархии общественных отношений составляют существенное («субстанциальное», по Гегелю) содержание человеческой жизни и захватывают внутренний мир субъектов, держат в напряжении все их духовные силы. Поэтому структурированность социальных общностей и институтов проходит через сознание субъектов, опосредствуется их мышлением и служит аналогиями для понимания иных реальностей, включая и природные процессы. Например, инженерное искусство древних римлян в строительстве мостов и других сооружений поражает воображение. Между тем руководителями строительства мостов были монахи. Их называли понтификами. Затем этот термин был закреплен за Папой Римским, «наводящим мост» между Богом и людьми. Строительство ажурных мостов есть предметное конструирование. Римская церковь как раз отличается «ажурной» внутренней организацией, юридической проработанностью. Конструирование отношений между людьми – искусство более сложное, чем умение конструировать материальные связи. Социальная техника, технологичность не только в церковной, но и в правовой области у римлян была не менее поразительна, чем техника строительства. На наш взгляд, *конструирование материальных структур исторически производно от конструирования социальных форм*, а материальная техника генетически была производной от социальной техники, в частности военной организации. Ибо более развитое – ключ к менее развитому. Умеющий порождать устойчивые социальные структуры сумеет по аналогии овладеть и материальным конструированием. Дело в том, что в организационных формах сама структурность *не отягощена вещественным материалом в столь высокой степени*, как, например, структурность алмаза, графита или березы. С другой стороны, конструирование социальных структур требует большей силы абстракции уже потому, что социальная техника невещественна и в своем функционировании опирается на общие значения, которые закреплены в сознании больших социальных групп.

Структурность общественных форм вырастает из общего дела. Например, завод делится на структурные подразделения, эти подраз-

деления содержат иерархию должностей, каждая должность персонифицирована и рефлексирована внутрь себя. В сознании работников должность не сращивается с тем или иным лицом. Лица меняются, а должность остается сама по себе, существует идеально, когда она вакантна. Вакансия существует исключительно в представлении, как и счетные деньги. Способность отделять должность от лица есть способность к развитой абстракции. Такая способность развивается в общем деле. Вакансии, счетные деньги, ценные бумаги и др. – это формы идеального, представленного бытия. Представленное бытие здесь понимается как объективная общественная форма, а не как индивидуально-психический феномен. Вне таких «объективных мыслительных форм» общественный жизненный процесс невозможен. Граждане государства имеют разные склонности, интересы и разнонаправленные цели. Каждый гражданин соединяет в себе единичное, особенное и всеобщее социальные измерения. Эти параметры заключены в гражданине в свернутом виде. В гражданских взаимодействиях они *отделяются друг от друга и закрепляются в разной степени за разными лицами*. Здесь происходит то же, что и в отношениях между различными формами меновой стоимости, формами капитала, которые выражают отношения между людьми. Например, инженер Иванов представляет свою индивидуальную волю, а глава городской администрации Петров представляет своей волей волю жителей города; глава областной администрации представляет волю еще большей общности; президент как глава государства представляет волю всех граждан. Как представитель всеобщей воли президент существует, с одной стороны, реально, во всей своей телесности и индивидуальном своеобразии, а с другой – *только идеально*, в представлении граждан своей страны и в представлении иностранной общественности. Индивидуальное своеобразие президента выражает собой свою противоположность – всеобщее качество, всеобщую политическую волю примерно так же, как один из товаров, золото, представляет стоимость всех иных товаров всеобщим, общепризнанным и единым образом. Хотя инженер Иванов, главы города, области и государства в чувственном восприятии даны как «эти», конкретные лица, но в общественном сознании они фигурируют сугубо идеально и умозрительно. Субъекты социальной реальности удваивают свое бытие – на реальное и идеальное, на единичное и всеобщее. Реальное, единичное даны созерца-

нию; идеальное, всеобщее постигаются только мышлением. Однако реальное и идеальное, единичное и всеобщее в равной мере необходимы в общественном жизненном процессе. Общественные отношения между людьми возможны, как писал Маркс, лишь в той мере, в какой люди *мыслят* и обладают способностью абстрагироваться от чувственных деталей и случайностей, умением отделять *единичное своеобразие человека от его общественной функции*, облик начальника от его должности, облик человека от его социальной значимости. Первое так же не похоже на второе, как внешний вид той или иной техники не похож на ее функции. Общественные отношения – это незримые идеальные нити, соединяющие граждан – в государство, работников – в коллектив, население – в народ с определенной культурной идентичностью. Точно так же всеобщее есть смысл для особенного и единичного, а особенное и единичное суть живые органы всеобщего, рефлексированные внутрь себя и обладающие *для-себя-бытием*. Поэтому в общем деле противоречия между частными интересами конструктивно разрешимы только на основе всеобщего смысла.

В органах власти и управления действует целая иерархия, субординация и координация *категориально определенных и формально закрепленных реальных политико-правовых статусов* лиц и политических институтов. Совокупность должностей в такой сфере есть *реально действующая коллективная категориальная реальность*, которая существует не только в голове, но и с *помощью мыслящих голов* граждан – в поле их взаимных отношений. Каждый субъект этой реальности существует при условии, если он признан коллективным политическим сознанием в своем статусе, т. е. существует при посредстве сознания других. В то же время каждый субъект рефлексирован в себя и является сознающим свой статус. Все эти статусы положены коллективным разумом. И, оказывается, социальный мир вне головы есть мир, положенный мыслящими головами.

Заслуживает особого рассмотрения значимость именно общественных *идеологических* отношений в развитии категориального мышления. Политические, правовые, нравственные и иные «идеологические», по выражению В. И. Ленина, отношения непосредственным образом влияют на состав и стиль категориального мышления.

Идеологические общественные отношения в процессах образования категориального мышления. Глубина и широта структури-

рования общественных форм наиболее прозрачно выражена в *праве*. Субстанцией права является свободная воля граждан, которая мотивирована, объективируется в правовых отношениях и от имени государства выражается как нечто *всеобщее* – как закон для всех. Государство есть организация общей воли. Такая воля выступает как единая надиндивидуальная публично признаваемая воля, закрепленная в конституции и в подчиненных ей иных видах права, гражданском, уголовном. В правовом измерении все лица (физические и юридические) представлены исключительно во всеобщей форме – как *абстрактно-всеобщие* лица; все *единичные, индивидуальные особенности в юридическом статусе лиц погасли, испарились* примерно так же, как в алгебраических соотношениях численно конкретные постоянные арифметические величины *заменены анонимными общими символами* (*a, b, c* и т. д.). Правовые нормы реализуются и застывают в правопорядок, в реальные правовые статусы и отношения. В стихии таких статусов и отношений происходит формализация не только внешним, но и внутренним образом: *схематизируется субъективность* человека – его *воля*. Правовые нормы определяют для лиц обязанности и права, полномочия, круг властвования, владения, распоряжения, пользования чем-либо, т. е. нормы права превращаются во *всеобщие схемы работы воли отдельных граждан*; они определяют все процессы волеизъявления граждан. Правоприменение требует должного уровня мышления и логического сознания – умения абстрагироваться от многообразного эмпирического содержания и удерживать в сознании всеобщие правовые нормы.

Там, где правовая регуляция проникла во все сферы и поры общества, с необходимостью образуется формальное, рациональное рассудочное мышление как характерная особенность общественного сознания. Такой формально-рассудочный уровень практико-функционального мышления становится достоянием большинства граждан, он образуется как интеллектуальная необходимость для опосредствования реальных общественных отношений. Одним словом, правовая регуляция отношений есть *практическая коллективная институциональная категоризация* как лиц, так и отношений, как в области сознания, так и в сфере практики. Гегель, конечно, имел основание толковать государство как объективный дух в том смысле, что его как философа интересовала *роль идеального в функционировании общества*. Он, будучи философом, исследовал «дело логики». Однако «де-

ло логики» все-таки производно от «логики дела». Первое отделяется от второго в мышлении философа, и если «дело логики» становится самодовлеющим, а «логика дела» производным от него, тогда и может возникнуть мистификация: мышление толкуется как созидатель действительности, а действительность – лишь как внешнее проявление мышления. Хотя мышление направляет и регулирует общественный процесс, но оно само производно от этого процесса как по содержанию, так и по целям.

Если выйти за рамки политико-правовой сферы, то становится понятным, какое действительное содержание *идеально* представлено в категориально оформленной политико-правовой субъектности. Это – *действительные жизненные потребности, интересы и цели*, которые проходят через сознание субъектов, получают в процедурах разработки и принятия решений (законов, постановлений) всеобщее идеальное оформление, чтобы затем, сбросив с себя идеальную форму, воплотиться в мир техники и технологий, материального движения продуктов и товаров, в потоки финансов, в строительство жилья и др. Политико-юридическая надстройка есть идеальное небо, мир платоновских эйдосов над реальным общественным жизненным процессом. И все, что попадает в этот эфир коллективного разума и воли, сбрасывает внешнюю оболочку единичности и преобразуется во всеобщее – в общезначимые содержания мышления и императивы общей воли, в «объективные мыслительные формы», которые, как энтелехия Аристотеля, изнутри целевым образом оформляют реальный жизненный процесс. Представим схематично: многообразие *единичных* (Е) интересов получает *всеобщее* (В) и единое выражение, чтобы затем вновь соединиться с единичным, но уже как *единство всеобщего и единичного*, как многообразие *особенных* (О) реальных форм: $E \rightarrow B \rightarrow O$. Или иначе: *реальное $\rightarrow$ идеальное $\rightarrow$ реальное'*.

Если правовая регуляция всеобщим образом нормирует волю индивидов и рационализирует *рассудочным* образом процессы мышления, то религия всеобщим образом культивирует *ценностное* сознание, вознося его от индивидуальных предпочтений до образа абсолютного совершенства, до Абсолюта, который совершенен по качеству. Особенность религии заключается в ее *ценностной* природе. Если субъективной основой науки является мышление, а нравственности и права – воля, то религия своей субъективной основой имеет *веру*,

верование. Вера есть воля, направленная не на внешний опыт, а на внутренний. Поэтому крепка вера – сильна и воля. Вера предстает как стремление субъекта к высшим, в его понимании, ценностям. *Отношение субъекта к высшим, предельным и абсолютным ценностям есть религиозный настрой души.* Ценности же субъект обретает не мышлением, не логикой, но духовными чувствами, которые возникают не от физического воздействия, а от *переживания значений.* Духовные чувства – это *понимающие чувства.* Они своей понимающей стороной связаны с *идеалом*, а эмоциональной – с *подсознанием*, интуицией, с инстинктивным влечением. Тем самым они соединяют инстинкт с идеалом, окультуривая инстинкт, расширяя сферу его целесообразного действия и вплетая его природную энергетику в культурное творчество. Религия является такой же массовой по охвату формой сознания, как и правосознание. Она тоже есть форма духовно-практического освоения реальности, но более основательная по сравнению с эстетическим сознанием или правосознанием, ибо укореняет души в абсолютную реальность. Религия, как и правосознание, обретает действительность в отношениях между людьми и сопровождается культовыми действиями, соединяющими человека с божеством. Но в отличие от правосознания и науки религия возвышает до уровня *всеобщности именно ценностное сознание.* *А ценностное сознание захватывает сознание и волю целиком.* Ценности направляют самоопределение человека, выбор им вариантов действия, его личностное, социальное и профессиональное самоопределение, его поведение и весь его жизненный путь. В ценностях заложена генетика социального поведения, социальная его направленность. Ценностное сознание воспринимает реальность через особую оптику значений – совершенное и ничтожное, божественное и дьявольское, достойное и недостойное, доброе и злое, прекрасное и безобразное и др. Религия окормляет народное сознание такими ценностями, которые в сознании народа представляются как *абсолютные, объективно лучшие, предельные, сакральные, как святыни, а божество предстает как идеал объективно сущий и объективно лучший, как абсолютный совершенный Дух-Личность.* В сознании различных народов религия исполняет одну и ту же функцию – она выступает иммунной системой народной души от деструктивной, отрицательной социальности и укореняет индивидуальные сознания в Абсолют, совершенный по

качеству. Тем самым она придает личностной идентификации абсолютность и дарует душевное здоровье. В силу отмеченных обстоятельств все народы имеют религию и история не знает безрелигиозных народов.

Если религия обладает столь важной смысложизненной функцией, то вознесение индивидуального сознания на уровень религиозных святынь имеет принципиальное значение и для логического сознания, которое составляет один из моментов целостного духа человека. Религиозные ценности *всеобщии и надындивидуальны*, с одной стороны, с другой – они всегда интимно индивидуальны, приняты личностью добровольно, свободно, искренне. Они в целом погружены в первосуть и самость личности. *Генерализация ценностей религиозного сознания сразу генерализует значения и логического, и нравственного, и эстетического сознания и правосознания.* Не случайно классики немецкой философии (И. Г. Фихте, Шеллинг, Гегель, Фейербах) имели теологическую подготовку. Дело в том, что религия выводит сознание по ту сторону предметно-чувственной реальности и погружает его в сугубо духовную реальность, с позиций которой научные абстракции представляются чем-то внешним, инструментальным для духа. Отвлечения же религиозного сознания требуют большего духовного напряжения, так как они связаны с большим объемом того эмпирического материала, который преодолевается в таких отвлечениях. Например, в христианстве душа человека осмыслена как образ и подобие Божие, т. е. как то, что имеет абсолютный Первоисточник. Души людей тем самым толкуются *равноценными* независимо от пола, национальности и социального положения. За внешними различиями людей схватывается их единая духовная субстанция, единая основа нравственности, единый источник истины, добра и красоты. Отвлечения такого рода глубинные, более сложные, смыслообразующие, ценностно-ориентирующие и императивные для практического деяния.

Но религия вплетена в повседневную жизнь миллиардов людей, она есть духовно-практическая форма освоения реальности, форма духовного делания. Религия обретает действительность в духовных отношениях, в регулярных культовых действиях, охватывает наибольшую часть человечества, и в силу этого она существенно влияет на *степень генерализации логического сознания*, причем более органично и имманентно.

Так же влияют на мышление и *нравственные отношения*, которым тоже присуща ценностная природа; только в центре нравственного сознания предстает не божество, а *человек*, отношение «человек – человек». Нравственность сохраняет в себе весть о подлинно человеческих отношениях и обязывает каждого к таким отношениям. Но *основой* нравственности является интуитивно принятый *постулат воли: все люди имеют равное по значению достоинство* независимо от социального положения, национальности и других эмпирических характеристик. Данный постулат проявляется в основополагающих повелениях: относись к другим так, как ты бы хотел, чтобы другие относились к тебе; поступай так, чтобы максима твоей воли могла в то же время стать и принципом всеобщего законодательства; чти свое собственное достоинство и достоинство других людей; не превращай других людей *только в средство* для своей воли и своих целей, человек – самоцель. Голос совести тревожит всякий раз, когда субъект ставит свое человеческое достоинство или выше, или ниже достоинства других людей. Нравственное отношение – только *умопостигаемое*, оно зиждется на *всеобщем и базисном для воли императиве*, актуализирует понимание людей в их *всеобщем измерении* и является всегда *общезначимым* и бескорыстным. Более того, в нравственных отношениях самым прозрачным образом проявляется *разумность* – высшая ступень мышления, соединяющего понятие и ценность, цель и деяние. Причем проявляется она практически, как деяние, как реальный поступок и поведение. Кант весьма точно обозначил нравственность как царство «практического разума». Эпикур тоже понимал существенную связь разумности и нравственности: «...нельзя жить приятно, не живя разумно, нравственно и справедливо, и, наоборот, нельзя жить разумно, нравственно и справедливо, не живя приятно»¹. В отличие от права нравственность есть *неинституциональная* императивная саморегуляция поведения субъекта путем его свободного самоопределения и самоповеления, самооценки и самоконтроля. Нравственные отношения тоже захватывают глубины самосознания, пронизывают все многообразные отношения между людьми, научают схватывать равноценность достоинства различных людей и ра-

---

¹ Антология мировой философии: Античность. С. 520.

ботать не в рамках единичного и эмпирического понимания, а в аспекте всеобщего.

Практический разум (нравственная воля) – лучший диалектик, он схватывает за эмпирическими различиями тождественность достоинства человека, за многообразием деяний – единство нравственных повелений, за игрой чувственных побуждений и сил – необходимость нравственного повеления совести, за единичным поступком – всеобщую его нравственную значимость, за посторонней чувственной повседневной реальностью – реальность умопостигаемую, должную и разумную. Он соединяет понимание, переживание и действие, облагораживая природные побуждения и влечения. Поскольку нравственность есть тоже духовно-практическое освоение реальности, форма духовного делания и реализуется повседневно во всех отношениях между людьми, постольку нравственные отношения существенно влияют на степень генерализации логического сознания, причем тоже органично и имманентно.

В исследовании Л. М. Косаревой раскрыта ведущая роль «моральной достоверности» в становлении научного мышления (Р. Декарта и др.), особой субъективности европейского человека XVII в. Степень объективности фактуальных свидетельств, подчеркивает Л. М. Косарева, «определялась не отсутствием заинтересованности субъекта, не отсутствием ценностной нагруженности акта свидетельствования, а, напротив, максимальным присутствием в нем нравственного начала, доведенного до исключительной ориентации на благо для всех. ... Таким образом, категория “моральной достоверности” служила теми вратами всеобщности и необходимости, проходя через которые фактуальное свидетельство попадало в царство обоснованного знания»¹. Почему же «моральная очевидность» возвышает сознание субъекта до «всеобщности», ориентирует «на благо для всех», на «общечеловеческую точку зрения»? Вероятнее всего потому, что нравственность есть адекватное выражение человеческой общности, общеродовой человеческой позиции духа, через оптику которой человек способен преломлять воздействие реальности, понимать и внешний, и внутренний опыт не только как «этот», кон-

---

¹ Косарева Л. М. Социокультурный генезис науки Нового времени: Философский аспект проблемы. М., 1989. С. 142–143.

кретный индивид со своими единичными эмпирическими особенностями, но и как индивидуальный представитель человеческого *рода*, человеческой культуры.

Итак, нравственность существенно связана с генерализацией мышления в силу следующих факторов. Нравственные императивы *всеобщи и общезначимы* с самого начала для той или иной социальной группы. Иначе социальная общность невозможна, т. е. нравственные императивы связаны с абсолютными факторами бытия людей. Эти императивы обращены к *воле* и ориентируют на *действие*, на поступок. Тем самым *всеобщее и общезначимое правило становится фактором онтологическим и именно поэтому и логическим*. Нравственные императивы повелевают осуществить *должное*, они сверхситуативны и прямо требуют *первичности идеального* над непосредственным опытом, требуют *осуществления должного*, а не только индивидуально желаемого, приучая субъекта парить в мире умопостигаемом, а не только пребывать в мире чувственно-воспринимаемом.

Искусство есть профессионально развитая форма эстетического освоения реальности в культурно отработанных формах чувственного *созерцания* и продуктивного *воображения*. В искусстве формой всеобщего является, в частности, *идея*, имманентно связанная с изображением, с художественным *образом*. Образ потому является художественным, что идея представлена в нем и в эстетической материи прозрачно, не занавешена инородным материалом. Идея неотделима от единичной формы выражения и растворена в ней. Переживание художественного содержания актуализирует дух целостно, соединяя эмоциональное с пониманием, подсознание с сознанием. Всеобщее дано в искусстве образно, наглядно, узнаваемо. Эта «воссозданная в духе наглядность» (Гегель) настолько адаптирована к усвоению, что *всеобщий смысл* художественного образа естественно усваивается и переживается, закрепляется эмоционально духовными чувствами. Индивидуализация всеобщего смысла уподобляет искусство, художественное творчество творчеству в математике, где субъект сам дает себе предмет в воображении, сообщает ему развитие и логику развития изображает в знаковой форме, доступной созерцанию. Подобие проявляется и в том, что художественное и математическое дарования обнаруживаются онтогенетически в раннем возрасте. Воображение, воспитанное на усвоении художественных произведений классиче-

ского искусства, есть ничем не заменимая духовная сила и творческий орган теоретического мышления вообще и категориального мышления в особенности. Такая незаменимость объясняется тем, что мышление есть синтез различных содержаний, отождествление различного, а категориальный синтез предполагает обозрение панорамного эмпирического содержания, системное умозрение, понимание *целостности* предмета мышления в его многообразных связях и опосредствованиях.

Раскрывая в «Феноменологии духа» развитие от чувственного (предметного) сознания к самосознанию (рассудку) и к разуму и, далее, от субъективного духа к объективному и к абсолютному духу, знающему себя во всех формах своего осуществления, Гегель представляет восхождение к абсолютной форме бытия духа (его «для-себя-бытию») следующим образом. Всеобщее содержание дано эстетическому сознанию (искусство) как образ, в религии – как символическое представление о божестве. В искусстве сознание восходит от материально-предметных, пространственно выраженных форм (архитектура, скульптура, живопись) к чисто духовным «дематериализованным» формам (литература и поэзия). В религии сознание восходит от олицетворения природных стихий, от многобожия естественных народных религий к монотеистическим религиям, закрепляющим абсолютное содержание единообразно. Философия, согласно Гегелю, есть адекватная форма духа в том смысле, что всеобщее существует именно как *всеобщее* – в форме понятия; всеобщим моментом разумного понимания (понятия) является и категориальное соотношение «всеобщее – особенное – единичное». В этой категориальной структуре дух обрел закон своего собственного развития, и эта структура есть вывод из долгого исторического развития духа. Таким образом, по Гегелю, всеобщее содержание духа адекватно представляется логическим содержанием, в котором погасли предшествующие стадии духовной эволюции.

Влияние ценностных форм освоения реальности (нравственность, искусство, религия) на категориальное мышление состоит в том, что эти формы освоения непосредственно актуализируют *духовные, понимающие чувства, генерализуют через эти чувства значения в ценностном сознании, одухотворяют понятийное мышление, сообщают ему основополагающие аналогии понимания предмета в единстве ро-*

довидового и индивидуального, всеобщего и единичного. Насколько религиозно-нравственные компоненты сообщают субъекту культуру разумного мышления, можно судить по трудам выдающегося русского мыслителя И. А. Ильина. Его труды «Аксиомы религиозного опыта» и «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека» созданы целостным духовным актом и являют собой классические образцы философской диалектики.

В целом общение, общественные отношения, само их деятельное воспроизводство людьми порождают с необходимостью не только *реальную* коллективную категоризацию экономических, политических, правовых, нравственных, религиозных и эстетических отношений, но и категоризацию *идеальную*, в сознании субъектов отношений. Опосредствование реальных отношений держит в напряжении сознание, его определенный категориальный состав. Реальная категоризация невозможна без идеальной, так как категории в сознании направляют, регулируют, оценивают и контролируют реальную категоризацию – субординацию и координацию лиц, их права и обязанности, их различные социокультурные статусы в общественных отношениях. С другой стороны, без опоры на реальную категоризацию, сложившуюся объективно, идеальная категоризация подвергается интеллектуальной эрозии, она, будучи не востребованной общественным жизненным процессом, не актуализируется и переходит в разряд исторической памяти.

В процессе категоризации общественных отношений и опосредствующего их мышления существует определенная *закономерность*: человеческая субъективность – как в ее внешнем проявлении, так и во внутреннем, мысленном измерении – модифицируется по схеме $E \rightarrow B \rightarrow O$. Как только субъект становится актором (деятелем) *общего дела* (будь то процессы образования, профессиональной деятельности, политико-правовые и др.), его жизнедеятельность сразу получает печать *общего дела*, ту или иную *всеобщую форму*, которая регламентирует индивидуальную активность, преобразуется в закон и цель деятельности, направляет внимание, мышление и волю, модифицирует психическую модальность, порождает новые духовные и иные чувства. Каждый в процессе общего дела претерпевает известное дискомфортное *отрицание своеволия и своемерия*, чтобы утвердить себя действительным субъектом общего дела. Это – *первое*

отрицание единичного всеобщим, в рамках которого происходит *положительный* процесс усвоения содержания и технологий общего дела.

Однако с таким содержанием субъект не срачивается как улитка с раковиной, он им овладевает, подчиняет его собственной воле, делает предметом понимания и совершенствования. Но на этом дело не заканчивается. Он приводит в соответствие всеобщие формы с собственными интересами, целями и мотивами, соединяет *всеобщее* с индивидуальным, *единичным*. Синтез *всеобщего и единичного* завершается в *особенном* содержании его жизнедеятельности. Возникает *второе отрицание* – абстрактно всеобщие формы вновь наполняются конкретным эмпирическим содержанием и функционируют не вообще, а в определенном материале субъективной деятельности людей, ставших *автономными* в мыслях, волеи и делах. Индивид может и не осознавать со всей очевидностью эти необходимые процедуры отрицания, но он это обязательно делает в своем практико-функциональном мышлении. Иначе он не будет субъектом общего дела, подвергнется со стороны этого дела отрицанию из-за своеволия.

Общее дело имеет внешнюю сторону и внутреннюю, рефлексированную, идеально представленную в мышлении субъектов. Под рефлексией здесь понимается не только осознание чего-либо и соотнесение предметов внимания, не факт индивидуально-психологический, но в первую очередь рефлексия общего (коллективного) сознания людей как факт *социально-мыслительный*. Поясним это важное различие. На собраниях субъектов общего дела, будь то собрание членов партии, профсоюзов, художников или ученых, всегда выбирают *президиум*. В президиум выбирают «достойных представителей». Что же они представляют собой, сидя в президиуме, и к кому обращено такое представление? Члены президиума как раз представляют собой сидящим в зале *сущность того общего дела*, по поводу которого все и собрались. В президиуме присутствуют те, кого уважают за вклад в общее дело, за заслуги в этом деле, за умение конструктивно решать общие задачи. Члены президиума представляют собой сидящим в зале в персонифицированном, в чувственно-конкретном виде общее дело. Здесь всеобщее содержание общего дела персонифицировано и символизировано. Сидящие в президиуме сообщают собранию особый *авторитет* и своим присутствием обязывают выступающих рассуждать по существу. Сидящие в зале могут и не осо-

знавать столь ясно, почему обязательно надо выбирать президиум, тем не менее они это делают. Глядя на президиум, участники собрания смотрятся, как в зеркало, в свое общее дело.

Живая общественность людей предполагает, таким образом, и *всеобщность значений сознания* субъектов общественности.

Практическая категоризация в области общественных отношений непосредственно усваивается мышлением индивидов. Во-первых, потому, что в такой категоризации индивиды *сами участвуют непосредственно* в той или иной форме, во-вторых, такое усвоение есть необходимое условие для того, чтобы быть субъектом этих отношений. Если экономические и правовые отношения с необходимостью формируют в мышлении аспект *формы, структуры*, то общественные отношения сугубо *ценностного* плана (нравственные, религиозные, эстетические) возвышают сознание до *всеобщих ценностей и через духовные чувства окольным путем, минуя рассудочные инстанции, возносят психику до всеобщих духовных мер* – нравственных, религиозных и эстетических. Инстанцией, которая сосредоточивает в себе такие меры, является не рассудок, а *сердце* как особый духовный орган, как источник духовных чувств. (*Сердце* в структуре психики мы рассмотрим в третьей части исследования.)

Если рассудок творит логический синтез через категории, то сердце занято *аксиологическим синтезом*. Оно преобразует созерцания и представления в *ценности*. Ценности направляют и ведут, в них заложена генетика общих установок, которые в качестве критериев сообщают вектор в самоопределении, в выборе личностью модели своего *Я*, образа жизни и жизненного пути. Сердце тоже понимает, но в аспекте жизненной значимости явлений для субъекта. Логический синтез и его продукты носят инструментальный характер. Синтез *сердца* антропологичен. Он более значим. *Сердце* направляет мышление и волю. Поэтому *в развитии культуры категориального мышления нравственные, религиозные и эстетические отношения являются в неменьшей мере категориальнообразующими*. Социальная связь абсолютна для людей. Нравственность же есть *адекватная* форма (и идеальная, и реальная) существования социальной связи в ее *всеобщем и чистом* выражении. Всеобщий характер нравственности и религии без особых затруднений возносит сознание на уровень всеобщности. И такой уровень – оперирование всеобщими значениями –

субъект непроизвольно переносит и на понимание природных явлений. Античный логос, собирающий и объединяющий хаос в космос, в нечто организованное, – яркий пример *переноса общежития* античного полиса на «звездный мир». Социальная связь стала формой синтеза представлений Анаксагора, Гераклита и Эмпедокла. В русской философии XIX–XX вв. отчетливо доминировал аксиологический синтез *сердца*, «кардиогнозия»; в собрании сочинений (22 тома) мыслителя И. А. Ильина развернуто представлена предметно-содержательная и конкретная *аксиология*, сохраняющая свою актуальность своей тщательной продуманностью и ответственностью.

Там, где товарно-денежная связь и правовая регуляция проникают во все сферы и поры общества, всегда доминируют рациональность, прагматика, технологии, параметры технической оптимальности ценой ослабления аксиологии сердца. Запад, по меткому выражению А. С. Панарина, есть «левое полушарие» планеты, а Восток – ее «правое полушарие». Запад дал технику жизни, а Восток – мировые религии.

Сделаем выводы из анализа того, как процессы деятельного формирования природы человеком и процессы общения и общественных отношений обуславливают формирование категориального мышления.

1. Микросхемы мысли образуются в практико-функциональном мышлении путем схематизации чувственно-предметной деятельности, в процессе которой конструируются орудия, иные средства труда, различные формы общения, общественные отношения.

2. Средства-посредники *предметны*, даны во внешнем плане созерцания. Они доступны каждому действующему субъекту, который может ими манипулировать. Они носят *общий, общественно значимый* характер. Они, далее, в силу своей предметности, могут *постоянно воспроизводиться* все новыми субъектами и поколениями. В такой передаче происходит *отвлечение от индивидуальных особенностей лиц и схватывание инварианта* действия. Инвариант действия есть *общая схема действия, имеющая предметную определенность* (рубить, колоть, паять, прессовать и др.). Такая предметно-деятельная схема фиксируется особым *термином*, идеализируется, вплетается в уже имеющуюся систему значений сознания и интериоризируется апперцепцией в своей *чистоте* и всеобщности; оперирование термином окончательно *отрывает* предметно-деятельную схему от конкретных ситуаций и завершает интериоризацию схемы. Она теперь

может выступать «точкой кристаллизации» новых, более генерализованных умственных действий, или зарождением абстрактного содержания, или средством для модельных аналогий, сравнений, примеров. Так происходит ассимиляция материального в идеальное на микроуровне практико-функционального мышления (на уровне повседневности). Закрепленная за словом предметно-деятельная схема становится активным *фактором мышления, логическим феноменом* в постоянном процессе синтеза чувственных данных.

3. В образовании микросхем мысли решающими являются следующие обстоятельства:

- предметное содержание действия, составляющее объективное содержание мысли;
- выделенность реальных связей в ту или иную предметную структуру (практическую абстракцию), образованную из односторонних скомбинированных связей (двигатель, ассоциация лиц и др.);
- включенность практической абстракции в массовую практику людей из-за общественной значимости такой абстракции;
- деятельное освоение такой абстракции индивидами и перевод абстрактно выделенных реальных связей в схему реального действия, а затем и в схему мышления;
- общественно значимый характер практической абстракции, возможность практического оперирования ею *различными* индивидами, что позволяет фиксировать инвариант, устойчивость, повторяемость схемы-действия;
- фиксирование практической абстракции термином, что позволяет включить схему мысли в интеллектуальный общественный кругооборот;
- закрепление такого термина в языке народа, в словаре;
- превращение схемы мысли из предметного действия со средствами-посредниками в логический фактор мышления, в микросхему синтеза чувственных данных;
- генерализация (обобщение) родственных микросхем мысли в их *единый мыслительный эквивалент, в их всеобщий аналог и представитель, в логическую категорию*. Такое обобщение микросхем осуществляется в рамках общения и общественных отношений, в процессе которых индивидуальные различия меняющихся лиц делают

прозрачной инвариантность схем мышления и создают возможности практического обобщения.

4. В логических категориях снята их практически-деятельная основа и их общественный характер. Они представляются как порождения «чистого разума». Но если эту видимость принять за сущность, если отвлечься от их практической основы и общественного характера, тогда станут совершенно непонятными изменение логического фонда мышления, различное содержание этого фонда в исторически различные периоды истории. Непонятными станут и различия стилей мышления у различных народов, национальный колорит мышления, который как раз связан с различием в социальном опыте, в социальных аналогиях. Генезис логических категорий обусловлен орудийным фондом общества, масштабом общения и общественных отношений.

Мы попытались отметить новую грань в понимании метода Маркса: знаменитый метод восхождения мысли от абстрактного к конкретному, *теоретический синтез* всеобщих определений в их развитые особенные формы дополняется *практическим повседневным синтезом*, в процессе которого индивиды создают материальные, социальные и идеальные формы, *соединяя, связывая* отдельные (единичные) *реальные* отношения в особенные и всеобщие формы. Выходит, восхождение к *конкретной целостности* люди творят практически, а затем и теоретически! *Практический синтез*, соединение, связывание реальных отношений в конкретное целое, в единство первичны. Конкретное и означает, как это неустанно подчеркивал Э. В. Ильенков, объективную взаимосвязь, взаимообусловленность массы единичных явлений, реальную необходимую связь, реальное взаимодействие, а не то, что предстает в созерцании как чувственно-конкретное.

Выше было рассмотрено влияние элементов социально-технологического базиса на формирование категориального мышления. Сделанный структурно-функциональный анализ дополним анализом исторической динамики общественно-материальной основы мышления.

Историческая динамика общественно-материальной основы мышления. Там, где меновые отношения и соответствующие им социально-правовые формы получают относительное развитие, разлагаются архаичность, традиционность, локальность производства и общения с их установками на потребительную ценность, на воспроизводство прежнего образа жизни. Рвутся отношения личной зависимости, расширяется диа-

пазон общественных отношений, генерализируются формы мышления, упрочняются абстрактно-рациональные структуры мысли. Это верно и по отношению к обществам добуржуазной эпохи.

Античный полис базировался на земельной собственности, труд носил земледельческий характер, и в театрах Афин в качестве зрителей сидели земледельцы. Особенный вид деятельности (земледелие) представлял собой ее специфическую общественную форму. Чтобы быть гражданином полиса, надо быть земледельцем. Античных авторов в анализе разделения труда «интересует лишь обилие потребительных стоимостей»¹. Сращенность с особым видом труда и с общиной определяла горизонт сознания индивида и накладывала печать традиционализма на мышление. Самостоятельное размышление, претендующее на всеобщность и на выход за рамки традиции, там, где оно имело место, выступало в завуалированном виде, со ссылкой на авторитет. Это обстоятельство подтверждается институтом оракулов в частной и общественной жизни греков. Даже такие великие индивидуальности Древней Греции, как Солон и Фемистокл, обращались за санкцией на свои решения к Пифии. Анаксагор еле унес ноги от разгневанной толпы, когда попытался толковать скопление звезд не в мифологической, а в рациональной форме. Сократ за свое вольномыслие поплатился жизнью. В связи с ролью института оракулов Гегель писал: «Для самостоятельных решений нужна выработавшаяся субъективность воли ... но у греков еще не было этой мощи и силы воли»².

Сращенность деятельности с природно-вещественным материалом породила и сращенность мышления с конкретно-чувственными представлениями о первоначале – воде, огне, земле и др. Категориальные формы мысли высвобождаются из чувственного материала в период кризиса полиса – «полного развития денег»³. В это время творили Платон и Аристотель. В условиях относительно развитых товарно-денежных отношений возникли чеканные, математически точные формулировки римского права – определения «*юридического лица, а именно обменивающегося индивида*»⁴.

---

¹ Маркс К. Капитал. Т. 1. С. 378.

² Гегель Г. В. Ф. Философия истории // Соч.: в 14 т. М.; Л., 1935. Т. 8. С. 239.

³ Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов. Т. 46, ч. 2. С. 40.

⁴ Там же. С. 192.

Эти определения были столь совершенны, что римское право предвосхитило нормы, пригодные для буржуазного общества, и «в противоположность средневековью оно с необходимостью было выдвинуто на первый план в качестве права восходящего буржуазного общества»¹. Абстрактно-формальный характер римского права был порожден товарно-денежными отношениями между свободными гражданами Римской империи.

Нормы римского права не были востребованы в период Средневековья в силу особой социальности этого периода. В период Средневековья доминирует сельское население, привязанное к земле натуральным хозяйством, которое ориентировано на самоудовлетворение основных потребностей; даже цеховое производство города окутано регламентациями и целью имеет не меновую стоимость, а продукт для потребления. «Ограниченность производства рамками данного потребления есть здесь закон»². Технологический базис имеет *субъективное* строение. Он включает ручной труд и инструменты. Между работником и природой нет развитого опосредствующего звена – системы орудий. Подчиняясь природным ритмам, человек, пишет А. Я. Гуревич, вряд ли был способен «взглянуть на природу со стороны». В Средние века «субъектно-объектное отношение человека к внешнему миру было невозможно»³.

Субъективное строение было присуще не только технологическому базису, но и общественным отношениям, где доминировала *личная зависимость*, переходящая в политическую. Земельная собственность не выступает как господство голого капитала. Обрабатывающие земельное владение феодала находятся не в положении *наемных поденщиков*; напротив, они частью принадлежат феодалу как крепостные, частью состоят к нему «в отношении почитания, подданства и определенных повинностей». Хозяин земли окружен «некоторым романтическим ореолом». Господское величие срослось с земельным владением, к которому относятся как «к своему отечеству». Личное господство феодала непосредственно переходит в политическое отношение, которое еще сохраняет «некоторую *эмоциональную*

---

¹ Там же.

² Маркс К. Результаты непосредственного процесса производства. С. 85.

³ Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1972. С. 49.

сторону»¹. Феодальная иерархия заключалась в отношениях личной зависимости вассалов от сеньоров. Для докапиталистических способов производства, отмечает Л. М. Косарева, характерно «господство личностных связей между членами социума. Жизнь отдельного человека античности и средневековья немыслима вне кровной естественной связи с его полисом, общиной, цехом, приходом. Человек “несом” в жизни неразрывной связью со своим микросоциумом, охраняем ею от нравственного распада. Худшим несчастьем для него является одиночество, разрыв связи с микросоциумом, наполняющей смыслом его жизнь: остракизм, изгнание, отлучение, анафема»².

Установка хозяйства на потребительную стоимость, отдаленность населенных пунктов, отсутствие надежных путей сообщения тормозят социальный обмен, понижают плотность социального времени, локализуют социальные связи и закрепляют их ограниченность. «Нравы, характер и т. д. меняются от одного земельного участка к другому; они как бы срослись с клочком земли»³. Такая местная социальность продуцирует локальные общественные и духовные формы. Отсутствовал общий стандарт мер, «абстрагированных от конкретной ситуации»⁴. Локоть, пядь, палец – обычные меры. Пройденное расстояние средневекового человека – «не абстрактно и не однородно, но индивидуально и качественно разнородно». В количественных выражениях веса, объема и т. д., в датировках царят произвол и неопределенность⁵. Время тоже воспринималось в его конкретно-событийной наполненности, это «местное время, в каждой местности оно воспринималось как самостоятельное, присущее только ей и никак не согласовывалось со временем других мест»⁶. Время, нейтральное к содержанию и не связанное с переживанием его субъектом, не воспринималось, как пишет А. Я. Гуревич, сознанием людей Древнего мира и Средневековья⁷.

Взгляд на время как на нечто однородное возникает лишь в Новое время – с развитием мастерских, торговли, меновых отношений, усиле-

---

¹ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. С. 81.

² Косарева Л. М. Социокультурный генезис науки Нового времени. С. 16.

³ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. С. 81.

⁴ Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. С. 50.

⁵ Там же. С. 51.

⁶ Там же. С. 96.

⁷ Там же. С. 135–136.

нием центральной государственной власти, с введением единого права, общей монеты. Входящие в XV в. в массовый обиход механические часы знаменуют «зарю» буржуазного общества. «Что было бы без часов в эпоху, когда решающее значение имеет стоимость товаров, – восклицает Маркс, – а потому и рабочее время, необходимое для ее производства?»¹. Время начинают ценить, его теперь фиксируют в его однородности практически, а значит, и теоретически. Начинается переход ко «времени купцов». Средневековая поговорка «Нет земли без господина» вытесняется новой: «Деньги не имеют господина». Представления о локальном пространстве и времени уже не могут опосредствовать новые социальные обстоятельства. «Локальное время разъединяло, тогда как общегосударственное, а затем и зональное время сделалось средством сплочения. ... Возникает единое темпоральное мышление»². Новые отношения производства и обмена утверждают в массовом практико-функциональном мышлении образы однородного времени и пространства. Такое понимание нашло рациональное выражение в физике И. Ньютона. Истоки его механики, пишет Л. М. Косарева, следует усматривать в сфере всеобщего, уже отраженного в понятиях общественного бытия³. Новая социальность продуцирует в мышлении категорию количества в строго научном ее понимании.

Особые навыки труда средневекового ремесленника были привязаны к изготовлению особенных продуктов, и труд носил в силу своей целостности характер, родственной искусству. Фабрично-заводской труд утрачивает сращенность с такими навыками, все более становится «чисто абстрактной деятельностью, деятельностью чисто механической, а потому безразличной, индифферентной к своей особой форме ... *формальной*»⁴. Абстрактный труд и меновые отношения как массовые явления ломают барьеры «присущей средневековой качественной исключительности отдельных форм в деятельности и общении» и обуславливают «становление категории количества»⁵. Категория количества становится истинной лишь при определенных отношениях производства и обмена.

---

¹ Маркс К. Экономическая рукопись 1861–1863 годов. С. 418.

² Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. С. 138.

³ Косарева Л. М. Предмет науки. С. 67.

⁴ Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов. Т. 46, ч. 2. С. 248.

⁵ Косарева Л. М. Предмет науки. С. 57–59.

Итак, важнейшие моменты категориального мышления (объективность, рациональность, опосредствованность, всеобщность, универсальность, операциональность и конструктивность) обуславливаются исторически определенным составом социально-технологического базиса. Строение базиса характеризуют отношение человека к природе (общественное производство средств жизни), общественные отношения между людьми и доминирующий тип мышления, опосредствующего общественное производство и общественные отношения.

§ 4. Типология общественно-материальной основы категориального мышления

Выше был дан анализ двух типов социально-технологического базиса мышления, которые имеют различное строение – субъективное и объективное. Обобщим их особенности. Специфику третьего типа социально-технологического базиса мы раскроем в § 4 второй главы данной работы.

Субъективное строение социально-технологического базиса характеризуется следующим. Производство имеет субъективное строение потому, что главными в процессе формирования природы выступают *живые индивиды*; такое производство включает *ручной труд и инструментальный* этап развития техники. Инструменту передана технологическая функция *непосредственного воздействия* на предмет труда. Управление инструментом и функция движения им закреплены за индивидом. Процесс труда привязан к телесным и психическим особенностям работника, основывается на эмпирических навыках, присущих индивиду. Труд является непосредственным, совместным, изменяющим внешнюю материальную оболочку предмета и опосредствуется эмпирическими схемами мышления. Целью такого труда всегда выступает производство *потребительной стоимости* (ценности для потребления). Данная цель является *особенной* и не содержит в себе установки на выход за рамки исходного пункта, на что указывает схема простого товарного производства Т – Д – Т. *Обмен еще не подчинил себе производство*. Ориентация на потребительную ценность задает «традиционное, самодовольно замкнутое в определенных границах удовлетворение существующих потребностей и воспроизводство старого образа жизни»¹, замедляет социальный обмен, консерви-

---

¹ Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов. Т. 46, ч. 2. С. 387.

рует социальные связи, продуцирует узкие общественные, а значит и духовные, формы, создает местного человека и местную социальность.

Субъективное строение производства обуславливает и *субъективное строение общественных отношений*: в них доминирует *личная зависимость*, связанная как с социальными статусами лиц, так и с конкретными индивидуальными особенностями индивидов. Социальная общность основывается на *первичной естественной* общности – это семья, кровнородственная связь, индивидуальные привязанности, следующие из индивидуальных склонностей; традиции как очевидные, сами собой разумеющиеся регуляторы поведения; глубинное интуитивное чувство родного, «нашего», «мы»; идентификация также носит локальный характер.

Субъективное строение присуще и мышлению, сознанию. Мышление еще не оторвалось от чувственного состава и не выделилось в самостоятельное начало, как и трудовые операции еще не отделились от предметной наполненности. Понятия носят эмпирический характер и отягощены в значительной мере эмпирическими представлениями. В духовной сфере *ценностное* миропонимание *доминирует* над *логическим*, т. е. реальность берется, в первую очередь, по отношению к потребностям и интересам человека, в аспекте ее значимости для людей, для той или иной общности. Ценностные компоненты (религиозные, эстетические, нравственные) вплетены в понятийное мышление. Скрытые, невидимые связи истолковываются по образу и подобию субъективности человека – по аналогии с его действиями, чувствами, стремлениями, т. е. *явно антропоморфно*. Это проявляется в обильном использовании метафор, образов, наглядных сравнений, пословиц, поговорок, легенд. Рациональное мышление еще не освободилось от цельности мифа и от его суггестии. Политико-правовые формы вырастают из обычаев и традиций, из нравственных интуиций и функционируют в их материале, т. е. право носит еще *естественный*, а не позитивный характер. В целом в сознании еще не сложился устойчивый способ мыслить и воспринимать реальность по схеме «объект – субъект». Такая схема предполагает систему посредников как в отношении субъекта к природе, так и в отношениях между субъектами.

Объективное строение социально-технологического базиса мышления выражено в следующем. Производство имеет объективное строение, так как главными в нем являются *предметные органы* – техника, а не индивиды; оно включает технологическое применение

*науки и репродуктивный труд рабочих. Процесс труда основывается на применении машин и механизации операций. Машине передаются новые технологические функции работников – не только непосредственное воздействие на предмет труда, но и функции движения и управления инструментом. В содержании труда доминируют операциональный и управленческий аспекты. Центр тяжести смещается с живого труда на предметные органы (систему машин). Труд «демускулизируется». Целью производства является прибавочная стоимость; эта цель всеобща, так как всеобща сама субстанция стоимости – общественно необходимый труд. Общая схема производства $D - T - D'$ указывает на выход за пределы исходного пункта, на *беспредельность*, что ведет к универсализации общения и общественных отношений, к воспроизводству индивидов с многообразными потребностями, связями, способностями. Установка на производство прибавочной стоимости интенсифицирует все формы социального обмена, расширяет и разнообразит социальные связи, создает мировой рынок, мировую торговлю, мировую историю и всемирность в осознании событий.*

Объективное строение производства задает и *объективное строение общественных отношений* в форме *вещной зависимости* людей, даже не знающих друг друга. Оценка эффективности социальной активности людей сводится к единому стоимостному индикатору – к деньгам, к капиталу. Все подлежит отчуждению и обмену, будь то недвижимость, должность или совесть. Произошло овещнение всей социальности: превращение личных сил и отношений в «силы вещные», междусубъектных отношений в междуобъектные¹; самоизменение и самообновление людей стали лишь побочным продуктом изменения и обновления *вещей*. Овещнение лиц и персонификация вещей сопровождаются сциентизмом, технократизмом, ценностным нигилизмом, объективизмом. Человеческая связь, первичные естественные общности людей превращаются в побочные социальные общности по сравнению с теми объединениями, которые выросли из функций неорганических, предметных органов практики – из экономических, производственных, политико-правовых процессов. Объединения людей скрепляются экономическими, технологическими, правовыми и по-

---

¹ *Батищев Г. С. Проблема овещнения и ее гносеологическое значение в свете Марксовой концепции овещнения // Гносеология в системе философского мировоззрения. М., 1983. С. 263.*

литическими узами. Объективирование человеческой субъективности теперь предстает как овещенная процессуальная реальность и застывает в самостоятельную вторичную объективную вещную реальность.

Объективное строение общественных отношений выражается и продолжается в *объективном строении* мышления, сознания: *объективный метод* осознания реальности становится доминирующим; наука принесла удобства, комфорт, экономию человеческих физических усилий и осознается как *единственно верный* способ ориентации человека в мире, логическое сознание берет верх над ценностным, право превратилось в главный регулятор поведения и стало *позитивным*, разработанным специалистами в целях согласования имущественных и других вещных интересов. Наука в системе разделения труда превратилась в одну из стадий производственного процесса – в стадию *разработки идеальной предметности* – конструирования моделей будущих вещей и социально-политических технологий, в духовную непосредственную силу производительного общественного труда. Мыслительные процессы достигают высшей степени всеобщности, опосредствованности, рациональности, операциональности, конструктивности. Эталонными в науке становятся тексты с терминами однозначного значения, со строгой логической последовательностью, с прозрачной операциональностью и конструктивной значимостью понятий. Такие характеристики научного понятийного мышления объясняются тем, что научные понятия не только отражают закономерности, но и служат на стадии реализации идеального *проектами, моделями будущих продуктов*, целями для их производства. Поэтому понятия должны быть доведены до их операциональной осуществимости, и именно поэтому научное понимание исключает теперь религиозное «чудо». Ведь «чудо» нельзя прогнозировать, оно разрывает строгую детерминацию в производстве и непереводаемо на определенную операциональную последовательность.

Мы попытались показать, что за *объективностью, рациональностью, всеобщностью, опосредствованностью, операциональностью и конструктивностью* мышления скрывается вполне определенная социальность – *фабрично-заводской уклад труда и меновые отношения капиталистического производства*. Поскольку капитализм утвердился в классической форме в протестантских странах Запада, то крупнейший западный социолог М. Вебер весьма точно выразил *эталонный* тип социальных действий западного человека – «целерацио-

нальное» социальное действие. Миф, традиционные религии тускнеют перед разными формами *светской религиозности* – религиозным отношением к науке, к научно-техническому прогрессу, к богатству в его предметно-вещественной форме. В то же время в рамках светской религиозности возникают компенсирующие мифологемы – товарный фетишизм, фетишизм свободы, демократии и др.

Разумеется, типология социально-технологического базиса носит условный характер и представлена в чистом виде, как и всякая научная абстракция. Со второй половины XX в. индустриальное производство превращается поэтапно в постиндустриальное и возникают новые качественные различия в технологическом базисе, общественных отношениях и в духовной сфере общества. Следует выяснить такие изменения и их влияние на категориальное мышление. Ниже мы рассмотрим социально-технологический базис развития категориального мышления в условиях постиндустриального общества.

Глава 2

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ОСНОВ ЛОГИКО-КАТЕГОРИАЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ

Положение К. Маркса о том, что революция в сфере технико-технологической порождает качественные изменения в сферах экономической, социальной, политической и духовной, весьма убедительно подтверждается современным общественным развитием. Маркс выделял *инструментальный, машинный и автоматизированный этапы в развитии техники*. Качество каждого из этих этапов определяется той *технологической функцией, которая передается от работника технике*. Инструмент аккумулирует в себе функцию *непосредственного воздействия* на предмет труда, машина – функции *движения и управления* инструментом, а автомат – функцию *управления* машиной.

Докапиталистическое производство базировалось на инструментальном этапе техники; капиталистическое производство своей основой имело машинный базис. Передача технике качественно новой, *интеллектуальной*, функции составляет революцию в сфере производства. С ростом автоматизации производства на основе информационно-вычислительной техники работники все в большей мере перестают быть непосредственными технологическими агентами производства, встают над ним в качестве контролеров и регулировщиков технологического процесса. Изменяется профессиональная структура общества: происходит сокращение количества работников, занятых в сфере материального производства средств жизни, и резко увеличивается количество работников в сфере культурного воспроизводства людей. Изменяются также формы собственности, содержание труда, престижность тех или иных специальностей, социальная структура общества, политические ориентации социальных групп, обновляются и «объективно-мыслительные формы» (Маркс) в духовной сфере. Деление истории на доиндустриальный, индустриальный и постиндустриальный периоды есть признание западными социологами теоретического положения Маркса о роли технико-технологических революций и в то же время вуалирование *социально-экономической определенности* общества.

Целесообразно преодолеть философию традиционного пассивного материализма, который критиковал еще Маркс. Такой материа-

лизм догматичен, он знает лишь продукты деятельности, упуская то, что в понимании общества абсолютным является общественный жизненный *процесс*, а не временные результаты процесса. Общественное бытие определяет сознание в том смысле, что материальные предпосылки жизни, *произведенные людьми*, ставят пределы своей материальностью. Изменить такие предпосылки можно не силой одного сознания, а практическим совместным действием. Общественное бытие есть общественная практика, в процессе которой люди обновляют самих себя в той мере, в какой они обновляют предметный мир богатства, формы деятельности и общения, а значит и своего сознания. Тем самым люди обновляют и *личностное содержание богатства*, содержание «всех человеческих сил как таковых, безотносительно к какому бы то ни было *заранее установленному* масштабу»¹.

Степень и пределы развития производства определяются «отношением к целостному развитию индивидов»². Догматический пассивный материализм грубо занижает значение духа, культуры и мышления в жизни народа. Он не понимает того, что мышление, сознание направляют функционирование всех звеньев социальной системы; что дух есть высшее выражение и продолжение социальности, ее идеальный ген, ее саморефлексия и самопроектирование; что духовные ценности суть основа воспитания и самоопределения человека, национально-культурной идентичности личности и народа, согласия воль людей и социального мира; что люди объединяются всерьез и надолго не внешними скрепами технологий и экономики, но духовными узами; что абсолютной основой общественного богатства являются не вещи, а люди, точнее, целостный человек, несущий в себе все потенции культуры; что эффективность производства определяется, в конечном счете, не вещными, а человеческими индикаторами и что базисным является культурное воспроизводство таких людей в системе образования и культуры; что, наконец, подлинным основанием общества является *человеческая связь*, из которой следуют все иные отношения, и что социальная связь, взятая как *человеческая связь*, есть для людей *абсолютное* мерило в разработке философских, политико-экономических и других концепций и религиозных вероучений.

---

¹ Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов. Т. 46, ч. 1. С. 476.

² Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. С. 123.

§ 1. Техногенная цивилизация и культура в циклах истории

Современный человек пережил смену не только веков, но и тысячелетий, он живет в период крутых перемен в технологических, экономических, социально-политических и идеологических процессах. Прежний понятийный аппарат и ставшие каноном методологии не позволяют адекватно осмыслить качественные перемены и дать конструктивные ориентиры. Нужны новые «парадигмы», новые, выражаясь языком И. Канта, «критики чистого и практического разума». Назревают какие-то сдвиги глубинных пластов в жизнеустройстве народов. Интуиция подсказывает – предгрозовые тучи сгущаются. Модерн эпохи Просвещения сменился постмодерном не только в философии, но и в реальной политике. Буржуазный класс из организатора производства выродился в его тормоз: продуктивная («физическая») экономика сменилась «виртуальной», спекулятивной. Главной опорой современных «элит-кланов» стал человек гедонистический, с угасающим интересом к культуре, будь то наука, искусство, нравственность. Более высокое стремительно подменяется низким: искусство – коммерческими зрелищами, художник – шоуменом и т. д. Понижение ранга ценностей есть пошлость. XXI в. начался с торжества пошлости.

Происходит в глобальном масштабе поляризация самих стран на избранные и неизбранные. Расчищается социальное пространство для установления единого финансового пространства, единого рынка, единой армии и единого мирового правительства, определяющего *социально-политические статусы государствам и лицам*. Сведение всего к деньгам, к ценности для обмена стало тотальным, всеохватным: национальные культуры, территории народов, национальные интересы, историческая память, суверенитеты государств – все это подлежит обмену; человеческие мотивы вытесняются экономическими соображениями. Дробление больших государств на малые, а народа – на электоральные атомы, усилия по эрозии национальной идентичности народа и ценностных императивов, денационализация и реприватизация с помощью национальной власти в форме обмена национальных интересов на признание в качестве члена престижной мировой референтной группы – все это идет полным ходом. Пока на разных перифериях существуют остатки суверенитетов, национальные культуры,

патриотическая верность отечеству и т. п., реализация нового мирового порядка невозможна, ибо сохраняются очаги сопротивления. «Современная глобализация *впервые в истории человечества* посягает на эти основы коллективной судьбы и идентичности и предполагает *тотальную приватизацию*, исключающую саму постановку вопроса о национальной идее, национальных интересах, приоритетах, безопасности и т. п.»¹.

Тотальная приватизация включает два этапа. На первом из них «алчные местные элиты за бесценок скупают все национальное достояние – не по действительной стоимости, а по “конвенциональной”, связанной с круговой порукой компрадорской верхушки. Так, в России под флагом приватизации общенародная собственность стоимостью триллион долларов и неоцененные природные ресурсы были “проданы” частным лицам всего за 5 млрд долл. На втором этапе главный доллародержатель мира скупает у этих самых “верхов” раздробленное и обесцененное национальное богатство, назначая не столько рыночную, сколько *политическую* цену, связанную с гарантиями безопасности и другими тайными подстраховками»².

Это уже сверхэкономический социально-политический обмен, точнее, *торг*, а не конкурентный рынок; это не открытое общество, а «экспроприаторская система» в пользу тех, кто контролирует и финансовые потоки, и распределение политической власти в масштабах планеты³.

Как же возможна такая неэквивалентная сделка на основе силы? Благодаря разрушению *контроля народа за деятельностью их собственных национальных властей*. Туземные нелегитимные приватизаторы, порвавшие с собственным народом, нуждаются в гарантиях своей безопасности, которые они надеются получить у держателей социальных статусов на планете, у закрытого от публики мирового правительства.

Как же народ доводится до потери своего государственного суверенитета? Это происходит с помощью либеральной идеологии и постмодернистских технологий именно в области общественного сознания путем замены одних значений другими. Престижными,

---

¹ Панарин А. С. Народ без элиты. М., 2006. С. 31.

² Там же. С. 32.

³ Там же. С. 33.

«прогрессивными», «современными» объявляются только личный успех, индивидуализм с одновременным высмеиванием всеобщего народного интереса, государства, социальных институтов, патриотизма, духовной собственности в виде исторической памяти и национальной культуры; осуществляется подмена духовных устремлений телесно-чувственными вожделениями, фетишизмом вещей и внешних наслаждений, гедонизмом; эрозии подвергается идентичность народа как субъекта общественного процесса; происходит редукция гражданина государства к индивиду, озабоченному повседневными личными заботами. Везде – ставка на *понижение ранга ценностей*, на сведение высокого к низкому. Насколько велика роль либеральной постмодернистской технологии в этой дьявольской игре на понижение, убедительно раскрыл в своих работах А. С. Панарин.

Это уже не капитализм и не империализм, а запредельно империалистическая фаза человечества, которая в ее тенденциях становится *социальным расизмом*; идеология и новая ментальность этого расизма – деление людей на «избранных» и «неизбранных», «полноценных» и «неполноценных», «получеловеков» с ущербным сознанием, сохраняющих неотчуждаемые святыни религии, эталоны национальной культуры, совесть, чувство человеческой солидарности, этику добросовестного труда и др. Некоторым странам «предписаны» денационализация, депатриотизация, десоциализация, деиндустриализация, а избранным – нечто прямо противоположное. Новобуржуазное реформирование, отмечал А. С. Панарин, увело общество от постиндустриальной перспективы: «от трудоемкого к наукоемким практикам, от рутинного труда к творчеству, от организации общества вокруг фабрики к организации его вокруг университета (НИИ)», а привело «к доиндустриальным практикам спекулятивно-ростовщического капитализма»¹. Какую ярость вызывают непокорные – видно из отношения Запада к Беларуси, к ее очевидным успехам в экономике, культуре и национальной безопасности.

Выходит, что реформы на уровне отдельных государств есть способы реформирования *всей социальной связи* на планете. Запад образовал глобальный властный треугольник (Международный валютный фонд, Всемирный банк, Всемирная торговая ассоциация), кото-

---

¹ Панарин А. С. Народ без элиты. С. 120.

рый следит за выполнением непривилегированными странами принятой программы «макроэкономической стабилизации», предполагающей «свертывание национальной обрабатывающей промышленности, науки, образования и культурного развития»¹, демонтаж системы социальной защиты и др. Отсюда – прямая дорога к вымиранию населения, десоциализация, деградация и криминальный образ жизни. Конструируется «открытое общество», открытое для товаров и закрытое для культуры – по отношению к «неприспособленным». В России, например, сворачиваются наиболее перспективные наукоемкие производства: «если в конце 80-х гг. доля промышленных предприятий, ведущих разработку и внедрение нововведений в СССР, составляла около 2/3, то после 1992 года она снизилась до 22,4%», объем НИОКР за этот же период «сократился более чем в 10 раз»².

Современное производство капитала стало нелегитимной практикой в масштабах планеты: свободные экономические зоны – это зоны вне ответственности за уплату налогов, оффшорные зоны – тоже вне социального контроля. Под сенью оффшорных зон «крутится» «свыше двух триллионов долларов, недоступных странам, где эти деньги были сделаны»³. «Американский глобализм – это тоталитарная экономическая власть (финансовая олигархия в первую очередь)», имеющая «планетарные амбиции»⁴.

Глобализм подразумевает общепланетарные связи между государствами, странами, народами. Такие связи, вне сомнения, будут усиливаться. Вопрос заключается в *человеческом содержании* таких связей: будут ли они наполняться и дальше *эгоистическим курсом* «золотого миллиарда», с позиций которого иные страны-изгои предстают как доноры ресурсов, интеллекта и т. п.? или же верх возьмет воля «униженных и оскорбленных» к *справедливой кооперации* усилий ради процветания рода человеческого и составляющих его народов? Будет ли мировая политика катиться по рельсам техногенной цивилизации? или же тупики такой политики будут поняты и вектор

---

¹ Панарин А. С. Народ без элиты. С. 104.

² Глазьев С. Ю. О стратегии развития российской экономики // Мост. 2000. № 50. С. 667.

³ Мартин Г. П., Шуман Х. Западная глобализация. Атака на процветание и демократию. М., 2001. С. 95.

⁴ Панарин А. С. Народ без элиты. С. 21.

развития медленно, но неуклонно будет определяться в направлении *приоритетов культуры как новой исторической ступени*, которая идет на смену техногенной цивилизации так же, как цивилизация вытеснила в прошлом систему родового строя?

Для выяснения специфики техногенной цивилизации необходимо сначала прояснить понятие цивилизации вообще.

Что такое цивилизация? В XX– начале XXI в. отчетливо проступили две качественно различные тенденции – *техногенной цивилизации и культуры*. На этих тенденциях остановимся подробнее.

Цивилизацию и культуру целесообразно осмыслить как *ступени истории: дикость – варварство – цивилизация – культура*.

Сначала следует уточнить понятие цивилизации в связи с его крайней *неопределенностью*. Это понятие, отмечает А. А. Грицанов, – «в высшей степени эклектичное и многозначное»¹. Термин «цивилизация» ввел политический деятель В. Р. Мирабо (1757 г., Франция). Этот термин произведен от лат. *civitas* – город, гражданское общество, государство. Отметим, что этимология данного слова весьма точно указывает на реальное содержание понятия цивилизации.

На протяжении последних свыше 300 лет содержание этого понятия наполнялось разным содержанием. В научный оборот понятие цивилизации вошло в эпоху Просвещения. Французские просветители называли цивилизацией общество, основанное на разуме и справедливости, связывая такое общество с определенными *социальными* установлениями, правами и свободами, с мягкостью нравов – с благовоспитанностью, общительностью, вежливостью, любезностью. Цивилизованность означала подчинение *природной* активности людей, их чувственно-природных вожделений, желаний, импульсов *социальной нормативности*. Такое оформление жизни полагалось престижным, образцовым. Нести цивилизацию иным народам европейские просветители считали своей миссией. В просторечии быть цивилизованным означало причастность к *городской культуре, городскому образу жизни* (например, носить «цивильный» костюм в отличие от деревенской одежды).

В различных словарях цивилизацию определяют: как историческую ступень, следующую *после дикости и варварства* (Л. Г. Мор-

---

¹ Грицанов А. А. Цивилизация // Новейший философский словарь / сост. А. А. Грицанов. Минск, 1998. С. 799.

ган, Ф. Энгельс); как синоним культуры, духовных и материальных достижений; как относительно самостоятельное целостное, качественно определенное историческое образование, локализованное в пространстве и времени (цивилизации восточная и западная; античная, китайская, европейская и др.); как высший уровень культуры, на котором происходит ее увядание, упадок (О. Шпенглер); как единицу исторического процесса (А. Тойнби).

Различия между культурой и цивилизацией сформулировал Н. А. Бердяев: «Культура связана с культом предков, с преданием и традицией. Она полна священной символики, в ней даны знаки и подобию иной, духовной действительности ... Цивилизация есть переход от культуры, от созерцания, от творчества ценностей к самой “жизни”, искание “жизни”, отдавание себя ее стремительному потоку, организация “жизни”, упоение силой жизни. ... Начинается культ жизни вне ее смысла. ... Цивилизация есть подмена целей жизни средствами жизни, орудиями жизни. Цели жизни меркнут и закрываются. Сознание людей цивилизации направлено исключительно на средства жизни, на технику жизни. Цели жизни представляются иллюзорными, средства признаются реальными. Техника, организация, производственный процесс – реальны. Духовная культура не реальна. Культура есть лишь средство для техники жизни ... Эта цивилизация началась с победного вхождения машин в человеческую жизнь. Жизнь перестает быть органической, теряет связь с ритмом природы. ... Индустриально-капиталистическая цивилизация далеко ушла от всего онтологического, она механична, она создает лишь царство фикций. Механичность, техничность и машинность этой цивилизации противоположна органичности, космичности и духовности всякого бытия. ... Цивилизация бессильна осуществить свою мечту о бесконечно возрастающем мировом могуществе. Вавилонская башня не будет построена»¹.

Некоторые современные авторы соотносят цивилизацию и социум (В. И. Плотников), другие, как правило, – цивилизацию и культуру. Во всех этих соотношениях доминируют аспекты *взаимодействия общества и природы, технологичность, практицизм, полезность, ком-*

---

¹ На переломе: Философские дискуссии 20-х годов: Философия и мировоззрение / сост. П. В. Алексеев. М., 1990. С. 76–81.

фортность. Приведем типичные суждения. И. Я. Лойфман: «Что касается генотипа цивилизации, то таковым является *отношение общества и природной среды*. ...Цивилизация сопряжена с определенным типом хозяйства, имеет технико-технологическую основу. По этой основе в истории человечества выделяются три цивилизационных периода: биогенный – присваивающее хозяйство первобытного общества, техногенный (включая земледелие, скотоводство, индустриальный этап) – производящее хозяйство классового общества, ноогенный – сберегающее хозяйство информационного или постиндустриального общества»¹. В. П. Большаков: «Возможно, правы те, кто из критериев цивилизации (и цивилизованности) особо выделяет ее практицизм, которым не отличается действительная культура»². В. А. Гузенко: «...почти во всех случаях при употреблении понятия цивилизации имеется в виду, во-первых, определенная система организации управления, при которой достигается значительная степень устойчивости общества, во-вторых, определенный уровень развития материального производства, техники, технологий. ...В этом случае степень цивилизованности человека определяется его способностью выступать частью социальной машины, работа которой направлена на преобразование природы в предметы потребления»³. С. Ф. Денисов и Л. В. Денисова: «Цивилизация, в отличие от культуры, характеризуется не только технизацией всех сфер жизни, но, прежде всего, крушением правды и деконструкцией философских и религиозных форм ее обоснования. ...Таким образом, цивилизацию можно определить как бытие человека в условиях неправды, в то время как культура представляет собой бытие человека в ситуациях правды. Но, даже находясь в окружении неправды, человек, как и любое живое существо, ищет наиболее эффективные пути выживания. Отсюда цивилизация также может быть понята как сфера эффективности в условиях неправды. ...При этом философия отказывается от своей функции обоснования правды ... на первый план начинает выходить методологическая

---

¹ Лойфман И. Я. О базовых определениях культуры и цивилизации // Культура и цивилизация: материалы Всерос. науч. конф., Екатеринбург, 17–18 апр. 2001 г.: в 2 ч. Ч. 1. Екатеринбург, 2001. С. 4–5.

² Большаков В. П. Цивилизация и культура в их взаимосвязях и различиях // Там же. С. 22.

³ Гузенко В. А. Культура и цивилизация // Там же. С. 65.

функция и осуществляется обоснование плюральности идей и истин»¹. Н. Н. Книжников: «Чем больше технологично осуществляется культура, т. е. чем выше технология передачи текущего социального опыта последующим поколениям, тем культура цивилизованнее»; феномен цивилизованности – «прогрессирующий уход человека от естественно-природной, биологизированной формы жизни в искусственную, технологизированную, урбанизированную, правовую форму жизни»².

В приведенных выше определениях нет должной *предметной конкретности*, позволяющей выделить *устойчивый инвариант* в понятии цивилизации. То или иное научное понятие вводится для определенной цели и содержит то, чего не содержит ни одно иное понятие. Адекватно выразить предмет в понятии становится возможным тогда, когда *сам предмет обрел качественную определенность*. А такую определенность он получает на высокой стадии своего развития. Неслучайно понятие цивилизации родилось в европейском Просвещении, в XVIII в., когда *власть социальной нормативности* обрела такую силу, что возникла необходимость отличать образ жизни, подчиненный социальной нормативности, от образа жизни, в котором такая нормативность еще только пробивает себе дорогу. Откуда же взялась власть социальной нормативности? Ф. Энгельс, исходя из исследований Л. Г. Моргана и методологии истории, развитой им вместе с К. Марксом, конкретно проследил становление цивилизации как нового образа жизни, который пришел на смену жизнеустройству родового строя.

Ф. Энгельс раскрывает *социально-экономические опорные пункты* становления цивилизации. Это в первую очередь а) *разделение труда*, б) *отделение города от деревни*, в) возникновение на основе разделения труда регулярного обмена между общинами, из которого появились металлические *деньги*, *посредники-купцы*, *ростовщики*, г) *устойчивое товарное производство* (не для потребления, а для обмена), д) *превращение индивидов в товары* (рабовладение), е) появление *частной собственности* на землю, *ипотеки*, *моногамии*,

---

¹ Денисов С. Ф., Денисова Л. В. Правда и неправда как смысловые доминанты культуры и цивилизации // Культура и цивилизация: материалы Всерос. науч. конф. Ч. 1. С. 68–69.

² Книжников Н. Н. Цивилизационные тенденции в культурном развитии // Там же. С. 85, 87.

классов эксплуататоров и эксплуатируемых, государства, а значит и системы права, кодирующей волю индивидов. С появлением классов и государства естественное разделение труда между полами, естественные кровнородственные связи вытесняются искусственными, идущими от новых социальных институтов. С расширением торговли, с деньгами и ростовщицеством, с земельной собственностью и ипотекой происходит концентрация и централизация богатства у малочисленного класса пропорционально росту обнищания большинства народа. Дифференциация в сфере труда влечет дифференциацию в общении и общественных отношениях, в образе жизни, ритуалах, этикете; дифференцируется, усложняется социальная нормативность, она охватывает все новые, ранее не затронутые области внешнего опыта и субъективности индивидов и в итоге обретает всеохватную, единую, общепризнанную и обязательную форму регламентации поведения, потребления, мышления. Именно эта нормативность утверждает в психике индивидов верховенство рационального, т. е. технологического. Это верховенство означает власть социального над природным в человеке.

Единая и всеобщая социальная нормативность (в труде, общении, общественных отношениях, в управлении, мышлении, в языке и т. д.) возникла с необходимостью именно потому, что дифференциация всей совместной жизни *вышла из-под контроля и перестала быть обозреваемой, прозрачной для понимания*: товарообмен, сделки купцов, договорные отношения между ростовщиками и заемщиками стали настолько запутанными, что согласованно вести свою жизнь можно было теперь путем удержания в голове социальной нормативности, ориентируясь на нормы как на вехи-указатели. Примерно так же автомобилисты ориентируются в движении на современных автотрассах на дорожные знаки. Сам термин «*civitas*» – город, гражданское общество, государство – сохранил в себе те значения, которые сопровождали становление цивилизации.

Итак, цивилизация есть такая длительная во времени историческая ступень развития, которая возникает из жизнеустройства родового строя на основе растущего товарного производства, регулярного товарообмена, товарно-денежных отношений, частной собственности, классового расслоения, государства и права. Родовое отличие цивилизации заключается в *верховенстве единой, всеобщей социальной нор-*

мативности, которая окончательно подчинила природно-телесные импульсы, сугубо субъективные влечения и страсти индивидов императивам социальной взаимной связи. Такая нормативность варьируется в зависимости от различных географических, национальных и конкретных исторических условий и самодеятельности тех или иных народов.

Ф. Энгельс отмечает отличительные особенности в становлении цивилизации. Степень товарного производства, с которой начинается цивилизация, экономически характеризуется:

- введением металлических денег, а вместе с тем денежного капитала, процента и ростовщичества;
- появлением купцов как посреднического класса между производителями;
- возникновением частной собственности на землю и ипотеки;
- появлением рабского труда как господствующей формы производства¹.

Цивилизации, продолжает Энгельс, соответствует новая форма семьи – *моногамия* как хозяйственная единица общества. «Связующей силой цивилизованного общества служит государство». Для цивилизации характерны «закрепление противоположности между городом и деревней как основы всего общественного разделения труда», «введение завещаний, с помощью которых собственник может распоряжаться своей собственностью и после своей смерти. ... Низкая алчность была движущей силой цивилизации с ее первого до сегодняшнего дня; богатство, еще раз богатство и трижды богатство, богатство не общества, а вот этого отдельного жалкого индивида была ее единственной, определяющей целью. Если при этом в недрах этого общества все более развивалась наука и повторялись периоды высшего расцвета искусства, то только потому, что без этого невозможны были бы все достижения нашего времени в области накопления богатства. Так как основой цивилизации служит эксплуатация одного класса другим, то все ее развитие совершается в постоянном противоречии... Всякое благо для одних необходимо является злом для других. ... Наиболее ярким примером этого является введение машин, последствия которого теперь общеизвестны». И если у варваров, отмечает

---

¹ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 175–176.

Ф. Энгельс, «едва можно было отличить права от обязанностей, то цивилизация даже круглому дураку разъясняет различие и противоположность между ними, предоставляя одному классу почти все права и взваливая на другой почти все обязанности»¹.

Термин «цивилизация» ныне стал «на слуху» потому, что он позволяет вуалировать социально-классовые противоречия рассуждениями о «целостности» цивилизации, о ее социокультурных достижениях, о соотношении ее с культурой и т. п. Понятие же *общественно-экономической формации* как-то исчезло из лексикона. Ибо оно ничего *не вуалирует*. Цивилизация так относится к общественно-экономической формации, как, например, *нация* относится к *классам*. Классы приходят и уходят, а нация пребывает и сохраняется в классовых различиях. В рамках *одной и той же* цивилизации могут развиваться *разные формации*: европейская цивилизация включает в своей истории формации рабовладения и феодализма и капиталистическую формацию. То же касается России. «Так, Россия, – писал И. Я. Лойфман, – в цивилизационном измерении представляет собой природно-социокультурное образование мегаэтнического типа с общностью территории, экономической жизни, исторической судьбы населяющих ее народов и, что особенно важно, с численным и культурным доминированием русского этноса. С исторической точки зрения Древняя Русь, Московское царство, Российская империя, Советская и постсоветская Россия суть ступени особой цивилизации»².

Формация – понятие научное, с ясными параметрами. Оно позволяет объективно понимать современное общество и прогнозировать тенденции его развития. В современных социологических и политологических исследованиях, в реальной политике весь набор составных элементов формации активно используется, но без упоминаний о формациях. Вероятно, затем, чтобы не тревожить совесть. Утверждения о том, что понятие формации слишком общее и являет собой понятийную сеть со *слишком крупными смысловыми ячейками*, которыми не уловить *своеобразие* той или иной страны, порождены, как правило, рассудочным мышлением, неспособным схватывать целое в единстве его конкретных частей. Формация дает образ *целого*.

---

¹ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. С. 177.

² Лойфман И. Я. О базовых определениях культуры и цивилизации. С. 5.

Если этот образ преломить через конкретные особенности географии, истории того или иного народа, то мы получим более конкретную картину – *образ жизни народа*. Если, далее, образ жизни наполнить еще более конкретными характеристиками *повседневности*, то получим достаточную конкретность в понимании своеобразия той или иной страны, народа.

Формация – уровень абстрактно-всеобщего, образ жизни – уровень особенного, а повседневность – уровень конкретно-единичного. Зачем же отрывать друг от друга эти уровни? Ведь всякое понятие, как открыл Гегель, включает в себя всеобщее, особенное и единичное. Без формации образ жизни, как и повседневность, сразу рассыплется на множество калейдоскопических наборов вне смысла и взаимной связи. Без понятия общественно-экономической формации понятие цивилизации так и останется в «высшей степени эклектичным и многозначным» (А. А. Грицанов).

Современная западная цивилизация – это буржуазная цивилизация с тем отличием, что она есть сугубо *денежная* цивилизация, в которой мировой финансовый капитал оседлал производительную экономику и определяет не только сценарии будущего, но и социальный статус государств, стран и лиц. Предстоящий крах ее настолько очевиден, что наши российские западники без особого напряжения ума могли бы это понять, если бы они отвлеклись от гипноза денег, от личных имущественных пристрастий. Эта цивилизация функционирует благодаря тому, что она питается энергиями развивающихся стран – неэквивалентным обменом, биржевыми плутнями, «финансовыми пирамидами», силовым захватом достояний тех или иных народов-изгоев. и т. п. «Поэтому, – замечает Ф. Энгельс, – чем дальше идет вперед цивилизация, тем больше она вынуждена набрасывать покров любви на неизбежно порождаемые ею отрицательные явления, прикрашивать их или лживо отрицать, – одним словом, вводить в практику общепринятое лицемерие, которое не было известно ни более ранним формам общества, ни даже первым ступеням цивилизации и которое, наконец, достигает высшей своей точки в утверждении: эксплуатация угнетенного класса производится эксплуатирующим классом единственно и исключительно в интересах самого эксплуатируемого класса, и если последний этого не понимает и даже начинает восставать против этого, то это самая черная неблагодар-

ность по отношению к благодетелям – эксплуататорам»¹. Хорошо писал Ф. Энгельс! Как будто у него перед глазами вставала современная Россия, где менее 100 семей современных олигархов владеют сегодня 92% доходов от природных богатств страны, и только 8% приходится на более чем 140-миллионный народ России.

Специфика техногенной цивилизации. Цивилизация как ступень истории была необходима для освоения сил природы и достижения технологической свободы по отношению к ней. Способ освоения природы был распространен и на людей. Это – ставка на эффект внешнего воздействия, на мощь внешних органов практики (техника, социальные институты), на технико-технологическую оптимальность и рациональность, на науку, на логику «определения извне». Внешние органы практики стали самодовлеющими, а люди, их творцы, – вещными технологическими агентами с технико-экономическо-правовыми параметрами. Произошло овещнение всей социальности. Овещнение лиц и персонификация вещей сопровождается сциентизмом, технократизмом, ценностным нигилизмом, объективизмом, потребительством как самоцелью. Человеческую живую субъективность, изгнанную из общения, стали искать в органическом теле человека, в его «генах», «церебральных структурах» мозга; сознание оказывается «функцией мозга», а не человека как субъекта общения, а душа и дух – выдумкой для «глупых» и «слабых». Фетишизм органического тела дополняется социальным кумиротворчеством, будь то техника, рынок, деньги, право или Америка.

Так сложился не субъектный, а *объектный* уклад общества и мировоззрения, тип человека и подготовки специалистов, сориентированных на внешнепредметные знания и умения, на отношение «техника – человек», а не «человек – человек».

В современной технической цивилизации доминирует логика «определение извне»: в человеческой жизни внешнее, материальное направляет и ведет внутреннее, духовное.

Цель современной цивилизации – *производство средств жизни, обустройство внешней жизни «внешнего» человека на основе техники, товарно-денежной связи, правового регулирования и науки, разра-*

---

¹ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. С. 177.

батывающей технологии. Техника, деньги, право, наука – таковы устои и идолы техногенной цивилизации.

Ее ограниченность состоит в редукции, в резком *понижении ранга ценностей*: в сведении Бога – к материи, духовной жизни – к душевной и телесно-чувственной, ценностного сознания – к научному, культуры – к социальным технологиям, нравственности – к праву, искусства – к коммерческим зрелищам и шокирующим «шоу», полноты человеческого общения – к «социальным ролям», воспитания всеобщих по значению продуктивно-творческих сил человека – к формированию профессиональных знаний и умений, своеобразия национальной жизни и культуры – к интернациональным рыночным стандартам мышления, поведения и потребления; человеческих индикаторов экономики и управления – к стоимостным показателям. Редукция ценностей необходимо связана с тем обстоятельством, что современная техногенная цивилизация – это *буржуазная* цивилизация. Буржуазия подчинила деревню городу, «крестьянские народы» – «буржуазным народам». «Под страхом гибели заставляет она все нации принять буржуазный способ производства, заставляет их вводить у себя так называемую цивилизацию, т. е. становиться буржуа»¹. Современная западная цивилизация – это буржуазная цивилизация.

Техногенная цивилизация превратила *технику жизни* в самоцель, низведя самоцельность человека до средства. Она вселяет безвдохновенный, безбожный, безнациональный, бессердечный, технорационалистический «дух» всеобщего упрощения, опошления и усреднения по единым стандартам внешней жизни и превращает людей в однородные кубики для внешнего манипулирования. Она подменила аристократию (власть лучших) демократией, качество – количеством. Ныне культурное творчество возможно вопреки установкам технической цивилизации, благодаря остаткам «традиционного общества», где главным являются *естественные*, первичные общности, а не искусственные, вторичные, идущие от разделения труда и социальных институтов. Чувство родства, родного, родины, национальные традиции и «животворящие святыни» объявлены уделом маргиналов.

Овещнение достигает апогея в условиях зрелой буржуазной социальности, когда меновая стоимость, деньги становятся единым кри-

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии. С. 428.

терием оценки *эффективности* социальной активности и верховенство в экономике принадлежит *интернациональному финансовому* капиталу, спекулятивному и паразитическому по существу. Этот капитал не терпит национальных границ. Чтобы свободно функционировать, он взламывает независимость государств, ориентированных на национальные интересы, гасит чувство дома и родины, денационализует культуры. Ему нужны «всепроницающая зависимость и глобальное управление», толерантные ко всему «общечеловеки»-потребители. Его идеал – отсутствие вообще государственных границ и мировое правительство, единая армия и единый рынок. Его стратегия – «мондиализм» (от франц. «мир», «земной шар») или, иначе, глобализм. Она предусматривает «однородное человечество», всеохватный контроль «избранных» в планетарном масштабе (демократический Гулаг), некую «постисторию» общечеловеков без «надежд и без отчаяния, без иллюзий и без прозрений», «без радости и без горя, без любви и без ненависти» (А. А. Зиновьев); все как в легенде Ф. М. Достоевского о великом Инквизиторе.

Идеолог глобализации, президент Европейского банка реконструкции и развития Жак Аттали в своей книге «Тысячелетие. Победители и побежденные в грядущем мировом порядке» писал: «В грядущем “новом мировом порядке” будут побежденные и победители. Число побежденных, конечно, превысит число победителей. Они будут стремиться получить шанс на достойную жизнь, но им, скорее всего, такого шанса не предоставят. Они окажутся в загоне, будут задыхаться от отравленной атмосферы, а на них никто не станет обращать внимания из-за простого безразличия. Все ужасы XX столетия поблекнут по сравнению с этой картиной»¹.

Международный финансовый капитал подчинил себе «физическую экономику». Он умножает капитал, минуя производство (Д – Д'), посредством спекуляций валютой и ценными бумагами, «финансовых пирамид», атак на национальные валюты. Так, в октябре 1992 г. Дж. Сорос за несколько дней получил 1 млрд долл. с помощью атаки на фунт стерлингов. Главным новшеством стали «системные операции против национальных экономик»: обесценивают предприятия той или иной страны, а затем скупают эти предприятия по дешевке. Так провоциро-

---

¹ Цит. по: Батчиков С. Вопросы без ответов // Завтра. 2006. № 50 (682).

вались кризисы в Мексике (1994–1995), Азии (1997–1998), в Аргентине (2001). В Мексике после кризиса появились 24 миллиардера, после дефолта в России в 1998 г. – 38¹. Такие «инновации» финансовых спекулянтов обрушились на Россию в 1990-е гг. в форме искусственных банкротств предприятий.

Неолиберальная глобализация резко понизила потенциал мировой экономики. Совокупный мировой темп экономического роста в 1960-е гг. составлял 3,5%, а в 2000–2003 гг. он составил чуть больше 1%. «Рост экономики ведущих стран достигается не за счет развития производства, а посредством перераспределения богатства между сильными и слабыми странами. Достигается оно с помощью резкого ослабления национального государства (обычно после затягивания его в долговую ловушку), приватизации и скупки всех видов национальных ресурсов, включая природные»². Суть «инновации» финансовых технологий состоит в следующем: общественные отношения переводятся на рыночные стоимостные показатели, все ресурсы становятся объектом купли-продажи. В стоимостных показателях *гасятся* качественные различия, роль тех или иных предприятий для страны. Стоимостные показатели вытесняют показатели натуральные, и начинаются финансовые манипуляции.

Социальная эффективность любой социальной активности измеряется в деньгах. «Ежегодный объем операций на международных финансовых рынках за 8 лет вырос в 60 раз и многократно превысил объем торговли товарами»³. Национальные же государства становятся инструментом международных финансовых институтов («мировой закулисы»), сокращая расходы на социальные цели (рост благосостояния граждан, наука, образование, здравоохранение и т. п.). На наших глазах рушится национальный суверенитет государств и утверждается социальный расизм путем расщепления стран на две части – на избранных и изгоев. Либеральная же идеология служит оправданием социального расизма: в свободной игре рынка выживает сильнейший.

Любопытны социальная основа и мировоззренческое кредо финансовых спекулянтов. Это не представители «физической экономики», а владельцы сетей розничной торговли, СМИ, предприятий ин-

---

¹ Цит. по: *Батчиков С.* Вопросы без ответов.

² Там же.

³ Там же.

формационных технологий, биржи и банков. Философией финансовых спекулянтов является не реализм, а *номинализм*: признание лишь отдельных индивидов и отрицание надындивидуальных общностей (общества, страны, родины, народа и др.). Психологической особенностью финансового капитала становится отщепенство от своего народа и идентичность с финансовой реальностью. Французский философ Московичи так раскрывает мотивы финансовой «элиты»: «Повсюду существуют инородцы, еретики – люди, исключенные из общества из-за опасности, которую они представляют для общества, если не для всего человеческого рода. Никакая другая роль не позволяет им существовать и даже приобрести некоторое могущество. Лишь деньги могут дать это, и они хватаются за них как за спасательный круг»¹.

Деньги – это родина и бог безродных, разного рода кочевников, туристов. Деньги обмениваются на весь мир – человеческий и природный. «Кто может купить храбрость, – писал К. Маркс, – тот храбр, хотя бы он и был трусом». Мощь денег связана не с индивидуальностью индивидуума, а с общественной мощью. «Я плохой, нечестный, бессовестный, скудоумный человек, но деньги в почете, а значит в почете и их владелец». Деньги превращают «верность в измену, любовь в ненависть, ненависть в любовь, добродетель в порок, а порок в добродетель, раба в господина, господина в раба, глупость в ум, ум в глупость». Деньги смешивают все и обменивают все вещи, они «всеобщий сводник людей и народов». Извращение и смешение, братание невозможностей – эта сила денег кроется в отчуждающейся сущности человека. Деньги – «отчужденная *мощь человечества*»², потому что они представляют собой накопленный труд, если они, конечно, реальные деньги, а не «виртуальные».

Кризис рыночной спекулятивной экономики – это духовно-нравственный кризис самих людей; это – *потеря человеческой общности, религиозно-нравственной единой идентичности* сначала – в рамках той или иной социальной группы, затем – в рамках многих социальных групп, далее – в пределах всего народа и наконец – в масштабе отношений между народами. Ведь не сама частная собственность побуждает терять человеческий облик. Собственность есть от-

---

¹ Цит. по: Батчиков С. Вопросы без ответов.

² Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. С. 148–150.

ношения между людьми по поводу присвоения (владения, распоряжения, пользования). Собственность – это инструмент, направляемый целями. А вектор целей определяется ценностной сферой самосознания.

Современная техническая цивилизация – техногенная и предельно овещненная, бездуховная и безбожная, бессердечная и бессовестная, пошлая и предельно циничная. Ее девиз в XXI в.: *максимум прибыли, минимум совести*. Технически она может почти все, духовно – уже почти ничего. Люди задыхаются в «тисках» овещненных параметров жизни. Установки на потребительство и на внешние наслаждения, на корысть и прибыль поразили человека в его *творческой, духовной* основе. Он увяз в паутине вещной полезности и не видит «неба». Эта цивилизация завела человечество в тупик. Кризис духовный и человеческий налицо. Нужны принципиально новые пути, мотивы, стимулы развития и роста, новые идеалы и идеология. *Нужна смена вещной связи между людьми связями человеческой общности*. Поэтому ныне столь актуальна философия Маркса. Н. Бирнбаум, американский автор, отмечает: «Никогда прежде марксизм не оказывал такого сильного воздействия на буржуазную социологию; никогда прежде он не подвергался столь широкому анализу, критике и обсуждению. ...Набирает силу международная дискуссия по вопросам марксизма, охватившая уже пространство от Лондона, Парижа, Франкфурта и Милана до Загреба, Будапешта, Праги и Варшавы»¹. Это понятно. Пока капитализм диктует народам сценарий их жизни, наследие Маркса будет актуальным.

Что же предвидел К. Маркс? К. Маркс дал непревзойденную критику овещненной буржуазной социальности. Рукописи к «Капиталу» обнаруживают подлинный смысл его учения. Под коммунизмом он понимал по существу *культуру как новую историческую ступень*. Его идея состояла в снятии отчуждения и возвращении людей из плена овещненной социальности к себе самим как к свободным субъектам, контролирующим свой общественный жизненный процесс и властвующим над ним. Но эти контроль и власть выступают не целью, а средством для свободного развертывания всей полноты и богатства человеческой субъективности. Опираясь на технологическую

---

¹ Цит. по: Любутин К. Н., Саранчин Ю. К. История западноевропейской философии. М., 2005. С. 204.

ступень свободы, люди достигают социальной и духовной ступеней свободы, и начинается история развития именно людей, а не производительных сил, форм собственности и т. п. «Смыслообразующая антропология» (К. Н. Любутин) всегда направляет Марксов анализ, включая учение о формациях.

Рассматривая положение человека в истории, Маркс выделяет три «формы общества» или «ступени»: первая ступень – «отношения личной зависимости» (добуржуазные формы общества); вторая – «личная независимость, основанная на вещной зависимости» (буржуазная социальность), при которой образуется «система всеобщего обмена веществ, универсальных отношений, всесторонних потребностей и универсальных потенций»; третья ступень – «свободная индивидуальность, основанная на универсальном развитии индивидов и на превращении их коллективной, общественной производительности в их общественное достояние». «Вторая ступень создает условия для третьей»¹.

В работах К. Маркса коммунизм и культура как ступень истории – это разные проекции *одного и того же*. Дело в том, что Маркс понимал историю двояко: объективно-научно и ценностно. В первом случае она берется со стороны *объективированного* человеческого содержания (учение о формациях, об экономике и политике, базисе и надстройке и т. д.), во втором – в аспекте ее *субъективно-человеческого* («экзистенциального») содержания. Постбуржуазная ступень истории, взятая в *субъективно-человеческом содержании*, – вот то, что мысленно прозревал Маркс и чем он вдохновлялся в научном поиске, предвидя смену техногенного жизнеустройства антропогенным, вещной социальной связи – человеческой общностью. Положения К. Маркса о снятии всех форм отчуждения; о человеке как «самоустремленном», «самодеятельном» существе, о самоизменении и «самообновлении» людей путем обновления предметного мира богатства, форм деятельности и общения; о труде как «свободном самоосуществлении» и самодеятельности людей; о всеобщем труде, предполагающем в работнике всеобщие по культурной значимости продуктивно-творческие силы; о «свободном развитии каждого как условии свободного развития всех» и др. раскрывают подлинное содержание уче-

---

¹ Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов. Т. 46, ч. 1. С. 100–101.

ния Маркса о культуре как новой ступени истории. «Но как таковой коммунизм, – отмечал он, – не есть цель человеческого развития»¹. Ибо он необходим для снятия отчуждения, а его положительное содержание составляют *антропогенное общество самодеятельности, культура*.

Отчуждение было необходимо: люди стихийно объективируют свои силы, закрепляют их предметно, ставят пред собой, технически рационализируют, овещняют себя и лишь затем усваивают их и живут ими без превращенных форм. Для снятия овещнения и отчуждения необходимы экономические и социально-политические меры (социализм). Но эти меры должны не отрываться от *смыслообразующей антропологии*, от субъективно-человеческого содержания социальных процессов, а вытекать из них. *Креативная культурная антропология первична*. Социализм или какой-либо иной тип социальной связи возможны как *прикладная культурная антропология*. Культурологический подход есть разновидность антропологического. Ибо культура – «раскрытая книга» человеческой субъективности в ее положительном выражении. В отечественной философии наследие Маркса было сведено к его экономическим и социально-политическим разделам. *Культурно-антропологическая* сущность его философии так и осталась в тени. Философия Маркса содержит не только *критическую, отрицающую* позицию – по отношению к буржуазной действительности, но и *положительную, продуктивно-творческую* – по отношению к грядущему. Причем первая сторона *производна* от второй, ибо отрицание производно от утверждения чего-либо. Так же различаются и толкования диалектики Марксом. В первом случае он акцентирует *разрушительность противоречий* буржуазной социальности, во втором – *созидательный характер противоречий* в условиях, когда люди «начинают производить как люди», а не как только технологические агенты производства и персонифицированные носители буржуазных овещненных отношений.

Для развития продуктивно-творческих сил человека, для достижения социальной и духовной ступеней свободы адекватными являются *культура, антропогенное*, а не техногенное жизнеустройство, *субъектный*, а не объектный уклад жизни. Хозяйство, государство, нау-

---

¹ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. С. 127.

ка, техника – это своего рода руки, которыми, по мысли И. А. Ильина, человек берет мир. Культура не отсекает эти «руки», а «духовно направляет их». Она есть явление «внутреннее», органическое» и захватывает «самую глубину человеческой души»¹. Методология культуры не отрицает достижений цивилизации, будь то оптимальность в конструировании техники, в рационализации внешней жизни. В бедах технической цивилизации повинны не техника, деньги, право и наука, а *неверная субординация ценностей*, вытекающая из потери солидарности, духовного единения людей.

Дух есть *целостная субъективность, устремленная к совершенным, объективно лучшим содержаниям*. В пространстве культуры внутреннее, духовное направляет внешнее, материальное: духовный смысл направляет технику жизни, а нравственность – право; жизнённость государства основывается на правосознании и добровольной лояльности граждан; хозяйственные вопросы разрешаются путем воспитания людей «к братству и справедливости»²; качество внешних преобразований определяется внутренним, духовным преображением людей; согласие в душах вносит согласие во внешние дела; социальные институты – это не самодовлеющие инстанции, а органы общей воли для развертывания инициативы и самодеятельности граждан; промышленные и социальные технологии суть лишь средства решения национальных общенародных задач, успешность решения которых зависит не от форм собственности (фетишизм собственности), а от целей управления, вытекающих из духа и культуры народа, его традиций и святынь. Главным общественным богатством здесь является не столько мир вещей, сколько дарования и способности людей, целостный человек, несущий в себе потенции культуры, личность как субъект самоопределения и творчества; поэтому эффективность производства определяется не вещными, а человеческими показателями (здоровье, образование, творческий потенциал народа и др.); культурное воспроизводство людей детерминирует собой уровень внешнего обустройства жизни – как вести хозяйство, какие технологии предпочтительны и какие притязания государства целесообразны; базисным является не производство средств производства (группа А),

---

¹ Ильин И. А. Основы христианской культуры // Собр. соч.: в 10 т. Т. 1. М., 1993. С. 300.

² Там же С. 301.

а культурное воспроизводство людей; самоцелью выступает их духовное возвышение, целостное развитие их творческих сил в актах самостоятельности и совместного самообновления предметного мира, деятельности, общения и мышления. Ибо духовная сущность человека универсальна и целостна.

В целом содержание тенденций культуры заключается *в преобразовании социальной связи из вещной формы в человеческую общность*. «Современный кризис цивилизации довольно четко высветил смысл истории человечества. Смысл этот – в очеловечивании человека, гуманизации человеческих отношений, в бесконечном разворачивании человеческой сущности, возникающей из отношения людей к природе и друг к другу»¹.

О смысле истории прекрасно написал Л. Г. Морган. Здесь уместно привести его суждения, которыми Ф. Энгельс заканчивает свою замечательную книгу. «С наступлением цивилизации рост богатства стал столь огромным, его формы такими разнообразными, его применение таким обширным, а управление им в интересах собственников таким умелым, что это богатство *сделалось неодолимой силой*, противостоящей народу. *Человеческий ум стоит в замешательстве и смятении перед своим собственным творением*. Но все же настанет время, когда человеческий разум окрепнет для господства над богатством, когда он установит как отношение государства к собственности, которую оно охраняет, так и границы прав собственников. Интересы общества безусловно выше интересов отдельных лиц, и между ними следует создать справедливые и гармонические отношения. Одна лишь погоня за богатством не есть конечное назначение человечества, если только прогресс останется законом для будущего, каким он был для прошлого. Время, прошедшее с наступления цивилизации, – это ничтожная доля времени, прожитого человечеством, ничтожная доля времени которое ему предстоит прожить. Завершение исторического поприща, единственной целью которого является богатство, угрожает нам гибелью общества, ибо такое поприще содержит элементы своего собственного уничтожения. Демократия в управлении, братство внутри общества, равенство прав, всеобщее образование освятят следую-

---

¹ Любутин К. Н., Саранчин Ю. К. История западноевропейской философии. С. 204.

щую высшую ступень общества, к которой непрерывно стремятся опыт, разум и наука. *Оно будет возрождением – но в высшей форме – свободы, равенства и братства древних родов*¹.

Эту грядущую – согласно общей схеме «дикость – варварство – цивилизация – культура» – ступень общества, в которой производство средств жизни будет подчинено *производству самого общества, форм общения*, а социальное производство, в свою очередь, будет мотивировано *культурным производством целостных индивидуальностей*, для которых духовное возрастание, креативная самостоятельность, нравственность, богатства человеческой субъективности станут самоцелью, мы и называет *культурой*. Общие контуры культуры как грядущей ступени общества служат мерилom оценки наличного состояния общественного развития, ценностного фонда общества, мотивов и устремлений современников и стиля их мышления.

Новая стратегия «золотого миллиарда». Современные процессы глобализма – это передел планеты ради эгоистического интереса «золотого миллиарда». Справедливое объединение народов ради общежития, когда отношения между народами строятся на нравственных отношениях, признанных между порядочными людьми, тенденция к такому объединению блокируются и уродуются антиисторическим, реакционным сопротивлением и агрессией пошлого всепланетарного эгоиста – транснационального финансового капитала. Это – попятное движение истории к новой крови, к новым страданиям и слезам «неизбранных». На этом пути культура как положительная социальность, как воплощение духа совершенства в зримые образцы человеческой субъективности больше невозможна. Зачем же России вписываться в «мировую техническую цивилизацию», которая клонится к закату? Разумнее предложить свои «правила игры», соединяя традиции отечественной культуры с процессами обновления. Классики отечественной культуры как досоветского, так и советского периодов не принимали буржуазную социальность по религиозным и духовно-нравственным соображениям. Христос дал Откровение о совершенстве, доступном лишь любящему сердцу: «Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный» и «Любите друг друга»². Глобали-

---

¹ Цит. по: *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. С. 177–178.

² Матф., V, 48.

сты же объявили XXI в. «постхристианским», т. е. люциферианским! Модерн Просвещения на наших глазах вырождается в социал-дарвинизм, социальный расизм. Постхристианский Запад творит второе распятие – отрицание образа Спасителя в человеческих душах. Поэтому А. С. Панарин указывал: «...наследием современного антиглобализма должна стать патристика. Восточные и западные отцы церкви, выстраивающие христианскую картину мира в борьбе с язычеством и языческими уклонами в асоциальный натурализм вещизма и инстинкта, сегодня являются нашими непосредственными учителями»¹.

А. С. Панарин был глубинным аналитиком и дал мудрый совет по выходу из общепланетарного кризиса. Весть евангельская явилась смысловым прорывом к *человеческой общности*. И эта Весть была столь созвучна заветным чаяниям народов, что апостолы без радио и телевидения христианизировали планету. *Путь к культуре как грядущей ступени человеческой истории – это путь, указанный Христом Спасителем.*

А спастись – надо. Размышляя о планетарном кризисе, В. И. Плотников пишет: «В наше время недовольство условиями человеческого бытия стало всеобщим. Еще в XIX в. значительная часть людей верила в прогресс и возлагала надежды на то, что развитие науки и техники принесет с собой рост благосостояния, а усиление натиска на природу и ускоренное преобразование традиционных форм социальной жизни людей приведут к торжеству свободы и подлинной человечности. В следующем веке этим надеждам пришел конец». Попытки добиться локального (национального или классового) благополучия за счет прямой диктатуры и властного передела территорий, продолжает автор, принесли одни беды: «кошмар концлагерей, безумие мировых войн, дикий разгул национальной вражды». Духовная притягательность всех старых ценностей в XX в. «была безвозвратно утрачена, а жизнь человечества потеряла смысл»². Автор констатирует: «На наш взгляд, цивилизация исчерпала себя в принципе как тип родовой жизни людей. Ее нельзя рассматривать ни в качестве синонима куль-

---

¹ Панарин А. С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М., 2003. С. 351.

² Плотников В. И. Ценностный мир человека и его судьба // Двадцать лекций по философии: учеб. пособие. 2-е изд. Екатеринбург, 2002. С. 398.

туры, ни в качестве предельно развитой формы бытия... В свое время цивилизация как гетерогенный тип организации человеческого бытия с необходимостью пришла на смену первобытности – гомогенному типу организации жизни людей. Ныне цивилизация изжила себя, и никакие проекты ее обновления уже не в силах вырвать человечество из тисков жесточайших противоречий»¹.

Производство капитала имеет смысл, если есть прибыль. Прибыль будет до тех пор, пока возможен *сбыт* прибавочного продукта. Рост на планете сектора капиталистического производства таит смертельную угрозу капиталу: кому сбывать прибавочный продукт? Ведь если производство капитала станет всеохватным, то угроза встанет во весь рост. Раньше было легче: были колонии и процветал неэквивалентный товарообмен. Отсюда и запредельная норма прибыли. Колониализм ушел в прошлое благодаря Советскому Союзу. В XXI в. проблема сбыта решается путем неоколониализма, а также путем кредитования (разумеется, под проценты) «развивающихся» стран для того, чтобы туземцы могли покупать прибавочный продукт и заодно платить по растущим долгам. Но и эта мера не долговечна, так как быстро истощает национальные ресурсы потребителей, и хитрость «благотетелей» – кредиторов разоблачается самой жизнью. Возникают такие национальные лидеры, как Уго Чавес, Президент Венесуэлы и его последователи в Латинской Америке. Известный экономист Михаил Хазин констатирует: «США в середине 90-х гг. окупали свой рынок 80-х и дальше оказались в совершенно идиотском положении. Сама парадигма научно-технического прогресса не предполагает остановки. Значит, надо двигаться дальше. Двигаться дальше – надо увеличивать объемы рынков, иначе не окупится. А свободных рынков больше нет на планете. Вообще нет. Иными словами – они вкладывают сегодня деньги, про которые заранее известно, что те не окупятся. Они пытались это компенсировать поддержкой имеющихся потребителей, увеличивая их возможность покупать. В результате их финансовая система настолько перекошена, что она рассыпается у нас на наших глазах. ...Модель научно-технического прогресса, европоцентричная парадигма, – заключает М. Хазин, – в которой человечество существовало 400 лет, начиная с XVI в., закончилась. Этой модели больше некуда развиваться, она исчерпала свой ресурс роста. То есть надо

---

¹ Плотников В. И. Ценностный мир человека и его судьба. С. 399–400.

придумывать новую модель»¹. М. Хазин в своем выводе не точен. Научно-технический прогресс здесь ни при чем. Все дело в производстве самовозрастающей стоимости (капитала) как *самоцели*. Надо менять цель экономики, ориентируя ее на целостное культурное воспроизводство поколений, культуры.

Новый метод продлить капиталистическое производство в XXI в. состоит в установлении «нового мирового порядка» – создании на *длительный период* рынка сбыта прибавочного продукта путем деиндустриализации стран-потребителей, радикального лишения этих стран всякой возможности встать на ноги, добиться экономической и политической *независимости* и вести свою игру на экономическом рынке. Именно такова стратегия стран «золотого миллиарда» – не только *деиндустриализация, но и ликвидация интеллектуальных, духовных и культурных ресурсов и превращение в сырьевые придатки для Запада почти всех стран планеты.*

Мера радикальная. Для ее реализации придуманы легенды: «радикальный либерализм», т. е. призыв срочно освободиться от государственного, тем более от всякого «народного контроля»; «демократия» и «права человека», «толерантность» и «политкорректность», разумеется, в толковании стратегии глобализма. Вместо предметной методологии в философии легализуется «шизофренический дискурс» постмодернизма, в котором ценятся «неясная логика» и «слабое мышление», децентрализация и десакрализация всего и вся и осуждается употребление этических категорий «справедливое-несправедливое», «заслуга-вина». Религиозным мотивом капиталистического производства (у его истоков) был догмат «избранности», провозглашенный в самой радикальной секте протестантов – в кальвинизме. Этим догматом капитализм и заканчивает свой последний цикл, придав догмату «избранности» практически осязаемую форму социального расизма.

Вырожденная буржуазная социальность деформирует мышление, всю область духа. Это эрозия первоосновы мышления и духа в форме угасания их *предметности*, подмена философии «филологией», мышления – игрой терминами; это эрозия базисных ценностей и потеря их *вертикали*; сведение субъективности с духовного уровня на *душевно-чувственно-телесный*; резкое сужение горизонта созна-

---

¹ О России будущего // Завтра. 2007. № 46 (678).

ния, локализация сознания на обыденном и банальном, *фрагментация*, дробление схем синтеза; это *угасание объективности* в истолковании событий, потеря способности к объективно обоснованным выводам из очевидных фактов общественной жизни в областях экономики, политики, права, нравственности; это курс ведущих государств планеты на *свертывание фундаментального* уровня науки и инвестиции в утилитарно-прикладной уровень, ориентированный на «инновации» и прибыль в области ширпотреба; это намеренная банализация общественного сознания средствами массовой информации, популяризация легенд, паранауки; это сатанинская исступленность в *десакрализации* всего, начиная от святынь и заканчивая интимными отношениями мужчины и женщины.

Чем спасительна первичность нравственности? Деформации мышления, духовной сферы вырастают, конечно, не из техносферы самой по себе, а из самой сути производства капитала, из *превращения социальной связи в овещенную связь ценой нарастающей утраты человеческой общности, нравственных императивов экономики, политики, управления*. Нравственность есть *чистая форма выражения человеческой общности*. С ее разложением распадаются вся культура, все хозяйство, вся политика и все правосознание. В нравственных отношениях субъекты *признают равноценность достоинства друг друга*, поэтому свободно доверяют друг другу; так рождаются братство и духовная солидарность между отдельными людьми и между народами. С такого признания и начинается нравственность, которую не следует путать с моралью. Мера в признании равноценности достоинства исторически меняется. *Нравственный прогресс состоит в приближении к полному признанию достоинства как на уровне личности, так и на уровне того или иного народа*. С отрицания равноценности достоинства и начинаются все виды деформации, будь то экономический гнет одних другими, использование политиком своей должности в своекорыстных целях, псевдонаука и псевдодемократия.

Грех материализма заключается, в частности, в сведении нравственности к статусу неглавной, несущественной формы социальной связи – в соответствии с пресловутым *остаточным принципом*. Религия, вне всякого сомнения, усиливает нравственные императивы тем, что сообщает нравственности *абсолютную основу*: если душа каждого есть образ и подобие Совершенства Божия, то субстанциально, по

происхождению, душам всех людей присуще равное достоинство; таким образом, религия объясняет доступно каждому, почему наши души равноценны по своей субстанции. Но и для людей, не разделяющих религию, нравственные императивы в экономике, политике, культуре, в личной и гражданской областях жизни призваны быть *основными ценностными ориентирами*. Мы это утверждаем на следующем основании. С позиций материализма, а он, как правило, ориентирован на внешний опыт и на внешнего человека, экономика первична, а нравственность вторична. Нравственность вырастает из сытого желудка как клеверный листок из чернозема. Вот материалисты и обустроивают жизнь в ее внешнем измерении. При этом материалистически ориентированные субъекты *распространяют метод естествознания на человеческую реальность*. Тем самым они грубо смазывают различие между объектами естествознания, не обладающими свободой воли, и разумными существами со свободой воли. При такой редукции отношение между материальной жизнью и нравственностью уподобляется отношению между температурой металла и его объемом: если металл нагреть, то его объем увеличится. Подобное понимание выдается за научное, объективное. Из-за таких интерпретаций, в частности, и рухнул Советский Союз. Эти толкования вообще не раскрывают природу нравственности, которая всегда, во всей писаной истории, исходила и ныне исходит из *должного*, а не из того, что существует под носом, в ближайшем окружении. Исходить из *должного* – значит исходить из *наилучшего*: *что свое достоинство и достоинство других в равной мере. Нравственность императивна, повелительна – «да будет так»! Наперекор всем обстоятельствам!* Таково ее кредо. Нравственность повелевает признать равноценность достоинства лиц и согласно такому признанию реализовать *должное* общежитие, в котором «свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех» (К. Маркс). Нравственность согласует цели различных субъектов на основе равноценности их достоинства и повелевает созидать хозяйство и культуру на такой основе. Нравственность, следовательно, по своей природе не может быть непервичной по отношению ко всем отношениям – и экономическим, и идеологическим.

Первичность нравственности есть иное выражение *первичности людей* по отношению к их *внешним произведениям* по логике

«творец первичен, его творение вторично». Материалистические же толкования устанавливают: первично творение, а не творцы, первична экономика, а не нравственность.

Нравственность – это *идеология достоинства человека*, всегда обосновываемая и усиливаемая *религией*. Нас могут упрекнуть в идеализме. Приведем высказывания политического деятеля, который достаточно прагматичен в государственных делах. В интервью журналу «Тайм» бывший Президент России В. В. Путин на вопрос корреспондента «Какую роль играют вера, религия в Вашем управлении страной?» ответил: «При решении управленческих вопросов, при формулировании задач мы, конечно, прежде всего должны руководствоваться здравым смыслом. Но этот здравый смысл должен быть основан на моральных принципах. Нет и не может быть, на мой взгляд, в сегодняшнем мире морали и нравственности в отрыве от религиозных ценностей. ...По моему глубокому убеждению, моральные ценности, без которых не может жить ни все человечество, ни конкретный человек, не могут быть никакими другими кроме религиозных»¹.

Почему именно религиозных? Все народы имеют религию потому, что она дает им то, что *не в состоянии дать иные формы сознания*. Религия, соединяя человека с Богом, позволяет обрести *абсолютные ценности*, которые транслируются через толщу веков как надежные ориентиры-звезды, которые нельзя погасить никакими внешними обстоятельствами. На основе таких ценностей в душах людей возникает *согласие* в основных вопросах; культура, управление, хозяйство получают единую ориентацию. Возникает *единство в многообразии ценностей*. Религия имеет *ценностную* природу и образует собой *иммунную систему народного духа от деструктивной социальности*. Ее *иммунная функция производна от абсолютных ценностей*. Секулярная наука не понимает основного – именно ценностной природы религии. Так, православие вселяет в души любовь и волю к совершенству, к объективно-лучшим содержаниям, к духовному возрастанию личности; оно исходит из верховенства именно нравственных императивов потому, что решает не вопросы производства вещей, но вопросы духовного воспроизводства поколений.

---

¹ Путин В. Нет и не может быть морали и нравственности в отрыве от религиозных ценностей // Православная газета: офиц. изд. Екатеринбург. епархии Рус. православ. церкви. Екатеринбург. 2008. № 1 (466).

Кризис социальной связи обрел масштаб планетарный. Дело не в дефиците природных ресурсов или денег, а в дефиците совести, а значит разума и культуры. Совесть – главное нравственное разумное чувство – исходит из *равноценности достоинства* каждого человека, что проявляется в известных императивах: чти достоинство свое и других лиц; поступай так, чтобы твой мотив стал принципом всеобщего законодательства; не превращай других людей только в средство для своих целей, ибо человек – самоцель.

Эти императивы отрицают саму основу капиталистического производства, в частности угнетение, грабеж развивающихся стран, паразитический финансовый капитал с его «финансовыми пирамидами» и мн. др. Но они же служат предпосылкой всех форм культуры, положительной социальности. Социализм означает буквально жизнеустройство, в котором *человеческая социальность* получает свободное самодеятельное развитие. Но сама социальность возникает как нравственная связь. Следовательно, социализм в его истине есть нравственное общество. Следует освободить идею социализма от ржавчины вульгарного материализма, от фетишизма собственности (общественная собственность сама все уладит), от воинствующего атеизма и последовательно, неуклонно созидать всю социальность – культуру и образование, экономику и политику – на нравственной основе, *практически признавая равенство достоинства каждого человека*. Это трудно, это – «узкий путь». Но другого пути нет. Иначе же история превратится в зоологию. К. Маркс и Ф. Энгельс были атеистами. Это их личное дело. И зачем же их личное дело надо было в православной России «огнем и мечом» превращать в дело публичное? Когда «стрельцы» от науки и либерализма метят в Бога, они всегда попадают в человека и в первооснову общежития и коллективной идентичности – в нравственность.

Первичный статус нравственности обязывает строить *право* на нравственной основе, иначе право становится неправым; такое право следует превратить в инструмент регуляции экономических отношений в направлении нравственно оправданной экономики; что нравственно, то всегда и экономично, но не наоборот, как полагает сознание, ушибленное экономикоцентризмом; *не нравственность надо согласовывать с экономикой, но экономику с нравственностью*; стратегию внутри России можно представить обобщенно по формуле

И. А. Ильина: в политике следует идти *направо*, а в экономике – *налево*. Идти направо – значит приближать жизнеустройство общества к Завету Христа, исходить в практических делах из нравственных императивов, традиций отечественной культуры, преемственности поколений; идти же налево – значит сообщать хозяйственной активности такие формы, которые просторны для инициативы, самодеятельности, предприимчивости. Тем самым Россия будет застрахована от крайностей и недугов морального релятивизма, либерализма, формальной демократии, с одной стороны, и от паралича хозяйственной инициативы – с другой. Такая страховка создаст предпосылки для восстановления национально-культурной адекватности народа, исторической памяти, достоинства и чести граждан, их социокультурной идентичности и тем самым – для смыкания исторической связи времен и поколений. Это и есть *креативный консерватизм*! Так Россия за десятилетия восстановит свой *великий исторический ранг* в религии и культуре, в государственном строительстве и хозяйстве; утвердит свои правила игры в международных делах и будет обретать все новых и новых союзников в геополитике.

Отметим еще раз: *не нравственность надо перестраивать согласно формам собственности, а наоборот – собственность согласно нравственности*. Для нравственных вырожденцев сами формы собственности так же мало спасительны, как и для умалишенных.

О первичном статусе нравственности в земных делах отлично писал И. А. Ильин: «Что создаст живописец, который не знает ничего высшего и священного над собою, не чувствует своей призванности сказать верное, зоркое и значительное и нисколько не намеревается создать “наилучше наилучшее”? он будет только тешить свою животную похоть, писать кое-что и кое-как, капризничать, демагогировать или дразнить воображение зрителя, произволять и безобразничать. Не так же обстоит дело с поэтом, музыкантом, скульптором и архитектором? Именно отсюда возник весь современный “модернизм” в искусстве. ...Чего ждать от безответственного судьи, не требующего ни верного правосознания от себя самого, ни очевидности в изучении факта, ни прозрения в душу подсудимого, ни точного знания закона? Такой судья ... создаст режим произвола, коррупции и кумовства. Безответственный политик есть интриган и карьерист, деятель столь же отвратительный морально, сколь пагубный в общественном отно-

шении; а между тем современная государственность кишит такими людьми – и в демократиях, и в тоталитарных государствах. Кто захочет лечиться у безответственного врача? Кто поручит своих детей безответственному воспитателю? Кто захочет принимать молитвы и таинства от безответственного священника? Какой полководец выиграет сражение, командуя безответственными офицерами, ведущими в бой безответственных солдат?»¹. Понять все это – «всего важнее в деле возрождения России»². Особенно современной России!

Ведь по мере отрицания нравственных императивов не только возникает деструкция всех сфер жизни людей, но и деформируется само их *мышление* именно потому, что область нравственности есть доступная каждому убедительная форма выражения *разума* (а не рассудка). Риторические вопросы И. А. Ильина ведь можно продолжать до бесконечности, применительно ко всем областям жизни. Разум есть та объективно мыслительная форма, тот высший уровень мышления общественного человека, в рамках которых знающая себя социальность устремлена на свою *родовую* природу, на ее сохранение, обновление и расцвет. А нравственность – это *духовно-практическая форма осуществления разума* во всех тканях индивидуально-общественной жизни. Нельзя быть разумным в одной области жизни, попирая разумность отношений между людьми в других областях. Разум тогда вырождается в *хитрость*, лишается единых критериев, запутывается в *самоотрицании* и деградирует. Возникает публичная лживость – отвратительная картина, когда *разум обосновывает* из фальшивых оснований свое *неразумие*. Так правительства США, Великобритании, Франции, Германии, Турции и ряда других государств заявили о признании легитимности провозглашения мятежного Косова суверенным государством вопреки нормам международного права и решениям Совета безопасности ООН. Двойные стандарты США и Запада, о которых неустанно говорит высшее руководство России, есть *эрозия разумности буржуазной цивилизации*. Такие двойные стандарты подобны тому, как если бы, например, химик относительно одних реакций исходил из двухвалентности кислорода, а относительно других – из его, скажем, пятивалентности. Вот такая «социальная химия» практикуется США и Европейским союзом. За признанием

---

¹ Ильин И. А. Путь к очевидности. М., 2007. С. 33–34.

² Там же. С. 35.

«фальшивого» государства на территории Косова скрывается непризнание суверенитета государства Сербии, отрицание самой субъектности за сербским народом, самого его человеческого достоинства.

США и ЕС принялись за старое – за социал-дарвинизм, за социальный расизм, в пределах которых нет места нравственности, т. е. признанию равноценности достоинства народов, а значит, нет места разумному международному праву, взаимовыгодным договорам, справедливому экономическому сотрудничеству и общепланетарной человеческой солидарности. В погоне за монополией на властное обладание ресурсами планеты, движимые жаждой потребления и прибыли, США и их союзники сломя голову мчатся в исторический тупик. Ко всем порокам, описанным в Ветхом Завете, США добавили свои «цивилизованные» в такой мере, что, анализируя их, Патрик Дж. Бьюкенен с грустью констатирует: «Запад умирает»¹.

Материализм и идеализм в *качестве крайностей рассеиваются в условиях человеческой общности, креативной культурной антропологии*. Меньше всего наши рассуждения о материализме касаются лично кого-либо. Более того, лица, декларирующие свое материалистическое миропонимание, довольно часто в реальной жизни – бесребренники и идеалисты. И наоборот! Вероятно, срабатывает какая-то тенденция к «компенсации». Чего? Наверное, односторонности, причем в самой реальной жизни; односторонности, порождаемой *разделением* видов деятельности (труда). Описав «односторонности» и крайности реальной жизни, а затем свое понимание человека, *полноты* его жизненных проявлений, К. Маркс, которого относят к «материалистам», далее пишет: «Мы видим, что только в общественном состоянии субъективизм и объективизм, спиритуализм и материализм, деятельность и страдание утрачивают свое противопоставление друг другу, а тем самым и свое бытие в качестве таких противоположностей; мы видим, что разрешение *теоретических* противоположностей само оказывается возможным только *практическим* путем, только посредством практической энергии людей и что поэтому их разрешение отнюдь не является задачей только познания, а представляет собой *действительную* жизненную задачу, которую

---

¹ Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. М., 2003.

философия не могла разрешить именно потому, что она видела в ней *только* теоретическую задачу»¹.

Преодоление этих односторонних крайностей, размышляет Маркс, возможно в процессах самоосуществления людьми своей универсальной общественной природы – как в актах свободной самодеятельности, так и в ансамбле всех форм общения, общественных отношений. Коммунизм Маркс накрепко связывает именно с креативной культурной антропологией, с креативными продуктивно-творческими силами, которые человек реализует как преображаемый мир, государство, общество и затем вбирает в себя опредмеченную свою сущность, обогащает, обновляет себя и вновь себя же осуществляет, т. е. не застывает только на «материальном» или на «идеальном», а процессуально объединяет их в *полноте* своего жизненного общественного процесса. Даже «страдание, понимаемое в человеческом смысле, есть самопотребление человека»²: к последнему относится не только одно наслаждение. Примечательно, что в своей антропологии Маркс исходит по-преимуществу не из отношения «предметно-чувственный мир → человек», где человек выступает существом отражающим, воспринимающим, страдающим, но из отношения «человек → предметно-чувственный мир», в котором субъект объективирует свои потребности, стремления, творческие силы; здесь мир предстает, так сказать, в эквивалентной форме – как «раскрытая книга» универсальности человека, его чувств, наслаждений, страданий, мышления, воления, как объективированная человеческую субъективность. Именно это последнее отношение доминирует во всех работах Маркса, который продолжает *субъектную философию*, особенно Канта, Фихте, Гегеля. *Субъектный вектор* его философии не осмыслен в должной мере в дальнейшем. Он «занавешен» в марксоведении анализом частных аспектов наследия этого выдающегося мыслителя.

Маркс настолько увлечен практическим преодолением «отчуждения», что нередко хватает через край. Он пишет, что частная собственность есть осязаемое «выражение отчужденной сущности человеческой жизни». Движение частной собственности – это проявление «движения всего предшествующего производства». «Религия, семья, государство, право, мораль, наука, искусство и т. д. суть лишь особые виды произ-

---

¹ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. С. 123.

² Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. С. 123.

водства и подчиняются его всеобщему закону», т. е. закону частной собственности. Положительное упразднение частной собственности как утверждение человеческой жизни есть «положительное упразднение всякого отчуждения, т. е. возвращение человека из религии, семьи, государства и т. д. (Маркс почему-то не продолжает ряд: из права, морали, науки, искусства. – С. Г.) к своему *человеческому*, т. е. общественному, бытию»¹. Так что не только в религии, по Марксу, человек осуществляет себя в отчужденной форме, но и в семье, государстве, праве, морали, науке, искусстве. С чем же человек останется в своем «общественном бытии» без религии, семьи, государства, права, морали, науки, искусства? Почему бы в общественное бытие человеку не захватить с собой религию, семью и т. д.? Ведь сам Маркс настаивает: человек есть «индивидуальное общественное существо», имеющее, следовательно, и индивидуальные предпочтения. Маркс намекает на «положительное», т. е. на созидательное, упразднение частной собственности и отчуждения: в процессе производства своей собственной жизни люди придут к осознанию первичности социальной связи, преодолеют вещный фетишизм, порвут путы частной собственности и утвердят такие общественные формы общежития, которые откроют большой простор для творческой реализации их самостоятельной универсальной сущности как в отношении к природе, так и в отношении друг к другу; преобразуют социальную связь в *человеческие узы*. Мы тоже на это надеемся, полагая культуру как *грядущую ступень истории*. Остается отметить, что Маркс жил на лондонском меридиане и насмотрелся на ту свирепость, с какой кальвинисты отстаивают свою частную собственность. Ведь ее возрастание, согласно протестантизму, – верное свидетельство богоизбранности. А небогоизбранным уготованы адские муки. Таков был вердикт английских фермеров XVII в. по отношению к крестьянам, которых сгоняли с земли. Этой же установкой руководствовались протестанты, создавая Северную (передовую) Америку путем геноцида индейцев и рабства негров. В России не было протестантского мотива накопления, поэтому и толкование частной собственности, например И. А. Ильиным, было значительно иным. В России проблема отчуждения особо никого не занимала ни в философии, ни в жизни!

---

¹ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. С. 117.

Итак, следует различать культуру в *узком* и *широком* смысле: культуру как положительную социальность, как меру развития и духовного возвышения людей и культуру как *ступень истории* постбуржуазного периода, как *креативно-антропогенную общественную формацию*. В рукописях к «Капиталу» К. Маркс далеко выходит за рамки экономических формаций, устремляя свой мысленный взор к такому жизнеустройству, когда люди станут развиваться в своих универсальных креативных определениях. На наш взгляд, именно такого рода устремления, скорректированные духовно-нравственными ценностями отечественной культуры, составляют перспективу в развитии человеческого и общественно-общественного сознания.

В заключение отметим те особенности капиталистического производства и буржуазной социальности, которые деформируют мышление вообще и категориальное мышление в особенности.

О специфике производства капитала и хаотического сознания. Капиталистическое производство имеет следующие отличительные особенности:

1. Прибавочный продукт изымается от производителя не в натуральной, а в *стоимостной* форме, причем, в порядке свободного найма.

2. Работник продает свою способность к труду в обмен не на продукты потребления, а на заработную плату в виде *денег*.

3. Мотивом производства является производство не потребительной стоимости, а стоимости, причем, что главное, *прибавочной* стоимости; техника, люди и др. ценны в той мере, в какой они способствуют приросту прибавочной стоимости; например, перепроизводство прибавочного продукта (мясо, молоко и т. д.), не нашедшего платежеспособного спроса, грозит производителю разорением; такой продукт просто уничтожается.

4. Как только способность к труду становится товаром, то в принципе все получает возможность стать товаром; продажа должностей, званий, экспертиз и т. п. – все это не отклонение от нормы, а продолжение механизма рынка в форме коррупции, лоббирования и т. д.; раз товарная форма стала тотальной, то и принцип *рынка* тоже становится всеохватным; ведь товар получает *ценность для обмена (стоимость)* именно на рынке.

5. Прибавочная стоимость получает единое и общепризнанное выражение в денежной форме.

6. Эффективность труда, социальной активности измеряется, опять же, в *денежной* форме; поэтому капитал по существу своему враждебен нравственности, культуре, религии – тем ценностям, которые имеют *достоинство сами по себе* и не поддаются сведению к ценностям для обмена ради прироста прибыли; этой враждебностью объясняется курс современного буржуазного общества на деинтеллектуализацию, десакрализацию всего, на дехристианизацию народной жизни, на постхристианский мир.

7. Сведение всех ценностей к денежному выражению позволяет отрывать *денежные показатели* от совокупности *потребительных стоимостей* и манипулировать этими показателями так, что *без прироста товарной массы* можно умножать свой капитал, например играя на бирже; подобно тому как в числе, в численности единиц полностью погасли те или иные качества вещей (количество килограммов, метров, градусов угла или пива), в деньгах целиком исчезли своеобразие потребительных стоимостей и *способ приобретения денег*, что позволяет иметь нетрудовые доходы и получать доходы нелегитимным путем; ныне манипулирование ценными бумагами, финансовыми пирамидами приняло такую паразитическую форму, что финансы все более отрываются от «физической», производительной экономики.

8. Социальное положение индивида определяется его возможностями «доступа к капиталу». Поэтому «социальная иерархия капитализма приобретает всегда и неизбежно форму именно классовой иерархии»¹. Буржуа – это собственник именно капитала, а пролетарий – это наемный работник не вообще, а тот, кто производит именно *прибавочную* стоимость. Вот почему «теория Маркса актуальна ровно столько времени, сколько существует капитализм. И напротив, любые попытки преодолеть марксизм, оставить его в прошлом проваливаются до тех пор, пока буржуазная система остается непоколебимой»². Работы К. Маркса являются, по выражению Ч. Райта Миллса, «необходимым инструментом для любого квалифицированного социолога». «Если некоторые слышат в моих работах эхо Марксовых идей, это, – отмечает Миллс, – говорит лишь о том, что я получил хорошее образование. Если же они сами не принимают идеи Маркса во внимание,

---

¹ Кагарлицкий Б. Ю. Марксизм: не рекомендовано для обучения. С. 30.

² Там же. С. 23.

это свидетельствует лишь об отсутствии необходимого образования у них»¹. Философия Маркса – это прорыв в новое понимание человеческого мышления, самосознания, духа, человеческой общности и солидарности; понимание, связавшее воедино достижения классической предшествующей философии в такую смысловую *архитектонику*, которая открывает *подлинный простор для путешествия за открытиями* и вне которой ум будет или слоняться по прежним запутанным тропам, или робко топтаться вблизи тех открытий, который Маркс сделал и выразил ясно и чеканно.

Особенности капиталистического производства определяют собой и особую *социальность* буржуазного общества – сведение всего и вся к *единому измерителю социальной эффективности, к деньгам*; резкое *понижение* ранга ценностей, человеческих притязаний. Современная буржуазная социальность – это нарастающая *пошлость*, вызывающая «тошноту»; это – последний период некогда могучего способа производства людьми собственной жизни, период его заката.

Эта социальность «превратила личное достоинство человека в меновую стоимость»², а человека, как и территории, государственные статусы – в товар. *Сущность человека – это свободная самореализация его творческих сил в актах самодеятельности, в силу чего человек испытывает радость и удовольствие от созидательного самоосуществления и от признания своей собственной социальной значимости* – так можно передать позицию Маркса. С такой *креативно-антропологической сущностной* позиции можно верно осмыслить процессы опредмечивания, овещнения и отчуждения, труда и «работы», полагая капитализированную частную собственность причиной превращения труда (адекватной формы свободного самоосуществления человека) в «работу», в принудительную деятельность, в «муку» и «самоутрату».

Капитализм губителен для *человеческой общности* именно тем, что он *блокирует адекватные формы перевода человеческой процессуальной сущности в действительность*, предлагая, образно выражаясь, всюду галлюциногенный Голливуд. Питирим Сорокин, выходец из России и патриарх западной социологии, в своей работе «Кризис

---

¹ Цит. по: Любутин К. Н., Кондрашов П. Н. Диалектика повседневности. С. 19.

² Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии. С. 426.

нашего времени» свидетельствовал: «Все важнейшие аспекты жизни, уклада и культуры западного общества переживают серьезный кризис. Больны плоть и дух западного общества, и едва ли на его теле найдется хотя бы одно здоровое место или нормально функционирующая нервная ткань. ...Мы как бы находимся между двумя эпохами: умирающей чувственной культурой нашего лучезарного вчера и грядущей идеационной культурой создаваемого завтра. ...Ночь этой переходной эпохи начинает опускаться на нас, с ее кошмарами, пугающими тенями, душераздирающими ужасами»¹. «Кошмары» и «ужасы» порождаются эрозией *родовой сущности* человека, отмеченной нами блокировкой. Уместна свежая иллюстрация «кошмара»: в 2006 г., сообщают деятели российской культуры, в Вене состоялась встреча священнослужителей, ученых, деятелей культуры из католического Запада и православного Востока под названием «Верните душу в Европу». Представители западного католического мира заявили: «Европа – экономический гигант, но духовный карлик»; «Вы думаете, варвары стоят на границах Европы? Нет, – в наших правительствах, в наших СМИ!»².

Современный *постмодернизм в философии и политике* – адекватное идейное выражение особенностей капиталистического производства в его современной форме. Постмодернисты (Ж. Бодрийар, Ж. Ф. Лиотар, Ж. Делез, Ф. Гваттари, М. Серр, Р. Ротри и др.) отрицают достижения классической философии Нового времени, философию Гегеля и К. Маркса, отрешиваются от объективных закономерностей и объективности мышления, от истины, от нравственных оценок; они – релятивисты, для них все относительно.

Какой стиль мышления формирует современная буржуазная социальность? Буржуазная социальность следующим образом задает особый стиль мышления, представленный в постмодернистской философии.

1. Если в капиталистической экономике финансовый капитал все более отрывается от производительного капитала, а деньги – от товарной массы, то постмодернисты *отрывают значения от обозначаемого* (от референта, от действительности)! Карта стала важнее реальности. Обозначаемое заменено знаками. Ж. Деррида утверждает:

---

¹ Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 427.

² Вера и знание – не антагонисты! Ответ на «письмо академиков» // Завтра. 2007. № 32 (716).

«Мы даем знаки. Знак ... представляет собой отложенное, отсроченное присутствие. При этом не имеет значения, идет ли речь... о делегатах на выборах или о политических представителях, движение знаков откладывает момент встречи с вещью самой по себе»¹. Политики в России тоже стали производить *движение знаков, словесных обещаний*, откладывая каждый раз сроки реализации обещаний. И народ переходит от одного ожидания к другому, а потом – от одного разочарования к иному разочарованию. Все политические технологии, обслуживавшие режим Б. Н. Ельцина, отмечал А. С. Панарин, – «основывались на главном постулате постмодернистского дискурса – на подмене обозначаемого обозначающим, объективных показателей, относящихся к реальной социальной действительности, знаками»². Постмодернисты, отмечает профессор университета Нотр-Дам (США) К. Харт, «любят обитать в виртуальном мире»³. Чем же можно объяснить такую странную подмену обозначаемой реальности знаками? Почему постмодернистам так нравится обитать в виртуальном мире? Ведь кто-кто, но философы-то обязаны понимать различие между объективными процессами и их идеальным выражением в знаковой форме. Почему же язык стал для некоторых из них не средством выражения действительности, а «домом», вне которого иного бытия нет?

Существо дела заключается ведь не в индивидуальных предпочтениях, а в какой-то *объективной тенденции*, которая и выражается в «дискурсах» постмодернистов. Э. В. Ильенков верно уловил такую тенденцию еще тогда, когда постмодернизм только оформлялся. Прослеживая эволюцию философии, ведущую от Гегеля к Хайдеггеру и Гадамеру, он анализировал *знаковый фетишизм* на материале «логического позитивизма», «философии языка», «логической семантики», «языка науки», иных родственных направлений в философии и логике. Дело в том, что позднекапиталистическое разделение труда породило массу профессий, представители которых «действительно живут» в мире слов, знаков, символов, «не имеющих почти никакого зацепления с действительностью». Это – счетчики-вычислители, преобразующие одни знаковые выражения в другие знаковые выражения,

---

¹ Цит. по: Гурко Е. Жак Деррида. Деконструкция: тексты и интерпретация. Минск, 2001. С. 116.

² Панарин А. С. Народ без элиты. С. 63.

³ Харт К. Постмодернизм. М., 2006. С. 53.

армия адвокатов, занятых формальным подведением юридических характеристик фактов под определения права; легионы журналистов, «старающихся перещегоолять друг друга в умении раскрашивать в яркие словесные тона ничего не значащие факты и рассматривающие эти факты лишь как поводы для упражнения в чисто вербальной ловкости»; представители «абстрактной живописи» в пестром потоке модернизма в искусстве. Для подобных профессионалов «язык действительно превратился из средства выражения действительности в единственный предмет их работы. ...Для них и “естественна” иллюзия, согласно коей язык и есть “подлинное бытие”». Из такой профессиональной иллюзии и вырастает знаковый фетишизм, столь характерный в нынешнем постмодернизме. Тайна этого фетишизма, заключает Э. В. Ильенков, раскрывается в калечащем людей разделении труда¹.

Предметно ориентированное мышление понятно и естественно «для тех классов, людей, которые преобразуют своими руками неподатливый материал природы, постигая в ходе этого преобразования его собственные свойства и закономерности изменения, и для той науки, которая ясно видит свою генетическую связь с этим реальным процессом и старается понять его закономерности, чтобы сделать руки умнее, чтобы научить их работать с материалом в согласии с его собственной природой, а не вопреки ей»². Маркс выступил за союз философии, науки и труда, хорошо понимая губительность такого разделения труда для человеческой солидарности. Здесь уместно привести его отточенную формулу: как философия находит в пролетариате свое материальное оружие, так и пролетариат находит в философии свое духовное оружие.

Разве доллары не превратились в самой современной реальности в автономный мир знаков после того, как США в 1971 г. устранили золотое обеспечение этой валюты? Постмодернизм в философии и литературе есть абстрактное выражение отрыва денег от производства, того, что породило в экономике устранение золотого стандарта доллара, – свободно плавающий курс валют, долговые обязательства, финансовые пирамиды, дустрый репутационный (знаковый) капитал и т. п.

---

¹ Ильенков Э. В. Гегель и герменевтика // Ильенков Э. В. Искусство и коммунистический идеал. М., 1984. С. 103–104.

² Там же. С. 106.

2. Если в капиталистической экономике, в буржуазной социальности производство прибавочной стоимости, деньги стали самоцелью, то у постмодернистов самоцелью выступает манипулирование значениями в таких *причудливых формах*, что аналитики обоснованно квалифицировали постмодернистский стиль мышления как «шизофренический дискурс». Так, Ж. Делез пишет: «Дискретное, отчужденное, вытесненное – три случая естественной блокировки, соответствующие номинальным концептам, понятиям природы и свободы. Но во всех случаях, чтобы объяснить повторение, обращаются к форме тождественности понятия, форме одинакового в представлении»¹. Подобные «знаковые пирамиды» так же не обеспечены *реальным предметным значением*, как и финансовые пирамиды не обеспечены реальным приростом потребительных стоимостей. Если нынешний финансовый капитал стремится к усеченной схеме получения прибыли, минуя реальное производство (Д – Д'), то постмодернисты имитируют интеллектуальную деятельность по схеме «знак – знак'», отрываясь от предметно-чувственного мира.

Предметность мышления – это пропуск в подлинную науку, этику и эстетику, во всякое творчество, будь то политика или право, управление или воспитание. Потеря предметности – путь к угасанию мысли, духа, всей культуры, примером чему является постмодернизм, превративший язык в самодостаточную реальность, а философию – в произвольную игру словами «по ту сторону» всяких ценностей. Например, Ж. Делез пишет: «Естественным продолжением оральности является каннибализм и анальность. В последнем случае частичные объекты – это экскременты, пучащие тело матери так же, как и ребенка. Частицы одного всегда преследуют другое, и в этой отвратительной смеси, составляющей страдание грудного ребенка, преследователь и преследуемый – всегда одно и то же. В этой системе рот – анус, пища – экскременты тела проваливаются сами и сталкиваются другие тела в некую всеобщую выгребную яму. Мы называем этот мир интроецированных и проецированных, пищеварительных и экскрементальных частичных внутренних объектов миром *симулякров*»². С. Н. Мареев квалифицировал метафизику постмодернистов как ме-

---

¹ Делез Ж. Различие и повторение. СПб., 1998. С. 30.

² Делез Ж. Логика смысла. М., 1995. С. 224.

тафизику тела, «анально-оральных выделений, кожи, гениталий и шизофрении». Это своего рода нарочитый изыск, «что-то вроде редкой породы собачек или однополой любви»¹.

И. А. Гобозов, анализируя «шизофренический дискурс», приводит такой факт. Два физика А Сокал и Ж. Брикмон, удрученные интеллектуальным перерождением американской университетской интеллигенции, провели оригинальный эксперимент: написали пародию на «дискурс» постмодернистов под абсурдным названием «Нарушая границы: к трансформативной герменевтике квантовой гравитации», наполнив статью явными нелепостями, в частности утверждал, что известное число π Евклида и сила притяжения G Ньютона являются исторически преходящими, так как физическая реальность является лингвистической и социальной конструкцией, нарративом, большим рассказом. Эта статья была опубликована в модном культурологическом журнале «Социальный текст» в специальном номере как ответ на выступление отдельных ученых против постмодерна²! Оказывается, отмечают К. Н. Любутин и П. Н. Кондрашов, физики, согласно постулатам постмодернизма, «нам рассказывают рассказы, нарративы о молекулах и электронах, не более того». К подобному псевдонаучному взгляду «могли придти только люди, совершенно не знакомые с подлинно научным исследованием». Постмодернизм – «это путь к уничтожению науки», «игра и соревнование в радикализме, но при этом сами постмодернисты не желают нести ни моральной, ни тем более интеллектуальной ответственности за свой радикализм, – в силу этого их можно было бы назвать интеллектуальными террористами (экстремистами)»³.

3. Либеральной рыночной экономике и либеральной идеологии, призывающей граждан освобождаться от государственного регулирования и контроля, соответствует отказ постмодернистов *от культуры мышления, от логической дисциплины*. Научная методология подменяется «правилами игры». История представляется как архив, на полках которого можно произвольно выбирать то, что заблагорассудится.

---

¹ Мареев С. Н., Мареева Е. В., Арсланов В. Г. *Философия XX века: истоки и итоги* М., 2001. С. 456–457.

² Гобозов И. А. *Куда катится философия. От поиска истины к постмодернистскому трепу: филос. очерк*. М., 2005. С. 103–105.

³ Любутин К. Н., Кондрашов П. Н. *Диалектика повседневности*. С. 76.

Если идет речь о различии чего-либо, то оно абсолютизируется так, что отрицается тождественное в различиях, если мысль постигает многообразие, то отрицается единство в многообразии. Главное – надо «различать», главное – «фрагментарность». «Именно эта пугающая фрагментарность всего нашего интеллектуального наследия, – пишет К. Харт, – характеризует постмодернизм во всей его неприкрытой сути»¹.

Но научная мысль тогда открывает новую грань бытия, когда за различиями она схватывает существенное *тождество*, за многообразием – *единство*. И. Ньютон за падением яблока и движением планет мысленно увидел *одно и то же* – действие силы гравитации и стал классиком в науке. За пестрым многообразием экономических факторов Маркс постиг *единую* природу производства капитала. Прежде чем различать, например, производство капитала в США и в Японии, необходимо установить, *что такое производство капитала вообще*; ибо различия имеют логический смысл только в рамках *определенного тождества*. Иначе мы будем иметь не существенные различия, а эмпирическую *разность непонятного* уровня: в огороде бузина, а в Киеве – дядька.

Для М. Бланшо одним из «неизменных и мощных противников было единство»². Единство самосознания, идентичность личности в смене ситуаций, единство территории страны, единство государства и т. д. – это, оказывается, нечто тоталитарное, некие оковы; оковы, но лишь для мышления, которое не ведает или отказалось от культуры разумного мышления (диалектики), соединяющего противоположности в продуктивный и важный *практический синтез* в реальной жизни. Люди независимо от философских построений работают друг на друга, ежечасно, повседневно творят *единую* связь, делают *практический синтез* из раздробленной единичности, из тех или иных элементов и частей, соединяют их в целое. Из *практического синтеза* следует и *синтез логический* – понятийное связывание эмпирического материала. Философия, которая отвлекается от этой повседневной непосредственной деятельности миллионов людей, от социальной ответственности каждого, кто включен в общее дело, не может быть содержательной; собственно говоря, это не философия. *Логика ценит*

---

¹ Харт К. Постмодернизм. С. 117.

² Харт К. Постмодернизм. С. 115.

тот, кто ценит труд и тружеников. В отличие от авторов «дискурсов» человек созидательного труда признает логику и стыдится, чувствует себя неловко, когда его упрекают в нелогичности дел и мыслей.

После трудов Гегеля как-то неудобно напоминать о том, что хвататься за одно определение (различие, часть, многообразие и т. п.), игнорируя противоположное (тождество, целое, единство и т. д.), означает разложение теоретической мысли с печальными последствиями на *практике*. Мыслить логически, заметил Маркс в беседе с социологом М. М. Ковалевским, «можно только по диалектическому методу, ну а нелогически, – хотя бы и по позитивному»¹, особенно, добавим, постмодернистски.

Философская диалектика оформила в понятиях исторический жизненный опыт различных народов – умение *разрешать противоречия путем соединения противоположностей в гармонию, в лад, в справедливое сочетание интересов* индивидуальных и общих. Такое умение требует всякий раз не только напряжения ума, но и совести, чувства общности, солидарности, сочувствия, понимания достоинства иных людей, взаимного уважение, аскезы. *Всеобщей формулой* такого соединения противоположностей является – это великое открытие Гегеля – *гармония всеобщего, особенного и единичного*. (Гераклит первым выразил такую гармонию в виде образа лада лука и лиры.) За этой логической формулой Гегеля скрывается, конечно, социальная связь людей. У Гегеля и Маркса диалектика является логикой процесса – *нарастания конкретности* в развитии целого путем разрешения противоречий. Противоречие есть форма, в пределах которой противоположности, дополняя друг друга своими содержаниями, срастаются в новое, более развитое образование. Именно в противоречиях проходят *апробацию и тест на жизнеспособность* те или иные содержания. И выдержав противоречие, они сливаются в конкретное целое. Поэтому противоречия – не столько источник деструктивности, разлома и гибели, сколько способ возвращивания жизнеспособных конкретных форм. Если в мышлении разумно восходить к конкретному содержанию, то *не менее разумно это осуществлять и на практике*, в повседневной жизни, в практическом синтезе, что задолго до Ге-

---

¹ Ковалевский М. Встречи с Марксом // Воспоминания о Марксе и Энгельсе. М., 1956. С. 315.

геля индивиды делали и делают поныне – в семье, коллективе, в общении, в управлении, в самовоспитании, в духовном преодолении соблазнов. Умение работать в коллективе, сопрягать «мое» и «твое» в «наше» – это жизненная повседневная диалектика. Гегель мудро выразил это жизненно важное умение. И это умение каждый вынужден самостоятельно обретать и на своем опыте, и на опыте классической философии, чтобы не потерпеть жизненного крушения.

Надо потерять здравие ума, чтобы отказаться от исторического опыта разрешения противоречий, от диалектической традиции философии, признать диалектику выдумкой, впасть в ту узколобую субъективность, которая за поверхностью явлений не постигает существенного основания, за пестротой многообразных внешних событий – устойчивые (закономерные) тенденции, и мнить себя при этом некоей референтной фигурой, на самом деле фигурой элитарной в пустяках и курьезах, в слабomyслии и безответственности. То, что люди вне философии делают практически, диалектическая философия выражает теоретически, транслируя опыт творческого соединения противоположностей, будь то тождественное и различное, основа и обоснованное, целое и части, необходимое и случайное, многообразное и единое. Отказавшись от наследия классической философии, авторы постмодернистских построений отказались от древнего искусства и от теории разрешения противоречий, настаивая на *мозаично-клиповом* характере культуры, в которой индивид скользит по поверхности, не имея возможности укорениться в *основу* общественного жизненного процесса.

4. Антиреализм, антиосновность существенным образом характеризуют постмодернистское мышление. Лишь подменив реальность «картой», обозначаемое – знаками, только выбросив из логического арсенала категорию *основы* (а значит, закономерности, субстанции, причины, взаимодействия), можно произвольно жонглировать терминами и «дать волю спекулятивному коню». Соединять противоположности в гармонию можно лишь в пределах общей для них основы. Из антиреализма и антиосновности с необходимостью следуют присущие постмодернистским построениям *номинализм, релятивизм, внеисторизм, потеря предметного содержания мысли, крайний субъективизм, безответственная игра терминами*, а в целом *разложение* теоретической мысли и превращение философии в рассказы о том

о сем, в литературоведение. Антиосновность – «лучший способ» представить постмодернизм, пишет К. Харт¹.

Культура мышления сфокусирована в категориальной триаде «всеобщее – особенное – единичное». Это прекрасно аргументировано Э. В. Ильенковым на материале теоретического наследия К. Маркса². Методологическая значимость этой триады раскрыта в совместной монографии К. Н. Любутина и П. Н. Кондрашова о диалектике повседневности, которая нами уже цитировалась. Достоинство этой монографии заключается, в частности, в выявлении роли категории повседневности в конкретно-историческом анализе социальной действительности. Авторы предложили теорию повседневности с позиций методологии К. Маркса. Как это – методология Маркса и повседневность «в одном флаконе»? Правомерен ли анализ повседневности с позиций такой методологии? Ведь Маркс, как ныне полагают многие, располагал понятийной сетью лишь «с крупной ячейкой», рассматривал крупномасштабные определения (формация, производительные силы и т. п.). Человек в его повседневности в такую «сеть» не мог попасть. Не является ли вопрос о повседневности в трудах Маркса надуманным?

В монографии авторы исходят из того, что явление, которое впоследствии становится «всеобщим» (формационные определения, национально-культурные особенности, образ жизни), вначале возникает как единичное, частное явление. Всеобщие нормы, образцы *вырастают из единичного и отдельных случаев* в стихии повседневности. Классики марксизма в отличие от их эпигонов «всегда держали в уме тот простой факт, что всякая высшая форма бытия фундируется в способах бытия более низших форм»³. Удерживать в воображении повседневность в исследовании *системных связей целого* – значит мыслить *исторически конкретно*, соединяя *всеобщие* определения целого с их *особенными и единичными* модификациями так, как они реализуются в ткани общественного бытия и представляются в общественном сознании. Новое понимание истории вызревало как осмысление повседневных процессов бытия (см. «Положение рабочего класса в Англии» Ф. Энгельса); люди вынуждены ежедневно воспро-

---

¹ Харт К. Постмодернизм. С. 54.

² Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении.

³ Любутин К. Н., Кондрашов П. Н. Диалектика повседневности. С. 5.

изводить средства жизни и тем самым отношения друг другу по поводу производства своей жизни. Осмысление повседневных структур привело к оформлению собственно марксистской методологии – к ее *жизненной конкретности*. Будущее общество должно вырастать как «общество *человечное* из практического преобразования именно повседневных структур бытия людей (труда, отдыха, быта)»¹, когда эти структуры станут не только стоимостно емкими, но и, в первую очередь, *человеко емкими, человеко проводными, культуро емкими, соединяющими индивидов лично стно развивающими узами*.

Отъединение *всеобщих* определений социального бытия от *особенных, системных связей, от повседневной* реальности неизбежно ведет к научному бесплодию, или к пустой формалистике категорий, или же к фрагментации, мозаичности социальной реальности и сознания. В структуре социальной реальности авторы выделяют взаимосвязанные уровни: *всеобщий*, включающий инвариантные характеристики *социально-экономической формации*; *особенный*, представляющий собой *национально-культурное и историческое своеобразие* этого формационного инварианта, – то, что Маркс называл *образом жизни (Lebensweise)*; *единичный*, выступающий *непосредственной* формой существования людей, – событие (*Ereignis*)²; из взаимосвязи событий складывается повседневность. Формационные и культурные процессы реализуются посредством живой, непосредственной деятельности и общения конкретных индивидов в конкретных условиях, «оживают» в этой стихии и в ней же получают импульсы к *приращению* своего содержания. И лишь мысленно удерживая *триединство этих уровней*, можно осуществлять *конкретно-историческое* исследование, можно понять, почему, например, США и Япония при едином способе производства представляются столь различными в сфере производства: на предприятиях США – строгая регламентация в духе системы Тейлора; для японских же предприятий характерен пожизненный найм с неформальными полусемейными отношениями по типу традиционно-общинных. Один и тот же способ производства преломляется через различные национально-культурные особенности и различное историческое наследие этих стран.

---

¹ Там же. С. 30.

² Любутин К. Н., Кондрашов П. Н. Диалектика повседневности. С. 113.

Диалектический метод Маркса схватывает не только *всеобщее*, «номотетическое» (формационный инвариант общества), но и *особенное* «индивидуализирующее» (по терминологии Виндельбанда и Риккерта) – национально-культурные особенности и *детали повседневной, непосредственной жизни*, в которой преломляются формационные и национально-культурные процессы. Искусственное разделение неокантианцами методов познания на номотетический (естествознание) и идеографический (история) связано с рассудочным *отрывом* всеобщего от особенного и единичного. Метод исследования Маркса обязывает исследовать всеобщее через *его противоположности* – на основе единичного и особенного. А в единичном и особенном схватывать *всеобщие* закономерности.

Повседневность есть единство уникальности и всеобщности, «это форма непосредственной человеческой деятельности, посредством которой люди удовлетворяют свои ежедневные потребности трудовых будней, домашнего быта и свободного времени с помощью привычных (“подручных”) методов и средств, воспроизводя тем самым свое собственное наличное бытие, а значит, и бытие общества в целом»¹ в его национально-культурных особенностях, образе жизни и формационных всеобщих инвариантах.

Повседневность связывается со всеобщим (формационным) и особенным (образ жизни) уровнями социальной реальности посредством «нисходящих» и «восходящих» процессов. В первом случае происходит освоение индивидами уже предзаданного им социального опыта и социальных структур через повседневную деятельность («оповседневнивание»); в результате формационный уровень и образ жизни «оседают» в структурах повседневности, выражаются в них так же, как *сущность* выражается в мире *явлений*, *видится*, *отражается* в них. Одновременно происходит *обратный* процесс: индивиды практически изменяют предзаданную им социальную реальность; обновленные фрагменты реальности включаются в более обширные отношения и в конце концов радикально изменяют структуры повседневного бытия; те, в свою очередь, с необходимостью влекут изменения в более высоких сферах – в образе жизни и в способе производства общественной жизни в целом. То, что было лишь *явлением*, превратилось в *точку роста новой сущности*, от-

---

¹ Любутин К. Н., Кондрашов П. Н. Диалектика повседневности. С. 258.

меняя прежнюю сущность (формационный инвариант). Постепенные количественные изменения порождают качественные различия в строении общества. «Именно в этом восходящем механизме повседневности фундирована *историчность* социального бытия»¹.

Если нисходящие процессы реализуются как движение от всеобщего к особенному и единичному ($B \rightarrow O \rightarrow E$), то восходящие процессы осуществляются по иной схеме: $E \rightarrow O \rightarrow B$. На наш взгляд, в нисходящих и восходящих процессах авторы выразили важную закономерность, обязывающую серьезно относиться к повседневной реальности.

Представленная авторами теория повседневности ориентирует на *возвращение человека в историю*, на креативную культурную антропологию Маркса, с позиций которой можно понять, какова конкретная жизненная человеческая значимость тех или иных общественных отношений, той или иной техносферы или социальной инфраструктуры, государственной политики. Анализ повседневности, произведенный авторами в исторических, структурных, экзистенциальных (жизненных) измерениях, побуждает к преобразованию репрессивной, угнетающей человека повседневности в человеческое, креативное бытие, дарующее человеку удовольствие и радость от своей свободной, творческой деятельности. Следует согласиться с авторами монографии: революция должна начинаться в повседневных структурах социального бытия. Поэтому «исследования повседневности становятся сегодня *политическими* исследованиями».

5. А. Сокал и Ж. Брикмон выявили в мышлении постмодернистов такие изъяны: а) используются научные термины, без учета того, что реально они обозначают; б) обычным стал перенос понятий точных наук в гуманитарную область; в) авторы ошеломляют читателя использованием терминов в такой связи, которая не имеет смысла. «Речь идет о самом настоящем отравлении словами и удивительном безразличии к их значениям»². Отказ постмодернистов от предметного мышления губит образование и культуру. «Студенты учатся повторять и выстраивать рассуждения, в которых они мало что понимают. ... В конечном счете, обдуманно невразумительные рассуждения и сопутствующая им интеллектуальная бесчестность отравляет часть интел-

---

¹ Там же. С. 257.

² Сокал А., Брикмон Ж. Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна. М., 2002. С. 19.

лектуальной жизни и усиливают и без того распространенный среди населения примитивный антиинтеллектуализм»¹. Элитарность постмодернистов заключается в их претенциозном жаргоне, отрывающем думающих людей от реальным проблем и направляющем умы в «стерильные споры». И. А. Гобозов делает вывод: «Сочинения постмодернистов порой бессмысленны и бессодержательны. Их можно воспроизводить бесконечно и никакого научного прогресса никто не заметит»². Свою книгу он заключает так: «Поэтому пока в общественном сознании и философском мире доминирует постмодернизм, не приходится ждать взлета философской мысли. Пока философия катится вниз и не видно, когда это прекратится»³.

6. Буржуазное общество исчерпало собственные ресурсы созидания, оно питается энергиями «развивающихся стран» и всюду понижает ранг ценностей и ценностное вдохновение, отрицает иерархию ценностей. Постмодернистская философия – это *зеркало игры на понижение*. «Эпоха посмодернизма – эпоха распущенности и разврата, эпоха проституции и гомосексуализма. ...Во многих западных (постмодернистских) государствах законом разрешены гомосексуальные семьи»⁴. СМИ отражают реальность неадекватно: внимание привлекается к второстепенному, банальному, к асоциальной гедонистике. Одно дело – реальная бойня, устроенная США в Ираке, и другое дело – *виртуальный* образ этой бойни в СМИ США: цитадель демократии «благородно и жертвенно» несет свободу народу Ирака.

7. Постмодернизм очень *востребован политической практикой* Запада. Особенности постмодернистских построений лучше всего подходят для *манипулирования* общественным сознанием, в частности:

1) *ставка на подмену обозначаемого знаками* позволяет уводить сознание в *виртуальный мир произвольных построений, грез и мифов*;

2) *номинализм*, отрицание той *единой связи*, которая соединяет части в *целое* (граждан – в *соотечественников*, экономику, политику и культуру – в *целостность*, прошлые события и современность – в *историю*, различные поколения – в *социокультурную и духовную преемственность*), служит лучшим способом превратить народ

---

¹ Там же. С. 168–169.

² Гобозов И. А. Куда катится философия. С. 109.

³ Там же. С. 198.

⁴ Там же. С. 146–147.

в блуждающие потоки населения, в механическую сумму *атомарных одиночек* без служения отечеству, без духовной солидарности, без великих целей, проектов и общего дела;

3) *релятивизм* (все относительно) размывает *нравственные* устои, социокультурную *идентичность* личности и народа, *ценностную стратегию* в развитии страны, разрушает основы *духовной интеграции и солидарности* народа.

Эти практические плоды якобы стерильного постмодернизма ловко выращиваются политиками Запада в «развивающихся» странах.

Постмодернистский дискурс входит в состав современного *организационного и концептуального оружия* и реализуется в иных странах в форме «взлотекущих катастроф», *намеренно организованного хаоса*.

Если *порядок* есть устойчивые связи между элементами множества, то хаос – это беспорядок, *беспорядочное состояние*. Организационное и концептуальное оружие включает в себя в качестве «наконечника» синергетическое управление намеренно внедряемым *хаосом* для той или иной цели. Разрушительные синергетические технологии состоят в следующем: инициирование хаоса в главных системных блоках той или иной системы (государство, армия, партия, общество в целом и др.) с целью модифицировать, изменить *поведение* системы в нужном для «режиссера» направлении. Эффективность разрушения зависит не от силовой мощи воздействия, а от верно выбранных точек воздействия и от синхронности таких воздействий. В результате синхронности воздействий возникает их взаимоусиление, «резонанс», который намного умножает разрушительный эффект. Например, для разрушения Советской армии в конце XX в. оказалось достаточным: не платить офицерам зарплату или же свести ее к минимуму; переориентировать верхушку генералитета с воинского служения на карьеру и обогащение; создать у офицеров вакуум ценностей и иллюзию безальтернативности существующего строя, отсутствия у России военных угроз; ослабить в армии внешний и внутренний контроль. «Эти четыре точечных воздействия оказались достаточными для того, чтобы одни офицеры (счет на тысячи) покончили жизнь самоубийством, другие – ушли из армии и составили костяк киллеров и всякого криминала, третьи – встроились в бизнес, четвертые – организовали продажу вооружений или стали брать

взятки, пятые – махнули на все рукой, погрязли в пьянстве и занятиях, далеких от целей воинской службы. В результате использования такой технологии армия тихо и почти без сопротивления деградировала и утратила боеспособность, что отчетливо проявилось в период чеченской войны»¹.

Такие же технологии применялись и ныне используются относительно политических партий, общественного самосознания, государства. К примеру, отмечает В. П. Пугачев, «для того чтобы обеспечить сверхприбыль строительным компаниям и получение чиновниками взяток, правительству достаточно не вмешиваться в политику цен на жилье, не лишать компании, нагло обманывающие вкладчиков, лицензий, не применять санкции, предусмотренные антимонопольным законодательством»². Главной мишенью всегда является *порядок*, который надо перестроить с помощью намеренного хаоса. Поэтому «реформы» со времен М. С. Горбачева, направляемые западными советниками и спецслужбами, так и назывались – «*перестройка*». Уже в восьмидесятые годы, отмечает аналитик С. Батчиков, США начали активно использовать в разных регионах планеты «технологии конструируемого хаоса». Причем в качестве механизмов «создания хаоса» один из главных экспертов по России и постсоветскому пространству Стивен Манн совершенно открыто называет «содействие демократии и рыночным реформам»³!

Поскольку сегодня «хаос» – модный термин не только в постмодернистской зарубежной философии, но и в российских околофилософских кругах, то есть смысл проанализировать, как хаотизируется сознание на примере переноса представлений синергетики в гуманитарную область.

О синергетике, редукции и эвристике. Постмодернистский дискурс, как птичий грипп, распространяется на философском поле России. Комично то, что находятся простецы, всерьез заявляющие о «конструктивной роли хаоса», о том, что хаос – источник порядка! Гипноз этой фразеологии исходит от *фетишистской* установки: Запад – это эталон; что исходит из уст западного теоретика, есть истина; Запад прав не только потому, что он решил истинно, а в первую оче-

---

¹ Пугачев В. День грядущий на закате // Сов. Россия. 2007. № 1 (13073).

² Пугачев В. День грядущий на закате // Сов. Россия. 2007. № 1 (13073).

³ Батчиков С. Либеральное мифоложество – 2 // Завтра. 2007. № 22 (706).

редь потому, что он – Запад! Вспоминается высказывание А. В. Суворова о том, что наши западники орла на отечественном дереве называют вороной, а ворону на зарубежном дереве называют орлом. Уместно и замечание К. Маркса: «Русские аристократы в юношеские годы воспитываются в немецких университетах и в Париже. Они гонятся всегда за самым крайним, что дает Запад»¹.

Рассмотрим общенаучные возможности переноса представлений синергетики в гуманитарную область.

Ученый призван погрузиться в *предмет* своего исследования, вжиться в него и говорить о *нем и из него*. Не следует говорить об одном предмете языком другого предмета; тем более переносить качественные особенности из нижних уровней организации на высшие уровни. Такие переносы, как правило, ведут к *редукционизму* – к упрощению, огрублению, стиранию «индивидуальности» исследуемой предметной области. На это обратил внимание Н. А. Алексеев в своем отклике на статью², открывающую дискуссию «Синергетика в образовании». Он аргументированно указал на трудности применения синергетики в педагогике, отметив в первую очередь принципиальное различие уровней детерминации: причинно-следственные – у термодинамических систем и генетически-телеологические – у информационных систем, предполагающих субъектов³. Объектный язык науки о природе сформировался на познании *вещей*, не обладающих *свободой воли*. Научное понимание человеческой реальности правомерно в той мере, в какой эта реальность выступает в своей *объективированной* форме. Переносить целиком объектный язык естествознания на *субъектные* процессы – значит уподоблять субъекта со свободой воли *вещам* ценой огрубления и упрощения. Такой язык неадекватен в той мере, в какой наша активность *намеренна*, осознанна и поэтому субъективно удвоена и усилена пониманием и знающим себя переживанием. На этом уровне психики место причинности занимают *ценностно-смысловые* соотношения, самодетерминация, произволь-

---

¹ Маркс – Людвигу Кугельману. 11 июля 1866 г. С. 472.

² Гапонцева М. Г., Федоров В. А., Гапонцев В. Л. Применение идеологии синергетики к формированию содержания непрерывного естественно научного образования // Образование и наука: изв. УрО РАО. 2004. № 6 (30).

³ Алексеев Н. А. Размышления о синергетике в педагогике // Образование и наука: изв. УрО РАО. 2004. № 6 (30). С. 102.

ная самодеятельность, целеполагание. Свобода – *атрибут* субъекта. Она есть результат переноса в психику индивида *законодательной функции* тех или иных социальных институтов. Где свобода, там и ответственность, вина, наказание. Суд прямо *вменяет* психически здоровому гражданину свободу и полагает: сам решил – сам неси бремя ответственности за содеянное. Ценностные формы освоения реальности (нравственность, искусство, религия) дополняют науку так же, как «сердце» дополняет разум. Остановимся на анализе опыта применения синергетики в гуманитарной области.

Ныне «синергетика» – такой же «бренд», как «материалистическая диалектика» в недалеком прошлом. «Бренд», гипнотизирующий читателя одним названием и звучанием. От «синергетики» по силе суггестии не отстают «инновация», «демократия», «гражданское общество». От авторов публикаций и диссертантов требуют акцентирования «синергетики». Создается впечатление, что синергетику кто-то проталкивает на «рынок» научных услуг путем создания подобающего ей «имиджа». Вспоминаются слова Федора Достоевского о В. Г. Белинском: «В новые нравственные основания социализма он верил до безумия и без всякой рефлексии, тут был один восторг»¹. У Н. С. Хрущева тоже был «один восторг» от кукурузы без какой-либо рефлексии относительно климатических условий Сибири. Можно предсказать, что «восторг» от синергетики пойдет по ниспадающей уже потому, что использование «синергетики» без меры и предметного должного *наполнения* набьет оскомину и частотность использования этого термина будет обратно пропорциональна предметным результатам исследования. Но, глядишь, появится новый термин-кумир, новый «аттрактор». И породит очередной «восторг без рефлексии».

В какой мере обоснован перенос закономерностей, присущих открытым системам термодинамики, на психику, образование, общение, культуру и др.? Что он дает для понимания *своеобразия* психики человека, образования, общения?

Не откроется новая смысловая грань, если «представить профессиональное становление личности как *открытую, нелинейную и не-*

---

¹ Цит. по: *Башилов Б.* История русского масонства. Вып. 12–13. М., 1995. С. 91.

равновесную систему»¹; если же «флуктуацию» мы объявим «ключевым понятием» для выражения «неустойчивости, неравновесности психического развития личности»², то наверняка потерпим фиаско. Ибо возникнет не приращение знания, а переодевание терминов – сложных в простые. Синергетический подход, отмечает один из авторов, предполагает рассмотрение «образования», «воспитания» «как самоорганизующихся систем»³. А что, до синергетики мы этого не знали? Субъектность теперь, в свете нового великого учения синергетики, надо понимать как «диссипативную структуру». Не углубят наше знание и «аттракторы» на жизненном пути человека. Как не углубляет наше знание декларации о том, что экономика – это система, психика – система. Грабли ведь тоже система, хотя и механическая. Можно дать типологию систем, моделировать их взаимное влияние и совершать иные «методологические процедуры». Но одними граблями «овощей» на ниве науки не вырастишь. Нужны *предметные* исследования. Гегель, наследуя идеи Канта, ввел в философию понятие системы и мастерски мог раскрывать предмет конкретно как единство многообразного. Он исходил из *созерцающего мышления*. Понятие системы он разработал на материале духовной культуры – религии, философии, искусства, нравственности. За термин «система» так ухватились в дальнейшем, что это важное понятие, не подкрепленное предметным созерцанием, было профанировано и стало после Гегеля синонимом пустой схоластики и формалистики. В связи с такой профанацией К. Маркс ядовито заметил, что и голова монарха, и вошь в его голове в равной мере «системы».

Т. С. Назарова и В. С. Шаповаленко предлагают реализацию синергетики в педагогике через «способы организации обучения, которые базируются на использовании сильно неравновесных состояний и свойств хаотизированных систем, обладающих способностью активизировать приспособительные процессы и повышать эффективность

---

¹ Синергетика в психологии профессионального развития: сб. науч. тр. Екатеринбург, 2004. С. 29.

² Там же. С. 33.

³ Синергетика в психологии профессионального развития: сб. науч. тр. Екатеринбург, 2004. С. 29. С. 42.

овладения новым знанием»¹. Н. В. Лежнева использует «синергетический подход прежде всего в качестве *мировоззренческой позиции*». Мы исходим, пишет она, из того, что «будущее неопределенно и непредсказуемо в принципе», следовательно, ситуация «неуверенности в завтрашнем дне» и т. д. есть «норма, а не исключение из правил»². Мысль автора можно продолжить применительно к «неравновесному» состоянию России: ныне в стране мало порядка, а больше беспорядка («хаоса»). С точки зрения нового великого учения такое положение вселяет оптимизм, ибо правомерен «порядок из хаоса», как пишут в одноименной книге И. Пригожин и И. Стенгерс. Превратив синергетический подход в «мировоззренческую позицию», Н. В. Лежнева выводит из нового великого учения открытость образования, его самосовершенствование, демократический стиль самоуправления студентов. Она предлагает ряд принципов для реализации в одном из филиалов вуза, например: а) «сверхсложная, бесконечномерная, хаотизированная на уровне элементов среда может описываться как всякая открытая нелинейная среда небольшим числом фундаментальных идей и образов, определяющих общие тенденции разворачивания процессов в ней»; б) возникающие «структуры-аттракторы относительно просты по сравнению со сложным (запутанным, хаотическим, неустоявшимся) ходом промежуточных процессов в системе». Всего 10 принципов. Вот один из последних: «Возникновение единой (интегрированной) сложной структуры возможно при определении “степени перекрытия” входящих в нее более простых структур. Должна быть соблюдена определенная “архитектура” перекрытия. Объединяясь в сложную структуру, структуры не просто складываются, входят в неизменном, недеформированном виде. Они определенным образом трансформируются, наслаиваются друг на друга, пересекаются, при этом какие-то их части выпадают. Это означает, что объединение приводит к экономии, к меньшему расходу материальных и человеческих затрат и усилий»³. Словом, «един

---

¹ Назарова Т. С., Шаповаленко В. С. «Синергетический синдром» в педагогике // Педагогика. 2001. № 9. С. 47.

² Лежнева Н. В. Построение университетской образовательной системы на основе синергетических принципов // Синергетика в психологии профессионального развития. С. 49.

³ Лежнева Н. В. Построение университетской образовательной системы на основе синергетических принципов // Синергетика в психологии профессионального развития. С. 53–54.

восторг» без рефлексии. Кто же будет платить за образование, основанное на такой «безлюдной синергетике»?

В свое время неумный восторг от диалектики побуждал многих излагать закономерности атомных и субатомных процессов, химических и биологических взаимодействий и даже описывать торговлю арбузами обязательно диалектически, чтобы было «как у Маркса». А ныне так пишут, чтобы было «как у Пригожина». Между тем диалектика есть *метод теоретического мышления*. Чтобы излагать предмет диалектически, необходимо довести свое осознание предмета до уровня *понятий*. Когда же хватали эмпирические факты и сразу излагали их «диалектически», то получался конфуз. Многотомные «труды» по такой диалектике давно забыты. Диалектический же метод мышления юн, нов и креативен. Приведем выдержки из статей, которые написаны «как у Пригожина».

«С позиций синергетического подхода развитие субъекта профессионализации как сложной динамической системы характеризуется нелинейностью и неравновесностью. Непрерывное функционирование профессионально-психологических компонентов субъекта сопровождается колебаниями (флуктуациями), обеспечивающими его поступательное развитие в определенном направлении (аттрактор). ...Сильные флуктуации способствуют образованию моментов неустойчивости системы (точки бифуркации)»¹. В воображении возникает не субъект образования, а объект термодинамики. «Концепция синергетики позволяет рассмотреть структуру субъекта деятельности ... как неравновесную, неустойчивую самоорганизующуюся систему, обладающую определенным запасом негэнтропийной устойчивости»². А математика «позволяет», например, считать субъектов деятельности так же, как камешки на берегу, ибо и субъекты, и камешки суть в равной мере *дискретные части пространства*. Механика «позволяет» определять вес субъектов и камешков, ибо те и другие – *масса*. «Использование синергетического подхода при исследовании личности студентов мы видим в том, – пишет Н. В. Лежнева, – чтобы рассматривать каждого из них как сложную, открытую, самоорганизующуюся систему»³. Давайте рассмотрим! Что же мы будем мысленно

---

¹ Синергетика в психологии профессионального развития. С. 88.

² Там же. С. 99.

³ Там же. С. 50.

созерцать в этом, весьма неопределенном, поле значений – «сложная, открытая, самоорганизующаяся система»? В этом ментальном поле можно созерцать и открытую неравновесную термодинамическую систему, и муравья, и бабочку, и кота. Все отличительные особенности «личности студента» исчезли, испарились. Что же можно выколотить из такой «системы» для понимания личности студента? Научное знание содержит в себе не только «что», «как», «почему», но и «зачем».

Итак, экскурсии в гуманитарную область с «позиций синергетики» пока напоминают очередную «кукурузу». Из порядка понятий родилась «неопределенность» в той части, где авторы механически привносят «синергетику». Когда авторы исходят из предмета, получается содержательное изложение. Меньше всего нам хотелось бросить тень на синергетику, как это имело место относительно кибернетики и генетики. Речь идет лишь о примерах необоснованных экстраполяций ее представлений на гуманитарную область.

В связи с расширительным применением представлений синергетики уместно отметить методологическую сторону вопроса. Человек понимает реальность (природную, человеческую, божественную) по своему образу и подобию согласно *формам своей жизнедеятельности*. Понять – значит мысленно построить. А воспроизводим мы всегда из аналогий нашего человеческого, социального опыта. Собственные действия мы переносим на природу и понимаем ее в формах наших действий. Вот суждения авторитетных философов: «Идеальный образ вещи “*всегда есть образ нашей собственной деятельности*”»¹. «Внешняя вещь вообще дана человеку, лишь поскольку она вовлечена в процесс его деятельности, выступает в формах этой деятельности, поскольку в итоговом продукте – представлении – образ вещи всегда сливается с образом той деятельности, внутри которой функционирует внешняя вещь»². Подводя под формы нашей собственной деятельности воспринимаемый материал, мы его понимаем потому, что владеем такими формами, а значит, овладеваем и материалом, который осмыслен в таких формах. И не иначе! Так, *сила* – имманентная способность человека совершать действия, посредством

---

¹ Бородай Ю. М. Эротика – Смерть – Табу: Трагедия человеческого сознания. М., 1996. С. 43.

² Ильенков Э. В. Идеальное // Философская энциклопедия: в 5 т. М., 1962. Т. 2. С. 226.

которых мы *осуществляем* изменения в предмете. Поэтому в науке – куча сил: силы гравитации, ядерные, атомные, электромагнитные, политические, духовные; и даже «производительные силы» и «силовые структуры»! А причинность – основа научного понимания. Понятие объективно по содержанию, но субъективно по способу его осознания в аналогиях нашего опыта. Что такое природа? «Природа» – от слова «рожать». Природа, как не верти, – универсальная и всеобъемлющая роженица, космическая «мама». Все от нее – и электроны, и человек. Так мы думаем «про себя». Так нам понятно. И «научная картина мира» тут ничего не отменит, как не отменила она религию. Бога тоже люди понимают по своему образу и подобию. Такой столп католицизма, как Фома Аквинский, полагал метод богопознания по *аналогии* с человеком единственно верным. Л. Фейербах написал об этом целую книгу. Формы нашей активности мы опредмечиваем в орудиях, социальных структурах, экспериментальных установках. Такие предметные органы нашей целенаправленной воли становятся *аналогами*, под которые мы подводим эмпирические данные. Максвелл электродинамику создал, исходя из уже понятных аналогий гидродинамики: «...в аналоговые модели на место трубок с идеальной жидкостью, источников и стоков жидкости, вихрей в механической сплошной среде и т. д. подставлялись заряды, электрические и магнитные силовые линии, дифференциально малые токи, заимствованные из теоретических схем Ампера, Кулона и др.»¹. Ч. Дарвин взял схему отбора на животноводческих фермах и перенес ее на природу («естественный отбор»). К. Маркс отмечает: «Дарвин в мире животных и растений узнает свое английское общество с его разделением труда, конкуренцией, открытием новых рынков, “изобретениями” и мальтусовской борьбой за существование». Эта Гоббсова война всех против всех, продолжает Маркс, напоминает «Феноменологию духа» Гегеля, «где гражданское общество предстает как “духовное животное царство”, тогда как у Дарвина животное царство выступает как гражданское общество»². Ныне неомальтузианцы-рыночники от Чикагской школы социологии аргументируют свой тезис «выживает в обществе сильнейший» ссылкой на естественный отбор как на способ действия самой природы

---

¹ Степин В. С. Становление научной теории. Минск, 1976. С. 236.

² Маркс – Энгельсу. 18 июня 1862 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 30. С. 204.

(хотя в природе не меньше взаимной кооперации, «взаимопомощи», о чем писал П. А. Кропоткин). Это с позиций какой социальности посмотреть. Если Ч. Дарвин в природе узнает свое английское общество, то его предшественники, например Р. Декарт, воспринимали природу сквозь призму механики, «мануфактуры».

С возрастанием в обществе доли личных *свобод и самостоятельности* изменяется методология науки – предмет мыслится по подобию человеческой самостоятельности. В естествознании, математике, пишет В. С. Библер, поставлена под вопрос «*всеобщность* классического предмета (и субъекта) – “точки действия на другое”». В современном мышлении возникает идея радикально нового предмета и субъекта теоретического познания. Это – «идея предмета как “*causa sui*”», «идея движения как *самодействия, самостоятельности*»¹. Следовательно, в осознании реальности разумно отдавать отчет о социальной основе тех понятий, посредством которых реальность осознается, т. е. быть критичным к понятийному аппарату, особенно гуманитарной науки.

По мере превращения буржуазной социальности в человеческую общность, в креативное антропогенное общество изменится и осознание природы – ее спонтанные самодвижные структуры будут поняты в большей мере антропно, эстетически, в ее тенденциях выбиться из оков материальности. Мыслитель И. А. Ильин созерцал природу через подобную «оптику». В письме к Е. Г. Габричевскому Ильин открывает *онтологический* аспект духа и материи. «Секрет в том, – писал он, что материя есть модус Энергии. Энергия же по существу есть Дух, а Дух есть сразу Любовь – Разум – Свет – Гармония – Блаженство»². Материальная оболочка Универсума предстает, по И. А. Ильину, как сгущение, отверждение духа, ведь и она изумительно сложна (например, геном человека). «Мир вертится не зря, не без смысла: он борется за совершенство»³. По Аристотелю, все сущее приводится в движение Перводвигателем, который, будучи сам недвижимым, все приводит в движение своим *совершенством*. И вот *стремление всего сущего* к преодолению материи, к *мерам*

---

¹ Библер В. С. Мышление как творчество: Введение в логику мысленного диалога. М., 1975. С. 191.

² Ильин И. А. Письма. Мемуары. 1939–1954. М., 1999. С. 211–212.

³ Ильин И. А. Хвала труду! // Собр. соч.: в 10 т. М., 1998. Т. 8. С. 441.

и стройным гармониям, к совершенным формам есть, по выражению Ильина, «дело Божие», продолжаемое и человеком.

По крайней мере, ясно, что с позиций развитого духовного опыта в природе можно постичь то, что недоступно «торговцу минералами», вообще человеку, удрученному тяжкими заботами о хлебе насущном, а не «надсущном». Ф. Тютчев писал о природе: «...в ней есть душа, в ней есть язык».

В синергетике опытный материал был осмыслен, в частности, с позиций «самоорганизации». Эту схема взята, конечно, из человеческой жизни. Причем, в том узком аспекте, который имеет нечто общее со способом активности природных образований. В приведенных выше высказываниях авторы *возвращают «самоорганизацию» из природы в гуманитарную область, но уже в редуцированной форме.* И под такую крайне бедную форму подгоняют гуманитарную эмпирию: и система образования, и личность студента, и субъект профессиональной деятельности суть открытые, неравновесные, самоорганизующиеся системы! Это классика редуционизма! Л. Г. Шестакова предлагает ввести синергетику в школу для воспитания «нелинейного мышления». С точки зрения логики «нелинейное» мышление есть *отрицательное* определение, а значит и некорректное (человек – не слон, не звезда и т. п.). «Под нелинейным будем понимать стиль мышления, – пишет автор, – <...> ориентированный на выявление всеобщих связей и отношений, на необходимость и конструктивную природу хаоса, неустойчивости и случайности»¹. Интересно, как автор понимает «необходимость и конструктивную природу хаоса»? Как он намерен объяснять школьникам его «необходимость и конструктивность»? Ведь школьники могут сделать далеко не конструктивные выводы. Неразбериха в образовании, в процедуре монетизации льгот и т. п. «необходима» и «конструктивна»? То, что явления природы осознаются все более в антропном виде, закономерно. Но ошибочно экстраполировать намеки на самоорганизацию в природе в их бессознательной форме на *развитый оригинал* – на личность, вообще на гуманитарную область.

Трудно понять «нежное» отношение к хаосу применительно к обществу. В политике существует стратегия: посеять в обществе *хаос* пу-

---

¹ Синергетика в психологии профессионального развития. С. 114.

тем «вялотекущей катастрофы», а затем направить хаотические процессы к нужному *порядку*, предусмотренному стратегией. Такую стратегию граждане России ощущают на себе. В восторгах от синергетики можно и страну потерять, уверовав в «конструктивность хаоса».

Как видим, перенос состояний из термодинамики в область культуры заводит в тупик. Для гуманитарного знания «нелинейное мышление» не содержит нового. Оно есть абстракция от отдельных аспектов диалектического мышления. Естествоиспытатели заново открыли диалектику в природе и назвали свое понимание диалектики нелинейным мышлением.

А что думают сами естествоиспытатели о синергетике? Полагают ли они ее в качестве универсального метода?

Синергетика как научная дисциплина находится в стадии становления – уточнения исходных понятий, их математического оформления. Нуждаются в понятийной ясности определения хаоса, причин «самоорганизации»; весьма спорно толкование «необратимости времени». Ведь в физике время – величина *скалярная*, а не *векторная*! Время – количественная мера движения. Величина «5 минут» не векторная. Что это за направление, если оно – одно! *Процессы* бывают необратимыми: спичка горела и сгорела. Остался пепел. В чем тут проблема?

Наибольшие сомнения вызывает тезис «порядок из хаоса». «С удивительным постоянством, – пишет М. А. Дрюк, – в литературе проводятся мысли о том, что неравновесная система может спонтанно эволюционировать к состоянию более высокой сложности», «система сама по себе выбирает путь развития», «хаос порождает порядок» и т. п.»¹. «Не хаос... порождает нечто новое, более сложное, а заложенные в системе внутренние потенции, входящие в резонанс с соответствующими внешними условиями, ведут (в условиях хаоса и вопреки хаосу!) к образованию упорядоченных структур...»². М. А. Дрюк на конкретном материале химических процессов опровергает идею «конструктивной роли хаоса и самоорганизации неравновесных открытых систем»³. Основательную критику тезиса «порядок из хаоса» дал физик С. И. Яковенко. Он пишет: согласно фи-

---

¹ Дрюк М. А. Синергетика: позитивное знание и философский импрессионизм // Вопр. философии. 2004. № 10. С. 104.

² Там же. С. 105.

³ Там же. С. 110.

лософским воззрениям, ориентированным на работы Пригожина, «хаос сам в себе содержит некоторое созидательное (конструктивное) начало, что и порождает порядок. В качестве примеров из физики обычно приводят либо процесс термодиффузионного разделения легкого и тяжелого газа, либо процессы формирования диссипативных структур (их иногда не вполне адекватно называют самоорганизующимися структурами)... Во всех известных примерах... порядок рождается не за счет диссипативных процессов, а за счет того, что из упорядочивающейся системы в результате внешнего воздействия отводится энтропия»¹. В другой публикации С. И. Яковенко едко и точно отмечает: «...попытка приписать роль источника порядка диссипативным процессам...несостоятельна. Она в какой-то мере аналогична попыткам некоторых религиозных течений поставить дьявола на место Бога»². «Здание синергетики, – отмечает М. И. Штеренберг, анализируя вопрос о хаосе и порядке, – построено на шатком основании»³.

Поскольку категориальная основа самой синергетики как науки еще не определена с достаточной ясностью, то обоснованны возражения относительно *методологической* функции синергетики. Понимание синергетики как новой кросс-культурной методологии, отмечает М. А. Дрюк, «неоднозначно и противоречиво», что заставляет «вновь и вновь подвергать критическому переосмыслению ее когнитивные возможности и результаты применения». Эта методология, открывшая «эпоху бифуркаций» (Э. Ласло), создает «реальную опасность увлечения синергетической фразеологией и ... феноменом философского импрессионизма. ...Синергетику растягивают в каком угодно направлении и представляют в качестве некоего “магического кристалла”, сквозь призму которого могут рассматриваться любые познавательные ситуации, часто без соответствующей профессиональной подготовки в сфере обсуждаемого вопроса». В результате «исчезают существенные признаки объективного знания»; «к одному знаменателю сводятся физические

---

¹ Наука и культура (материалы «круглого стола» // *Вопр. философии* 1998. № 10. С. 34.

² *Яковенко С. И.* Философия незамкнутости // *Вопр. философии*. 1996. № 2. С. 50.

³ *Штеренберг М. И.* Синергетика и биология // *Вопр. философии*. 1999. № 2. С. 96.

и химические, биологические и социальные процессы»¹. «Отсутствуют какие-либо основания проводить под знаком глобального эволюционизма идею чистейшего физического редукционизма, суть которого в том, что законы развития живого и неживого во многом сходны и ведут через самоорганизацию к самоусложнению систем»². Сомнительность экстраполяции представлений синергетики возрастает на биологическом и социальном уровнях. Многочисленные попытки создают «иллюзию» универсального применения теории «независимо от природы, уровня организации и глубины постижения системы»³. М. А. Дрюк делает вывод: «...спекулятивная интерпретация явления с позиции самых общих представлений о синергетике не продвигает исследователя в решении проблем ни на шаг без реального наполнения позитивным содержанием»⁴. «Область применения синергетики, – отмечает М. И. Штеренберг, – в принципе ограничена некоторыми чисто физическими процессами». Ее приложения «к проблемам биологии дают лишь поверхностные аналогии»⁵.

Важно отметить использование синергетической терминологии в лексиконе постмодернистов для прикрытия *тотальной дестабилизации в области геополитики*. С. И. Яковенко отмечает «деградационную тенденцию» в объяснении созидательных процессов. «Речь идет о так называемой конструктивной роли хаоса. ...Беспокойство вызывает то, что идея конструктивного хаоса... становится сейчас ... силой разрушительной. Начинают говорить, что надо хаотизировать (разрушить) государственные структуры, и этот хаос сам создаст нечто упорядоченное». Анализ причин созидательной деятельности лежит «вне доступного физике поля исследований»⁶.

Авторитетный политолог А. С. Панарин так оценил использование синергетической фразеологии в геополитике. «Глобалисты разрушают все формы сложившейся национальной самоорганизации для того, чтобы на “пустом месте” заново построить свой глобальный порядок. Они покупают свою свободу ценой тотального разложения и потрясения ос-

---

¹ Дрюк М. А. Синергетика: позитивное знание и философский импрессионизм. С. 102, 104.

² Там же. С. 106–107.

³ Там же. С. 112.

⁴ Дрюк М. А. Синергетика: позитивное знание и философский импрессионизм. С. 112–113.

⁵ Штеренберг М. И. Синергетика и биология. С. 95, 108.

⁶ Наука и культура (материалы «круглого стола»). С. 34.

нов, развязывают мировой хаос ради одного им ведомого порядка. “Порядок из хаоса”, “управление хаосом” – самые модные слова элитарной постмодернистской лексики»¹.

В чем заключается эвристический потенциал синергетики? Синергетика служит (как и иные науки, как поэзия, художественные образы и символы) поставщиком аналоговых моделей, которые разумно наполнять реальным содержанием *самого исследуемого предмета*. Впрочем, искусство, гуманитарные науки более богаты развитыми смыслами, которые можно использовать в качестве метафор, сравнений и аналоговых моделей в научном поиске. Аналог служит «точкой роста» нового понятия. Когда понятие оформлено в логическое содержание, аналог («строительные леса») можно и нужно убрать. Это – обычная практика в науке, философии, вообще в творческой духовной деятельности. «Теоретико-познавательная и эвристическая ценность аналоговых моделей заключается в том, что каждая из них, родившись в одной области познания, становится концептуальным средством, методологическим ключом для интерпретации явлений в других естественнонаучных и гуманитарных сферах, в том числе в философии, психологии, социологии, экономике, экологии и др.»². Как отмечают Е. Н. Князева и С. П. Курдюмов, синергетика выступает для иных наук в роли «эвристики»; это «способ увидеть мир по-другому», «рассмотреть старые проблемы в новом свете», «переконструировать проблемное поле науки», но не «инструмент, дающий предзаданные результаты»³.

Эвристическая роль синергетики раскрыта в совместной статье М. Г. Гапонцевой, В. А. Федорова, В. Л. Гапонцева. Авторы оговаривают условия применения понятий этой науки к педагогике, у которой еще нет *формализованных моделей*, а значит, и нет условий для применения *математических описаний*. Поэтому «прямое использование аппарата синергетики в области педагогики пока невозможно». Авторы делают важное пояснение: перенос представлений синергетики в педагогику возможен «прежде всего с целью *облегчить в дальнейшем формирование собственных формальных моделей, учиты-*

---

¹ Панарин А. С. Искушение глобализмом. М., 2003. С. 29.

² Дрюк М. А. Синергетика: позитивное знание и философский импрессионизм. С. 102.

³ Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Антропный принцип в синергетике // Вопр. философии. 1997. № 3. С. 70.

вающих специфику объектов, исследуемых педагогикой» (курсив наш. – С. Г.)¹. Учет специфики предметной области сообщил содержательность переносу модельных аналогий синергетики в педагогику.

Рассмотрим опыт такого переноса. Авторы исходят из общей посылки: когда внешнее воздействие на систему превосходит критические значения, тогда в системе возникает скачкообразная перестройка: возникают структурные элементы, выполняющие новые функции, благодаря чему эффективность системы возрастает². Эта закономерность служит авторам исходной идеей для осмысления проблем естественнонаучного образования в историческом и актуальном аспектах. В конце эмпирического этапа развития математики (Вавилон, Египет) был накоплен огромный массив математического знания в *неупорядоченной* форме. Такое «внешнее давление» на систему (умы математиков) породило *перестройку – дедуктивный этап, аксиоматический метод* (Евклид – Аристотель). Бурное развитие математики в связи с формированием машинного базиса индустриального производства привело к дифференциации разделов математики. В конце XIX в. эта наука представляла собой *«хаотически выстроенное здание»* без отчетливой архитектуры. Математики перестают понимать друг друга, развитие науки тормозится на экстенсивном пути. Создается «внешнее давление» на «систему» (сообщество математиков). Возникает перестройка математики на основе Эрлангенской программы Ф. Клейна, появляется *новый структурный элемент* – теория групп Ф. Клейна и С. Ли. В современных условиях тоже возник кризис «переполнения информацией» из области естествознания. Возникает «внешнее давление» на «систему» (преподавание естествознания). Выход из него – введение *структурного элемента*, позволяющего системе непрерывного естественнонаучного образования эффективно «работать» в условиях непрерывного роста объема информации. Таким элементом является, согласно авторам, интегральная дисциплина «Естествознание». Далее осуществляются следующие операции: а) фиксируется отношение «критическое внешнее давление на систему – перестройка системы (самоорганизация)»; б) выполняется операция «гештальт – переключение» (подстановка в модель-аналог на место прежних элементов новых элементов): вместо элемента

---

¹ Гапонцева М. Г., Федоров В. А., Гапонцев В. Л. Применение идеологии синергетики... С. 92.

² Там же. С. 90.

«внешнее давление» – «переполнение информации», вместо «перестройка системы» – «конкретные структурные элементы»; в) формируются новое понимание предмета и его трактовка. Аналог перестает быть аналогом потому, что наполняется новым предметным содержанием и превращается в понятие.

Представления синергетики, как и иных наук, служат модельной аналогией, предполагающей исследование той или иной предметной области. Если экстраполировать выводы авторов, то можно заключить в целом: компьютеризация привела к лавине информации, к ее избытку, знание науки обновляется теперь каждые 10–14 лет. Массивы знания все более не связываются друг с другом. Налицо «внешнее давление» на «систему» – на сознание людей. Необходима фундаментализация образования и в естествознании, и в гуманитарной и социально-экономической областях¹. То, что вчера было теорией, сегодня становится эмпирическим этапом. Грядет «дедуктивная» стадия в развитии науки. К сожалению, перманентное реформирование высшего образования упорно, из года в год создает предпосылки для ликвидации фундаментального уровня российской науки.

В заключение отметим: универсум есть вещь в себе, он является нам как «звездный» бесконечный океан, который пенится все новыми состояниями, а мы – дети, перебирающие на его берегу камешки и изумленно созерцающие вечно новые состояния в их становлении. Так что всякий метод не застрахован от подвоха и критики со стороны самого предметного мира. Метод не догма, а ориентир. Следует углубиться в пространство нашего духа, тогда мы увидим и новые грани в природе, но не наоборот. Ибо более развитое – ключ к менее развитому. Аналогии духа – ключ к пониманию природных явлений. Что касается практики «умного делания», то православное учение о *синергии, слиянии энергий Бога и человека, кооперации духовных усилий*², является, на наш взгляд, наиболее глубоким именно в духовно-ценностном отношении.

---

¹ См.: Гончаров С. З. Проблема фундаментализации гуманитарного образования // Профессиональная педагогика: Категории, понятия, дефиниции: сб. науч. тр. / отв. ред. Г. Д. Бухарова. Вып. 3. Екатеринбург, 2004.

² См.: Синергия: науч. сб. / под ред. С. С. Хоружего. М., 1995.

§ 2. Тенденции превращения техногенной цивилизации в антропогенное общество

XXI в. станет, по всей вероятности, переходом от техногенной цивилизации к культуре в процессе разрешения следующих противоречий:

- между универсальной сущностью человека и узкой стоимостной формой буржуазного производства жизни;
- овещнением социальной связи и человеческой формой этой связи;
- трудом материальным и духовным;
- стоимостной и личностной формами богатства;
- прибылью как целью капиталистического производства и нравственными императивами человеческой общности;
- капиталом в его вещной форме и «человеческим капиталом»;
- объективной необходимостью кооперировать трудовые усилия народов в плане разделения труда в глобальном масштабе и стремлением развитых стран направить эту тенденцию на обогащение лишь «золотого миллиарда»;
- между стандартами технорационалистического мышления с его инженерными схемами организации социальности и ценностным сознанием и др.

Изменится сама формация мышления. Тенденции культуры восстановят в правах *аксиологический синтез*, и мышление будет *разумным, социально интегральным, понимающим социум на основе социальной связи как человеческой общности*. В такой общности первичным становится отношение «человек – человек» по отношению «человек – профессия – техника». Родовая природа человека получит адекватное осознание. Какие тенденции современной социальной действительности служат основанием для перехода от вещной социальной связи – к человеческой связи, от техногенной цивилизации – к культуре как ступени истории?

Факторы превращения техногенной буржуазной цивилизации в антропогенное общество. В XXI в. обозначились следующие новые факторы, влияющие на мышление.

1. Фактор саморазоблачения буржуазной техногенной цивилизации. В экономических отношениях постиндустриального общества первенство принадлежит уже не промышленному, а финансовому капиталу в международном масштабе, не продуктивной экономике,

а «виртуальной», занятой манипуляцией курсом валют, ценными бумагами, финансовыми пирамидами. «Новые буржуа возвращаются к старой спекулятивно-ростовщической формуле: $D - D'$ », минуя цикл производства¹. Благодаря электронным технологиям многомиллиардные массы валюты в секунды перемещаются в места с более высокой котировкой. «С этими целями в современном мире ежедневно пересекают национальные границы более 1,5 миллиарда долларов». Неэквивалентный обмен состоит и в «виртуальной ренте», связанной с «потребительским престижем»: одни и те же товары, продаваемые в престижных магазинах, стоят в несколько раз дороже, чем в обычных магазинах. В виртуальной экономике «около 80% стоимости фирмы составляет ее репутация». Товар, созданный на Западе, стоит много выше аналогичного товара, сделанного на Востоке. Дело не в качестве товара, а в том, что «Запад выступает в качестве глобальной референтной группы, и его товары несут дополнительную стоимость символического характера, связанную с ложной идентификацией»². Сначала не-Запад компрометируется как отсталое и непристижное пространство, а потом «с ним устраивают экономическую “игру на понижение”»³. Новый естественный отбор либералов глобализма, заключает А. С. Панарин, грозит «новой бестиализацией человечества. Зверем уже сегодня запахло. И дорогу зверству расчищает так называемый либерализм, призывающий не вмешиваться в действие механизмов естественного отбора. От принципа минимального государства либерализм постепенно пришел к принципу “минимальной” морали и культуры – они тоже не должны мешать естественному рыночному отбору»⁴.

Бегство от созидательного творчества, от культуры в язычески разнузданную чувственность, в культ гедонизма, отказ от нравственных императивов в экономике и политике, двойные стандарты в международном праве, откровенный цинизм в попирании суверенитета государств, отстаивающих свои национальные интересы и др., – все

---

¹ Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2002. С. 475.

² Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2002. С. 475. С. 475–476.

³ Там же. С. 477.

⁴ Там же. С. 486–487.

это печать увядания, деградации. Но нравственность, совесть не отменяют никакие либеральные идеологии.

Абсолютным пределом для капитала является *узость его экономической* формы, сковывающей самостоятельность и самореализацию общественного человека. Дж. Сорос, один из крупнейших финансистов, пишет: «Мы можем выделить два вида ценностей: фундаментальные принципы, которых люди придерживаются независимо от последствий, и практическая целесообразность». «Пока капитализм остается победителем, стремление к деньгам перекрывает все другие общественные соображения». Ведь капитализм – это *денежная* цивилизация. «Подлинные ценности невозможно измерить деньгами». Поэтому «между подлинными ценностями и рыночными ценностями существует пропасть. ...Подлинные ценности достойны уважения как таковые»¹.

Стоимостная форма продукта будет и в обозримом будущем. Благодаря стоимости можно устанавливать *пропорции в обмене* товарами. Однако превращение стоимости в *самоцель* производства, сведение полноты жизни и труда к стоимостному индикатору есть та *уязвимая* пята капитала, через которую капитал будет подвергаться эрозии, размыванию. На первый план выйдет не абстрактный, а *конкретный* труд. Стоимость сохранится в качестве средства для *учета трудовых затрат*, как показатель для регулирования необходимого рабочего времени, а не как цель производства. А это обстоятельство является важнейшим в преодолении овещнения и социального фетишизма. Производство прибыли как цель, оценка социальной эффективности усилий людей только в деньгах – это социальная *редукция*, враждебная культуре и исторически преходящая форма хозяйствования, своего рода смута в общественном сознании. Общественное богатство существует в трех формах – *натуральной, стоимостной и субъективно-личностной*. Труд, создающий реальное богатство (ценности для потребления и продуктивно-творческие силы человека) превратился в *средство* созидания *богатства вообще*, в созидание «сумасшедшей» (К. Маркс) формы богатства (финансовый капитал). Реальное богатство, оцененное рабочим временем, получает количественную – стоимостную оценку. Стоимостная форма богатства утверди-

---

¹ Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. М., 1999. С. 85–86, 112, 228–229, 231.

лась как самоцель! Количественный параметр богатства взял верховенство над его качественным креативно-антропологическим содержанием, подобно тому как количественный принцип формальной демократии доминирует над качественным, который присущ самоуправлению и народовластию. Но ведь стоимостные показатели вполне можно использовать как *инструмент*, как средство для реализации *нравственных императивов* – измерять эффективность производства людьми собственной жизни *отношением производства к общественным потребностям, к целостному развитию индивидов, к реальным возможностям науки открывать глубинные закономерности «звездного мира»*. При таком критерии эффективности на первый план выйдет *не абстрактный, но конкретный труд*, определяемый конкретными общими целями. Только конкретный труд может утвердиться как *самоцель в силу его креативности по отношению к человеку*. Тем самым изменится вся социальность, она обретет иные, ценностные критерии жизни и мышления.

2. Факторы, создающие условия для *сужения социальной опоры буржуазной социальности и для роста числа сторонников «смены курса»*. В области *технологической* происходит революция, сущность которой заключается в передаче *интеллектуальных функций от работников технике*. Как *машинный* базис революционизировал сам процесс производства, резко увеличил производительность труда, скорость создания потребительных стоимостей в единицу времени и явился основой новой *экономической формы* – производства прибавочной стоимости, а через производство капитала модифицировал все общественные отношения, точно так же передача интеллектуальной функции технике привела к автоматизации, к созданию *информационно емких, научных технологий*, которые проникают во все сферы общества – в производственную, экономическую, социально-образовательную, управленческую и др. Компьютерные сети локального и планетарного масштаба расширяют горизонт сознания, повышают долю самостоятельности в получении и обработке информации, убыстряют духовный обмен, внедряют инновационный подход в решении проблем, обновляют набор мыслительных схем и интенсифицируют мыслительные процессы, повышают производительность мышления. Главное состоит в том, что информационно-коммуникативная продукция быстро становится достоянием большинства и ломает прин-

цип капитала: собственность на такую продукцию подвергается весьма легкой атаке в виде изготовления ее дубликатов, будь то программное обеспечение, фильмы, песни и др.

С развитием информационной техники производственные и социальные процессы в определенном смысле становятся на «голову». Дело в том, что *идеальное содержание* общественных процессов, получив техническую основу для своего закрепления, совершенствования и обновления, обретает такое значение, которое оно ранее не имело. Идеальное содержание обретает в информационной технике специальную разработку, совершенствование и прикладную форму для материализации. Роль идеального в опосредствовании процессов функционирования всех звеньев технических и социальных систем качественно возросла. Благодаря информационной технике идеальное превратилось в *предмет особой специальной разработки*, что ведет к быстрому обновлению интеллектуального содержания технологических и социальных процессов, обуславливает необходимость обязательной переподготовки кадров, непрерывного их образования, поэтапного осуществления *высшего образования для всех работников общественного производства*.

Растущее значение информационной техники создает возможность перевода управления техносферой, экономическими процессами и планирования на информационно-техническую основу, а также вытеснения «рыночной регуляции» научно и нравственно обоснованной регуляцией.

Идеальное содержание в сознании совокупного субъекта становится исходным началом, с которого запускаются реальные процессы жизнеобеспечения и жизнеустройства, процессы обработки природы и процессы в отношениях между людьми. Сбывается мифология Платона об «эйдосах» как о чистых формах-эталонах, организующих все сущее, по крайней мере в социуме. Правота идеализма заключается в понимании атрибутивной роли идеального в жизни индивидов, одаренных сознанием и волей. Уже с середины XX в. индустриальные технологии вытесняются производством информационной, наукоемкой продукции, эмпирическая подготовка работников – подготовкой научно-теоретической; главными становятся не мускульные усилия работников, но темпы реализации знаний, самым ценным товаром – «ноу-хау», а ведущей отраслью – «банки данных».

«Индустриальная система *техноцентрична*, постиндустриальная – *культуроцентрична*»¹. Возросшая роль идеального, знаний выражается в высокой стоимостной оценке инновационных научно обоснованных технологий, в переходе к «экономике знаний», предполагающей и «человека знаний».

С ростом автоматизации производства на основе информационной техники работники все в большей мере, как предвидел К. Маркс, перестают быть непосредственными *технологическими агентами* производства, встают над ним в качестве *контролеров и регулировщиков* технологического процесса. Уменьшение занятости в материальном производстве ведет к изменению профессиональной структуры общества: происходит сокращение количества работников, занятых в сфере производства *средств жизни*, и резко увеличивается количество работников в системах *культурного воспроизводства людей* в социальной сфере общества (образование, наука, искусство, культурный досуг и др.). Система образования уже сегодня определяет *духовный, культурный, лично-продуктивный и профессиональный потенциалы общества*; качество образования непосредственно влияет на эффективность экономики, на социальную стабильность и мобильность, на престижность тех или иных профессий, на степень внедрения инновационных технологий. С ростом влияния *человеческого капитала* увеличивается значение образования, подготовки специалистов. Опережающая роль образования, т. е. живого интеллекта, по отношению к интеллекту опредмеченному становится очевидной. Общеизвестным фактом является возрастание роли человеческого капитала, который в развитых странах составляет 70–80 % национального богатства, что в свою очередь обуславливает интенсивное, опережающее развитие образования как молодежи, так и взрослого населения.

Капитал (*capitalis*) в переводе с латинского означает «главный». В экономике под капиталом понимается определенное *экономическое отношение*, выраженное как *самовозрастающая стоимость* на основе производства при посредстве обращения, т. е. капитал понимается в сугубо *вещной форме*, за которой человеческое измерение скрыто. Человеческое содержание капитала после Маркса заново открыли специалисты по *культурной антропологии и этнологии*, исследуя об-

---

¹ Бородай Ю. М. Эротика – Смерть – Табу... С. 392.

разования социума в чистом виде на примере архаичных обществ, не знающих рыночных отношений¹. Они ввели понятие *коллективного символического капитала* и доказали, что *собственно человеческие* связи образуют человеческий социум. Такой социум образуется на основе *духовной собственности людей* – «тех ценностей, которые их объединяют без принуждения и которые они готовы сообща защищать»; коллективной памяти, деяний героев как образцов, а также габитуса как «способа согласования практик человека с заветами коллективной памяти, ставшими культурной нормой, с одной стороны, и коллективными целями и проектами – с другой»². А. С. Панарин весьма точно определил символический капитал как «социально мобилизованную духовность, выступающую как инструмент людского социального сплочения»³, единения в *человеческую* общность, где люди начинают производить *как люди* – производить не просто цемент, сталь или прибыль, а культурно воспроизводить полноту своей жизни во всем богатстве человеческой субъективности и взаимных отношений. Интеллектуально емкие производства, виды продукции, системы управления обязывают к подготовке в массовом масштабе и «интеллектуально емких работников», для которых монополия на культуру, управление, образование станет *нестерпимой*, и такая монополия будет крошиться на кусочки. В нее будут проникать могучие тенденции коллективов, регионов, стран с установками культуры. Будет происходить медленное, но неуклонное преобразование *техногенного* основания общества в *антропогенное*: центр тяжести общественного производства сместится с производства средств жизни на социальное воспроизводство поколений. Противоречие между мотивами буржуазного производства и работников с научно-теоретической, эстетической и правовой подготовкой разрешится в *пользу труда, а не капитала*. В конце концов, сработают религиозно-нравственные мотивации.

3. Факторы развития, альтернативные мотивам и стандартам буржуазной цивилизации Запада. В силу их значимости рассмотрим их подробнее. Запад дал науку и технику, а Восток – мировые религии. На Западе верх взяли *искусственные* общности, возникшие из экономических, политико-правовых, из разного рода инженерно-

---

¹ Бурдые П. Практический смысл. СПб., 2001.

² Панарин А. С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. С. 120–121.

³ Там же. С. 119.

умозрительных схем прогресса. Восток сохранил *«естественные»* общности, основанные на взаимных симпатиях, на религии, этнокультуре, традициях. С точки зрения евроцентризма *«естественные»* общности – это архаика, тяготеющая к *«закрытости»*, *«отсталости»*, *«тоталитаризму»* и т. п. Но, оказывается, *«отсталость»* есть сохранение культовых святынь, способности к самоограничению и к альтернативным, нравственным, формам регуляции совместной жизни, что в совокупности составляет основной *человеческий* ресурс для перехода от технической цивилизации к культуре, от техногенного, *«научно»* организованного общества, к антропогенному.

Ю. М. Бородай дал сравнительный анализ, какие формы регуляции оказываются в современных условиях более *обнадеживающими*. Результаты его анализа принципиально важны. На протяжении десяти лет до мировой войны царская Россия прочно удерживала первое место в мире по темпам экономического роста. Курс П. А. Столыпина Ленин назвал *«аграрным бонапартизмом»*, т. е. превращением самодержавия из сословной монархии в *«общенародный патерналистский режим с опорой не на дворянство или финансовый капитал, а, прежде всего, на корпоративно объединенных отечественных промышленников и крепких консервативных крестьян»*¹. Самобытный путь агропромышленной модернизации России был прерван в 1917 г. Что было бы с Россией, если она завершила бы реформы Столыпина, гадать трудно, но многое проясняет работа Бородая.

Дело в том, что Бородай анализировал развитие Японии, которая *тоже начала свое обновление с «бонапартизма»* (революция Мейджи), причем его интересовали *«те самобытные структуры дальневосточных “естественных общностей”, которые в небывало короткий срок, став технотронными, бросили дерзкий вызов Западу по самому важному пункту спора – эффективности массового производства»*². По самобытному пути модернизации уже после Второй мировой войны пошли *«новые индустриальные страны»* (Тайвань, Сингапур, Южная Корея, Таиланд), сумевшие совместить *«новейшие технологии с традиционными отношениями между людьми со всем набором своих старинных нравственно-культовых ценностей»*. В ходе этого тор-

---

¹ Бородай Ю. М. Эротика – Смерть – Табу... С. 382.

² Там же. С. 383.

гово-промышленного соревнования, подчеркивает Бородай, решаются вопросы исторической важности: станет ли «закат Европы» реальностью? что окажется эффективней – «цивилизация или культура»? Под культурой Бородай понимает, следуя П. Флоренскому и А. Ф. Лосеву, универсальные практические и научные, гуманитарные и технологические знания, «органично спаянные в одну систему со своеобразными моральными ценностями, имеющими у каждого народа культовое происхождение». Культура без «нравственно-культовых “предрассудков”», замечает Бородай, превращается в чисто рациональную холодную цивилизацию, в «химерную антисистему» (Л. Н. Гумилев).

Главное в самобытной модернизации Японии то, что «космополитической цивилизации Япония сумела противопоставить принцип своей национальной культуры, используемой в процессе модернизации как решающий *экономический* фактор»¹. Производственная модернизация в Японии началась с радикальной «черносотенной» революции 1868 г., которая привела к власти самодержавие, *опирающееся на крестьян*. Вся земля стала собственностью крестьянских общин без выкупа. Самураи становились наемными офицерами, чиновниками, организаторами промышленности; та же участь постигла и аристократов. Японцы не проходили мануфактурной стадии, низводящей работника до полускотского состояния. Машину они получили готовой. Они решали иную задачу: освоить чужой технический результат и «встроить его в систему иной социальности – традиционных своих отношений». Чрезвычайно полезным, подчеркивает Бородай, оказался «сохраненный как общенародное качество *творческий навык* самодеятельного кустаря (крестьянина или ремесленника) – то, что вынужден был безжалостно искоренять у своих народов молодой западный капитализм»². Бородай открывает «парадокс» для прогрессистов и российских западников. «Оказывается, что незатронутому иноземной цивилизацией первобытному кустарю – японскому или корейскому, таиландскому! – легче достичь той высокой разносторонней квалификации, какую сейчас требуют самые продуктивные сложные технологии. *Гораздо легче им*, чем западному “частичному рабочему”, прошедшему двух или трехвековую фабричную школу бессмыслен-

---

¹ Там же.

² *Бородай Ю. М.* Эротика – Смерть – Табу... С. 384.

ного отупляющего труда»¹. Почему же легче? Отметим особенности современного ремесленничества:

- Рост удельного веса ремесленничества, в том числе и в России, выражает *потребность людей в творческой самореализации*. Такая потребность порождена стандартизацией массового промышленного производства, безадресностью и безличностью его продуктов, их усредненным характером, создающим усредненных индивидов. Такая потребность есть, далее, реакция на разделение труда, которое *разлагает целостность* деятельности и поражает индивида в самой его творческой основе. Разделение труда бывает по *предмету труда* (врач, инженер и т. п.) или по *составу способностей человека*, которые он реализует в самой трудовой деятельности; при этом за работником закрепляются репродуктивные функции (грузчик, работник на конвейере и т. п.). В первом случае целостность деятельности может *сохраняться*, во втором – нет.

- Деятельность ремесленника *целостная, менее подверженная отчуждению*, спекулятивным экономическим тенденциям рынка, продуктивная; в ней идеальное, целеполагание, замысел и его реализация не отделены друг от друга; она порождает продукт полухудожественного характера, который служит и для *личностного* культурного общения «ремесленник – потребитель». Такое общение выходит за рамки узкоэкономических связей и складывается по поводу обмена, взаимодополнения и взаимообогащения продуктивно-творческими силами индивидов. Тем самым ремесленная деятельность расширяет область глубинного общения. В деятельности ремесленника соединены личный труд, функции организации, управления, изучение спроса и др. Фигура ремесленника в городе подобна образу крестьянина на селе полнотой в реализации социально важных функций: производительно-продуктивных, идеально-проективных и т. п. Ремесленники – особая социальная группа с экзистенциальной полнотой бытия, могущая обновить образ жизни в городе.

- Целостная деятельность порождает общение, свободное от соображений односторонней *утилитарности*. Ибо потребление продукта ремесленного труда актуализирует культурные компоненты в сознании потребителя – эстетический вкус, национальную память о традициях, социокультурную символику и др. Тем самым сравнительно

---

¹ Там же. С. 384.

целостное общение порождает и *целостность в сознании* как ремесленника, так и потребителя его продукта. Такой продукт уместно называть *произведением*, а деятельность ремесленника – отнести к «полу-художественной деятельности» (К. Маркс).

- Труд ремесленника вырастает из традиций, соединяя их с инновациями. Транслируя традиции в обновленной форме, такой труд создает *культурно-продуктивную преемственность* поколений, актуализирует и закрепляет *национально-культурную идентичность* в сфере производства и общественного сознания, *расширяет область национально-культурных коммуникаций как внутри страны, так и между странами*.

- У ремесленника доминирует самодеятельность, моделирование новых вариантов, новых схем продуцирования, а не деятельность по заранее установленному *внешнему масштабу, равнодушному к индивидуальному своеобразию личности*, как это имеет место на больших предприятиях. Именно *самодеятельность сообщает конкретную креативность труду ремесленника*. Самодеятельность формирует творческие способности потому, что она есть свободная деятельность, изменяющая сами схемы деятельности; она развивает самоопределение, необходимое для творческого акта, являет самоопределение как объективно выраженный процесс и содействует общению, просторному для самореализации человека как субъекта. *Креативно-антропологический аспект* такой деятельности состоит в *развитии продуктивно-творческих сил человека в их целостности* – мышления, продуктивного воображения, эстетического созерцания и других продуктивных профессиональных способностей.

- Поскольку предметом самодеятельности являются способы человеческой же деятельности, то субъект не теряет себя в предмете, не отчуждается от себя в актах самодеятельности. За внешним отношением к предмету он усматривает внутреннее отношение к *человеческим продуктивно-творческим силам, которые запечатлены в предмете*. В самодеятельности отношение к опредмеченной деятельности подчинено отношению субъекта к самому себе, и живой труд господствует над опредмеченным. В отличие от деятельности по заранее установленному внешнему масштабу самодеятельность альтернативна косности; она выступает адекватной формой самореализации личности в творческом процессе.

• В самодеятельности происходит практическое закрепление способности личности к *самоопределению*. Эта способность – генетически исходная основа *субъектности, субъектных* качеств личности – *самоорганизации, самоуправления и нормотворчества*; в целом это *самостоятельность* личности, которая сама избирает варианты действия и поэтому сама несет ответственность. Тем самым ремесленничество как социальный институт крепит традиционное *общество самодеятельностью «снизу»*. Не случайно в средневековых городах, основой которых был цех ремесленников (община в городе), процветала *конкретная* форма демократии – *демократия личного участия* (самоуправление) в отличие от современной *формальной* – представительной демократии, где избранныкам нет дела до электората. Любопытно, что фабрикантами становились, отмечает Бородай, не местные мастера, а «чужаки-переселенцы, ничем не связанные с местным цехом ремесленников», «с традициями данной страны вообще».

• Наконец, современный ремесленник может соединять в своей продуктивной деятельности основы науки и дизайна, национальные традиции, символику и инновации, разнообразя формы творческой самореализации. Высшее или среднее профессиональное образование, художественная подготовка и т. п. не инородны ремесленничеству.

В целом ремесленничество есть социальный институт, включающий в себя определенную духовно-ценностную доминанту, ориентацию на национальные традиции, креативно-антропологическое и социокультурное измерения и имеющий такие параметры, как продуктивная деятельность, экономические формы и нормативно оформленные процедуры функционирования.

Вернемся к Японии. Помимо технической квалификации не менее важным экономическим фактором, продолжает Бородай, оказывается сохраненное в рамках естественных общностей «добросовестное – нравственное отношение человека к своему делу, а также вековые навыки самоуправления. Подчеркнем: *самоуправления*, а не демократии». В демократии реализуется принцип: один человек – один голос, т. е. атомарность, раздробленность. В системе общинного самоуправления выслушивают всех, но более веский голос принадлежит более опытному в деле. Здесь вопрос решается качеством, а не

количеством. «Это патерналистский – традиционно семейный принцип выработки решений»¹.

Японцы начали строить свою промышленность в конце XIX в., используя не дешевый, а *дорогой* труд. У них не было обезземеливания крестьян. Их не сгоняли с земли, как в «цивилизованной» Англии. Крестьян пришлось заманивать в город – как в прошлом, так и в современных условиях. Привлекать пришлось особой *мотивацией труда, возможностью проявления творческих потенций*. Дело в том, указывает Бородай, что японцы отвергли западную систему научной организации труда американского инженера Ф. У. Тейлора и *внесли в индустрию традиции деревни!* Вот что пишет Nahagawa Keichiro, японский исследователь проблем национального менеджмента: «Доминирующей предпринимательской стратегией возникающего современного бизнеса стала не *специализация, а универсализация*. ...Эта усиленная универсализация означала, что *труд* на японских верфях и фабриках не мог быть *ни стандартизирован, ни специализирован*. Ф. Тейлор, отец научной организации труда, подчеркивал особую важность для рациональной организации труда отдельной “задачи” – “специализированной работы”. Однако в Японии понятие “специализированной задачи” не могло стать целью управления: вместо этого центром внимания был сделан сам рабочий. Другими словами, управление было нацелено не на “руководство работами”, а на поддержание стабильности персонала и *высоких личностных качеств высококвалифицированных разносторонних рабочих*»². Из такой установки хозяйствования, замечает Бородай, вытекали такие следствия, как отказ от жестких систем контроля за исполнителями, от строгой регламентации и мелочной бюрократической опеки, пожизненный найм с неформальными полусемейными отношениями внутри предприятий, складывающихся по типу традиционно-общинных. «По существу это *деревенские* отношения, перенесенные не подвергшимися люмпенизации крестьянами на городскую индустриальную почву. Главное в этих отношениях – *живые навыки общинного самоуправления и нравственно-творческое отношение к общему делу* (курсив наш. – С. Г.). В Япо-

---

¹ Бородай Ю. М. Эротика – Смерть – Табу... С. 386.

² Цит. по: Бородай Ю. М. Эротика – Смерть – Табу... С. 388.

нии не город переламывал в пыль и развращал деревню, но, напротив, деревня перенесла свои обычаи и законы в город»¹.

Обратимся к японской деревне. Бородай цитирует Т. Смита, автора книги об аграрных особенностях модернизации Японии: «В деревне сами крестьяне поддерживали в порядке общие дороги и проводили ирригационные работы, следили за соблюдением порядка на своей территории, за использованием земли, проводили в силу решения правовых органов, улаживали споры, а в случае мелких преступлений *сами выносили приговор и налагали наказание* ... отвечали всем миром за преступление, совершенное любым из членов общины, заключали контракты, привлекали к суду и отвечали перед судом. ... Небывалая степень самоуправления, возникшая после устранения военно-помещичьей администрации (революция Мейджи. – Ю. Б.), принесла стране беспрецедентный уровень народного благосостояния и социальной справедливости. ... Новые лидеры Японии получили поддержку нации – несмотря на то, что потребовали от нее ни много ни мало как за одно поколение превратиться в индустриальное общество. ... Новые лидеры Японии нашли решение проблемы в переводе этих целей на традиционный язык лояльности и долга. Это был язык *патерналистской семейной этики*, выражающей неотъемлемые идеалы почти всех японцев ... правительство поддерживало их через систему образования, военную подготовку и средства массовой информации. ... Во многих странах промышленность подорвала крестьянскую деревню и рассеяла ее население или сильно ослабила его солидарность, создав глубокие классовые деления. Ничего из этого не произошло в Японии». Здесь, напротив, деревенские отношения переносились в город, что «стимулировало деятельность деловых фирм, организованных по принципу большой семьи»².

Инженер Ф. У. Тейлор к человеческим отношениям на производстве подошел по-инженерному, с позиций естествознания: он уподобил работника со свободой воли вещи без такой свободы. Он утверждал, что разработанные им принципы «могут быть с равным успехом приложены ко всем решительно видам социальной деятельности»³. Отсюда следовала жесткая регламентация на производстве, которая

---

¹ Там же.

² Цит. по: Бородай Ю. М. Эротика – Смерть – Табу... С. 388.

³ Тейлор Ф. У. Научная организация труда. М., 1925. С. 4.

затем была перенесена и на управление не только крупными предприятиями, но и регионами страны, государством в целом. Сработал гипноз «науки». Почему же японцы не последовали тейлоризму? Потому, что сохранили чувство *этнонациональной общности*, чувство полноты человеческих проявлений, избегнув тем самым того *отчуждения*, которое захватило и экономику, и вообще все сферы жизни Запада. *Национальное единение пересилило классовый антагонизм, моральная солидарность взяла верх над эгоизмом классов*. Оказывается, верховенство нравственных императивов над экономическими соображениями (прибылью, «законом стоимости») вполне *возможно*. Все зависит не от форм собственности, а от самих людей. Маркс настаивал на классовом подходе потому, что он значительную часть жизни провел в «пекле» капитализма, в Великобритании. Почему же в России, где нет традиций протестантской этики, оправдывавшей ужасы первоначального накопления, обязательно надо держаться верховенства классового подхода? Классы приходят и уходят, а нация сохраняется. К марксизму тоже следует применять культурно-исторический подход.

Вектор развития Японии, возможно, дает ответ на вопрос, *что было бы с Россией, если не был бы прерван путь ее самобытной аграрно-промышленной модернизации в 1917 г.* Большевики в 1917–1937 гг. захватили органы государственной власти в центре и в регионах страны. Они не понимали своеобразия национальной исторической России, отрицали религию народа, его традиции, уклад жизни в деревне, ту полноту жизни, которая выростала из *естественной общности* людей, смеялись над нравственностью, проверенной веками, глумились над историей царской России; они уверовали в евангелие от Маркса и насаждали неистово «тейлоризм» в деревне, не говоря уже о городе. Они сломили «хребет» народного духа – православную веру и культуру. Словом, они были *отчуждены* от собственного народа и как идейные «чужаки» стали насиловать народную общность, пока сами не погибли в 1937–1938 гг. Судьба большевизма поучительна. Реформы в современной России нам пока представляются как продолжение радикального западничества, как необольшевизм, только с обратным, буржуазным, знаком. Но эта волна радикального западничества скоро схлынет: из-за своей радикальности она быстро обнажает нелепость заимствований стандартов жизни Запада, ведет к прозрению все большего круга людей, побуждает к синтезу культурных традиций России с обновлением тех-

носферы, рождает в культуре, в студенческой среде мощную патриотическую установку: «пора возвращаться домой, на родину». Есть основание полагать, что появятся духовно лучшие люди, и они направят Россию на самобытный путь так же, как это осуществил в культуре наш национальный спаситель А. С. Пушкин.

Весьма нагляден экскурс Бородай в современную экономику. Уже на ранних стадиях индустрии у тейлоризма обнаружился «серьезный изъян». Частичный работник сохраняет какую-то степень собственного творческого потенциала, и в системе жесткой регламентации он направляет свою смекалку «на подрыв отупляющей монотонности». Бородай цитирует признание Тейлора: «...сознательно медленная работа с целью недопроизводства полной дневной выработки представляет собой почти повсеместное явление в промышленности ...представляет собой самое большое несчастье». Еще хуже – брак от равнодушия к частичной работе¹. Американцы стали просить японских менеджеров помочь избавиться от изъянов тейлоризма на производстве. Японцы консультируют: чтобы снизить процент брака, надо *не ужесточать, а отменить* систему громоздкого и унижающего человека контроля. Главное – улучшение социального климата на американском предприятии, замена строго регламентированных нормативов добросовестным отношением к делу, основанным на неформальных доброжелательных отношениях внутри коллектива. В Америке японские консультанты очень стараются, но у них там «не получается ничего путного». Ибо на Западе, как отметил еще Маркс, типична «абстрактность коллектива, у членов которого нет ничего общего, кроме разве языка»². Оказывается, что внедрение новейших технологий, основанных не на контроле, а на добросовестности исполнителя, требует реорганизации предприятий по типу «естественной общности». Такая реорганизация, пишет Бородай, хорошо получается в Сингапуре и Таиланде, в Южной Корее и на Тайване, а в США плохо – хуже, чем в ФРГ. Почему? «Потому что в странах с давними протестантскими капиталистическими традициями “подпорчен” человеческий “материал”? Растерт в атомарную пыль, истра-

---

¹ Цит. по: *Бородай Ю. М. Эротика – Смерть – Табу...* С. 390.

² *Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов.* Т. 46, ч. 1. С. 479.

чен на становление машинной системы поточного массового производства ширпотреба»¹.

В Японии брака и халтуры намного меньше, чем в США. Японцы, подчеркивал Ю. М. Бородай, последовательно наращивают «объем *общеобразовательной* подготовки» молодой смены, затем выпускника учебного заведения принимают в «общину-фирму» не на срок, а «*пожизненно*» и проводят его по возможности «через все производственные структуры, циклы и даже должности, чтобы он на собственном опыте хорошо усвоил план и общий “научный” замысел дела – чтобы любую работу в своей фирме он смог выполнить с творческим интересом, *осмысленно*, отнюдь не только ради зарплаты»². В период послевоенной инфляции зарплата стала мало зависеть от характера выполняемой работы, она была ориентирована на соответствие «тому прожиточному минимуму, который позволял рабочему содержать семью, и это усилило мотив рабочего самоуправления».

Японию сами японцы называют «*капиталистической страной без капиталистов*, ибо владельцами крупного бизнеса часто являются сами предприятия». Как это понимать: капитализм без капиталистов? Может, это социализм? Трафаретные «измы», размышляет Бородай, здесь не подходят. На Западе свободное предпринимательство перерастает в «организованный капитализм» с все более жестким госрегулированием, а абстрактная демократия с ее трескучей «борьбой за права» – в тоталитаризм. «Но *традиционный патернализм* – вовсе не *тоталитарная диктатура*, а общинно-корпоративное *самоуправление* – не демократия». Язык не поворачивается, признается Бородай, квалифицировать «общественный строй, сохраняющий ценности и структуры своей “естественной общности”», западными терминами «капитализм», «социализм» и др. «Я думаю, что Япония – это традиционное общество, самобытным путем осуществившее агропромышленную модернизацию»³.

Постиндустриальный вектор производства – переход от «экономики заводских труб» к созиданию «наукоемкой продукции», главной составляющей которой являются не «материальные ресурсы, но «быстрая утилизация творческих интеллектуальных усилий», «ноу-хау».

---

¹ Бородай Ю. М. Эротика – Смерть – Табу... С. 391–392.

² Там же. С. 390.

³ Бородай Ю. М. Эротика – Смерть – Табу... С. 390–391.

Культуроцентричность такого вектора означает, что главным элементом производительных сил становятся «*морально-духовные* качества универсальных производителей (подобных архаичному кустарю-художнику), способных к творческой солидарной работе с интеллектуальными усилиями и нравственной ответственностью без жестких систем контроля над их деятельностью. Морально-духовный фактор в новой системе выдвигается на первый план, становясь ведущим *экономическим* фактором. Материальные предпосылки развития, при всей их важности, отступают в постиндустриальной системе на второй план»¹. В этом проявляются тенденции культуры как новой ступени истории.

Фактически Бородай ясно раскрывает переход от техногенного общества к антропогенному. Термин «постиндустриальный», по сути, некорректен; он указывает смену во времени, а не *качественную* определенность. Японская альтернатива англоязычному Западу, как видно, содержит такие параметры, как «естественная общность», «общинное самоуправление», «патернализм», «нравственно-культовые святыни», духовно-нравственная регуляция», «моральная солидарность», «универсальность», т. е. весь букет «архаики», «закрытого общества» в противовес «демократии», «открытому обществу». К «закрытому обществу» близки Япония, Корея, Малайзия, Индонезия, Таиланд. Англоязычные страны – образцы «открытости». Как оценивают эксперты перспективы этих обществ? Бородай цитирует важный документ «Глобальные перспективы деловой активности», подготовленный Международным институтом развития управления и Мировым экономическим форумом на основе опроса свыше 1500 бизнесменов из 22 стран: «В то время как англоязычные страны и большая часть стран континентальной Европы подвержены тенденции к замедлению экономического развития, лидеры мирового бизнеса устремили свои интересы в Германию, Японию и новые индустриальные страны (Корею, Таиланд, Малайзию, Индонезию). ...Англоязычные страны – Австралия, Канада, Великобритания, США – возглавили список стран с наибольшей тенденцией к рецессии. Германия здесь идет на последнем месте. Критериями оценки конкурентоспособности при данном исследовании были качество рабочей силы, качество продукции, рыночная ориентация и уровень нового поколения бизнесме-

---

¹ Там же. С. 392–393.

нов. Менеджеры поставили на первое место квалификацию труда и трудовую мотивацию. ...В Японии самая высокая мотивация к труду»¹.

Западные стандарты *техногенного характера*, ориентирующие на технику жизни, *терпят крах перед тенденциями культуры* как новой ступени истории. Срабатывает открытая Бородаем *привилегия отсталости*. Культура антропогенна и креативно антропологична. То, что с позиций англоязычного Запада кажется архаикой, в нынешних условиях перехода к культуре становится *выигрышным*. Япония и вслед за ней южно-азиатские «тигры» от экономики теснят США на беговой дорожке новейших технологий. Россия, отмечает Бородай, несмотря на свою скоротечную лагерную индустриализацию, «в гораздо большей мере, чем Запад, сохранила в сознании большинства населения свои самобытные духовно-нравственные архетипы», а также «еще достаточно большой потенциал аскезы – готовности к жертвам и сверхсилиям ради идеи». Последнее станет фактором «решающей важности, как только будет преодолен острейший *духовный* кризис – кризис идентичности, поиска новых сверхиндивидуальных целей»².

Кризис идентичности – это «резкая девальвация всех присущих данной культуре общезначимых сверхличностных идеалов, что ведет к массовому психическому дискомфорту, чреватому иррациональными деструктивными срывами»³. Такой кризис подобен деперсонализации личности, когда личность теряет свое *сверх-Я*, то самое ценное, во что она верит, чем руководствуется на жизненном пути, с чем соизмеряет свой выбор в важных вопросах жизни, чему готово служить добровольно и свободно, вплоть до самоотверженности. Без *сверх-Я* остается одно эмпирическое *Я*, наполняемое всякий раз изменчивым повседневным событийным материалом. Теряется главное – критерии самоопределения, выбора, оценки и должного; теряются субъектные качества, самостоятельность. Так индивиды превращаются в «существователей» (Гоголь) без духовной сущности. Как же народ России докатился до такого опаснейшего состояния? Благодаря секулярному (отсекающему) большевистскому яду – материализму, воинствующему атеизму и безнациональному интернационализму; последний не

---

¹ Бородай Ю. М. Эротика – Смерть – Табу... С. 401–402.

² Там же. С. 393.

³ Бородай Ю. М. Эротика – Смерть – Табу... С. 394.

следует путать с дружбой народов, ибо безнациональных народов, как и дружбы между такими народами, история не знает.

Дело в том, что этнокультуры всех народов корнями уходят в *культ, в религию, в абсолют, совершенный по качеству*. Именно поэтому этнокультуры несут на себе «родимое пятно» – дух совершенства. Нравственность, как убеждает цитируемое нами исследование Бородая, стала возможной благодаря «тотему», Богу. То, что трансцендентно для научного мышления, то имманентно для веры и верования; цвет «трансцендентен» для опыта уха (недоступен его восприятию), но имманентен для опыта глаза. Человеческая субъективность, редуцированная до *логики* мышления, закрепленной фабрично-заводскими технологиями и ставшей самодовольной, выродилась в однородное мерило там, где востребованы *иные* оптики духа. Так, стали практиковаться *инженерные схемы социальности* с клеймом «научности», будь то «научный социализм», «научная организация труда», «научное мировоззрение». Между тем нравственность и религия ненаучны, у той и другой – *иная* духовная *модальность*, причем более важная для жизни, чем «рацио». Наши предшественники строили с 1917 г. общество научно; полнота жизни не вмещалась в рациональные, материалистические, атеистические и этнонигилистические схемы. Схемы изменили, внесли параметры монетаризма, либерализма, демократии, цивилизации. Жизнь стала еще более невыносимой в нравственном отношении. Следовательно, полнота народной жизни первична. Не человек для субботы, а суббота для человека. Приятию полноты жизни адекватен целостный духовный акт, в который входит и научный компонент.

Первичной же для культуры всегда остается *религиозно-культурная нравственность с ее потенцией духовного возрастания народа*, а не рационально-политизированная идеология. Гражданское общество Запада выросло в условиях классового антагонизма. Чтобы люди не «пожрали» друг друга («человек человеку – волк»), кулачное право было заменено правовыми процедурами. Человек стал юридическим лицом. Чем больше вырабатывалось правовых регуляторов, тем меньше оставалось пространства для нравственной регуляции. Свободу совести как юридический принцип к началу XXI в. настолько гуманизировали в рамках «толерантности», «прав человека» и «политкорректности», что свобода совести вырождается в свободу от совести. А в бессовестном обществе сразу возрастает принудительная регуля-

ция (административно-правовая) вплоть до тоталитаризма – всеохватной регламентации мышления, поведения, потребления. Следует пересмотреть в условиях России понятия, ставшие аксиомами на Западе, в частности понятие гражданского общества. Как историко-генетически *кооперация была и остается первичной* в экономических отношениях, так и исторически *первична соборность*, т. е. свободная, добровольная духовная солидарность людей вокруг коренных ценностей религиозно-нравственного порядка. Как кооперация является всеобщим социальным лоном для всех дальнейших экономических форм (люди – существа общественные и работают друг на друга, что бы они ни мнили про себя), так и *соборность есть первичная духовная основа для всех последующих социальных форм – экономических, юридических и политических*. И. А. Ильин всесторонне обосновал соотношение нравственности и права: первое составляет основу второго; добровольная лояльность, законопослушание граждан возможны в условиях нравственно приемлемого законодательства и политического курса государства¹. «Недоразвитость правосознания, – метко замечает Бородай, – не порок, если это свидетельствует о том, что в данном сообществе основным регулятором человеческих отношений пока еще остается совесть»². Гражданское общество в России производно от соборности, но не наоборот. При таком условии в гражданском обществе и государстве сохраняются *«естественные общности»* – семья, религиозные объединения, конфессии, этническая совместимость, полиэтническая национальная гармония, дружеские узы, разнообразные культурные объединения единомышленников и т. п. Кризис идентичности есть всегда духовный кризис. Кризис есть суд, который творится полнотой жизни народа, такой суд обнажает несостоятельность прежних ценностей. Выход из такого кризиса России следует искать на пути *первичности религиозно-нравственных, духовных начал, проектирующих иную социальную связь*. Все остальное приложится – и духовная солидарность, и Большой Проект, и Большое Общее Дело, и стремительный одновременный прорыв в культуре и технологии. Достаточно на первом этапе руководству

---

¹ Ильин И. А. Общее учение о праве и государстве // Собр. соч.: в 10 т. М., 1994. Т. 4.; Ильин И. А. О сущности правосознания. М., 1994.

² Бородай Ю. М. Эротика – Смерть – Табу... С. 399.

страны заявить в обращении к народу ясно и твердо о *духовно-нравственных принципах* политики страны.

Преобразование «зоологии» в «историю», животного в человека состоялось, как было отмечено в первой части нашего исследования, с появлением *самоограничения ради должного*. Так возникли нравственность, совесть, свобода воли, творческое воображение, культура. Следовательно, возрастание *человеческого* в человеке состоит в возрастании именно этих начал, в повышении статуса *идеального* над реальным, совести над инстинктом, *духа* над природой, *культуры* над техникой жизни. Мировые религии прямо и мудро наставляют к *аскезе ради должного, высшего и совершенного*. «Участь вещей, – утверждал А. С. Панарин, – не в них самих, не в природных, социальных и иных “детерминантах”, а только в самом духе, ибо лишь ему дана высокая участь открывать *иначе возможное* там, где все представляется заданным и безальтернативным»¹. Ибо дух есть знающее себя *совершенство*, он в самом себе содержит критерии достойного и недостойного, и эти критерии для него самоочевидны. Если для России «не состоятельна» первичность религиозно-нравственного начала, то сама Россия станет несостоятельной в XXI в.

Итак, на примере Японии как традиционного общества, к которому тяготеет и Россия, мы попытались раскрыть тенденции, которые *альтернативны технической цивилизации* и подтверждают нашу гипотезу о культуре (впрочем, дело не в названии) как грядущей исторической ступени. Япония нами взята потому, что жизнетворческие устремления этого традиционного общества *присущи во многом и России*. Нашу гипотезу подтверждают результаты исследований А. С. Панарина, изложенные им в цикле фундаментальных работ, посвященных анализу ведущих тенденций мирового развития. Прочитируем окончание одной из таких работ: «Мы реабилитируем всех отверженных и неадаптированных, потому что нам открылся парадокс прогресса: он питается энергиями, которые сам генерировать не в состоянии и вынужден заимствовать у людей “вчерашнего дня”. Мы знаем: настоящий рабочий, сохранивший трудолюбие, прилежание и усердие, – это тип, не успевший расстаться со старыми ремесленно-крестьянскими архетипами, питающими его архаическую привязанность к труду. Мы уверены: настоящая

---

¹ Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире. С. 488.

творческая личность, способная что-то сделать в науке и культуре, – это тип, сохранивший архаическую способность воспламеняться, бескорыстно усердствовать, тянуться к высшему. Иные, “истинно современные” и эмансипированные, типы ни к чему подобному уже не способны. Поэтому они тянут эпоху от индустриального общества к такому постиндустриальному, которое поразительно напоминает военно-феодалную или спекулятивно-ростовщическую формацию далекого прошлого с соответствующей им грабительской моралью. Тайна истинного постиндустриализма – в сохранении “архаической” пассионарности морально-религиозного типа. Без такого архаизма современность рискует соскользнуть в варварство и даже дикость. Может быть, замечательный архаизм Православия является шансом человечества – одной из гарантий того, что творческий цивилизационный постиндустриализм еще может быть спасен в наступающем глобальном мире»¹. Ценностное вдохновение не остуженных сердцем людей возможно в локусах человеческой общности.

А. С. Панарин выстраивает такой ряд: цивилизация – истинный постиндустриализм. Термин «постиндустриализм» – крайне неопределенный. Ф. Энгельс вслед за Морганом членил историю в форме «дикость – варварство – цивилизация». Вслед за Марксом, Энгельсом, Панариным многие авторы ясно осознают, что техническая цивилизация, подобно марке исторического автомобиля, устарела в социальном, нравственном и в иных важных отношениях. Назрела теоретическая и практическая необходимость категориально оформить постиндустриальную, *постбуржуазную, постэкономическую* ступень истории. Эту ступень мы и оцениваем как культуру в широком смысле этого слова. В узком значении культура как положительная социальность, существующая в одном и том же обществе наряду с антикультурой и иными деструктивными социальными образованиями, сохранила на протяжении тысячелетий *креативно-антропологическое* содержание и *универсальность* человека. Исходя из такого содержания, мы полагаем, что культура в широком смысле слова может быть исковой категорией для обозначения грядущего исторического периода. У России есть привилегия отсталости в области техники жизни, но у нее есть еще и привилегия национальной культуры.

---

¹ Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире. С. 492–493.

Следует отправить в утиль «морально» устаревшую технику и начать созидать самую передовую техносферу, о чем обоснованно пишут авторы, раскрывая нереализованные в советский период секретные технологии¹. Целесообразно в корне поменять сам менеджмент, базируя его не на заемных схемах англоязычного Запада, а на мотивах традиционных «естественных общностей» – на *человеческой универсальности и креативности, на высоких духовно-нравственных личностных качествах работников, на нравственной солидарности персонала, на родственной России культуре патернализма, общинного самоуправления, на патриотическом духе хозяйствования*. Любовное созидание отечества есть составная часть процветания человечества. Тенденциям культуры соответствуют всеобщее высшее образование, интегральное социальное мышление на основе целостного акта, в котором религиозные, нравственные, эстетические, логические компоненты сливаются в цельный дух, позволяющий созерцать за эмпирией объективно лучшие, совершенные содержания и побуждающий восходить к высшему и человекотворческому. У России есть все необходимое, чтобы начать играть в глобальном мире по своим правилам, привлекая на свою сторону все новых союзников и соратников и упраздняя социал-дарвинистские правила англоязычного Запада на мировой сцене истории. «Однополярный мир», «открытое общество», «либерализм», «свободный саморегулируемый рынок» – все это элементы одной *легенды*, запущенные для простаков силами американоцентризма. Эта легенда разоблачена самой практикой за последние десять лет, она противоречит и социально-гуманитарной науке, и праву, и политологии, и нравственным императивам, не говоря уже о национальных интересах народов-изгоев и религиозных чаяниях миллиардов людей. Нужна политическая воля, сильная в добре, а не во зле, чтобы начать обновление социальной связи на планете согласно тенденциям культуры, велениям человеческой общности. И субъекты такой политики и таких преобразований обязательно появятся.

От экономики рыночной к экономике креативной. Пора выпрыгнуть из клетки *политико-экономических стереотипов*. За последние 400 лет европейцы так срослись с политико-экономическими

---

¹ См.: Калашиников М., Кугушев С. Третий проект. Спецназ Всевышнего: книга-расследование. М., 2006.

стереотипами, что последние воспринимаются как аксиомы математики. Почему, например, зависимость от *стихии природы* воспринимается как слабость людей, но стихия рынка, напротив, толкуется как регулирующая мера? Почему большая часть прибыли от совместного производства присваивается капиталистом, причем, в такой ее величине, которая делает одних сверхбогатыми, а других – нищими? Потому, что таковы законы, в частности – «доход от капитала». Кто же устанавливает такие законы? Рынок, конечно. Вот такая аксиоматика, ...выгодная для одних и печальная для других.

Ссылки на формы собственности, на рынок – это детская манера уводить человека от ответственности: не мы виноваты, а собственность. Но собственность есть *отношения между людьми*. Неужели люди не первичны в своих отношениях? или первичны их собственные продукты, включая собственность? Откуда эта *бессубъектная, покорная стихийным обстоятельствам* установка сознания? В плане философском она дитя сознания, запуганного материализмом созерцательного толка. Такой материализм едко критиковал К. Маркс за созерцательность и пассивность, за то, что такой материализм берет мир «не субъектно».

Термин «креативный» (от англ. *creative*) означает «творческий», «созидательный». Креативная экономика – это реакция на экономику спекулятивную, не производящую реальный, физический продукт; например, «финансовые пирамиды», спекуляции ценными бумагами по схеме $D - D'$, без процесса производства товаров. В XXI в. спекулятивная экономика порождает виртуальные деньги, не обеспеченные товарной массой. «Новые буржуа возвращаются к старой спекулятивно-ростовщической формуле $D - D'$, минуя цикл производства¹. Брокер Жером Кервьель нанес крупнейшему французскому банку «Сосьете Женераль» убыток в размере 5 млрд евро, меняя реальные активы на якобы равноценные им, виртуальные. Кервьель – не одиночка; руководство упомянутого банка было в курсе его деятельности, но закрывало глаза на нарушение правил.

Дело Кервьеля – один из примеров «деятельности» криминальных структур в мировой финансовой системе. Уместно привести общеизвестные цифры. Общее производство в США составляет примерно 20% от

---

¹ Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире. С. 475.

мирового ВВП, а сверхпотребление – около 40%. За счет чего американцы потребляют в 2 раза больше, чем производят? За счет производства прибыльного товара – доллара, мировой расчетной и резервной валюты, а также выпуска ничем не обеспеченных долговых обязательств для кредитования граждан, корпораций и банков. Эти обязательства – «чистая фикция, бумажная, а то и электронная запись, которая не дает ее владельцу никаких гарантий... Понятно, что любое сдерживание этого эмиссионного процесса, – отмечает Александр Нотин, – а тем более его радикальное сокращение, жестко ударит по покупательной способности населения США». Необеспеченность мировой финансовой системы (МФС) живыми активами – «врожденная и порочная зависимость системы от эмиссии все новой и новой долговой (не денежной!) массы коммерческими банками. Сегодня они буквально держат за горло ... все население и все правительства земного шара. В этом суть, в этом главный фокус МФС»¹. «Мы полностью, зависим, – признается известный американский финансист Р. Хемфил, – от коммерческих банков. Кто-то должен дать в долг каждый доллар, находящийся в обороте, наличный или безналичный. Если банки создают много искусственных денег, мы процветаем, если нет – мы умираем с голода. У нас нет постоянных денег. Когда видишь всю трагичность картины, не хочется верить в безнадежность этого положения. Но оно таково»². Кто же контролирует эмиссию доллара? Американская Федеральная резервная система! Печатают деньги, не обеспеченные товарной массой. Общая задолженность США (внутри государства и вовне) составляет уже 50 трлн долл. (против 5 триллионов в 1957 г.). Такой запредельный долг США выплатить не в состоянии ни при каких условиях. Крах мировой финансовой системы не за горами. А начало его – в 1971 г., когда США отказались от обязательств по поддержанию золотого стандарта доллара.

Депутат Европарламента Джульетто Кьеза пишет о том, что в экономике США за последние семь лет надувался финансовый мыльный пузырь. Спекуляции имеют такие масштабы, что 400 млрд евро из резервов Центрального европейского банка, брошенные на стабилизацию ситуации, оказались недостаточными для сдерживания кризиса. Американская задолженность достигла такого невероятного уровня, что все понимают:

---

¹ Нотин А. Подсудный процент // Завтра. 2008. № 5. (741).

² Там же.

«США не могут ее погасить». Америка не может позволить себе и впредь покупать за рубежом сколько угодно товаров, сколько привыкла потреблять, потому что не в состоянии за это платить. Она должна вернуться к более экономной системе жизни, «но ни у кого нет смелости сказать это тремстам миллионам американцев-избирателей». Д. Къеза полагает, что руководство США «попытается выйти из кризиса, развязав войну»¹.

МФС, утверждает А. Нотин, имеет под собой нехитрое основание – ссудный процент. Все прочее – банки, биржи, фонды и т. п. – «не более чем надстройка». Алчность и безнравственность ссудного процента (ростовщичества) осуждались с ветхозаветных времен до XVI в. Согласно пророку Иезекиилю, Господь предупреждал Иерусалим: «...ты берешь рост и лихву и насилем вымогаешь корысть у ближнего твоего, а Меня забыл, говорит Господь Бог. И рассею тебя по народам, и развею тебя по землям, и положу конец мерзостям твоим среди тебя»². В наше время, отмечает А. Нотин, это безбожное по своим истокам и сути банковское дело достигло «порога самоуничтожения». Попытки оздоровить МФС путем замены старой ее парадигмы, основанной на ссудном проценте, на новую могут оказаться заведомо провальными, если ссудный процент будет по-прежнему доминирующим. Ибо причина фундаментальной нежизнеспособности МФС лежит в области *духовно-нравственной*. «Ложь, корысть и отсутствие морали оказываются решающими причинами трагедии МФС. Ложь – в том смысле, что “подкачка” доверия и репутации многих т.н. уважаемых корпораций достигается путем преступного манипулирования с балансовой отчетностью и обмана миллионов вкладчиков (дело “Энрона”). Корысть повсеместно усматривается в стремлении капитала любой ценой к прибыли. Отсутствие же морали как в основании, так и в нынешней конструкции МФС заставляет многих мыслителей и честных финансистов говорить о ней как о “скрытой форме экономического рабства” – гораздо более всеобъемлющей и жестокой, чем рабство средневековое»³.

А. Нотин обращает внимание читателей на «исламское банковское дело», основанное не на безликом ссудном проценте, «а на по-

---

¹ Къеза Дж. США не могут погасить свои долги, но они продолжают потреблять // Лит. газ. 2008. № 6(6158). 13–19 февр.

² Иез., 22, 12–15.

³ Нотин А. Подсудный процент.

пытке сделать банк инвестиционным партнером заемщика, чтобы вместо платы за кредит взимать с него не запрещенную Кораном долю участия в финансируемом бизнесе». Операции исламских банков поддерживает государство. Следует признать, заключает А. Нотин, что «опыт исламских банков ценен уже тем, что он курсивом намечает путь выхода из тупика, создает прецедент духовно-нравственной корректировки системы мировых финансов, позволяет опытно (а не только на словах) перевести разговор в плоскость приоритетного учета морального фактора»¹.

Однако есть и более глубокий смысл в выражении «креативная экономика». Он означает *творческое созидание не только продуктов, но и самих субъектов*. Трудовая деятельность «оседает» сразу на двух полюсах – как на объекте, так и на субъекте. Процесс прядения застывает как пряжа, а на стороне субъекта запечатлевается как комплекс соответствующих умений. Ткач прядет, и продукт его есть пряжа. Но труд может создавать не только красивые вещи, но и калечить тружеников, превращая их в «обрывок» человека. Так же от содержания и мотивов общения в актах труда зависят самочувствие, прирост или деградация продуктивно-творческих сил индивидуальности. Труд и формы общения – это действительный процесс осуществления *прикладной антропологии*.

Креативная экономика соединяет в актах труда творческое созидание и вещей, и людей, образно выражаясь, – и машиностроение, и человекостроение и жизнестроение. Это – радостная экономика, в которой труд предстает не как «работа» ради внешних мотивов, ради только заработка, не как «мука» и «самоутрата», а как «игра физических и духовных сил», как свободное самоосуществление человека, его способностей, «стало быть, как действительная свобода, деятельным проявлением которой как раз и является труд» (К. Маркс). В выступлении на Государственном совете 14 февраля 2008 г. Президент Российской Федерации В. В. Путин изложил стратегию инновационного развития страны до 2020 г., согласно которой принципиально новые технологии и личностное развитие самих работников соединятся в универсальную креативность, в творчество нации, в образ жизни.

Если в производстве вещей ныне решающим является использование закономерностей, открываемых наукой, то в отношении субъектов

---

¹ Там же.

труда главным предстает нечто иное – личная *мотивация* работников, исходящая из *духовно-нравственных* устремлений лиц, из национальных, культурных и религиозных традиций. Креативная экономика есть путь от экономики рыночной к экономике человекообразительной, ориентированной не на производство *прибыли*, а на *социальную положительную эффективность*, на *качество жизни*, на *воспроизводство целостных индивидов*.

Либеральная модель хозяйствования («рыночная экономика», «свободная конкуренция» и т. п.) завершает в современных условиях цикл своего существования *крахом*. Это признали на излете XX в. руководители ведущих капиталистических стран по итогам Всемирной конференции ООН по окружающей среде и развитию (июнь 1992 г., Рио-де-Жанейро). Ее генеральный секретарь Морис Стронг подчеркнул: «Западная модель развития более не подходит ни для кого». На конференции были приняты рекомендации – как человечеству избежать катастрофы, в которую ведут установки техногенной буржуазной цивилизации (ставка на прибыль, потребительство, интенсивное потребление природных ресурсов при их невозобновляемости, игнорирование интересов будущих поколений и др.). Относительно будущих поколений родился знаменитый афоризм: «Почему я должен жертвовать своим благополучием ради будущих поколений – разве они чем-нибудь пожертвовали ради меня?». Рыночные механизмы, отмечает Сергей Кара-Мурза, «в принципе отрицают обмен любыми стоимостями с будущими поколениями, поскольку они, не имея возможности присутствовать на рынке, не обладают свойствами покупателя и не могут гарантировать эквивалентность обмена»¹. Фридрих фон Хаек еще в 1984 г. в споре с Улофом Пальме сказал, что для существования рыночной экономики необходимо, чтобы люди освободились от некоторых инстинктов, среди которых он выделил инстинкт солидарности и сострадания².

Лукавое выражение «рыночная экономика» разоблачает либералов как службу менял-посредников в экономике. Экономика строится по системе «*производство – обмен – распределение – потребление*». Рынок и есть стадия обмена. Чтобы обменивать товары, надо их *произ-*

---

¹ Кара-Мурза С. Идеология и мать ее наука. М., 2002. С. 136.

² Там же. С. 134.

вести. Но либералам до этого нет дела. Неслучайно либеральные СМИ не акцентируют *этику труда*, а приковывают внимание к *сбыту и потреблению* товаров, к удовольствиям без труда. «Навязанное нам представление, – отмечает С. Батчиков, – о свободной конкуренции – миф, созданный на экспорт в слаборазвитые страны. В эпоху глобальных ТНК он просто смешон»¹. Т. Фридман, советник Мадлен Олбрайт, ехидно заметил: «Невидимая рука рынка никогда не окажет своего влияния в отсутствие невидимого кулака. ...Невидимый кулак, который обеспечивает надежность мировой системы благодаря Силиконовой долине, называется Наземные, Морские и Воздушные вооруженные силы, а также Корпус морской пехоты США»². Коротко и ясно.

Ориентация на прибыль привела к резкому падению экономики России по сравнению даже с 1990 г. Ф. Подольских привел сравнительные данные по 60 позициям производства основных видов машин и оборудования, основных видов отрасли сельскохозяйственного машиностроения, основных видов товарного производства, основных показателей сельского хозяйства и др. С 1990 по 2005 г. производство станков снизилось с 74,2 до 4,9 тыс. шт. (до 6,7%), автоматических и полуавтоматических линий для машиностроения и металлообработки – с 556 до 1 комплекта (до 0,2%). Посевные площади сократились с 1990 по 2006 г. с 117,7 до 76,1 млн га (на 65%), крупный рогатый скот – с 57 до 21 млн голов (на 36,8%). Зато импорт продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья возрос за период с 1999 по 2006 гг. с 7,4 млрд до 21,6 млрд долл., т. е. почти в три раза³. Под флагом приватизации общенародная собственность стоимостью в 1 трлн долл. была продана частным лицам всего за 5 млрд долл.⁴ Доктор экономических наук Олег Черковец констатирует: в российском экспорте в нынешнюю Болгарию 90% приходится на топливно-сырьевые товары, а доля машин и оборудования составляет лишь 3,3%. В экспорте Болгарии в Россию машины и оборудование составляют более 40%, а плодоовощи – лишь немногим более 2%. Россия стала поставщиком сырья⁵.

---

¹ Батчиков С. Либеральное мифоложество // Завтра. 2007. № 21 (705).

² Цит. по: Батчиков С. Либеральное мифоложество.

³ Подольских Ф. Разоружение до зубов // Сов. Россия. 2008. 2 февр.

⁴ Панарин А. С. Искушение глобализмом. С. 129.

⁵ Черковец О. Эй, кому еще сырье нужно? // Сов. Россия. 2008. 15 марта.

Президент Российской Федерации Д. А. Медведев на встрече с предпринимателями России привел цифры: в ряде отраслей экономики России производительность труда отстает от производительности труда соответствующих отраслей развитых стран в 20 раз.

Деградация научно-технической мысли порождена алчностью крупных собственников, которые оказывают непреодолимое давление на государственные институты. «Рыночная экономика породила государство, которое сознательно сделало голод средством политического господства. ...Постоянное давление бедной трети населения на рынок труда позволяет полностью контролировать уровень заработной платы и умирять оппозицию. И наши традиционные культурные установки, и философские основания советского строя, и русская православная философия исходили из того, что бедность есть порождение несправедливости и потому она – зло. Поэтому программу построения массовой бедности в России следует квалифицировать как антинациональную, как операцию экономической войны против русского народа и других народов России. ...Признать нищету ближних как норму жизни – значит отвергнуть русскую культуру, корнями уходящую в православие»¹.

Знаменитый английский экономист и философ Дж. М. Кейнс (1883–1946) отрицал за рынком способность саморегуляции и роста экономики; он считал политическую экономию «составной частью этики», ибо в экономике действуют «органические общности». Ведь собственность имеет не только сугубо экономическое, но и *социальное* измерение, а значит и *нравственное*. Главный оппонент кейнсианства Милтон Фридман (1912–2006), нобелевский лауреат, классик Чикагской школы, заявлял о необходимости уменьшения присутствия государства в экономике путем приватизаций, сокращения долгосрочных инвестиций и социальных программ. Ибо все это, по Фридману, порождает инфляцию и является инородным для свободного функционирования рынка. Министр финансов Алексей Кудрин, как и Е. Гайдар, неукоснительно следует соображениям Фридмана. Это аргументы от лукавого. Суть дела заключается в ином. Фридман выражал в своей концепции неолиберальной экономики интересы *круп-*

---

¹ Батчиков С. Либеральное мифоложество – 2 // Завтра. 2007. № 22 (706).

нейших американских финансистов. «Милтон Фридман являлся продуктом Wall Street. Его исследования находили щедрую поддержку у могущественнейших американских концернов. Не будь его, – замечает Н. Клейн, – эту роль взял бы на себя кто-то другой»¹.

Н. Клейн верно отметила именно *необходимость* неолиберализма, инициируемого международным финансовым капиталом, давняя мечта которого – установить всеохватную цивилизацию «денег без границ», т. е. денежную цивилизацию. К этому стремятся и российские либералы, получившие в распоряжение мощные рычаги государственной власти.

Безграничная власть денег означает отмирание нравственности и права, разума и культуры. Относительно нравственности, права и разума приведем красноречивый пример использования Стабилизационного фонда. Сергей Глазьев, руководитель Института национального развития РАН, член-корреспондент РАН, так оценивает политику министра финансов России Алексея Кудрина: «Если объективно проанализировать смысл проводимой в нашей стране кредитно-денежной политики, то окажется, что он заключается прежде всего в поддержке доллара. В этом – главная функция Стабилизационного фонда, благодаря которому наши доходы от покупки нефти и газа идут на покупку обесценивающихся американских облигаций. В этом же и смысл кредитной политики, когда Центральный банк сдерживает предложение денег, “стерилизуя” денежную массу и вынуждая лучших корпоративных заемщиков кредитоваться за границей. Переключать кредитный спрос на иностранные источники и значит поддерживать ликвидность доллара и евро, повышая спрос на эти валюты. ...И в рамках этой стратегии мы обречены на роль финансовой колонии США и сырьевой периферии для Европы. Вопрос о том, чего здесь больше, измены или глупости, в настоящее время остается открытым»².

Участник «круглого стола» Андрей Кобяков, доцент МГУ, пояснил данный вопрос: Стабилизационный фонд «удивительным образом создается преимущественно в тех же американских ценных бумагах, даже в ипотечных, которые вот-вот потеряют большую часть сво-

---

¹ Цит. по: Хамакер М. Великое противостояние // Лит. газ. 2008. 13–19 февр. № 6 (6158).

² Карточки: банковские или продуктовые? [«круглый стол»] // Завтра. 2008. № 14 (750).

ей даже не реальной, а номинальной стоимости. Ладно, пусть они приносят 7%, даже 8% годовых в долларах. Но ведь официальная инфляция рубля – 12%, а средний курс доллара по отношению к рублю упал с 27,6 в 2006 г. до 25,96 р. в 2007 г., то есть еще на 10%. Значит, только прямой убыток от размещения этих денег составил минимум 14% за 2007 г., это примерно 60 млрд долл. А ведь еще есть косвенные убытки – например, упущенная выгода ... В то же время мы добываем ежегодно около 140 тонн золота, порядка 5% мировой добычи, – и почти 100 тонн уходит за рубеж. Я не знаю, кому адресовать такие вопросы, – я их адресую в воздух»¹. По нашему мнению, пора этот вопрос адресовать в прокуратуру Российской Федерации в форме депутатского запроса от Государственной думы.

В январе 2008 г. средства Стабилизационного фонда были разделены на Резервный фонд (на 1 апреля 2008 г. – 130,48 млрд долл.) и на Фонд национального благосостояния (на начало апреля 2008 г. – 32,9 млрд долл.) В феврале 2008 г. оба фонда были переведены в международные резервы Центробанка. В зарубежные ипотечные агентства, по данным аналитиков, из обоих фондов уже вложены 40 млрд долл. Как объясняет министр Алексей Кудрин свою политику? По мнению Кудрина, такая политика приносит доход; кроме того, полагает он, вложения из Стабилизационного фонда в экономику России усилят инфляцию рубля.

Каждый знает, что закупка или создание новой техники не порождает инфляцию. В марте 2008 г. износ основных фондов в машиностроении достиг критического уровня – от 65 до 75%. Выбытие основных фондов идет темпами 1,5–2,5% в год, а темпы обновления не превышают 0,1–0,5%. Удельный вес производств, соответствующих современным требованиям, составляет всего 8%! Такой же процент износа и в теплоэнергетическом комплексе. По данным Счетной палаты за 2007 г., износ производственных фондов в Агропроме превышает 75–80%. Согласно оценкам экспертов Центра внешнеэкономических исследований РАН (2006), для модернизации экономики России требуется *более 2000 млрд долл. капитальных вложений в течение 20 лет*². Для перевооружения армии необходимо, как

---

¹ Там же.

² Подробней см.: Тукмаков Д. Закрома – Родине. На что можно и нужно потратить Стабфонд? // Завтра. 2008. № 16 (752).

минимум, 846 млрд долл., для технологического обновления оборонных промышленных предприятий – не менее 5,95 млрд долл. в год, для реализации программы «Долгосрочная стратегия массового строительства жилья до 2025 г.» необходимо 4103 млрд долл. В целом для модернизации страны потребуется 8,5 трлн долл. в ближайшие 7–15 лет. «Всего каких-то сто с лишним стабфондов»¹. Министр финансов А. Кудрин, вкладывая ресурсы Стабилизационного фонда в зарубежные долговые обязательства, подобен тому ректору университета, который вместо вложений в развитие образования, его материальной базы открывает на каждом этаже «шопы» и сдает помещения в аренду сторонним организациям.

По Кудрину, не надо государству инвестировать в собственную экономику, в нанотехнологии, в дороги, в промышленность, сельское хозяйство и т. д. Пусть наши предприниматели берут кредит в США под 18% годовых. Результат – корпоративный долг отечественных предпринимателей, по сообщениям печати, уже составил 400 млрд долл.

Министр финансов Алексей Кудрин, утверждает Сергей Глазьев, «просто обманывает президента и общество, заявляя, что Стабфонд приносит стране высокую прибыль. ...Но точно так же, как Ельцин доверял Дубинину и Кириенко – несмотря на все предупреждения неангажированных экономистов, – Путин доверяет Кудрину и Игнатьеву. И если августовский дефолт 1998 г. был полной неожиданностью для Ельцина, он не был неожиданностью для Чубайса и тех, кто за ним стоял. Американские инвесторы и крупнейшие банки сумели, как известно, утащить четыре миллиарда долларов из-под обвала финансовой пирамиды. На грядущем корпоративном дефолте тоже очень многие погреют себе руки»².

Для американцев, продолжает Сергей Глазьев, эмиссия доллара была главным источником финансирования и бюджетного дефицита, и дефицита платежного баланса. «В этом отношении никто их Федеральный резерв не контролировал. В сущности, только благодаря этому источнику им удавалось бесконечно наращивать свои военные расходы и обеспечивать тем самым глобальную гегемонию». Понятно, что потеря долларом статуса мировой единой валюты будет озна-

---

¹ Там же.

² Карточки: банковские или продуктовые? [«круглый стол»].

чать «резкое сокращение финансовых возможностей самих США, включая резкое сокращение бюджетных расходов. А это приведет к такому взрыву социальных конфликтов в американском обществе, нейтрализация которого выглядит более чем проблематичной». Сергей Глазьев предлагает меры по поэтапному превращению рубля в международную валюту (для начала хотя бы на пространстве СНГ), такие как переход к торговле энергоресурсами за рубли, переключение денежной эмиссии на финансирование экономической активности российских агентов, переход на торговлю с Европейским союзом в рублях и евро. То же самое следует сделать в отношениях с Китаем, Индией и другими странами с положительным платежным балансом¹.

Мичио Моришима в книге «Капитализм и конфуцианство» (1987) писал о Японии: «...капиталистический рынок труда – лишь современная форма выражения *рынка верности*»², т. е. взаимного признания субъектов хозяйствования как членов *единой духовно-нравственной и национальной общности*. Такое признание было присуще и корпоративной этике российских купцов. Вообще, до чего надо докатиться в рамках рыночной экономики, чтобы утратить чувство сопричастности истории своей страны, единой культуре и нравственности народа и действовать только согласно критерию прироста денег, прибыли. Это – шаг в XVIII в., в психологию индивидуализма, человека-атома, вырванного из семейных, товарищеских, религиозных, нравственных, духовных уз. В клетке экономикоцентризма русскому человеку останется удел пленника с перспективой перерождения, полной потери национально-культурной идентичности и вырождения.

Социальные последствия либеральной рыночной экономики также деструктивны. Н. Клейн приводит цифры: в 1989 г. в Российской Федерации насчитывалось 2 млн бедных, имевших в своем распоряжении менее 4 долл. в день. По данным Всемирного банка, к середине 1990-х гг. в России проживало уже 74 млн нищих людей. 72 млн чел обнищали за 8 лет³. Академик Д. Львов отмечает страшную поляризацию общества: «...менее чем 100 семей современных олигархов владеют сегодня 92% доходов от природных богатств страны. А 8% – приходится на более чем

---

¹ Там же.

² См.: *Кара-Мурза С.* Идеология и мать ее наука. С. 125.

³ См.: *Хамахер М.* Великое противостояние // Лит. газ. 2008. 13–19 февр. № 6(6158).

140 миллионный народ России!»¹. Доходы 10% наиболее богатых превышают доходы 90% наиболее бедных в 25 раз².

По данным Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, в России на «социальное дно» опустились 14 млн чел., из них 4 млн бомжей, 3 млн нищих, 4 млн беспризорных детей, 3 млн уличных проституток. По данным ВЦИОМ в России не менее 80% работников имеют деградированное трудовое сознание. Из 60 млн трудоспособного населения примерно одна треть (20 млн) – хронические алкоголики, 4 млн – наркоманы, 1 млн – заключенные. Согласно информации МВД, организованная преступность контролирует сегодня свыше 40% валового национального продукта, более 80% банков, 41 тыс. предприятий, т. е. примерно 500–550 тыс. фирм. Доктор юридических наук, генерал-майор милиции Владимир Овчинский сообщает: «Сейчас в Хабаровском крае проходит в закрытом режиме несколько судебных процессов по преступному сообществу “Общак”. Этот “Общак” опутал преступными сетями весь Дальний Восток. По данным следствия, только активных боевиков там насчитывается не менее четырех тысяч человек. И десятки тысяч молодых ребят, школьников, студентов являются их мобильной базой»³. Сегодня объем рынка коррупции, по признанию первого заместителя генерального прокурора Александра Буксмана, сопоставим по доходам с федеральным бюджетом и оценивается в 240 млрд долл.⁴ Коррупция – это превращенная форма всеохватной рыночной экономики, где «надменная каста чиновников» рассматривает свою должность как разновидность бизнеса, но не как служение отечеству. Дело с принятием антикоррупционного закона тянется с 1993 г.! Созданный при Президенте России Совет по противодействию коррупции недавно вообще был упразднен.

По количеству убийств на 100 тыс. населения страна вышла на первое место в мире. Ежегодно пропадает до 80 тыс. чел, из них 30 тыс. бесследно. Доля ВВП на образование составила в 2006 г. 3,2%

---

¹ Львов Д. Справедливость и духовный мир человека // Завтра. 2007. № 15(699).

² Валентинов Б. Крутые халявщики XXI века // Сов. Россия. 2007. 7 июня.

³ Овчинский В. Картина правды маслом // Завтра. 2008. № 1 (737).

⁴ Головенко А. Высший саботаж // Завтра. 2007. № 23 (707).

(в Швеции – 8,7%, Дании – 8,0%, в США – 6,7% помимо частных инвестиций). За постсоветский период на Запад выехало свыше 800 тыс. ученых и специалистов. Заработная плата ассистента университета (без ученой степени) составляет 2737 р.¹

В газетах мелькают сообщения: внучка с подружкой задушили бабушку, чтобы присвоить ее пенсию; а вот бабушка продает свою внучку... Отказные дети – это проблема существует только в России. В сравнительно благополучной в экономическом отношении Свердловской области (наша область – «донор») 81 детский дом, 12 домов содержат детей дошкольного возраста, 72 приюта. Протоирей Сергей Вогулкин, доктор медицинских наук, отмечает: «На фоне сокращения общей численности детей число детей-сирот и детей, лишившихся попечения родителей, продолжает увеличиваться. В 2000 г. таких детей было 667,6 тыс., в 2002 – более 708 тыс., в 2004 – 734 тыс., в 2005 г. – около 800 тыс., в 2006 г. – около 836 тыс. Еще в 2002 г. по количеству сирот мы превысили уровень сиротства после Великой Отечественной войны – 678 тыс. Статистика свидетельствует: по числу детей-сирот, приходящихся на каждые 10 тысяч детского населения, Россия занимает первое место в мире. Почти 50% детского населения страны (около 18 млн) находится в зоне социального риска. ...Только 10% детей в детских домах и приютах не имеют родителей по причине их гибели»².

Что стряслось со страной, не знавшей за годы «реформ» ни войны, ни мора? *Разнузданся инстинкт алчности, и поражена иммунная система сознания – нравственность.* А вне нравственности нет ни разума, ни духа, ни культуры. Леонтий Бызов, руководитель отдела социально-политического анализа ВЦИОМ, отмечает: «На исходе президентства Путина все чаще стали раздаваться “тревожные звонки”. В обществе, в том числе и среди представителей среднего класса, усиливаются сомнения относительно того, “туда ли идет страна”. Это создает “зону отчуждения” между обществом и властью, которую все

---

¹ Пугачев В. День грядущий на закате // Сов. Россия. 2007 г. № 1 (13073).

² Вогулкин С. Возвращение домой // Семья и будущее России: материалы 5-й Междунар. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 10–13 фев. 2008 г. Екатеринбург, 2008. С. 163–164.

больше россиян начинает подозревать не просто в нерадивости, но и “в злом умысле”»¹.

Вменяемы ли вообще российские восторженные рыночники? Патриарх экономической мысли США Дж. Гэлбрейт высказался так: «Говорящие – а многие говорят об этом бойко и даже не задумываясь – о возвращении к свободному рынку времен Смита не правы настолько, что их точка зрения может быть сочтена психическим отклонением клинического характера. Это то явление, которого у нас на Западе нет, которое мы не стали бы терпеть и которое не могло бы выжить»².

Академик РАН, доктор экономических наук Дмитрий Львов сообщил поразительные факты: «Две трети совокупного дохода в России создается не производительной деятельностью, не промышленным капиталом, не трудом наемных работников, а нещадной эксплуатацией природных ресурсов – леса, земли нефти и прочего. У группы лиц, численность которой не более одной сотой процента населения Российской Федерации, оказалось 92 процента всех доходов, дарованных природой. ...Если бы каждый гражданин получил одинаковый доступ к природным богатствам, то, разом устранив главные социальные противоречия, мы могли бы жить в справедливом государстве, в стране равных возможностей... Бесплатное здравоохранение и образование, доступное жилье, садовый или приусадебный участок (в 10–15 соток) Российское государство вполне может гарантировать каждому гражданину. ...Ныне же пресловутые 13 процентов взимаются и с доходов долларового миллиардера, и с зарплаты простого рабочего. ...У нас же сейчас фактически введены льготы для богатых»³. Бедные содержат богатых.

Эта льгота дает о себе знать: за 2007 г., по данным журнала «Финанс», «общее число долларовых миллиардеров в России увеличилось с 61 до 101. Что позволило России выйти по этому показателю на второе место в мире после США»⁴. В десятку самых богатых людей России, по версии журнала, в 2008 г. вошли: Олег Дерипаска (ком-

---

¹ Бызов Л. Глубока ли пропасть? // Лит. газ. 2007. 16–22 мая.

² Цит. по: Батчиков С. Либеральное мифоложество – 2.

³ Закон бедности // Лит. газ. 2007. 16–22 мая.

⁴ Горелик О. Развод Абрамовича стоил ему первого места // Известия. 2008. 18 февр.

пания «Базовый элемент») – состояние 40 млрд долл.; Роман Абрамович («Михауз-капитал») – 23 млрд долл.; Владимир Лисин (НЛМК) – 22,2 млрд долл.; Михаил Фридман («Альфа-групп») – 22,2 млрд долл.; Алексей Мордашов («Северсталь») – 22,1 млрд долл.; Владимир Потанин (Интеррос) – 21,5 млрд долл.; Михаил Прохоров («Онексим») – 21,5 млрд долл.; Сулейман Керимов («Нафта Москва») – 18 млрд долл.; Виктор Вексельберг (ТНК-ВР) – 15,5 млрд долл.; Герман Хан («Альфа-групп») – 15 млрд долл.¹ Беда в том, что второму месту по числу миллиардеров не соответствует отнюдь не почетное место России в области продуктивной экономики, образования, здравоохранения и культуры.

Авторитетный экономист Д. Львов предлагает *переориентацию экономики с прибыли на социокультурное воспроизводство человека*. Таковую же позицию отстаивает С. Батчиков: «Суверенитет абсолютно необходим для обеспечения жизни страны». Для этого необходимо восстановить мировоззренческую и культурную гегемонию государства, создать условия, отвечающие представлениям о справедливости. «Приоритетной для хозяйства должна стать социальная эффективность, а не прибыль, добытая ценой разрушения людей, общества и природы» – «это возможность для всех граждан России честным трудом обеспечивать семье надежный достаток, жить при высоком уровне безопасности, с чистой совестью и в условиях открытости каналов социальной мобильности, так чтобы дети могли получить хорошее образование и реализовать свои способности»². В недавно вышедших двух объемных монографиях систематически обосновывается «духовно-нравственная экономика»³, понимаемая в антропологическом и социокультурных измерениях⁴. Надо не накручивать цены на товары под разными предлогами, а в целенаправленном порядке снижать издержки производства, снижать себестоимость.

Следует изменить цели экономики, используя стоимостные показатели, налогообложение и др. для культурного воспроизводства поколений, развития культуры, превращения отчужденных отношений в человеческое общение, т. е. поэтапно переходить в экономике

---

¹ Там же..

² Батчиков С. Либеральное мифоложество – 2.

³ Ветошкин А. П., Каратеева Н. А., Миняйло А. М. Духовно-нравственная экономика. Екатеринбург, 2008. 702 с.

⁴ Качество жизни: Диалектика духовного и социального: моногр. / под ред. К. П. Стожко. Екатеринбург, 2008. 653 с.

(и политике) от верховенства прибыли к *верховенству нравственных императивов*, от хрематистики (производство и обмен ради накопления богатства как самоцели) к *экономике* в первоначальном смысле этого термина Аристотеля (производство и обмен для обустройства экоса – дома, государства, страны).

Возможна ли практически такая переориентация и как быть с законом стоимости? Вполне возможна! Стоимостные показатели хозяйствования можно и нужно использовать для учета трудозатрат, оптимального использования ресурсов, инвестиций и др. Закон стоимости не является препятствием. Представим совокупную стоимость страны наглядно, в виде большого объема «накопленного труда» в резервуаре. Распределять содержимое резервуара можно ведь и с иным, справедливым *децильным коэффициентом*, с иными *мотивационными и иными социокультурными* последствиями. А. Антонов, зав. кафедрой социологии и демографии семьи социологического факультета МГУ, доктор философских наук, ставит вопрос о *социальной* направленности экономики конкретно: «Вкладывая деньги в какое-нибудь производство, капиталист затем вычисляет из полученного дохода свои расходы, деньги на амортизацию, заработную плату работникам, а всю оставшуюся прибыль забирает себе. Современные экономисты, социологи, демографы, экологи задумались: собственно, а по какому праву это происходит? Только на основании факта владения собственностью, а не внесенного вклада в развитие производства и общества. *Капиталист ведет себя как хищник, присваивая то, что успел захватить.* <...> А государство в этой ситуации фактически не ставит во главу угла интересы семьи и воспроизводства населения, оно ведет себя как-то по-детски наивно. Если бы оно действительно заботилось об интересах общества, то могло бы без обиняков заявить господину капиталисту: у вас нет никаких юридических и нравственных оснований забирать всю прибыль себе. Вы должны одну треть ее использовать на восстановление экологии.... Еще одну треть необходимо направить на воспроизводство человеческого капитала, улучшения качества жизни людей, которые стоят дороже нефти. И лишь заплатив обществу эти две трети прибыли, вы имеете права одну треть оставить себе. Наиболее “продвинутые” бизнесмены, – сообщает А. Антонов, – вычислили, какие потери для их кармана принесет такая переориентация. Поэтому один из них как-то заявил мне: “Да вам

голову нужно оторвать за это!»¹. Но есть предприниматели (в отличие от «продвинутых»), которые ясно осознали необходимость хозяйствования на *духовно-нравственной основе*. С таких позиций один из них, А. Нотин, бывший дипломат, обратился с открытым письмом к предпринимателям России².

Креативная экономика есть то направление хозяйствования, в рамках которого только и возможна реализация провозглашенной В. В. Путиным стратегии инновационного развития страны. В этой стратегии ключевой является инновация. Инновация есть такое нововведение в ту или иную область жизнедеятельности общества, благодаря которому происходит *качественное положительное* изменение, будь то смена поколений техники или технологий в области промышленности, сельского хозяйства, образования, управления, финансов, в культурной, бытовой и иных сферах. Инновационные процессы, вступая во взаимный резонанс, порождают цепную реакцию нововведений и в итоге стимулируют обновление не только средств жизни, но и самих субъектов, утверждая соответствующий себе образ жизни, перманентное обновление стиля мышления, эмоционального фонда общества, творческую индивидуальность, для которой престижным является не столько обладание вещами, сколько сам творческий процесс самореализации в созидании общеинтересной и полезной новизны, ценны сами возможности самообновления собственной субъективности путем обновления способов деятельности, общения, духовного возрастания. Совокупные инновационные процессы представляют собой «ползучую» микрореволюцию, поле качественных скачков, прерывов количественного роста, «эмерджентов», которые ветвятся, отклоняются от линейной направленности, рожают трудно прогнозируемые последствия. Все это можно представить образно или как океан, который пенится все новыми состояниями и находится в постоянном становлении этих состояний, или как продуктивное воображение в актах его творчества, *вдруг* рождающего идеи, новые смыслы, «эврики».

В инновационном процессуальном поле соединяются технико-технологические, экономические, социокультурные и духовные про-

---

¹ Прибыль и народ // Лит. газ. 2007. 21–27 нояб.

² См.: Нотин А. Бизнес в Боге или новые русские ... люди // Завтра. 2007. № 23 (707).

цессы в такую *целостность*, в которой размываются ранее прочные, «окостеневшие» между видами деятельности барьеры социальных статусов, специальностей в подготовке работников, направлений в образовании, в подготовке научных кадров. Подобный всеохватный синтез выражается в *разумном интегральном мышлении* субъектов труда, в их *целостной субъективности*.

К. Маркс писал, что в будущем науки о природе (естествознание) и науки о человеке сольются и будет «одна наука», точнее, единое миропонимание, вбирающее в себя целостный духовный акт путем интеграции логических, нравственных, эстетических и иных компонентов, развитых в ходе истории культуры. На наш взгляд, реальными процессами, делающими возможным такое миропонимание, будут не сами по себе процессы науки, а именно *реальные процессы* инновации, *практически* соединяющие в себе креативный человеческий потенциал и объективирующие, *воплощающие* его в зримые, чувственно воспринимаемые, предметные формы, которые, в свою очередь, провоцируют духовные устремления к новым значениям и смыслам, *к выходу за наличный горизонт* к иным возможностям мысли и чувства, общения и дела.

Конечно, истоком инноваций могут быть только сами *субъекты самодеятельности* и такие формы общения, общественных отношений, которые *просторны для самодеятельности и адекватны ищущей мысли, этике и эстетике чувств*. Пределом для капитала является узость его экономической формы, сводящей все к единому, стоимостному параметру. Такая редукция вступает в противоречие с социокультурным измерением человека, которое сам же капитал и развивает. Элвин Тоффлер, футуролог, на глобальном стратегическом форуме в Москве 12 декабря 2007 г. привел шокирующий для экономикоцентризма факт: «Появляется все больше людей, которые производят новые ценности без денег. Лучший пример здесь – программное обеспечение. Есть молодой парень, который сидит у себя в маленьком офисе в Финляндии. Ему не понравилась операционная система Windows у него на компьютере, и он придумал другую, лучше. Он сделал это не потому, что его кто-то попросил или заплатил ему, он сделал это совершенно добровольно. И потом он поместил ее в Интернете и сказал: кто может ее улучшить – пожалуйста, делайте. Она совершенно открыта. И это все было сделано без денег. И это испуга-

ло Microsoft, а китайское правительство приняло закон о том, что все государственные учреждения Китая пользуются только этой новой системой. ...Парадокс в том, что экономика денег создает технологии, которые повышают продуктивность работ, которые делаются вне зоны экономики денег. Раньше, чтобы измерить давление, мы ходили к врачу и платили ему за эту услугу. Теперь японцы придумали аппарат для измерения давления, которым человек может пользоваться самостоятельно. Или вот фотография... Экономисты не могут просчитать ценность подобных вещей и поэтому говорят, что они не важны, а мы утверждаем, что это и есть самое важное»¹.

В этих высказываниях Э. Тоффлера привлекают внимание три момента: во-первых, особая мотивация к инновациям, не провоцируемая деньгами; во-вторых, рост круга людей, творящих инновации без денег; в-третьих, ограниченность денег в оценке положительных последствий инноваций.

Такая мотивация состоит в том, что профессионал исходит из *самой сути дела*, понимает изъяны рационального компонента в том или ином изделии, *доверяет своему разуму как непосредственно обществу* и поэтому *сам дает себе полномочия* на совершенствование продукта, важного не только для него лично, но и для всех, для иных потребителей. Самоуполномочивание соединяется с емким социальным чувством – с *профессиональной солидарностью*.

Подобная мотивация, «добровольная», по Тоффлеру, инициатива, вырастает из *особого вида труда*: в нем интеллектуальный компонент превалирует над телесными усилиями, творческий фактор – над исполнительским. Престижными становятся рационализация и изобретательство не только в промышленных, но и в организационно-управленческих технологиях, товарищеская взаимопомощь в проблемных ситуациях и соревновательность в поиске новизны при решении профессиональных задач, публичное обсуждение результатов общего труда, профессиональная честность, требовательность и ответственность; немаловажное значение здесь имеет то, что жизненные потребности персонала удовлетворены достаточной заработной платой, хорошим питанием, жильем, оздоровительными профилакториями, доступным культурным досугом, отдыхом на природе.

---

¹ См.: Агеев А. Цунами инноваций // Завтра. 2007. № 52 (736).

Доктор экономических наук, профессор МГУ Александр Бузгалин размышляет о созидательной мотивации в условиях экономики знаний. *«Но для мира знаний частная собственность устарела»*. Знания, культурные ценности общедоступны. Кто их собственник? Каждый из нас. *«Знания – это такой “пирог”, объем которого становится тем больше, чем больше “едоков” его поглощают*. Вот простейший пример: Александр Сергеевич Пушкин “испек” всем нам хорошо известный “пирог” – поэму “Евгений Онегин”. Петр Ильич Чайковский “съел” этот “пирог”, написав удивительно красивую музыку. В результате человечество имеет два “пирога”: и поэму, и оперу. *...Главные ценности Человека нигде и никогда* (ни в Древнем Риме, ни в Советском Союзе, ни в США XXI в.) *нельзя было купить*. Их можно было только обрести. Своим собственным трудом и вдохновением. В открытом диалоге с другими Личностями. *...Можно купить учителей и “корочки”, но знания, творческие способности можно обрести только самому. Через труд»*. Нельзя купить ни знания, ни любовь, ни способность к творчеству или способность быть другом. Для мотивации работника в экономике знаний характерно «превращение рационального человека, соизмеряющего свои дела и поступки с критерием денежной выгоды, в человека творческого. *...Для него утилитарные блага отходят на второй план. А ценности интересной, креативной деятельности, свободное время, отношения солидарности с товарищами по работе выходят на первый»*. Творчество, как известно, общедоступно. *«Почему более половины выпускников аспирантуры американского университета, – задает вопрос А. Бузгалин, – стремятся получить работу ассистента или доцента в колледже, а не менеджера в фирме (где их зарплата могла бы быть в 2–5 раз выше)? Ответ давно известен: у человека, занятого творческой деятельностью, особенно социально востребованной, интересной, денежная мотивация не является главной. Первое место занимает ... сама работа. Плюс отношения солидарности и творческого соперничества (но не рыночной конкуренции) с товарищами по работе. Плюс большой объем свободного времени. Плюс гарантированная занятость...»*. А. Бузгалин заключает: если главной потребностью человека творческого станет сама деятельность, то решится *«проблема отказа от пресыщения»*. Занятому интересной работой «попросту неинтересно гоняться за десятым костюмом или выбирать себе третий

автомобиль. Простота передвижения, а не шикарный автомобиль. Уютное жилище, а не огромные апартаменты»¹.

В нашей трудовой биографии – 7 лет работы на ВПК в должности главного механика (конец 60 – начало 70-х гг. прошлого века), где труд и досуг имели на деле все описанные выше параметры, которые и создавали моральную атмосферу здорового профессионального честолюбия, утверждения в мнении коллектива как личности, достойной профессионального признания, уважения и доверия, направляли трудовую энергию не только на своевременное и качественное исполнение обязанностей, но и на творческое моделирование в решении новых технологических задач, на состязательность, на потребность культурного общения в рамках свободного времени. На «объекте» все службы соревновались не только по профессиональным показателям, но и в спорте, КВН, в смотрах творческой самодеятельности. Но самой важной была политика управления персоналом: каждый квартал года в службах проводились итоги по *рационализации*; работники не могли не участвовать в подаче предложений по рационализации потому, что это считалось профессионально неприличным и вызывало намеки и шутки о недостатке «фосфора» в мозгах.

Денежный стимул, оценка трудовой эффективности только в стоимостных показателях имеют свой предел, за которыми вступают в действие универсальная сущность человека, его свободная самодеятельность, увлеченность и радость от самого творческого процесса обновления общеинтересного дела, общественное признание, глубинное духовное общение с единомышленниками по обмену опытом творческого искания, некое служение сверхличным идеалам, все время выводящее за пределы уже достигнутого, «ставшего», «отвердевшего к иным возможностям и смысловым горизонтам. Такое выхождение за пределы достигнутого сообщает личности не формат «цельнокаменной натуры», скроенной раз и навсегда, а личную *неоконечность, открытость* новым вариантам понимания, общения и действия. Одним словом, в действие вступает вечно *бескорыстная* мотивация одержимости, увлеченности духовно-культурными побудителями в качестве *самоцели*. Такая мотивация появляется в условиях

---

¹ Бузгалин А. Поймать ветер истории и стать лидером постиндустриального мира или скатиться в гетто отсталости // Лит. газ. 2008 г. 13–19 февр. № 6 (6158).

среднего и высшего по степени сложности труда, который будем нами рассмотрен ниже.

Стоимостная форма продукта будет и в обозримом будущем. Благодаря стоимости можно устанавливать *количественные пропорции в обмене* товарами. Однако превращение стоимости в *самоцель* производства, сведение полноты жизни и труда к стоимостному индикатору есть та *уязвимая* пята капитала, через которую капитал будет подвергаться эрозии, размыванию. На первый план выйдет не абстрактный, а *конкретный* труд. Стоимость сохранится в качестве средства *учета трудовых затрат*, показателя для регулирования необходимого рабочего времени, а не цели производства. А это обстоятельство является важнейшим в преодолении овещения и социального фетишизма. Производство прибыли как цель, оценка социальной эффективности усилий людей только в деньгах – это социальная *редукция*, враждебная культуре и исторически преходящая форма хозяйствования, своего рода смута в общественном сознании.

Общественное богатство существует в трех формах – *натуральной, стоимостной и субъективно-личностной*. Труд, создающий реальное богатство (ценности для потребления и продуктивно-творческие силы человека), превратился в *средство* созидания *богатства вообще*, в созидание «сумасшедшей» (К. Маркс) формы богатства (финансовый капитал). Реальное богатство, оцененное рабочим временем, получает количественную – стоимостную – оценку. Стоимостная форма богатства утвердилась как самоцель! Количественный параметр богатства взял верховенство над его качественным – креативно-антропологическим – содержанием подобно тому, как количественный принцип формальной демократии (один избиратель – один голос) доминирует над качественным, который присущ самоуправлению и народовластию. Но ведь стоимостные показатели вполне можно использовать как *инструмент*, как средство для реализации *нравственных императивов* – измерять эффективность производства людьми собственной жизни *отношением производства к общественным потребностям, к целостному развитию индивидов, к реальным возможностям науки открывать глубинные закономерности «звездного мира»*. При такой критерии эффективности на первый план выйдет не абстрактный, но конкретный труд, определяемый конкрет-

ными общими целями. Только конкретный труд может утвердиться как *самоцель в силу его креативности по отношению к человеку*. Тем самым изменится вся социальность, она обретет иные, ценностные, критерии жизни и мышления. Степень и пределы развития производства определяются «отношением к целостному развитию индивидов»¹. Экономика при таком критерии предстает как *прикладная, практически реализуемая антропология*.

Основанием креативной экономики является антропология, точнее, *универсальная природа человека*, которая с равным успехом выражается не только в экономике, но и в искусстве, науке, религии и т. п. Рассмотрим труд в аспекте его креативных, «инновационных» возможностей по отношению и к продуктам, и к субъектам деятельности.

Всеобщий труд как основание антропогенного общества, инновационного стиля мышления и образа жизни. Действительным основанием превращения техногенной цивилизации в антропогенное общество является развитие труда в полную, уже неограниченную самодеятельность, чему соответствует превращение индивидов в целостных людей. Труд как «работа» иницируется по-преимуществу материальным мотивом и может быть *внешней* для индивида деятельностью, «мукой» и «самоутратой». Труд как самодеятельность есть свободное самоосуществление продуктивно-творческих сил субъекта, дарующее радость от самого процесса и от общественного признания. Он побуждается креативно-антропологическим мотивом и утверждается на такой исторической ступени, когда степень и пределы развития производства определяются отношением к целостному развитию индивидов, а не соображениями прибыли, сословного, классового и иного господства.

Труд имеет разные уровни сложности. Труд *простого уровня сложности* присущ работнику с *эмпирической подготовкой*, который изменяет внешнюю оболочку предмета, а не его закономерные связи. В таком труде главными являются *эмпирические навыки и умения*, привязанные к телесно-психическим и другим особенностям конкретного работника. *Средний уровень сложности* свойствен труду, в котором соединяются научное мышление и умелые руки. Такой труд преобразует предмет на основе сознательного использования *объективных законов*, а субъект этого труда имеет *теоретическую* подготовку

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. С. 123.

(врач, летчик и т. п.). *Высший уровень сложности* присущ духовному высокоспециализированному труду, который К. Маркс квалифицировал как труд *всеобщий*.

Понятие всеобщего труда первым ввел Маркс. Существуют различные толкования этого понятия. Одни авторы связывают всеобщий труд с трудом общественным и конкретным в отличие от труда частного и абстрактного (В. М. Межуев), другие – с самодеятельностью (Е. Я. Шенкман), с диалогичностью (В. С. Библер), с продуцированием способностей (Е. Я. Режабек), с опосредованной кооперацией (Н. Н. Семенов) или с опосредованным трудом (А. Агг)¹.

Все эти особенности присущи всеобщему труду, но сами по себе они не составляют его родовой отличительной особенности. Надо выявить то исходное основание, из которого эти особенности следуют и благодаря которому Маркс назвал труд именно всеобщим, а не самодеятельным, общественным, опосредствованным и т. д. Всеобщему труду авторы, вслед за К. Марксом, противопоставляют труд совместный, допускающий пространственную кооперацию. Хотя верней было бы противопоставить ему труд непосредственный, из которого следует совместность в труде.

Труд называется непосредственным (совместным) потому, что его работник непосредственно изменяет предмет и является технологическим агентом производства. Такой труд допускает *пространственную кооперацию* и *разделение* деятельности на отдельные операции. Главными в нем являются изменение *предмета*, а не «самоизменение» субъекта, деятельность по заранее установленному масштабу, а не самодеятельность.

Маркс назвал определенный вид труда всеобщим из-за его *всеобщего содержания как по отношению к объекту, так и по отношению к субъекту*. Этот труд распремечивает *всеобщие закономерные* связи в объекте и опредмечивает «всеобщие силы человеческой головы» субъекта², которые объективируются в науке и философии, в искусстве и образовании новых поколений. Продукты этого труда имеют *всеобщую* значимость – они развивают всеобщие силы человеческой головы (теоретическое мышление, продуктивное воображение,

---

¹ Семенов Е. В. Кооперация деятельности как проблема исторического материализма. Новосибирск, 1983. С. 119–145.

² Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов. Т. 46, ч. 2. С. 110.

эстетическое созерцание и др.) и оказывают всеохватный эффект, качественный сдвиг в культуре. *Всеобщее содержание и значение данного труда составляют основу для иных моментов всеобщего труда, на которые справедливо указывают авторы.*

Всеобщий труд изменяет сам тип, «эйдос» предмета и комбинацию закономерных связей. Так, изобретение двигателя внутреннего сгорания есть труд всеобщий. Изготовление же этого двигателя есть труд совместный (непосредственный). В первом случае возникает *всеобщая* идея вещи, во втором – отдельная конкретная вещь. В первом случае в отличие от второго доминируют продуктивное, а не репродуктивное; самостоятельность и творчество субъекта, а не деятельность по заранее установленным схемам; диалогичность во времени с предшественниками, опосредованная кооперация во времени, а не кооперация трудовых усилий в пространстве.

Следует различать, замечает К. Маркс, «всеобщий труд и совместный труд. Тот и другой играют в процессе производства свою роль, каждый из них переходит в другой, но между ними существует также различие. Всеобщим трудом является всякий научный труд, всякое открытие, всякое изобретение. Он обуславливается частью кооперацией современников, частью использованием труда предшественников. Совместный труд предполагает непосредственную кооперацию индивидуумов»¹.

В производстве вещей всеобщим является научный труд, создающий модели будущих вещей. В культурном воспроизводстве людей таким трудом становится научная, философская, художественная, богословская, воспитательно-образовательная деятельность, порождающая не частные и единичные утилитарно-прикладные схемы и правила, а всеобщие продукты работы теоретического мышления, продуктивного воображения, эстетического созерцания, одухотворенной веры, нравственной воли. Всеобщий труд обновляет саму *живую субстанцию культуры – продуктивно-творческие силы человека* и создает *всеобщее духовное содержание*, которое направляет отношение человека к самому себе и к другим людям, к природе и к трансцендентному началу. В этом труде реальность предстает в аспекте

---

¹ Маркс К. Процесс капиталистического производства, взятый в целом // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25, ч. 1. С. 116.

своих всеобщих закономерностей, а субъект – как представитель духовных способностей человеческого рода, как наследник и продолжатель культуры. Всеобщий труд, конкретизирует К. Маркс, является «напряжением человека не как определенным образом выдрессированной силы природы, а как такого субъекта, который выступает в процессе производства ... в виде деятельности, управляющей всеми силами природы»¹.

Всеобщий труд *не допускает* дробления деятельности на частичные функции. Изготовление автомобиля можно разбить на отдельные операции и закрепить их за разными работниками. Такое дробление возможно потому, что *целое* (идеальная модель автомобиля) уже существует. Но такое дробление невозможно по отношению к процессу порождения научной идеи, стиха или музыкального произведения. *Здесь рождается само целое, продуцировать которое может только целостная личность в единстве духовных сил.* Дальнейшие отличия труда всеобщего от непосредственного заключаются в следующих моментах.

1. Продукты всеобщего труда существуют как таковые только в сфере мысли, воображения, духовных чувств. Потребление этих продуктов не уничтожает их, а *воспроизводит вновь* в сознании новых поколений, они проходят через толщу веков, как, например, идеи Платона или логика Аристотеля, творения Шекспира или музыка С. Рахманинова и т. п.

2. Всеобщий труд создает продукт *идеальный*, а не материальный, *всеобщий*, а не единичный.

3. Всеобщий труд протекает как деятельность, направленная на изменение не внешнего предмета, а схем самой деятельности. Он есть деятельность рефлексированная, самонаправленная, т. е. *самодеятельность*. Самодеятельность так относится к внешней деятельности, как продуктивное воображение – к внешнему восприятию. Всеобщий труд создает новые схемы, способы деятельности. Способы деятельности усваиваются, фиксируются нейрофизиологически и превращаются в *способности*. Продуцируя способности, всеобщий труд является *креативно-антропологическим*. Он созидает тем самым общественное богатство в его субъективной всеобщей форме, т. е. обеспечи-

---

¹ Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов годов. Т. 46, ч. 2. С. 110.

вает «развитие всех человеческих сил как таковых, безотносительно к какому бы то ни было *заранее установленному* масштабу»¹.

4. Всеобщий труд является культуротворческим, так как он развивает «всеобщие силы человеческой головы», которые объективируются в науке и философии (теоретическое мышление), в искусстве (продуктивное воображение и эстетическое созерцание), в нравственности, праве и политике (воля), в религии (вера).

5. Субъект всеобщего труда не может творить свой специфический духовный продукт, не усвоив *наследия* предшественников. Он вступает с ними в *опосредованную кооперацию во времени*. В этом труде прошлая культура постоянно актуализируется и вплетается в контекст современной культуры. Сохраняются *преемственность и диалог* культур.

6. Субъекты всеобщего труда вступают между собой в отношения *непосредственно человеческие* по поводу *взаимного обмена, дополнения и взаимообогащения способностями*. Такие отношения обладают *человекотворческим содержанием*. Отношения же в сфере непосредственного труда направляются, как правило, мотивами *внешнего* порядка – полезности, заработка и др.

7. Наконец, всеобщий труд становится достоянием все большего круга субъектов при следующих социальных и технологических условиях:

- когда труд в процессах производства, отмечал К. Маркс, теряет подневольный, «антагонистический характер» (рабство, крепостничество, наемный труд). Подневольный труд воспринимается как нечто отталкивающее, исполняемое «*по внешнему принуждению*», а потому «не-труд» представляется работнику как «свобода и счастье»;

- когда созданы, продолжает К. Маркс, «субъективные и объективные условия, необходимые для того, чтобы труд был привлекательным, чтобы он был самоосуществлением индивида», «осуществлением свободы», т. е. свободным выражением полноты жизненных сил человека, таких целей, «которые ставит перед собой сам индивид» и которые, следовательно, «полагаются как самоосуществление, предметное воплощение субъекта, стало быть, как действительная

---

¹ Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов годов. Т. 46, ч. 2. С. 476.

свобода, деятельным проявлением которой как раз и является труд»; такой «человекоемкий» характер труда не означает его превращения в «развлечение», «забаву»; действительно свободный труд, отмечает Маркс, например труд композитора, «представляет дьявольски серьезное дело, интенсивнейшее напряжение»;

- когда труд стал непосредственно общественным трудом, мотивированным не прибылью, а отношением к общественным потребностям и к культурному развитию самих индивидов, т. е. к его положительному эффекту в системе «человек – человек».

Что касается производства самих средств жизни, то «в материальном производстве труд может приобрести подобный характер лишь тем путем, что 1) дан его общественный характер и 2) что этот труд имеет научный характер, что он вместе с тем представляет собой всеобщий труд, является напряжением человека не как определенным образом выдрессированной силы, а в виде деятельности, управляющей всеми силами природы»¹.

Само по себе обобществление труда не сообщает ему статуса всеобщего труда; от того, что мотыги и лопаты будут общими, ручной и простой по степени сложности труд никак не превратится во всеобщий труд. Для такого превращения необходимо изменить содержание труда по отношению и к объекту, и к субъекту труда. Маркс относил науку к «продукту всеобщего исторического развития, абстрактно выражающему его квинтэссенцию»² потому, что наука распредмечивает всеобщие связи в объекте и развивает всеобщие силы головы субъекта, а не в силу ее только общественного характера. Отождествлять всеобщий труд с общественным трудом на основе общей собственности – значит подменять *экономическим* аспектом аспект *философский, креативно-антропологический*.

На фоне всеобщего труда яснее проступают последствия большего удельного веса *простого труда* рабочих в структуре совокупного работника России. Такие последствия подобны тяжелой гире на ногах бегуна. Представители Министерства образования и науки уверяют общественность в том, что в стране много специалистов с высшим образованием, и год от года сокращают государственную под-

---

¹ Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов. Т. 46, ч. 2. С. 109–110.

² Маркс К. Результаты непосредственного процесса производства. С. 110.

держку развития науки и всех уровней образования. Такая установка неконструктивна в экономическом, социокультурном и политическом отношениях. Установление для рабочих эмпирического уровня подготовки и ограничение их «начальным профессиональным образованием» означают *резкое увеличение доли простого труда*. Следствиями этого являются *усиление интеллектуальной неоднородности в структуре совокупного труда и функциональной рассогласованности между простым и высшим уровнями труда, блокирование оперативного внедрения инновационных технологий в производстве и управлении, усиление социально-классовых различий до степени враждебного противостояния, резкое ослабление конкурентной способности России*. Более того, работники производят не только вещественный продукт, но и *социальные отношения*. Рабочие с начальным профессиональным образованием способны производить общественное богатство и социальные связи лишь на «*начальном*» уровне. Классовые же противоречия деструктивны для совокупного работника и могут парализовать единство совокупного труда.

Перспективы совокупного труда на пути к креативной экономике. Прогнозы К. Маркса о перспективе совокупного труда в общем и целом подтверждаются современной действительностью и позволяют создать основу для реализации «стратегии инновационного развития страны», заявленной Президентом РФ 14 февраля 2008 г.

Маркс предвидел следующие тенденции в развитии совокупного труда:

1. Наука, будучи высокоспециализированным теоретическим мышлением, превратится в непосредственную производительную силу общественного труда, а труд тем самым станет *прикладной наукой*. Науки обладают равной степенью *сложности*. Труд, будучи прикладной наукой, превратится в *однородный по степени сложности труд*. *Одинаковая сложность труда означает и равную экономическую оценку*. Тем самым *различия в специальностях не повлекут за собой различия в социальных привилегиях и различия в «желудке»*. В социологическом плане это означает *социальную однородность, социально равные «стартовые» возможности развития людей*.

2. Эффективность труда будет зависеть не от величины мускульных усилий работников, а от *мощи тех искусственных органов общественной практики (техники), которые созданы при помощи*

науки. Отсюда непосредственное рабочее время перестает быть мерой богатства, и производству, основанному на меновой стоимости, приходит конец¹. Маркс так конкретизирует данный технологический аспект: «Теперь рабочий уже не помещает между собой и объектом модифицированный предмет природы; теперь в качестве промежуточного звена между собой и неорганической природой, которой рабочий овладевает, он помещает природный процесс, преобразуемый им в промышленный процесс. Вместо того чтобы быть главным агентом процесса производства, рабочий становится рядом с ним». В качестве главной «основы производства и богатства выступает не непосредственный труд, выполняемый самим человеком, и не время, в течение которого он работает, а присвоение его собственной всеобщей производительной силы, его понимание природы и господства над ней в результате его бытия в качестве общественного организма. ...Происходит свободное развитие индивидуальностей, и поэтому имеет место ... сведение необходимого труда общества к минимуму, чему в этих условиях соответствует художественное, научное и т. п. развитие индивидов благодаря высвободившемуся для всех времени и созданным для этого средствам»². Как тут не вспомнить идеи Канта о времени!

К такому финишу капиталистическое производство подталкивают кроме *технично-технологического фактора* (автоматизация, информационное производство) еще два других могучих фактора: *общественный характер* труда в форме *кооперации*, которая является не только генетически исходной формой труда, но и абсолютно необходимой на протяжении всей истории, и *экономический* фактор – обобществление частных капиталов акционеров и вкладчиков в рамках национальных корпораций и национальных и международных банков. Банковский капитал есть обобществление капитала, хотя и в *капиталистической еще форме*. В странах «золотого миллиарда» контроль государства за деятельностью крупных банков возрастает, хотя и с переменным успехом. Настанет время, когда возникнет острая общественная необходимость взять под контроль само государство и направить его деятельность на реализацию программ, построенных на принципе всенародной справедливости. Не

---

¹ Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов. Т. 46, ч. 2. С. 214.

² Там же. С. 213–214.

прибыль, а степень *общественной полезности и отношение к целостному развитию индивидов* станут определяющими мотивами воспроизводства людьми собственной жизни.

3. Автоматизация общественного производства выключит работника из сферы производства как *непосредственного его технологического агента*. Работник встанет над технологическим процессом «как его контролер и регулировщик». Функция производства общественного богатства на стадии его *материального оформления* будет передана технике и новым технологиям. За работниками она сохранится в редуцированном виде. *Функция класса непосредственных производителей* будет возложена на «плечи» автоматизированных систем и управляемых самодвижных природных структур.

4. Эффективность общественного труда благодаря его научному характеру сократит рабочее время и увеличит свободное время. Свободное время станет «пространством» целостного развития людей – их всеобщих по культурному значению продуктивно-творческих сил в сферах науки, искусства, образования, общения и др. От прежнего развития средств производства люди перейдут к саморазвитию своих собственных продуктивно-творческих сил. Техническая цивилизация, которая развивалась в антагонистических классовых формах, сменится новой исторической ступенью – культурой. Начнется собственная история людей, сменив собой предысторию, в центре которой было производство средств жизни. Техногенное общество сменится антропогенным, в рамках которого человек воспроизводит себя уже не в какой-либо только одной определенности, а «во всей своей целостности, он не стремится оставаться чем-то окончательно установившимся, а находится в абсолютном движении становления»¹. Такое движение осуществляется как беспрестанное выхождение за временные границы собственного развития, которые осознаются как границы, подлежащие преодолению, а не как абсолютная грань. Прежняя установка жизненного процесса на прибыль (Д – Т – Д') сменяется новой установкой: «*продуктивно-творческие силы человека – их воплощение в культуре – прирост и обновление этих сил*».

5. Функция непосредственного производства общественного богатства на стадии его материального оформления уже не будет закре-

---

¹ Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов. Т. 46, ч. 1. С. 476.

пляться за *особым общественным* классом. Соответственно функция управления людьми потеряет свой политической характер и станет функцией «технической» (Ф. Энгельс). *Монополия* на управление людьми исчезнет вместе со всеми другими, вытекающими отсюда монополиями (на образование, духовное развитие и др.).

6. Отпадет прежнее разделение труда. Труд неизбежно превратится (и уже превращается) в полное развитие самой деятельности, в «свободное самоосуществление человека», в «игру» его духовных и телесных сил, в реализацию полноты богатой человеческой субъективности. Поясним, в чем состоит существенная перемена. Разделение труда может быть двояким. В одном случае оно происходит по *трудовым функциям* так, что разлагает *целостность* продуктивно-творческих сил человека и уродует индивидуальность, превращая ее в «обрывок» человека (Ф. Шиллер). В другом случае разделение труда осуществляется по *предмету труда* и сохраняет как *целостность*, так и *самодетельность* субъекта. При этом труд превращается в *приложение самодетельности целостного человека к различным предметным областям* и не деформирует творческий потенциал личности. В первом случае разделение труда техногенное, продиктованное предметными органами труда и внешними мотивами по отношению к креативности человека. Во втором случае оно креативно-антропологическое, личностно развивающее и не понижающее *социокультурный статус* человека. Смена видов деятельности ради обновления субъективности и духовного возрастания станет законом для человека.

Предвидение К. Маркса реалистично и основательно. К. Маркс исходил из *креативной культурной антропологии*, прослеживал реализацию человека в социальном мире и в мире истории. Философская антропология, социальная философия, философия истории – таковы слагаемые его философии¹. Сущность человека, по Марксу, представлена тем, что и как он делает, по поводу чего общается, в какие общественные отношения вступает. Это – *деятельно-коммуникативная теория* человека. Ведущим же видом деятельности является труд. Революция в содержании труда есть *атропологическая революция* в первую очередь. Этим соображением Маркс руководствовался, скрупулезно изу-

---

¹ Об этом см.: Кондрашов П. Н. Проблема повседневности в философии классического марксизма: дис. ... канд. филос. наук. Екатеринбург, 2007. С. 15–16.

чая историю труда, его технологию, экономические формы, субъективные состояния индивидов в акте труда. Маркс периода «Экономическо-философских рукописей 1844 года» и периода «Капитала» – это один и тот же Маркс, а не два различных Маркса, как считают многие.

Реализация перспектив, указанных выше, возможна тогда, когда *первичным* станет не производство *средств* жизни, не жизнеобеспечение всем необходимым, а *социокультурное расширенное* производство человека, его *универсальной* природы, сложившейся в процессе истории. Во-первых, это креативное производство человека, культивирование его *продуктивно-творческих* сил, *целостной* индивидуальности и *свободной самодетельности*; система образования, а не завод обретет статус группы «А», сместив промышленное производство вещей из группы «А» в группу «Б»; во-вторых, это производство социальной связи как *человеческой* общности, основанной на *нравственных* императивах, на субъектных качествах лиц и коллективов как в рамках одной нации, так и в отношениях между нациями. Существо же нравственности состоит в признании *равноценности достоинства* людей и народов независимо от их различий по полу, виду деятельности, социальному статусу, национальным особенностям и т. д. Только на этом основании возможны взаимное признание, доверие, верность, сотрудничество, справедливость, взаимопомощь, духовная солидарность.

Первичность социокультурного производства людей утвердит в их сознании иное понимание как своей собственной креативной природы, так и общественного богатства. Изменяются мотивы деятельности и общения, изменяются и параметры общественного престижа. Предметно-натуральная сторона богатства предстанет в ее *человекоемкости и культуроемкости*, побуждая к усвоению своего культурно-человеческого содержания и к общению по поводу обмена, дополнения и взаимного обогащения человеческой субъективностью. Процитируем одно из самых сильных положений антропологии К. Маркса: «Чем иным является богатство, как не абсолютным выявлением творческих дарований человека, без каких-либо других предпосылок, кроме предшествующего исторического развития, делающего самоцелью эту целостность развития, т. е. развития всех человеческих сил как таковых, безотносительно к какому бы то ни было *заранее установленному* масштабу. Человек здесь не воспроизводит себя в какой-либо одной только определенности, а производит себя во всей своей

целостности, он не стремится оставаться чем-то окончательно установившимся, а находится в абсолютном движении становления»¹.

В экономических воззрениях К. Маркса время является таким же определяющим фактором, как у И. Канта в его «Критике чистого разума». У Канта временные схемы производны от последовательности действий, которые порождает индивид. У Маркса принцип экономии рабочего времени для увеличения свободного времени является не только экономическим, но и *креативно-антропологическим*. Присвоение прибавочного продукта есть присвоение прибавочного рабочего времени, а значит, и присвоение самой жизни рабочего, ибо «*время фактически является активным бытием человека. Оно не только мера его жизни, оно – пространство его развития. И вместе с вторжением сюда капитала прибавочное рабочее время есть присвоение духовной и физической жизни рабочего*»². Поэтому рабочее время – «решающий вопрос!» Остается отметить, что в советском марксологическом учении не заметили «слона» – *креативную культурную антропологию* Маркса, из которой он исходил не только в области экономики, политики, философии, но и в общении с рабочими, одному из которых он посвятил первый том своего «Капитала». Предвидение Маркса – это предвосхищение новой исторической ступени, культуры. Оно ориентирует на качественное изменение подготовки субъектов профессиональной деятельности. Суть таких изменений связана со степенью сложности труда, с его интеллектуальным содержанием: субъект труда призван явиться не «выдрессированной силой природы», а деятелем, *управляющим закономерностями* предметной области труда. Ставку следует делать на духовный, культурный, интеллектуальный потенциал субъектов. Ниже мы обсудим перспективные аспекты государственной политики в области профессионального образования, связывая их с качественными особенностями труда материального и духовного, с различными уровнями профессиональной подготовки. Изложим в порядке дискуссии те реальные предпосылки, которые в совокупности обосновывают необходимость поэтапного перехода ко всеобщему высшему образованию, а также поэтапного перевода начального профессионального образования (НПО) в систему среднего профессионального образования (СПО) в качестве его подразделения.

---

¹ Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов. Т. 46, ч. 1. С. 476.

² Маркс К. Экономическая рукопись 1861–1863 годов. Т. 47. С. 517.

В чем состоит проблема? Сущность проблемы заключается в противоречиях:

- между индустриальной, техноцентристской формой подготовки рабочих и наукоемким производством, делающим все больший запрос на реализацию скрытых резервов культуры и антропологии;
- трудом живым и опредмеченным;
- трудом совокупного работника и трудом рабочего;
- трудом духовным и материальным;
- между растущим удельным весом «всеобщего труда» (К. Маркс) и ориентацией государственной политики на труд совместный, непосредственный.

Первым на важность проблемы обратил внимание Г. М. Романцев¹. В подготовке рабочих кадров сложилась жесткая связка «*профессия – уровень образования*». Начальный уровень профессиональной подготовки распространился и на уровень образования. Такая связка есть завуалированная дискриминация личности по профессиональному признаку. Рабочих готовили как рабочую силу, а как им жить за пределами производственной сферы – это никого особенно не интересовало. В их подготовке доминировало отношение «*работник – техника*» ценой умаления отношения «*человек – человек*». Разве рабочий из-за своей профессии менее достоин быть культурным человеком и обладать целостной субъективностью, научным пониманием законов и социальной компетентностью? Распространять уровень начальной профессиональной подготовки на образование – значит проектировать для рабочих и «начальное» гуманитарное образование и тем самым проектировать для них пожизненно «начального» человека с «начальным» нравственным, правовым, эстетическим и иным сознанием.

Проблема больше проясняется на фоне стремительных изменений в экономике. С середины XX в. индустриальные технологии вытесняются производством информационной, наукоемкой продукции, эмпирическая подготовка работников – подготовкой *научно-теоретической*; главными становятся не мускульные усилия работников, а скорость и качество реализации знаний. В США уже 53% молодежи получают

---

¹ Романцев Г. М. Проблемы и перспективы развития высшего рабочего образования // Профессионально-педагогическое образование: сб. науч. тр.: в 2 ч. Екатеринбург, 1994. Ч. 1. С. 83–89.

высшее образование. Япония к 2000 г. собиралась дать его всей молодежи¹. В марте 2004 г. в Ноябрьске на конференции по социальному партнерству выступал генеральный директор ОАО «СибнефтьНоябрьскнефтегаз» М. Е. Ставский. Е. В. Ткаченко пишет: «Я впервые услышал от работодателя такие слова: “Научитесь готовить рабочих скрупулезно, с привлечением психологов и социологов. Научитесь давать рабочим и высшее образование, чтобы они ради него не меняли работу”. Я впервые услышал от заказчика, что готовить рабочих необходимо с учетом их будущих жизненных интересов. Хотелось бы видеть в этом зародыш новых моделей социального партнерства»².

Для решения проблемы нужна философия *субъектная*, а не объектная, *антропогенная*, а не техногенная. Следует осознать необходимость рывка для России в области обновления всей техносферы и технологий. Чинить рельсы, станки и т. п. индустриального периода страны – значит собственными усилиями отсылать Россию на последние места в рейтинге стран и ковать собственное поражение в современном мире. Рывок вполне возможен в форме революции в энергетике, биотехнологий, нанотехнологий; информационно-коммуникативной, научно-образовательной, креативно-антропологической формах, в виде антропного нейромра с опережением технической цивилизации англоязычного Запада, зашедшей в тупик и увлекающей иные страны на стадию деиндустриализации. Такой рывок осуществим уже потому, что есть опыт «взлетного поколения» 30–50-х гг. XX в., создавших индустрию; это опыт творцов фундаментальной отечественной науки. Россия – это очарованная Богом страна, это певучий, мечтающий, поэтический, духовно дерзкий и совестливый вольный народ. Ему стандарты техногенной цивилизации тесны и скучны. Он достигает многого, когда любит, верит и стремится восходить в великому, предпочитая руководствоваться высшими смыслами. Ширпотреб для него – только забава и не более. Крах СССР – это начало краха всей техногенной цивилизации на планете, на очереди – англоязычный Запад.

Если кадры решают все, а кадры готовит система высшего образования, то с образования и следует начинать обновление России.

---

¹ Образование и наука. Будущее в ретроспективе: науч.-метод. сб. Екатеринбург, 2005. С. 332.

² Там же. С. 192.

«Экономика знаний» предполагает и «человека знаний». Иначе обострится противоречие между интеллектуально емкими технологиями и интеллектуально «стареющими» работниками, возникнут «тромбы» в реализации инноваций.

В современных условиях НПО как самостоятельная форма ведет к стагнации уровня профессиональной подготовки рабочего, понижает его творческий потенциал, затрудняет трудоустройство потому, что работодатель предпочитает иметь дело с выпускниками учреждений СПО. Современному работодателю, отмечает академик Российской академии образования Е. В. Ткаченко, анализируя результаты масштабных социологических исследований, «на 95% надо 4–6-й разряд, а УНПО России на 70% “штампуют” 3-й разряд, т. е. низкое качество подготовки». Результат: «новый работодатель в 75% случаев уже в 2003–2004 гг. на рабочие места берет выпускников техникумов и колледжей»¹.

В свое время НПО было необходимо, оно спасало значительную часть молодежи от жизненных невзгод. В современных условиях инновационных технологий эта система создает установку на *заниженные культурные и профессиональные притязания*; проектирует в реальной жизни «начального» человека. Исходя из опыта колледжей Москвы, Нижнего Тагила, Якутска, Кемерово и других городов, Е. В. Ткаченко видит перспективу в учреждениях нового типа: в них «на базе сопряженных учебных планов и программ в рамках однопрофильной подготовки должна быть обеспечена разноуровневая подготовка кадров: рабочих, техников и – при необходимости – специалистов с высшим образованием в рамках бакалавриата»². Молодежь России заслуживает в качестве «стартового» уровня СПО. Что дает действительное (не урезанное, как бакалавриат) высшее образование?

Особенности высшего образования. Прежде всего, оно позволяет личности понимать *объективные закономерности* природной, социальной и духовной реальности и изменять реальность с учетом закономерностей, используя интеллектуально емкие технологии.

Кроме того, высшее образование включает в свой состав содержание *всеобщее* (креативно-антропологическое) и *особенное* (профессио-

---

¹ *Образование и наука. Будущее в ретроспективе.* С. 372, 382.

² Там же. С. 379.

нальное). Всеобщее содержание состоит в развитии субъективности человека в ее целостности и полноте – тех всеобщих по значению общекультурных, продуктивно-творческих духовных сил, которые пронизывают все особенные проявления человека как *личности, гражданина и специалиста*. Единство этих сил составляет *всеобщий креативно-антропологический базис* для дальнейшего развития личности.

Наконец, высшее образование позволяет личности быть не только *профессионально*, но и *социально компетентной* – понимать целевое назначение социальных институтов, норм и отношений, верно ориентироваться в социальной системе организации и управления, овладевать личностно развивающими технологиями, быть сознательным субъектом социальных процессов. Выпускник профессионального образовательного учреждения за пределами своей профессии имеет социальные статусы в зависимости от принадлежности к той или иной общности (семья, государство, партия, конфессия, нация и др.). *Такие статусы для личности важны не менее профессии*. Социальная компетентность означает *соответствие ценностей и знаний, способностей и умений субъекта его реальным социальным статусам согласно должному уровню культуры, нравственности и права*.

На наш взгляд, прорыв в качественном улучшении подготовки кадров в рамках высшего профессионального образования состоит в гармоничном синтезе и равноценности двух основных компонентов – гуманитарно-социального и профессионального, ценностей и технологий. Результатом такой подготовки является специалист, обладающий *гуманитарно-социальной и профессиональной компетентностью*. За такой синтез выскажется и современный работодатель.

Единство этих двух основ позволяет личности успешно овладевать личностно развивающими, социальными и профессиональными технологиями, быть самоопределяемой в системе социальных норм, отношений и институтов, социально мобильной, открытой к переподготовке и усвоению инноваций гуманитарно-социального и профессионального характера, коммуникативной и т. д.

Вопрос о социальной компетентности выпускников вузов – это вопрос об их *социальной защите и самозащите*, об их умении владеть техникой *социальной и духовной безопасности* в сфере соблазнов антикультуры, деятельности нелегальных социальных групп, тайных мистических герметически замкнутых объединений и тоталитарных

сект. Социальная компетентность является необходимой составной частью эффективной профессиональной подготовки кадров, продуктом которой является *культурный человек, нравственная личность, творческая индивидуальность, социально компетентный гражданин, профессионально компетентный специалист и патриот России*, открытый к созидательному диалогу с представителями иных этнокультур.

Проблема социальной компетентности актуальна в силу ряда обстоятельств. Во-первых, социальные системы «чувственно-сверхчувственные». Чувственному восприятию дана лишь внешняя, предметно фиксированная сторона социальной реальности. Сущность же ее – в форме *отношений между людьми* – восприятию не дана. Ибо отношения постигаются «только в идеях», силой абстракции. Восприятие имеет дело лишь с *носителями* отношений. Здесь нужна должная сила мышления, которая воспитывается годами. Более того, социальная реальность рефлексирована внутрь себя, т. е. функционирует при посредстве направляющей и регулятивной функции сознания.

Во-вторых, односторонность подготовки специалистов заключается в том, что ставка при этом делается на отношение «человек – профессия – техника». При этом игнорируется решающая роль отношения «человек – человек», *важного и во внепрофессиональных областях жизнедеятельности людей*.

В-третьих, общественному сознанию в России присуща почему-то слабая разрешающая способность мысли в понимании *социальной техники и технологий*. Техника есть искусственный орган человеческой воли для реализации целей. Технология – это система «люди – техника», взятая в *операционально-процессуальном состоянии*, как *операциональное поле*, где взаимодействуют актуальные операции, протекающие *во времени*, и операции, *опредмеченные в пространстве*. Для человека техника есть не что-то другое, а «свое другое». В технологии выражено активное отношение людей друг к другу и к природе. Техника, как и технология, бывает *материальной* (для обработки природы), *социальной* (для обработки людей людьми) и *интеллектуальной* (для обработки значений, идеальной реальности).

Социальная техника (социальные организации) в отличие от материальной *невещественна*, она создана из *отношений* между людьми, из координации и субординации таких отношений и *представлена в сознании людей соответствующей системой значений*. Ее невозможно вос-

принимать внешними органами чувств, «микроскопом» и «химическими реактивами». Интеллектуальная техника (все методы духовного труда) – высший уровень техники. Поскольку *лишь представители духовного труда разрабатывают социальную и интеллектуальную технику, то они способны ее присваивать и устанавливать свою монополию на нее.* В силу такой монополии значительная часть людей выступают не субъектами, а объектами социальных процессов. Для ослабления этой тенденции целесообразно осуществлять всеобщее высшее образование с должной гуманитарно-социальной подготовкой специалистов.

Социальная техника неизмеримо сложнее материально-вещественной. Жизнь личность связана в первую очередь с этой специфической техникой. И чтобы быть субъектом в системе социальных отношений и норм, организации и управления, граждане должны иметь должную гуманитарно-социальную подготовку. Такая подготовка технологически необходима каждому гражданину независимо от его профессии. Возникает вопрос не только о профессиональной, но и о *социальной компетентности.*

В-четвертых, как свидетельствует опыт хоздоговорных работ с предприятиями, представители последних отмечают у молодых работников ряд недостатков. Это – неразвитая способность к самоопределению, самостоятельному выбору и принятию решений, неумение оценивать свои поступки с позиций общего дела и социальная безответственность; смутное понимание необходимости качественно выполнять производственные обязанности, слабо выраженная коммуникативность в деловом общении по поводу общих интересов, неумение кооперировать свои личные усилия с усилиями других в решении общих задач, фокусировка внимания на личных интересах при равнодушии к общему делу, упрощенные и заниженные притязания. Эти изъяны дают о себе знать в еще большей мере за пределами профессиональной деятельности – в областях личной и гражданской жизни. Эти недостатки можно свести к одному диагнозу – *неопределенность ценностного сознания, абстрактные социальные знания, неразвитые субъектные качества и отсутствие должных умений осуществлять социальные технологии в личной, гражданской и профессиональной сферах жизнедеятельности.* Отмеченные обстоятельства обуславливают актуальность воспитания социальной компетентности в подготовке субъектов профессиональной деятельности.

Рассмотрим соотношение различных видов труда и их значимость.

Труд живой и опредмеченный. Связка «профессия – уровень образования» построена на неверной предпосылке: опредмеченный в пространстве труд предписывает функции живому труду, протекающему во времени; прошлые операции, застывшие в технике, служат мерилем интеллектуального развития рабочего. Такая предпосылка кажется очевидной с позиций отдельного рабочего. С позиций совокупного работника соотношение двух видов труда является прямо противоположным. Прошлый труд произведен от живого труда. Техника проектируется научным интеллектом и создается рабочими; технические системы суть «органы человеческого мозга» (К. Маркс), предметно воплотившаяся наука, проводник сознательной общественной воли, властвующей над реальностью. Уровень общественного интеллекта определяет и уровень техники. Опережающее развитие живого интеллекта совокупного работника по сравнению с опредмеченным в технике интеллектом есть закон нормального функционирования производительных сил. Только при таком опережении совокупный работник может успешно управлять технологической сферой общества. Иначе возникает функциональное несоответствие (не в пользу работника) между интеллектом опредмеченным и живым, между импортной «умной» машиной и работником с «начальным» профессиональным и иным образованием. О таком несоответствии свидетельствуют многочисленные случаи деструктивного использования импортной техники в России. Обобщая подобные факты, авторы основательной научной работы уже в середине 80-х гг. XX в. сделали вывод: «Уже сейчас нередко складывается такая ситуация, что внедрение гибких производственных систем, робототехнических комплексов и систем автоматизации проектирования не обеспечено квалифицированными кадрами. Темпы научно-технического прогресса опережают скорость обновления образовательного потенциала. Отсюда особая актуальность проблемы целенаправленного управления образовательной деятельностью, отвечающей потребности опережающего развития образовательного потенциала по сравнению с темпами научно-технического прогресса»¹. Но противоречие между «умной» техникой и интеллектуально «стареющим» работником сводится в итоге к противоречию между интеллектуальными потенциалами разных групп в структуре совокупного работника.

---

¹ Личностный потенциал работника: проблемы формирования и развития. М., 1987. С. 141.

Труд рабочего как момент совокупного труда. Для понимания совокупного труда следует проделать ряд абстракций. Отвлечемся от внешней стороны работников (рабочие, инженеры, конструкторы и т. д.) и рассмотрим только их трудовые функции. В воображении останется лишь единый координированный и субординированный целенаправленный процесс труда. Состав этого процесса не однороден в пространстве по характеру функций. Включим в рассмотрение вектор времени. Великий ансамбль трудовых функций предстанет развивающимся: объем одних функций остается неизменным, другие функции уменьшаются по объему, третьи, словно эпидемия, стремительно распространяются на поле труда. Это поле неоднородно по «плотности» функций интеллектуального и материального труда. Мобильность новых трудовых функций внешне выражается в изменениях профессиональной и социально-классовой структуры общества.

Субъектом совокупного труда является совокупный работник. Он носитель единой общественно комбинированной трудовой силы, соединяющий в себе интеллектуальные и материальные моменты и порождающий совокупный продукт¹. Совокупный работник, образно выражаясь, обладает миллионами мыслящих голов и мастеровых рук. Он одновременно в разных частях пространства выполняет разные функции: проектирует, планирует, конструирует, руководит, организует, воплощает знание в природный материал и т. п. Все, что сознанию отдельного работника представляется прочным и отъединенным, предстает с позиций совокупного работника *мигомлетным моментом единого текучего процесса взаимного полагания, опосредствования и взаимной обусловленности* (как в живом организме). Но это уже понимание с позиций сущности, а не внешней видимости; целого, а не обособленной части; динамики, а не статики.

Со стороны представителей той или иной профессиональной группы труд воспринимается в аспекте его *разделения*, а не единства. Такая видимость выдвигает и в науке на первый план *разделение* труда. Заострение различий при отвлечении от единства труда приводит к разрыву единого функционального поля труда, что и произошло в практике классовой борьбы и революционных потрясений. *Проблема межклассовых различий не решается с позиций разделения труда*

---

¹ Маркс К. Результаты непосредственного процесса производства. С. 95.

потому, что сами эти различия есть следствие разделения труда! Более того, разделение труда выражается и в разных формах собственности.

Понятия совокупного работника и совокупного труда акцентируют как раз *единство, целостность* внешне обособленных, но внутренне связанных родов, видов и подвидов труда в аспекте интеграции трудовых функций – интеллектуальных и материальных, управленческих и исполнительских, продуктивных и репродуктивных. Эти понятия ориентируют на методологию *целого*, с позиций которого можно верно понять и логику частей в составе целого.

В рамках совокупного работника разные виды труда имеют различные *уровни сложности*. Существенные различия между трудом высшего и простого уровней сложности порождают *рассогласование в структуре совокупного труда* – создают «тромбы» на пути реализации новейших научно-технических и экономических, управленческих и организационных разработок. Рабочие составляют большую профессиональную группу в структуре совокупного работника России – около 9 млн чел. Ограничивать их ум и профессиональную подготовку – значит закладывать «мины» разбалансировки в структуре совокупного труда. «Ограниченные» таким образом рабочие не смогут воплотить научные разработки. Последние останутся на бумаге или уйдут за рубеж, что было типичным явлением в 70–80-х гг. прошлого века. Омертвление таких разработок ведет к интеллектуальному («моральному») старению как технико-технологической основы производства, так и экономико-организационно-управленческих технологий.

Установление для рабочих эмпирического уровня подготовки и ограничение их образования означают *резкое увеличение доли простого по уровню сложности труда*. Следствиями этого являются *усиление интеллектуальной неоднородности в структуре совокупного труда и функциональной рассогласованности между простым и высшим уровнями труда, блокирование оперативного внедрения инновационных технологий, усиление социально-классовых различий до степени враждебного противостояния, резкое ослабление конкурентной способности России на мировом рынке*. В настоящее время в важных отраслях промышленности России производительность труда в 20 раз ниже производительности труда в соответствующих областях развитых стран!

Более того, работники производят не только вещественный продукт, но и *социальные отношения*. Рабочие с начальным профессиональным образованием способны производить общественное богатство и социальные связи лишь на «*начальном*» уровне. Классовые же противоречия деструктивны для совокупного работника и могут парализовать единство совокупного труда.

Труд средней сложности опосредствует собой противоречие между простым и высшим видами труда; *увеличение его доли в структуре совокупного труда способствует функциональной гибкости совокупного труда, быстрому переключению на инновационные технологии, согласованности всех звеньев совокупного труда, интеллектуальному обновлению производства и самих работников, убыстрению социальной мобильности и интеграции рабочих и инженерно-технических работников*. Доминирование труда средней сложности в структуре совокупного труда есть основа доминирования *среднего класса* в структуре совокупного работника и в *социально-политической* системе общества. Под средним классом здесь понимается не класс лавочников со средними доходами, а большая группа специалистов из всех отраслей народного хозяйства, имеющих научную профессиональную подготовку. Например, в системе ВПК доминирует труд среднего уровня сложности, ибо в этой системе соединялись администрация, ИТР, высококвалифицированные рабочие, как правило со средним профессиональным образованием, и наукоемкие технологии.

Доминирование в совокупном труде труда *среднего уровня сложности* означало бы для России *качественный скачок во всех сферах общества – производственной и экономической, социальной и политической*. В частности, это позволило бы похоронить идею классовой вражды и утвердить мир и согласие в народе. Но совокупный труд среднего уровня сложности предполагает адекватный себе интеллектуальный уровень совокупного работника на основе высшего образования.

Политический аспект понятия совокупного работника очевиден. Это понятие ориентирует на *единение народа, на государственное управление, исходящее из логики целого, а не частей, из интересов всего народа, а не классового эгоизма (буржуазного или пролетарского)*. Истинная политика, отмечал И. А. Ильин, считается с интересами лиц, групп, классов, но с точки зрения целого. Если интерес класса

обоснован, справедлив, то это есть интерес и всего народа. Государство призвано защищать те интересы лиц и классов, реализация которых идет на пользу всем. На пользу всем идут повышение образовательного потенциала субъектов совокупного труда, снятие качественных различий между трудом духовным и материальным. Возможно ли такое? Вначале выясним специфику этих видов труда.

Труд духовный и материальный. В работах классиков марксизма имеет место недосказанность по поводу этих видов труда. Суждение В. И. Ленина «чтобы уничтожить классы, надо уничтожить разницу между рабочим и крестьянином, сделать *всех – работниками*¹» является весьма упрощенным. Характерно умолчание Ленина о работниках специализированного умственного труда, которых в советское время отнесли к «прослойке».

Классы утверждаются с отделением *духовного* (умственного) труда от *материального* (физического), а *функций управления людьми – от функций управления вещами*. Образуется класс, ведающий такими делами общества, «как управление трудом, государственные дела, правосудие, наука, искусство и т. д.»². Различие между трудом духовным и трудом материальным Ленин считал основным в своем знаменитом определении классов и выводил из этого родового различия все иные классовобразующие признаки – отношение к средствам производства, роль в общественной организации труда, способ получения и размеры богатства, возможность присваивать чужой труд благодаря различию места класса в укладе общественного хозяйства³. Однако Ленин не поясняет, почему *место в общественном производстве является базисным*. Сознательно он замалчивал этот вопрос или нет, трудно решить. Дело в том, что место в системе общественного производства определяется той общественной функцией, которую исполняет тот или иной класс. А такая функция прямо зависит от того, является ли она принадлежностью труда духовного или материального.

Духовный труд обладает важнейшими особенностями.

---

¹ Ленин В. И. Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата // Полн. собр. соч. Т. 39. С. 276.

² Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 225–226.

³ Ленин В. И. Великий почин // Полн. собр. соч. Т. 39. С. 15.

Во-первых, он *развивает всеобщие по значению продуктивно-творческие силы* человеческой головы, в частности мышление. Мышление же есть основа всех иных специфически человеческих способностей. Ослабление рассудка делает человека социально недееспособным вообще.

Во-вторых, работники этого труда аккумулируют в себе исторически развитые продуктивно-творческие духовные силы, потенции культуры, духовные технологии, что позволяет им развивать идеи, влиять на сознание иных социальных групп, подчинять эти группы собственной воле, т. е. духовный труд развивает профессиональную способность *управлять людьми*. А кто управляет людьми, тот управляет и отношениями между ними, включая отношения по поводу присвоения – отношения собственности.

В-третьих, этот труд позволяет его субъектам видеть общественный процесс и его историю *в целом*, обладать *исторической памятью*. А кто понимает логику целого, тот может подчинить своей воле и его части.

В-четвертых, а это самое важное, представители данного труда развивают *технику материальную, социальную и интеллектуальную*. Техника есть искусственный орган разума и воли человека. В отличие от материальной техники, предназначенной для обработки природы, социальная техника (все социальные организации) есть способ обработки людей людьми. Она создана не из вещества природы, а из *отношений* между людьми. Она – «чувственно-сверхчувственная». Ее невозможно воспринимать ни внешними органами чувств, ни приборами, ни химическими реактивами. Здесь необходима должная сила абстракции, которая культивируется годами. Интеллектуальная техника (все методы и технологии духовного труда) направлена на обработку значений, которые функционируют лишь в головах людей. Это – высший уровень техники. Поскольку *лишь представители духовного труда разрабатывают социальную и интеллектуальную технику, то только они способны ее присваивать и устанавливать свою монополию на нее – на управление всем общественным жизненным процессом, на образование, науку, искусство, правосудие* и др.

В-пятых, из самой природы духовного труда следует привилегия его представителей на *опережающее личностное развитие, на присвоение науки, искусства, всей культуры в целом*. Работники этого труда имеют возможность присваивать себе чужой труд благодаря их функции управления людьми, производством и делами всего общества. Плоды

прогресса, отмечал Ф. Энгельс, в общем и целом были предоставлены «деятельности незначительного привилегированного меньшинства»¹. Работники этого труда, как бы они ни различались по видам и подвидам, по профессиям и специальностям, по уровню доходов и условиям жизни, консолидируются в *общественный класс* в противоположность классу непосредственных производителей, занятых материальным трудом.

Энгельс в отличие от Маркса и Ленина был не только теоретиком, но и успешным практиком в системе производства. Так, он играл на бирже и содержал значительную часть социал-демократов Европы. Энгельс отлично понимал *суть культурных и экономических различий* этих двух *основных классов*. Вот то единственное его суждение, в котором он на миг приоткрывает тайну этой сути: «Следовательно, упразднение классов предполагает высокую степень развития производства, на которой присвоение особым общественным классом средств производства и продуктов – а с ними *и политического господства, монополии образования и духовного руководства* – не только становится излишним, но и является препятствием для *экономического, политического и интеллектуального развития* (курсив наш. – С. Г.)».²

Энгельс отмечает три формы присвоения – *средств производства и продуктов* (экономическая сфера), *политического господства, государства* (политическая сфера), *образования, духовного руководства* (духовная сфера).

Исходной и основной он считал собственность на средства производства и продукты. Но она носит *локальный* характер. Ее субъекты могут определять волю людей на том или ином предприятии. Собственность на государство позволяет ее субъектам определять волю *всех* граждан, в том числе и собственников средств производства (через право, налоги, инвестиции, протекционизм и др.).

Эти два вида собственности связаны с *внешними* атрибутами социального достояния (средства производства, должность), которых субъект может лишиться из-за внешних обстоятельств – разориться, потерять должность. Собственность же на общественный интеллект и культуру, образование и интеллектуальную технику – самая утон-

---

¹ Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке. С. 113.

² Энгельс Ф. Общественные классы – необходимые и излишние // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 225–226.

ченная и скрытная. *Предмет этой собственности есть внутреннее достояние субъекта, которое не поддается отчуждению и порче; оно абсолютно и независимо от внешних отношений. Его нельзя присвоить силой.*

Первые два вида собственности позволяют осуществлять экономическую и политическую власть, т. е. определять волю людей извне, через товарно-денежную связь и право. При этом граждане могут подчиняться такой власти при внутреннем несогласии. Собственность же на знание и общественный интеллект, на культуру и интеллектуальные технологии позволяет ее субъектам осуществлять духовную власть («духовное руководство», по Энгельсу), направлять сознание и волю лиц (включая и высшее руководство) так, что *ведомые такой властью могут не подозревать того, что они – ведомые.* Духовная власть осуществляется при добровольной лояльности граждан на основе *авторитета самих идей.* А власть идей можно одолеть только путем развития новых идей. Для такого самоосвобождения нужна должная культурная подготовка. Духовная власть незрима и поэтому действует наверняка. Современная государственная власть окружена сонмом интеллектуалов – разного рода советников, экспертов, сотрудников информационно-аналитических центров, представителей СМИ. Этот разветвленный аппарат концептуальной власти так же направляет политических деятелей сегодня, как тайное жречество в Древнем Египте направляло мышление и волю фараонов.

Реформы в России за последние пятнадцать лет обнаружили скрытую иерархию собственности и власти: собственность на культуру и образование (духовная власть); собственность на государство (политическая власть); собственность на средства производства и продукты (экономическая власть). *Эта иерархия есть вертикальная уровневая система консолидации работников духовного труда в общественный класс.* Именно она составляет «тайну», лежащую в основе недомолвок и умолчаний о рабочих, крестьянах и интеллигенции. Различие между работниками духовного и материального труда является *родовым и основным* по сравнению с профессионально-социальными различиями *внутри* каждого из этих классов. Рабочие могут силой захватить предприятия и государственные учреждения, которые завтра окажутся в руках интеллектуалов. Ибо присвоить власть еще не означает ее усвоить. Интеллектуальную власть нельзя осуществлять с помощью ружей.

Ставка на присвоение средств производства как на самый эффективный способ улучшить положение рабочих во многом лишена оснований. От того, что рабочие и крестьяне будут относиться к средствам производства так же, как и работники духовного труда, содержание и характер материального труда принципиально *не изменятся*. Для такого изменения необходимы теоретическая подготовка, интеллектуальное обновление техники и технологий, предоставление работникам материального труда организационно-управленческих функций не для показухи, а по существу. А все это осуществимо как на государственном, так и на частном предприятии.

Когда у работников духовного труда соображения личной выгоды берут верх над общественной пользой, тогда представители материального труда используют свою монополию на собственный труд и демонстрируют ее в формах протеста, забастовок и др. В итоге целостность совокупного труда восстанавливается, но в стихийной форме. Возможно ли в принципе разрешение противоречия между трудом духовным и материальным?

Перспективные моменты материального труда. Фигура непосредственного производителя общественного богатства проходит сквозь тысячелетия, и никакая революция не в состоянии отменить потребность в производстве этого богатства в его *материальной* оболочке. С тех пор как возникли классы, писал Ф. Энгельс, не было времени, «когда общество могло бы обходиться без рабочего класса. Название, социальное положение этого класса изменялись: место раба занял крепостной, которого в свою очередь сменил свободный рабочий». Но всякому ясно: «какие бы изменения ни происходили в высших, непродуцирующих слоях общества, общество не может существовать без класса производителей. Следовательно, этот класс необходим при всяких условиях, хотя должно прийти время, когда не будет уже классов»¹. Последнее суждение Энгельса содержит, кажется, противоречие: «класс производителей необходим при всяких условиях», но настанет время, когда «не будет уже классов». Куда же денется «класс производителей»? Ведь он необходим «при всяких условиях»? Возможно, материальный труд содержит такие аспекты, развитие которых качественно изменяет этот труд. Что это за аспекты?

---

¹ Энгельс Ф. Общественные классы – необходимые и излишние. С. 296.

Рабочие исполняют необходимую функцию – производить общественное богатство на стадии *его материального оформления*, облекать идеальный образ (научные, инженерно-конструкторские разработки и иные проекты) в природный материал. При этом продукт этого труда потребляется в общем и целом именно с *материальной* стороны. Скульптор тоже затрачивает массу телесных усилий, но продукт его труда потребляется *духовно*, как и продукты деятельности балерины или пианиста. *Функция непосредственного материального преобразования предмета является для рабочих родовой и основной. Она абсолютна до тех пор, пока существует материальный обмен между обществом и природой.*

Но из того что функция материально-вещественного преобразования предмета труда будет сохраняться всегда, еще не следует, что данная функция будет всегда осуществляться в *рутинных формах*, на уровне *простого* труда.

Современный рабочий соединяет в своем труде два родовых начала – *идеальное и материальное*, научные разработки и природный материал. Если в труде рабочего видеть только второе начало, игнорируя первое, то и понимание этого труда будет как понимание труда «физического», с позиций ограничения рабочего эмпирической подготовкой и начальным профессиональным образованием. Этот тип рабочего и воспевался в идеологизированном искусстве советского периода. Если же удерживать в воображении тот факт, что рабочий воплощает в природном материале *образы-схемы специализированного общественного интеллекта*, становится очевидным, что подготовка рабочего должна соответствовать тому содержанию, которое он *переводит из сферы идеальной в материальную*. Здесь мы подошли к главному пункту.

Суть дела заключается в том, что материальный труд может выступать в двух формах – быть *преимущественно физическим или преимущественно интеллектуальным*. В первом случае работник непосредственно изменяет материальную оболочку предмета без понимания закономерных связей. Такое изменение осуществляется в виде внешних манипуляций орудиями. Главными при этом являются опытные навыки, сноровка и умения, привязанные к телесно-психическим особенностям работника. Предмет и субъект труда вступают в отношения друг с другом на уровне внешних характеристик и свойств, а не сущности (закономерностей на стороне объекта и теоретического мышления на стороне субъекта). Это –

простой по сложности труд работника с эмпирической подготовкой. Такой тип рабочего служил для социологов, писателей, партийных работников советского периода каноническим образцом.

Во втором случае *труд работника является материальным по форме и интеллектуальным по содержанию: работник изменяет материальную оболочку предмета для перестройки внутренних закономерных связей или управляет предметом на основе закономерностей (например, пилот самолета, космонавт, врач и др.). При этом предмет и субъект труда вступают во взаимодействие на уровне не только явления, но и сущности: предмет – в аспекте закономерных связей, субъект – в аспекте теоретического мышления. Это – труд средней сложности; субъект такого труда имеет теоретическую подготовку. Идеальные модели будущего продукта на основе научного знания направляют ум и руки такого работника, и он выступает в процессе труда как воплощение всеобщего общественного интеллекта. Научное мышление и мастерство его рук соединяют воедино идеальное и материальное, духовное и природное. Доминирование такого труда ликвидирует саму основу, на которой возникают односторонние крайности материализма и идеализма.*

Перспективной является именно вторая форма материального труда, наполненная по-преимуществу интеллектуальным содержанием и предполагающая теоретическую подготовку части рабочих на основе высшего профессионального образования. Современная наука все больше становится непосредственной производительной силой; она вовлекает в производство закономерности природной и социальной реальности и на их основе воплощает интеллектуально емкие технологии, компьютерные системы регионального, национального и планетарного уровней. Рабочий реализует такие технологии. Он центральная фигура на стадии перевода научного знания в действительность. Чтобы адекватно реализовать это знание, он должен его понимать. Это технологическая необходимость (не может слепой вести зрячего). Для понимания научно организованных технологий и заключенных в них объективных закономерностей ему необходимо высшее образование и теоретическая профессиональная подготовка. В монографии Г. М. Романцева дано убедительное обоснование высшего рабочего образования¹. Эта монография является

---

¹ Романцев Г. М. Теоретические основы высшего рабочего образования. Екатеринбург, 1997.

своего рода прорывом в концептуальном и практическом отношениях, ориентирующим на долгосрочную стратегию поэтапного перевода профессионального образования работников материального труда на уровень, соответствующий «экономике знаний». Г. М. Романцев, ныне академик РАО, упорно развивал эту идею уже в 80-х гг. прошлого века, не обращая внимания на ухмылки скептиков. Спустя 20 лет генеральный директор ОАО «СибнефтьНоябрьскнефтегаз» М. Е. Ставский предлагал работникам вузов научиться готовить рабочих скрупулезно, с привлечением психологов и социологов, научиться давать рабочим и высшее образование. Россия готова к таким прорывам и в иных областях. Они вполне осуществимы, гарантия чему – самобытная отечественная культура, нравственные устои и обилие талантов в России.

Мнение руководства Министерства образования и науки о том, что в России слишком много студентов и что существует перепроизводство людей с высшим профессиональным образованием, – это тревожный симптом. Ума *слишком* много не бывает. Тревожит и тенденция снижения качества подготовки специалистов в области высшего профессионального образования путем замены специалитета бакалавриатом и магистратурой, а также уменьшения учебных часов в вузах, в частности для социально-гуманитарных дисциплин, замены курса для аспирантов «Философия» на курс «История и философия науки». Бакалавриат – это незаконченное высшее образование и, соответственно, превращение вуза в техникум, колледж. Поэтапное вытеснение социально-гуманитарных дисциплин означает редукцию *ценностного* содержания в подготовке специалистов. Достоинства отечественного образования – основательность, последовательность, систематичность и полнота – подменяются выгодами узкой функциональности, в пределах которой специалист никак не сможет сочетать в себе такие характеристики, как «культурный человек», «нравственная личность», «творческая индивидуальность», «профессионально компетентный специалист», «социально компетентный гражданин и патриот России, способный к открытому творческому диалогу с иными этнокультурами».

Лукавыми являются соображения о том, что у государства нет средств на подготовку «лишних» специалистов с высшим образованием, что некому будет работать там, где не требуется высшего профессионального образования и т. п. Во-первых, не государство фи-

нансирует систему образования, а *сам трудящийся народ* через органы государства. И рост образовательного уровня граждан России будет ими не только поддержан, но и профинансирован – через налоги, которые они же выплачивают. Важно умно распорядиться собранными налогами. Во-вторых, в условиях поэтапного внедрения всеобщего высшего профессионального образования исчезнут и рабочие места для работников с начальным профессиональным образованием. Просто будет иная техносфера с иным интеллектуальным содержанием.

Уместно привести размышления А. Бузгалина о значимости образования. В Средние века в Европе, как и в России сто лет назад, более 80% населения было занято в сельском хозяйстве. Жили впроголодь и имели скудную одежду. Ныне в Западной Европе 2–3% занятых в аграрном секторе производят столько продуктов, что их хватает на всю Европу плюс на экспорт. *«Для того, чтобы обеспечить производство большого количества качественных утилитарных благ (еды, одежды, автомобилей, жилья, бытовой техники и т. п.) а также оборудования, необходимо ... резко сократить число занятых в сфере материального производства, увеличив число и производительность тех, кто будет занят созданием главных “ресурсов” – новых технологических и культурных знаний и, самое главное, творческих способностей человека»¹.*

«Ключевым сектором экономики ближайшего будущего станут сферы производства инноваций плюс “отрасли”, занятые формированием креативного потенциала, – обучение, воспитание, искусство, спорт и т. п. Формула производства будущего проста: 20% занятых в материальном производстве производят больше, чем 80, если экономика является постиндустриальной. Для того, чтобы 20% населения могли полностью обеспечить высококачественными материальными благами и оборудованием новое общество, каждый из этих работников должен иметь как минимум 15–20 лет образования и переучиваться раз в пять лет. Он должен быть человеком высококультурным и здоровым. И жить лет 80, а то и 100 *в среднем...* А чтобы такие образование, культура и здравоохранение стали реальностью, необходимо огромное количество высококвалифицированных, творчески относящихся к делу воспитателей детских садов и школьных учителей,

---

¹ Бузгалин А. Поймать ветер истории...

нужно, чтобы более половины имели магистерские дипломы, нужны миллионы людей, занятых рекреацией общества и природы. И здесь дело найдется каждому. Ибо общество и даже экономисты быстро поймут, что социальный эффект и даже коммерческая выгода в экономике будущего, получаемые от доброй нянечки в яслях, не меньше, чем от финансового спекулянта, ворочающего миллиардами»¹.

В маленькой Финляндии, замечает А. Бузгалин в цитируемой статье, доля расходов на образование в четыре раза выше, чем в России, все школы – государственные, большинство вузов – тоже, повышение квалификации для временно безработных – бесплатное. «И эта страна занимает первое место в мире по развитию инноваций». А. Бузгалин делает вывод: «Вектор XXI века, главный ресурс экономического социального прогресса, – это наращивание творческого потенциала каждого... Креативный потенциал России по-прежнему один из величайших в мире»². Реализации этого потенциала мешают финансовые спекуляции, социально безответственные бизнес и государственные институты, алчность работодателей, тиражирование масскультуры, свертывание общедоступного образования, медицины. Проводимые в России «реформы» образования воспринимаются на местах, скорее, как «контрреформы». Заместитель председателя думского Комитета по образованию и науке О. Смолин сообщает: в России сейчас меньше 40% бюджетных студентов, в Германии их – более 90%, во Франции – 80%³.

Сторонники рыночного фундаментализма (все подлежит купле-продаже) «аналогичны дворянству эпохи индустриальных революций, стремившемуся любой ценой сохранить свои сословные привилегии и крепостничество»⁴. Точное замечание!

Ведь капитал возникает в производстве при посредстве обращения (рынка). Прибавочная стоимость рынком не производится, а лишь *перераспределяется*. Значит, первую «скрипку» в государстве, в трудовых коллективах, в системе образования, в науке, искусстве, во всей культуре призваны играть те, кто производит прибавочный про-

---

¹ Бузгалин А. Поймать ветер истории...

² Там же.

³ Платова Г. Мы окажемся в стране недоучек // Сов. Россия. 2008. 27 марта. № 32 (13104).

⁴ Бузгалин А. Поймать ветер истории...

дукт, кто его умело обновляет, будь то ученые, инженеры, рабочие и т. п. Экономисты, экономические службы исполняют свою вполне определенную необходимую роль «аранжировки», *посредника в оптимизации трудовых затрат*. Полупроводники, электронно-вычислительную технику, самолеты и творческие индивидуальности производят не экономисты. Одно дело – сфера *производственно-продуктивная*, а другое дело – сфера *экономическая*. Хотя они и взаимосвязаны, но все-таки их не следует отождествлять и приписывать креативность производственно-продуктивной сферы общества субъектам рынка в их многообразии.

Итак, курс государственной политики на поэтапное всеобщее высшее образование обусловлен следующими факторами.

Подобно тому как передача машине функций движения и управления инструментами революционизировала технологический базис, экономическое основание и всю надстройку, передача технике интеллектуальных функций и ее дальнейшая антропность потребуют качественных изменений в экономике и политике, образовании, освобождая персонал от функций технологического агента и делая запрос на субъектов с целостной субъективностью, изменяющих уже не внешнюю материальную оболочку предмета, а сами закономерности в предмете и управляющих ими. Материальное производство средств жизни и культурное воспроизводство поколений отделятся друг от друга. Главным станет второй вид производства, в котором образование будет перманентным. Такая доминанта есть тенденция культуры.

Закон опережающего развития профессионального мышления и живого труда по отношению к мышлению и труду опредмеченному обязывает к интеллектуальному опережению образования по отношению к общественному производству. Новое поколение работников должно не адаптироваться к технике, а адаптировать ее к себе в направлении реализации *более эффективных возможностей ее использования* для культурного воспроизводства целостных индивидов. Традиционная тема хоздоговоров социологов с предприятиями «Адаптация молодого рабочего на предприятии» отражает как раз стагнационные явления в обществе, приспособление специалистов к наличным условиям профессиональной деятельности, которые (условия) в современных обстоятельствах требуют качественного обновления, а не приспособления к ним.

Повышение интеллектуального уровня совокупного труда до средней степени сложности на основе всеобщего высшего образования качественно усиливает эффективность совокупного труда. Не производство средств производства, а *культурное воспроизводство новых поколений в системе образования становится антропогенным базисом* общества. Культурное воспроизводство людей первично, а производство вещей (средств жизни) вторично.

Работники с профессиональной теоретической подготовкой – это социальная основа проведения государственной политики по программе всенародной справедливости и опора государства. Рост удельного веса таких специалистов означает усиление социальной однородности и является профессиональной основой для динамичного развития и культурного обновления всех сфер общества.

§ 3. Объективные и субъективные основы инновационного стиля жизни и ускорения социокультурной динамики

К таким основам следует отнести технологию, экономику и растущий удельный вес человеческих индикаторов производства, особенно самодеятельности, соревнования и самообновления людьми своей субъективности.

Объективные основы ускорения социокультурной динамики и инновационного стиля жизни. К таким основам относятся качественные изменения в технологии и в экономике.

1. Темпы обновления материальной техники получают в XXI в. резкое ускорение. Развитие техники определяется той *технологической функцией, которая ей передается от работника*. Инструменту была передана функция *непосредственного воздействия* на предмет труда. За работником закрепились функции движения и управления инструментом. Инструментальный этап техники был основным в период докапиталистического производства. Это производство имело *субъективное строение*, так как главной фигурой в нем оставался ремесленник или работник мануфактуры (т. е. тот же средневековый ремесленник, ставший односторонним, прикованным к той или иной операции). Машине были переданы *функции движения* (двигатель) и *управления инструментом* (рабочий орган машины). *Машины ста-*

ли технологическим базисом капиталистического производства. За работником осталась функция управления машиной. Производство получило объективное строение, ибо главной стала машина. Разделение труда между работниками сменилось разделением технологических функций между машинами. Наконец, автомату передается *функция управления машиной*. Работник теперь выключается из производства как *непосредственный технологический агент*. Он становится рядом с ним как его контролер и регулировщик. С середины XX в. автоматизированное производство начинает захватывать один сектор производства за другим. Передача функции управления машине означает *революцию* в развитии техники, ибо ей впервые передается *интеллектуальная* функция. Благодаря созданию компьютера эта функция усовершенствуется с поразительной скоростью. Человечество медленно подходит к стартовой линии технологического скачка: как паровой двигатель революционизировал технологический базис общества и привел к машинному производству, к качественному обновлению сфер общества, так и автоматизация, компьютерная техника уже порождают качественные изменения в этих сферах. Передача технике интеллектуальной функции будет *интенсифицировать* и ускорять процессы в сферах научной, образовательной, производственной, экономической, социальной и политической.

2. Благодаря созданию интеллектуально емкой техники наука получила адекватный себе технологический базис для реализации научных разработок и превратилась в ведущий *идеальный* компонент производства. Теперь техника не проектируется под давлением эмпирических обстоятельств, а планомерно создается на основе закономерностей, которые вообще не даны в обыденном опыте (полупроводники, лазеры и др.). Наука как разновидность духовного производства превратилась в ведущий фактор общественного труда. Поскольку уровень развития техники связан с передачей ей продуктивно-творческих сил человека, а в такой «трансплантации» нет предела, то темпы обновления техники неминуемо будут ускоряться по мере *антропологизации техники*, т. е. передачи ей от человека функций сенсорных и др. «Онаученная», интеллектуально емкая техника предполагает и «онаученного» работника, что обязывает работников к получению *опережающей* интеллектуальной подготовки и к высшему образованию.

3. Развитие техники имеет свои закономерности. Но *побудительным конечным мотивом к ее развитию является общественная форма* производства. Капиталистическое же производство содержит стимул *выхода за пределы достигнутого*. Такой стимул заключен в формуле $T - D - T'$. Капитал есть *самовозрастающая* стоимость на основе производства и при посредстве обращения. Прибавочная стоимость может производиться или экстенсивно благодаря увеличению прибавочного продукта, или интенсивно (когда рынки сбыта поделены) путем *обновления* продукта для создания *новых потребностей* в нем и тем самым создания *новых секторов* рынка и путем *убыстрения* обращения. Убыстряя свой оборот, капитал *повышает* скорость *социального обмена*, процессов *коммуникации*. Обновляя продукт для завоевания рынка, капитал тем самым *обновляет* потребности, чувства, наслаждения, т. е обновляет психические процессы. Ставка на скорость внедрения научных разработок (инновационный процесс) ради прибыли резко *интенсифицирует интеллектуальные* процессы в науке и в структурах организационного и управленческого сопровождения инноваций, и такая интенсификация неизбежно превращается в общегражданское состояние.

4. Скорость обращения капитала требует адекватного *коммуникативного* обеспечения: экономическое пространство покрывается сетью железнодорожных, транспортных, авиационных и информационных путей, которые постоянно *оптимизируются* ради быстроты коммуникаций. Не только скорость внедрения новых разработок, но и обновление продукта побуждают к повышению продуктивности мышления – к созданию общеинтересного нового продукта, который бы производился оптимально во времени с должной скоростью операций технических систем при минимальных затратах. Так капитал в погоне за прибылью на основе обновления техносистем и убыстрения своего обращения резко повышает *плотность социального пространства и времени*, ибо увеличивается количество интеллектуальных, производственных и иных общественно значимых операций на единицу пространства и в единицу времени. *В условиях капиталистического производства в большинстве стран производство в мировом масштабе переходит с необходимостью на интенсивный путь развития в форме перманентных инновационных процессов*. Конкуренция обязывает.

5. Для успешного обслуживания инновационных процессов в сфере производства и обмена необходимо обновление *социальных технологий* в области управления людьми и социальными институтами, а такое обновление превращается в необходимый профессиональный компонент всего персонала.

6. Выше мы рассматривали капитал в его опредмеченной форме – как обращение товаров и денег. Однако за вещной оболочкой капитала скрывается его *субъективная субстанция – труд*. Капитал есть накопленный труд, и сам по себе он не имеет иного субстрата. А труд есть реализация *способностей и умений*. Самовозрастание капитала означает в итоге самовозрастание живого труда, увеличение его количества и *обновление его качества* – способностей и умений, потребностей и чувств, хотя и в противоречивой форме.

За формулой Д – Т – Д' скрывается схема воспроизводства и обновления субъектов труда – схема расширенного воспроизводства продуктивно-творческих сил человека: *«продуктивно-творческие силы – их воплощения – прирост и обновление этих сил»*. Следовательно, конкуренция капиталов есть в итоге *соревнование субъектов труда по поводу оптимальной реализации своих способностей и умений, а обновление капитала – обновление этих способностей и умений*. Тенденция капитала – *выход за пределы достигнутого* – означает и выход субъектов за пределы уже реализованных возможностей и потенций к новым возможностям и смыслам. Так мы обнаруживаем сугубо антропологический аспект капитала. Как же осуществляется отмеченный нами креативно-человеческий аспект капитала? Возникают и более важные вопросы относительно *будущего*: если схема Д – Т – Д' перестанет быть мотивом производства, то как быть с социальной динамикой? есть ли в реальных человеческих потенциях на длительную перспективу нечто *более сильное*, побуждающее людей к социальной динамике в большей мере, *имманентно и человеческим образом*? Если отвлечься от стоимостной формы и взять креативность человека саму по себе, в чистом виде, то она предстанет как *самодеятельность, соревнование и самообновление* на пути духовно-нравственного возрастания. В этих потенциях заключен, на наш взгляд, ответ на поставленные вопросы.

Субъективные основы ускорения социокультурной динамики и инновационного стиля жизни. Деятельность направлена на изме-

нение *внешнего предмета* и может быть несвободной, вынужденной внешними мотивами. В самодеятельности доминирует направленность субъекта на преобразование самих схем, *способов деятельности*, т. е. противоречие между деятельностью опредмеченной и деятельностью актуальной. Изменять же схемы собственной деятельности человек может при условии, если он выносит их во внешний план, ставит их перед собой, опредмечивает. Поскольку предметом самодеятельности являются сами способы *человеческой деятельности*, то субъект *не теряет себя в предмете, не отчуждается от себя в актах самодеятельности*. За внешним отношением к «другому» (предмету) он усматривает внутреннее отношение к самому себе, к *человеческим продуктивно-творческим силам*, которые запечатлены в предмете. «Человек не теряет самого себя в своем предмете лишь в том случае, если этот предмет становится для него *человеческим* предметом, или опредмеченным человеком. Это возможно лишь тогда, когда этот предмет становится для него *общественным* предметом, сам он становится для себя общественным существом, а общество становится для него сущностью в данном предмете»¹. Поэтому «человек есть *самоустремленное (selbstisch)* существо. Его глаз, его ухо и т. д. самоустремлены; каждая из его сущностных сил обладает в нем свойством *самоустремленности*»².

В самодеятельности субъект устремлен на обновление и развитие творческих сил путем *выхождения за границы уже достигнутого*, которые и осознаются им как подлежащие преодолению, а не как «священная грань». Такое выходжение осуществляется путем разрешения противоречия между репродуктивным и продуктивным, исполнительским и творческим содержанием труда, между *Я вчерашним* и *Я сегодняшним*. Это созидательное противоречие есть «локомотив» творчества, оно импульсирует субъекта к обновлению схем действия, общения и мышления, формирует индивидуальность, неравную себе самой, способную к новым вариантам самореализации. Самоустремленность в актах самодеятельности, противоречие в самодеятельности между репродуктивным и продуктивным порождают в сознании соответствующее логическое отношение – *отношение к самому себе*.

---

¹ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. С. 122.

² Там же. С. 160.

В актах самодеятельности актуализируются все креативные силы человека, их сращение в целое. Отношения между субъектами самодеятельности складываются не по соображениям внешней полезности, а по поводу *взаимообмена и взаимодополнения способностями*, т. е. по поводу реализации сущностных сил. Это – *существенное, глубинное человеческое общение*, оно предстает как область самоосуществления человека. В самодеятельности разрешается противоречие между разделением труда и целостностью деятельности. *Специализация становится приложением самодеятельности к различным предметным областям*. Различие по предмету труда специализирует формы реализации целостной деятельности, но не предполагает *разъединения* продуктивных сил индивидуальности. Соотношение специализации и универсализации есть соотношение особенного и всеобщего в составе деятельности. Редукционистским является разделение труда по отдельным *функциям* деятельности.

В отличие от деятельности по заранее установленному внешнему масштабу самодеятельность альтернативна косности и отчуждению; она выступает *адекватной формой самореализации* личности в творческом процессе разрешения назревших противоречий. У диалектики и самодеятельности общий девиз – «выход за пределы исходного пункта в созидании общеинтересной и полезной новизны».

Присущее самодеятельности выхождение за пределы исходного пункта выражается в отношениях между субъектами – в *соревновании*. Абсолютной и имманентной формой, побуждающей людей *человеческим* образом к интенсивной самореализации, напряжению всех способностей, является соревнование по поводу *развития творческих потенций лиц и коллективов*. «Уже самый общественный контакт вызывает соревнование и своеобразное возбуждение жизненной энергии, увеличивающее индивидуальную производительность»¹.

Важно понять *креативно-антропологическую и общесоциологическую* природу соревнования, столь значимую в *управлении* и повышении *творческого потенциала* персонала. Глубинным мотивом, побуждающим личность к свободной самореализации, является потребность утвердить себя в сознании других *достойным* образом. *Ведь без признания статуса личности в общественном сознании нет*

---

¹ Маркс К. Капитал. Т. 1. С. 337.

и статуса. Быть социально – значит быть признанным! Здесь-то и возникает сущностное *противоречие*: все стремятся быть признанными достойным образом. Отсюда возникает соревнование.

Соревнование – неистребимый момент общения потому, что люди – существа общественные. И *мерой* для оценки одного человека выступает *другой*. В соревновании люди практически сравнивают себя в *общем деле* по своим способностям и умениям. Предметом и мерой оценки здесь выступают *человеческие* качества. Это – *имманентная, внутренняя для человека мера*, в отличие от *внешней*, например стоимостной, когда отношения между людьми выступают как отношения между вещами-товарами и соревнование носит отчужденную (и часто враждебную) форму *конкуренции*. Соревнование есть стремление к *первенству* в делах общественно значимых. Но первенство доступно лишь малому кругу людей. Поэтому соревнование выступает всегда как *борьба за общественное признание* своей *социальной значимости* в процессе реализации творческих сил.

Соревнование *противоречиво*. В нем каждый *идеально* полагает себя *равным* с другим по возможностям. Иначе нет смысла вступать в него ввиду заранее известной «победы» или поражения. Ведь пафос борьбы возникает лишь в состязании *с равным, себе достойным*. Но в то же время и в том же отношении каждый *практически* полагает себя *неравным* с другим, что выражается в стремлении *опередить себе равного*. *Опережая себе равного, субъект тем самым опережает самого себя*, вступает в состязание с собой; он актуализирует в себе скрытые ресурсы и реализует скрытые возможности. Так противоречие между соревнующимися превращается в противоречие субъекта с самим с собой, импульсируя его к саморазвитию. Сила характера проявляется в способности выдерживать такие созидательные противоречия и творчески разрешать. Соревнование достаточно гуманно по форме, чтобы не травмировать достоинство личности, но оно достаточно остро по накалу, чтобы побудить каждого к интенсивной самореализации способностей и умений. Соревнование пронизывает все виды общения – профессиональные и непрофессиональные, экономические и политические. Наиболее прозрачно логика соревнования представлена в спорте. Выпускники вуза не ставят, конечно, цели вступать в какое-либо соревнование, но к нему их побуждают потре-

бители услуг. Российские вузы стремятся быть «конкурентоспособными» по той же причине. Отношения между субъектами хозяйствования, политическими партиями пронизаны соревнованием. Соревнование не сводится к областям производственно-экономической и политической; оно не менее остро дает о себе знать в области образа жизни, социокультурных нововведений.

Мы раскрыли имманентную и глубинную противоречивость самодеятельности и соревнования и попытались показать, что такая противоречивость *созидательна и креативна*. Такая противоречивость и есть *самая глубинная основа вечной тенденции самообновления социальности во всей истории*. Ведь самодеятельность и соревнование суть самоотношение и самоизмерение социальности. Когда мы вес яблок измеряем весом железной гири, силы тяжести соотносят и самоизмеряют самих себя посредством нашей головы. То же происходит в актах самодеятельности и соревнования: социальность соотносит себя с собой путем сравнения умений различных лиц и коллективов. Это вечная игра социальных сил людей. В государственной политике в области международных отношений остро чувствуется такое самоотношение человеческой социальности в мировом масштабе в форме практического сравнения интеллектуального и духовного, культурного и профессионального потенциалов различных народов. Не менее остро такое самоизмерение раскрыто в сферах науки и искусства, не говоря уже о спорте.

Соревнование есть такое противоречие, которое, как и всякое реальное противоречие, не разрешается окончательно, а принимает все новые и новые формы. Изменяются лишь *временные* формы согласования противоположностей, само же противоречие имманентно и неистребимо, коль речь идет о субъектах, обладающих самосознанием и волей. Задача для каждого из них как раз и состоит в том, чтобы уметь понимать и разрешать противоречия мыслью, словом и делом гармонично и гуманно. Мышление тогда является творческим, когда оно умеет разрешать противоречие, вынося его на *более высокий* уровень. Эти объективные и субъективные основы обновления приводят к пониманию глубинного антропологического закона – *закона самообновления людей*, который утверждает в субъективной сфере соответствующее себе диалектическое мышление.

§ 4. Социокультурное основание диалектического мышления

Универсальная сущность человека сфокусирована в «трансцендировании» субъектов, в их стремлении выйти за пределы достигнутого к *новым* формам и смыслам жизни. Люди как субъекты стремятся отнюдь не к созиданию какого-то «изма» (капитализма, социализма, монархизма и т. п.). Это – лозунги идеологов или романтиков на пять минут. Люди стремятся осуществить, выполнить себя. Они изменяют обстоятельства таким образом, чтобы установился *достойный, в их понимании, образ жизни*. Однако одновременно с фактом установления исчезает его *идеализированный, романтический* ореол. Бывший в воображении идеальный строй облекается в *эмпирическую материю*, претерпевает от нее некие деформации и превращается со временем в *обыденную повседневность*, которая становится *скудной*. Новые формы жизни окаменевают, повышается удельный вес *репродуктивного* стиля мышления и поведения. Свободная активность Я регламентируется порядком настолько, что возникает бунт личности. В лоне традиции вызревает потребность *модернизации*, возникают импульсы к *обновлению деятельности, общения и мышления*. Если взять общество в целом, то прежние его формы отмирают тогда, когда они становятся *оковами для самодеятельности и самообновления людей*. Самодеятельность – имманентная форма самообновления. Скука – реакция на дефицит творческого компонента.

Существует *общесоциологическая реальная тенденция*, которую можно с полным основанием назвать *законом самообновления людей* – их чувственно-эмоциональной, душевной, духовной, социокультурной ипостасей. Этот закон имеет *биопсихические* и социокультурные основы, он не сформулирован в теории, но пролагает себе дорогу на практике в форме *качественных перемен*, возникающих «вдруг»; такие перемены присущи всем сферам и ячейкам общества: личной жизни, семье, производственным коллективам, научным школам, политическим партиям и общественным объединениям, товарищеским отношениям, обществу в целом. Царская Россия цвела и богата в 1913 г. Но уже в 1917 г. монархия рухнула. Советский Союз был могуч в военном, хозяйственном, политическом отношениях. Но в 1991 г. его «вдруг» не стало. За кажущейся случайностью револю-

ций и крутых перемен скрывается общесоциологический по охвату, *социокультурный по содержанию закон самообновления*. Повод всегда найдется. Идеального общества достичь невозможно в силу отмеченного противоречия: *то, что было достижением как первенство, становится со временем доступным для большинства, и соревнование начинается по новому кругу, точнее, по спирали*. И этому процессу нет конца. К. Маркс по этому поводу пишет: «На самом деле, если отбросить ограниченную буржуазную форму, чем иным является богатство, как не универсальностью потребностей, способностей, средств потребления, производительных сил и т. д. индивидов, созданной универсальным обменом? ... Чем иным является богатство, как не абсолютным выявлением творческих дарований человека, без каких-либо других предпосылок, кроме предшествующего исторического развития, делающего самоцелью эту целостность развития, т. е. развития всех человеческих сил как таковых, безотносительно к какому бы то ни было *заранее установленному* масштабу. Человек здесь не воспроизводит себя в какой-либо одной только определенности, а производит себя во всей своей целостности, он не стремится оставаться чем-то окончательно установившимся, а находится в абсолютном движении становления»¹.

В этом высказывании выражены *вся суть* мировоззренческой позиции К. Маркса и ее *антропологическая основа*, вечное трансцендирование человека, выхождение за пределы достигнутого к новым открытиям, к новым драмам и трагедиям, предпосылки которых создают сами люди. Лишь в преодолении новых *пределов, в противоречиях и борениях* разумные существа сохраняют свою разумную, *неоконечную* природу. Вот как корреспондент Джон Суинтон передал часть беседы с К. Марксом: «Над размышлением о суете и мучениях нашего века и прошлых веков ... в моем уме зародился один вопрос – вопрос о решающем законе существования, на который я хотел получить ответ от этого мудреца. Спустившись до самых глубин языка и поднявшись до вершины выразительности во время наступившего молчания, я прервал революционера и философа следующими роковыми словами: ”Что есть сущее?” И, казалось, на мгновение ум его был обращен внутрь себя, пока он смотрел на ревущее море... “Что

---

¹ Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов. Т. 46, ч. 1. С. 476.

есть сущее?» – спросил я, и он серьезно и торжественно ответил: «Борьба!»¹.

Разум, порожденный историей, – сила универсальная. Ее каждый получает в дар от общества. Возникает всякий раз онтологическое противоречие между универсальностью разума и конечностью каждого человека в этом мире. Противоречие существует только как процесс его разрешения – путем трансцендирования, выхождения за границы всего конечного. Это – величественный процесс преодоления конечного, всех ставших форм, отвердений. Такое движение подобно движению реактивного лайнера, который отталкивается от самого себя. В «Науке логики» часто употребляется понятие «отталкивание».

Абсолютное движение становления осуществляется как *обновление* людей путем обновления форм деятельности, общения и мышления и выражается адекватно в *диалектическом* мышлении. Общество, где *саморазвитие людей осуществляется как беспрестанное выхождение за пределы этого саморазвития и где единственной предпосылкой самого общества является выход за пределы «исходного пункта»*, – такое общество, подчеркивал Маркс, порождает понимание человеком «его собственной истории как *процесса*», так как «сам процесс развития положен и осознан как предпосылка индивида»². Субъект предрасположен к пониманию развития природы тогда, когда *саморазвитие людей стало реальной предпосылкой индивидуально-личностного бытия*. Такое *процессуальное* понимание и выражает философская диалектика во всеобщей, логической форме. С позиций диалектики, заметил вслед за Гегелем Ф. Энгельс, абсолютным является процесс, а не временный результат последнего. Диалектика «каждую осуществленную форму ... рассматривает в движении, следовательно, также и с ее преходящей стороны, она не перед чем не преклоняется и по самому существу своему критична и революционна»³.

Если более развитое есть ключ к пониманию менее развитого, то диалектика как логика исторического саморазвития людей – это *основа для понимания развития на более низких уровнях эволюции природы*. Если же переносить логику низших уровней на высшие, то ре-

---

¹ Запись беседы Карла Маркса с корреспондентом газеты «Sun» Джоном Суинтоном // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 45. С. 480.

² Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов. Т. 46, ч. 2. С. 35.

³ Маркс К. Капитал. Т. 1. С. 22.

зультатом будет редукционизм, неинформативный в научном отношении. В советской философии возобладал онтологический вариант трактовки диалектики, в рамках которого свободную самодеятельную природу общественного человека согласовывали с логикой элементарных частиц, различных органических систем и вещно понимаемых иных «диалектик». В результате диалектика стала ценностно-нейтральной и уподобилась Молоху-автомату, для которого нет «ничего святого». Данная логика была взята из естествознания, где нет субъектов сознательного действия. Социальным эквивалентом такой логики является пассивный *созерцательный субстанциализм*, за которым скрывается накопленная и застывшая в пространстве человеческая деятельность в виде устоявшихся порядков, норм, образа жизни. К такому субстанциализму применим упрек Маркса, адресованный Л. Фейербаху за то, что тот не достигает понимания чувственного мира как совокупной, живой чувственной *деятельности* составляющих его индивидов. За различными методологиями всегда скрывается исторически определенная социальность и соответствующие ей образы жизни.

Социальным основанием философской диалектики является *самодеятельность ассоциированных людей как субъектов собственного жизненного процесса, преодолевших отчуждение от своих собственных объективаций* в экономике, политике и т. д. и вобравших в себя коллективно развитые силы. Маркс вслед за И. Кантом понимал самодеятельность как *фундаментальный культурно-антропологический атрибут*, как тот способ развертывания продуктивно-творческих сил, с которым он связывал *перспективу человеческого развития*. Он предсказывал историческую ступень человеческого развития, когда «самодеятельность совпадает с материальной жизнью, что соответствует развитию индивидов в целостных индивидов и устранению всякой стихийности»¹.

Однако было бы наивностью полагать, что с преодолением отчуждения, с превращением социальной связи в человеческую общность и с достижением состояния общества, когда свободное развитие каждого станет условием свободного развития всех, противоречия между людьми исчезнут. Они примут менее стихийную и более сознательную форму разрешения, но при этом сама острота противоре-

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. С. 68.

чий не только не притупится, но и обретет в большей мере личностный аспект, ибо противоречия в обществе есть противоречия между людьми, часто занавешенные вещными «факторами» и т. п. И по мере освобождения от вещности межсубъектные противоречия, возникающие всегда из общего дела, и будут восприниматься не как противоречия между безличностными «факторами», а как противоречия между лицами.

Диалектика есть такой тип мышления, который *адекватен инновационному* стилю жизни творцов-созидателей. Алгеброй же диалектического мышления является умение соединять противоположности *всеобщего, особенного и единичного в гармонию*. За этими категориями, как было нами выяснено, скрывается соотношение всеобщих, особенных и индивидуально-личностных устремлений-интересов. Например, чтобы разрешать противоречие между всеобщим и частным интересом, необходимо понять их общую основу, понять противоположности как выражения *одного и того же содержания, но в разных формах*. Так, труд и капитал представляются противоположностями. Однако капитал произведен от труда. Капитал есть «накопленный труд»; сам по себе он не имеет иного субстрата. Поэтому противоречие между трудом и капиталом может успешно разрешаться только в пользу труда, его универсальной, созидательной, креативной природы космического масштаба. Задача, следовательно, состоит в том, чтобы не капитал управлял трудом, но труд – капиталом.

Соотношение всеобщего, особенного и единичного, как доказал Гегель в «Науке логики», составляет сущность диалектического метода понятийного мышления. Решающая роль этих категорий объясняется тем, что они логически выражают абсолютную социальную связь между людьми *«личность – социальная группа – общество»* и «прямо вытекают из наших отношений»¹. И разумное разрешение противоречий возможно при условии, когда противоположности поняты как *особенные* выражения *всеобщего* основания.

Разум же самым убедительным образом явлен *для каждого* в *нравственности*, выражающей социальную связь адекватно. Нельзя жить разумно, не живя нравственно, и нельзя жить нравственно, не живя разумно. Нравственность (совесть) *всегда разумна*, ибо она есть

---

¹ Маркс – Энгельсу. 25 марта 1868 г. С. 45.

разум в его *истинно человеческом* выражении; совесть гармонично разрешает противоречия между «моим», «твоим» и «нашим». Противоречий, заметил Гегель, нет «только у трупа». Все живое, творческое является таковым постольку, поскольку оно «беременно» противоречием и приводит противоположности к гармонии. Важно *соединить диалектику с совестью* в целостном духовном акте, в котором сливаются в единство любящее сердце, теоретическое мышление, продуктивное воображение, эстетическое созерцание, нравственная воля, одухотворенная вера и совесть.

Диалектический стиль мышления вновь возьмет реванш, воскреснут традиции сократовских диалогов, и Гегель вновь напомнит о себе. Обнажится и подлинное основание диалектического мышления. Обслуживать перманентное обновление в состоянии только теория творческого мышления, способного разрешать созидательно противоречия обновления.

Ю. М. Бородай истолковывал тенденцию самообновления, исходя из трансцендентности *Я*, из его пограничной ситуации между *посюсторонним и потусторонним*. Пружина всякого творчества – «осознание несовершенства того, что есть», столкновение всеобщей детерминации природы с «неугасающим стремлением к чему-то тому, чего нет в реальности». Человек творит «сверхъестественное» – иконы, самолеты, идеологемы – в соответствии с должным *идеалом*, положенным *свободой воли*. Свободная воля задает направленность деятельности. В свободе заключена искра трансцендентности, момент «потусторонности» *Я*. «Но если мое “Я” потусторонней “природы”, то и мне, как Богу, с которым я *сопричастен*, видимо, предстоит *и жизнь вечная*»¹. Вечная жизнь может быть «только *вечной неутоленностью*. *Вечно живой* Бог по определению своему – Творец». Иначе зачем было бы Ему вечно испытывать муки творчества? Творить и восходить на крест, искупая несовершенство сотворенного. Если можно было бы, подчеркивает Ю. М. Бородай, «достичь абсолютного совершенства, то и жизни больше не было бы, даже у Бога. Тогда просто стремиться не к чему!»². «Именно в вечном стремлении к совершенству, каждый раз по-новому представляемому, видимо,

---

¹ Бородай Ю. М. Эротика – Смерть – Табу... С. 214–215.

² Там же. С. 215.

и заключается суть *трагедии* – наивысшей формы *искусства*, искусства, сплетающего в себе не только смешное и страшное, низкое и высокое, злое и доброе, но обязательно и еще кое-что – самое главное: ощущение захватывающей *красоты жизни* во всем ее этом страшно-смешном и мучительно-радостном многообразии». Главная проблема религиозных построений о бессмертной душе – «это *скука вечности*». Кант, продолжает Ю. М. Бородай, вывел в «Критике практического разума» исключаящую скуку «формулу творчества вообще – и человеческого, и божественного». Ю. М. Бородай так выразил эту формулу: «Ты, бессмертный Творец, строй в бесконечности многомерного времени каждый из новых своих миров так, как если бы каждое преобразенное твое представление о совершенстве посредством твоей воли становилось всеобщим законом природы этих миров. Всякий раз строй их так, как если бы каждый из созданных твоей волей миров становился бы собственной плотью и кровью твоей»¹.

Таков, подчеркивает Ю. М. Бородай, императив вечной жизни, предполагающий ответственность за сотворенное, искупление своей «халтуры» смертными крестными муками. Элемент «халтуры» во всяком творчестве неизбежен, он не продукт нерадивости. «Наоборот: именно достижение абсолютного совершенства означало бы зло – конец всякой жизни и всякого бытия»². Какой мощью будет обладать наше Я в трансцендентном мире, когда оно сбросит с себя материальную оболочку? Этот вопрос, отмечает Ю. М. Бородай, остается открытым для нас, живущих по сю сторону. Здесь, на Земле, мы не имеем средств для его достоверного разрешения, поэтому этот вопрос «не научный, а теологический». Почему нам, живущим, не дано знать достоверно о посмертной жизни нашего Я? «Мне кажется, – отвечает Ю. М. Бородай, – что условия приключений наших “Я” в этом мире мудро были составлены. Неуверенность в вечной сущности нашего трансцендентного “Я” придает ощущение *остроты и подлинности* нашим земным трагедиям, которые переживаются нами всерьез, а не разыгрываются “смеха ради”. Может быть, именно таким способом рождается истинная *красота*?»³. Если Гегель написал «Феноменоло-

---

¹ Бородай Ю. М. Эротика – Смерть – Табу... С. 216.

² Там же.

³ Там же. С. 219.

гию духа», то Ю. М. Бородай раскрыл феноменологию свободы человеческой воли.

Итак, с позиций и трансцендентного, и реально-посюстороннего *тенденция самообновления связана со свободой нашего Я, нашей воли, нашего продуктивного воображения, с игрой духовных и телесных сил.* Этот источник самообновления не экономический, не утилитарно-прагматический, а сугубо *антропогенный, креативный и бескорыстный.* И чем в большей мере он становится руководящим в проектировании человеческой жизни, тем в большей мере социальная связь обретает *адекватную себе форму с бескорытием истины, добра и красоты.* Модели успешного обновления общества предполагают знание о том, «какова человеческая природа вообще и как она модифицируется в каждую исторически данную эпоху»¹. Мы попытались представить эту природу как *универсальную и процессуальную, несводимую раз и навсегда к историческим преходящим масштабам.* Библейское изгнание из рая можно истолковать не только как расплату за грех гордыни прародителей, но и как мифологическое осознание *беспокойной человеческой природы, ее процессуальной универсальности, всегда жаждущей самообновления.*

Трансцендирование может иметь вектор созидательный или вектор деструктивный. Первое направление возможно, по нашему убеждению, только на основе *духовной религии божества как полноты совершенства.* Для сознания, сциентистски ориентированного, это, конечно, весьма странно. Ведь всякая религия для такого сознания есть каменеющая традиция, догмат, ритуал, культ. Какое трансцендирование? и куда? вспять? Такие вопросы порождаются иной «религией» – верой в науку как единственно верный способ ориентации человека в мире. Между тем научное мышление в отрыве от ценностного сознания инструментально. Выход за пределы исходного пункта всегда мотивирован, в конечном итоге, ценностями. Предельной и верховной ценностью для духа, для миллиардов населения Земли является Бог. Бог как полнота совершенства есть идеал объективно лучший и объективно сущий, который предохраняет от аутического самодовольства гедонистической персоны и задает вектор трансцендирования: от плохого – к хорошему, от хорошего – к наилучшему.

---

¹ Маркс К. Капитал. Т. 1. С. 623.

Стремление к совершенству, к гармонии истины, добра и красоты открывает бесконечный путь к совершенствованию человеческого Я и человеческого рода, дает сердцу и разуму самый *достойный смысл*. Такой Идеал побуждает к свободному радостному вдохновенному творчеству.

Конкретизируем социокультурное основание и специфику диалектического мышления.

Отношение целого к самому себе – сущность диалектики. Верному пониманию диалектики мешает рассудочная логика «определения извне» (*бытие-для-другого*): одно определяется другим, а другое – иным другим и т. д. Такая логика не позволяет понять *саморазвитие целого на собственной основе*, когда целое само полагает вонне предпосылки своего сохранения и роста и поэтому является самообоснованным, самодействующим и т. д. Саморазвитие целого диктует такой логике невыполнимое для нее условие – понять воздействие на другое как момент самодействия, определение извне – как момент самоопределения; словом, «за отношением к другому видеть скрытое за ним отношение к самому себе, внутреннее отношение вещи»¹.

Согласно постулатам такой недиалектической логики, отмечал Э. В. Ильенков, – «отношение может быть только между одним и другим! Только между двумя разными вещами! Отношение к самому себе – это абсурд, нелепость, незаконное сочетание терминов!». А ведь разговор со сторонником такой формальной логики, продолжает Э. В. Ильенков, начался с того, что у него спросили, как он себя чувствует, и он ответил: «Нормально». «В этой форме, в форме самочувствия, “отношение к самому себе” было понятно и ему. Но отношение к самому себе как *телесное* отношение ... мышление, скованное постулатами формальной логики, понять не в состоянии»². Такое мышление старательно избегает анализировать *самонаправленные* процессы – самоопределение, самодеятельность, самореализацию и другие «само». Личность при этом мыслится как теннисный шарик, траекторию движения которого определяют внешние обстоятельства – педагогическое начальство, методы воспитания, среда и так до бесконечности. Так возникает рефлексия рассудка из многих внешних основа-

---

¹ Ильенков Э. В. Диалектическая логика. С. 243.

² Там же. С. 208–209.

ний, а не из самообоснования целого. Уже растительный и животный мир, не говоря о преследующих свои цели человеку, социальных группах, посрамляет такую логику.

Разумеется, принцип объяснения через «другое» необходим, когда мы искусственно вычленим из состава целого те или иные части и рассматриваем их взаимодействие. Но он недостаточен, например, в понимании субстанции как причины самой себя, как универсального, всеобъемлющего начала, вне которого ничего нет, нет даже этого «вне». Поэтому объяснять субстанцию (Бога, природу, материю) через другое нельзя. Рассудок пребывает в замешательстве и с необходимостью переходит к логике разума: субстанция есть причина своего бытия, действие модусов субстанции друг на друга оказывается воздействием субстанции на саму себя.

В еще большей мере объяснение через другое не эвристично, когда речь идет о самоопределении и самодеятельности людей, вообще о саморазвитии, т. е. когда мысль наталкивается на *совпадение противоположностей*, на явное противоречие, в рамках которого объект действия и субъект действия *совпадают*, будь то самовоспитание, самоопределение и т. п. И такое совпадение встречается в практике человека на каждом шагу; оно зафиксировано уже на уровне языка в виде *возвратных* местоимений и глаголов («сам себя», «я радуюсь» и др.). В таких языковых выражениях проявляется устойчивое логическая категория – отношение целого к самому себе, выражающее самое существование, *диалектикообразующее* отношение.

Осознанию этого отношения препятствуют *гносеологические* и *социальные* причины. Так, гносеологической причиной является то, что мысль не выходит за рамки *наличного бытия* (где одно ограничено другим, а другое – иным другим) в сферу сущности – в то *единое основание*, которое воздействует на само себя через взаимное действие своих собственных частей. То, что в сфере сущности (субстанции) есть самоопределение, воздействие на себя, в мире явлений обнаруживается как действие на другое, как определение извне. Например, Петр, относясь к Павлу как к человеку, актуализирует свою собственную человеческую природу. Относясь к себе как человеку, Петр отличает в себе социальное от природного. Но на таком различии дело не заканчивается. Отношение между Петром и Павлом как людьми есть в итоге отношение социальности к себе самой. И такое самоот-

ношение социальности ощутимым образом проявляется в борьбе людей за общественное признание, например в спорте.

Наиболее наглядно самоотнесенность целого через отношение своих частей раскрыто в экономике. Например, в процессе обращения капитала (мир явлений) *один* отдельный капитал действует на *другой*, и каждый из них воспринимает это внешнее действие (конкуренцию) как *определение извне, как внешнюю необходимость*, принудительно ограничивающую свободу их функционирования. Такова *видимость с позиций отдельных* различных капиталов. Однако отдельные капиталы есть органы совокупного капитала как *целого*. И за отношением одного капитала к другому скрывается отношение капитала как целого к *самому себе*. Через взаимное действие отдельных капиталов проявляется воздействие капитала на самого себя, его «самоопределение». В действительности, замечает К. Маркс, «конкуренция представляет собой отношение капитала к самому себе как к другому капиталу»¹, «самоопределение» капитала как целого². Конкуренция приводит в исполнение «внутренние законы капитала» в форме внешней необходимости для отдельных капиталов³. Капитал во *всеобщей форме* (финансовый капитал в виде, например, кредита) существует теперь *отдельно, рядом* с генетически предшествующими формами капитала⁴, подобно тому как глава государства и вся вертикаль власти представлены персонифицированно вместе с *рядовыми* гражданами. Скрытое в отдельных капиталах противоречие между *особенной* функциональной формой и *всеобщей* природой проявилось наружу и *разрешилось* тем, что *воспроизвелось* в масштабах всего общества. Это раздвоение подобно поляризации меновой стоимости на особенную форму (товар) и на всеобщую форму (деньги). Так как один капитал относится к другому *сразу* двояко – и как к *другому* капиталу, и как к *капиталу*, то отношения между капиталами распадается на *внешние* (отношение к другому) и *внутренние* (отношение капитала к самому себе). Внутреннее движение капитала как его «отношение к самому себе», замечает Маркс, противостоит «его телесному движению, его бытию-для-другого»⁵. Это «двойное полагание, – продолжает Маркс, – от-

---

¹ Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов. Т. 46, ч. 2. С. 154.

² Там же. Т. 46, ч. 1. С. 391.

³ Там же. Т. 46, ч. 2. С. 265.

⁴ Там же. Т. 46, ч. 1. С. 473.

⁵ Там же. С. 437.

ношение к самому себе как к чему-то чужому ... становится чертовски реальным», когда капитал одной нации для увеличения его стоимости отдается в займы другой нации¹. Ведь он отдается в займы для своего *прироста*, т. е. именно как капитал, как самовозрастающая стоимость. Капитал, относясь к себе двояко (как к *капиталу* и как к другому *особенному* капиталу), распадается на *внутренние и внешние* отношения, на *сущность* и на мир явлений.

Во всех таких ситуациях отношение социальности к себе самой выступает как противоречие потому, что одна и та же социальность противопоставляет себя себе самой в форме взаимоотношений отдельных индивидов. *Отношение целого к самому себе есть сущность диалектического отношения*, которое Гегель зафиксировал в виде понятия «*бытие-для-себя*» в отличие от понятия «*бытие-для-другого*». Отношение к самому себе есть принцип самосознания, а отношение к другому – схема работы чувственного сознания.

В социальном плане логика «определения извне» выражает те ситуации, в которых люди низведены до *частичек социальной машины, до объектов манипулирования, до исполнителей извне навязанных стандартов мышления, поведения, потребления*, до «точки действия для другого» (В. С. Библер) со стороны общественных сил. Такие ситуации и порождают выражения «рычаги управления», «хозяйственный механизм» и прочую механику (В. Е. Кемеров). Подобная социальная детерминация формирует в сознании привычку жить по извне полученным правилам и нормам и впечатывает в сознание логику «определения извне». Такая логика превращается в «достоверный», самоочевидный навык мышления, который возводится в ранг всеобщей схемы миропонимания. Эту схему, за которой скрываются антигуманные обстоятельства, позитивистский рассудок объявляет единственно научной, а логику самоопределения (диалектику) толкует как «темную гегельянщину», не соответствующую действительности. Только какой действительности? Именно отделение деятельности от самодеятельности, изменения объекта от «самоизменения» субъекта, функций исполнительских от функций нормотворческих порождает отчужденную практику, ту социальную ситуацию, в которой индивид производит собственное бытие как чуждое себе «инобытие», как бы-

---

¹ Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов. Т. 46, ч. 2. С. 437.

тие иного против самого себя. Например, тот или иной гражданин может воспринимать государство, право как нечто чуждое себе, тогда как правовые нормы выражают общепризнанные и санкционированные государством должные схемы работы его личной воли. Так же в актах общения индивиды часто за индивидуальными различиями лиц не схватывают единую человеческую природу. Еще убедительней ограниченность такой логики можно иллюстрировать отношением между мужчиной и женщиной, когда обе стороны видят друг в друге только различия, упуская тождественное – и мужчина и женщина желают одного и того же. И это одно и то же лишь преломлено в различные формы духовно-душевно-телесных выражений. Уместно отметить, что для православного самосознания отношение к другому как момент отношения к самому себе *очевидно*: во Христе «нет ни эллина, ни иудея», души человеческие имеют *одну и ту же* боготварную духовную субстанцию, поэтому отношение к самому себе очевидно из-за такой *единой духовной общности*. Но трагедия православного мира состоит в том, что осознание единой духовной общности не превращено в действительные человеческие отношения и остается *лишь в области самосознания*. Поэтому и возникла версия светского сознания в философии Маркса – воплотить человеческую общность во всей ее полноте в социальную действительность. Но в этом светском стремлении упущен самый важный момент – какова *духовная основа* братского единения людей? Классовая ненависть надолго отравила сознание, в силу чего за классовыми различиями светское социальное сознание не возвысилось ни до национально-культурной, ни до духовной общности. Вопрос, следовательно, состоит в соединении культуры духовного опыта с практическим обновлением жизнеустройства людей без крайностей религиозного жизнеотвержения и светского классового антагонизма.

Ограниченность логики «действия на другое» побуждает и теоретиков естествознания переосмыслить казавшуюся ранее очевидной логическую основу общего воззрения на предмет. В естествознании, математике, подчеркивает В. С. Библер, поставлена под вопрос «*всеобщность* классического предмета (и субъекта) – точки действия на другое». В современном мышлении возникает идея радикально нового предмета и субъекта теоретического познания. Это «идея предмета как “causa sui”», «идея движения как самодействия, самодея-

тельности»¹. С возрастанием в обществе доли личных свобод и самодеятельности изменяется и методология науки – предметная область толкуется по подобию человеческой самодеятельности.

Против логики «действия на другое» боролись классики философии. «Самопричинность» (*causa sui*) субстанции у Спинозы, «самодеятельность» монад у Лейбница, «самоопределение» и «самополагание» Я у Канта и Фихте, *для-себя-бытие* у Гегеля, «самоизменение» субъекта у Маркса – эти родственные идеи выражают логику, позволяющую верно понять *самонаправленную* социальность. Утверждение об изменении людей внешними обстоятельствами Маркс преобразует в положение об их «самоизменении» путем практического изменения обстоятельств, где человек одновременно выступает и субъектом, и объектом действия, и воспитателем, и воспитуемым, и законодателем, и исполнителем собственных принципов. Неспособность к самоопределению и самоосуществлению Маркс считал крайней деградацией, поражающей человека в «самой его жизненной основе». Отсюда проистекала вся сила его гнева против «самоутраты» людей в отчужденной от них экономике, политике и идеологии.

Отношение к самому себе исполняет в работах Маркса основополагающую теоретическую роль. И «без четкого понимания этого пункта, этого решающего ядра логики “Капитала”, – писал Э. В. Ильенков, – невозможно ничего понять ни в “Капитале”, ни в его логике»². «Единственно интересной» в гегелевской диалектике Маркс считал противоположность между *«в-себе и для-себя, между сознанием и самосознанием, между объектом и субъектом»*. Эта противоположность, отмечал он, составляет «смысл» всех других противоположностей³. Эвристическую мощь этой противоположности Маркс раскрывает уже в своей диссертации, излагая принципиальное различие между *объектной* философией Демокрита и *субъектной* философией Эпикура. Эпикур для обоснования свободы людей «заставлял» атомы спонтанно, самопроизвольно отклоняться от прямой линии, тогда как Демокрит толкует движение атомов строго детерминистически.

---

¹ Библер В. Мышление как творчество... С. 191.

² Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» К. Маркса. М., 1960. С. 249.

³ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. С. 157.

Категория «*бытие-для-себя*» выступает у Маркса логическим фундаментом в понимании субъектности, под которой он понимал рефлектированную социальность, устремленную на саму себя, *высший уровень человеческой субъективности*. Показательны такие его выражения, как «самоустремленность», «самоизменение», «самостояновление», «самоосуществление» и другие «само». В обществе, отмечал Маркс, все, что имеет прочную форму, – продукт, разделение труда, предметные воплощения процесса производства и т. д. – является лишь мимолетным моментом общественного производства, «а в качестве его субъектов всегда выступают только индивиды», взятые в их взаимоотношениях. Здесь перед нами их «собственный процесс движения, в котором они обновляют самих себя в такой же мере, в какой они обновляют создаваемый ими мир богатства»¹.

Таким образом, люди находятся в существенном субъект-субъектном отношении друг к другу и соотносятся сами с собой, *со своей родовой культурно-исторической сущностью*, поэтому они «самоустремленные» существа: за предметно-чувственной оболочкой социальной действительности они схватывают выраженные в ней свои *социальные отпечатки, «отвердения», социальные свойства, значения*. В философском плане суть отчуждения как раз состоит в том, что люди передают свои субъектные функции какой-либо внешней инстанции, превращая ее в абсолютного субъекта, а себя – в исполнителей ее воли. Поэтому они не видят в сотворенных людьми же произведениях (будь то государство, иные социальные институты и т. п.) свое собственное авторство и воспринимают сеть общественных отношений как нечто совершенно внешнее, чужое, от чего надо спрятаться или отстраниться.

В конечном счете логика определения извне – продукт взаимного отчуждения людей друг от друга по разным причинам (экономическим, социально-статусным, политическим, мировоззренческим). Рассмотрим этапы осознания отношения целого к самому себе в философии.

Формирование отношения целого к самому себе: Кант, Фихте, Гегель. Выразим обобщенно саму «парадигму» осознания отношения целого к самому себе. Такая парадигма зародилась в философии Канта и Фихте, они первопроходцы в осознании данного отношения.

---

¹ *Маркс К.* Экономические рукописи 1857–1859 годов. Т. 46, ч. 2. С. 222.

У Гегеля это отношение логически оформлено как «для-себя-бытие», как сосредоточие всей его диалектики. К. Маркс раскрыл за этой гегелевской категорией социальную связь в ее человеческой форме.

У Канта трансцендентальное *Я* – это область однородной самоустраемленной деятельности, возникающей в акте самовоздействия такой деятельности. Фихте отлично понял суть философии Канта и не случайно сосредоточил усилия на раскрытии процессуальности *Я*. У него *Я* – процесс деятельного самопорождения: в актах самовоздействия *Я* различает себя на *Я* и не-*Я*. Процесс противопоставления есть акт-продукт: *Я* «является в одно и то же время и тем, что совершает действие, и продуктом этого действия»¹. Самосознание есть выражение «дела-действия». В акте противопоставления отношение к другому (предмету как опредмеченному сознанию) есть необходимый момент в саморазличении *Я*, но он подчинен отношению *Я* к самому себе, без которого самосознание не возникает. Если субъект останавливается на отношении к другому, то он не выходит за рамки чувственного сознания, ибо он захвачен внешней предметностью и не возвращается в сознании к самому себе, к *Я*. Поэтому акт противопоставления дополняется актом сопоставления – возвращением *Я* из внешнего созерцания к самому себе, *самонаправленностью Я* в противопоставлении.

Движение сознания, по Фихте, предстает так: *самоположение (Я = Я), противопоставление (Я = не-Я) и соположение (Я = Я + не-Я)*. Самонаправленность, т. е. отношение *Я* к самому себе, соединяет противоположные моменты (*Я* и не-*Я*) в единство. *Я* саморазличается в себе путем противопоставления, которое образует *противоположности*, соединяемые в единство. Их единство есть противоречие потому, что противоположности суть различия в пределах одной основы – *Я*.

Таким образом, *отношение к самому себе* логически выражает у Фихте *остов самосознания*. Поскольку категории Фихте развивает вслед за Кантом как схемы работы самосознания, то и категории представляются им согласно трем моментам основного отношения самосознания – отношения к самому себе. Категориальные «гнезда» включают три формы по схеме «тезис – антитезис – синтезис», чему соответствует «положение – противопоставление – единство противоположностей»; например, «реальность – отрицание – ограничение».

---

¹ Фихте И. Г. Избранные сочинения: в 2 т. М., 1971. Т. 2. С. 72.

Триадичность есть точка зрения самосознания. Синтез противоположных категорий в третьей есть понятийно-вербальная демонстрация работы самосознания, его единства. Парность же в трактовке категорий означает, по Фихте, или разорванность самосознания, или его редукцию к сознанию, которое не выходит за рамки отношения к другому, а поэтому не соединяет противоположности в единство в составе третьей категории. Достижением Фихте является понимание противоположностей как *существенных различий в составе одной основы*. С этого и начинается всякая диалектика с ее имманентной динамикой и пульсацией. *Я* продуцирует понятия, образы и др., которые предстают для *Я* как его деятельные произведения. Поэтому *Я* не отчуждается от своих произведений и пребывает в самом себе и у себя.

Но *самополагание* ($Я = Я$), *противоположение* ($Я = \text{не-}Я$) и *сополагание* ($Я = Я + \text{не-}Я$) происходит в сфере сознания. Это следует отметить, так как именно в этом пункте своих рассуждений Фихте был непонят современниками. Сразу же поясним, что в «уравнениях» Фихте, например $Я = \text{не-}Я$, имеется тот же смысл, что и в уравнениях Маркса («холст = сюртук»): как сюртук представляет своей натуральной формой стоимость холста *вне холста*, так же *не-Я* представляет собой состав *Я* как его иное бытие, т. е. представляет субъекту содержание его же собственного сознания, но как нечто внешнее.

Далее Фихте делает героическое усилие: он первый вынес логику самополагания, противопоставления и сопоставления во *внешний план* для субъекта, в его *внешний* опыт. Теперь уже совокупное *Я* (совокупный трансцендентальный субъект) противопоставляет себя самому себе: оно деятельно оформляет природный материал в мир культуры (*не-Я*) и начинает осознавать себя в порожденном им же мире ($Я = Я + \text{не-}Я$). Оказывается, *не-Я* есть объективированное *Я* во внешних предметных формах. *Я* возвращается к самому себе из предметно оформленного мира (сопоставление). Оно теперь не теряет себя в своих произведениях, узнает себя в них, властвует над ними, возвышается в равной мере и над своими *субъективными* состояниями психики, и над *объективированными* формами своей деятельности, поэтому предстает для себя как *абсолютное Я*, как субъект всех изменений.

Это было открытием! Каково было ликование Фихте, можно судить по тому высокому пафосу и энтузиазму, которые выражены в его произведениях. Рядоположенность субъекта и внешней реальности бы-

ла преодолена. Все застывшее было понято как *процесс*, мир вне головы оказался миром, порожденным при посредстве головы. «Катаракта» чувственного сознания была снята. В пламени активности субъекта все окаменевшие рассудочные понятия метафизики возгорелись и преобразились в стройный процесс самопорождения *Я*: его противоположения (объективирования) и возвращения к самому себе. Фихте зарядил философию активизмом, деятельным преобразованием всего.

Отмечая субъективизм диалектики Фихте, Гегель тем не менее заимствует его триаду и наполняет триадичный ритм развития сознания богатым историческим материалом. Он тоже отмечает три отношения сознания к предмету:

- *чувственное сознание* относится к предмету как к *истине*, как к высшему авторитету (язычество, античные досократики, католицизм, авторитарное государство и т. п.);

- отношение *самосознания* (как инстанции *истины*) к предмету, *лишенному авторитета истины* (рассудок, Сократ, христианство, протестантизм, идеология французских просветителей);

- *истинное отношение самосознания к предмету как к истине* (диалектический понятийный разум, *отношение духа к самому себе, знающий себя дух*); при таком отношении субстанция вне духа есть на самом деле «окаменевший» дух, иное бытие духа, прикрытое предметной оболочкой.

Субъектом саморазличения у Гегеля выступает анонимное Божество, Идея, которая деятельно порождает сама из себя свои все более конкретные формы и тоже возвращается к себе как знающий себя абсолютный дух. Дух выдержал на пути к самому себе острейшие противоречия, драмы и трагедии, претерпел муки отчуждения, выразил себя в своих объективациях в истории, пришел к самому себе из плена отчуждения – через образы искусства, символы религии – и, наконец, выразил себя адекватно в форме понятия.

Схема Фихте «полагание ($Я = Я$), противоположение ($Я = \text{не-}Я$), соположение ($Я = Я + \text{не-}Я$)», приобрела у Гегеля всеобщую логическую форму: «*бытие-в-себе – бытие-для-другого – бытие-для-себя*». Гегель интерпретировал отношение к самому себе как универсальную логическую категорию, передающую адекватно специфику и суть диалектики, решающий способ понимать противоположности в их *единой основе*.

В «Науке логики» учение о сущности и учение о понятии целиком развиты на основе данного отношения. Наличное бытие – это область внешнего отношения одного к другому, переход одного в другое. Одно качество изменяется, появляется другое качество. Почка исчезает, и возникает цветок, а цветок вытесняется плодом.

Сущность же есть отношение к самому себе, она самонаправленная, рефлексированная; в ней отношение к иному – момент отношения к самому себе. Оказывается, «почка – цветок – плод» суть текущие моменты *единого целого*, которое *сохраняет себя в смене* этих моментов. Сущность – «возвращение в себя», «простое соотношение с самой собой, чистое тождество»¹. Сущность «противопоставляет себя самой себе и лишь постольку есть бесконечное для-себя-бытие», «отталкивание себя от самой себя»². Сущность опосредствует себя с собой своим отрицанием и сохраняет себя в таком отрицании³. Сущность – «соотношение со своим инобытием в самой себе»⁴, «субстанция как отношение к самому себе»⁵ и т. п. Самоотнесенность и процессуальность сущности Маркс прекрасно выразил в «Капитале» и в рукописях, где капитал предстает как соотносящаяся с собой определенность, как субъект, проходящий через все свои временные формы, как самовозрастающая стоимость и т. д.

Решающим и у Фихте, и у Гегеля является третье звено: *сополагание* у Фихте и *бытие-для-себя* у Гегеля. Это звено логически выражало самосознание, знающий себя дух, не теряющий себя в объективациях. Отношение целого к самому себе здесь представлено третьим звеном, которое выражает *высший* уровень формации духа.

Кант, Фихте и Гегель сделали подлинные открытия в философии. Фихте и Гегель продолжили «коперниканский переворот» в области истории духа. То, что они раскрыли логику саморазвития сознания, диалектику в области «абстрактно-духовной», ничуть не умаляет их научной заслуги. Традиционные упреки в идеализме подобны иждивенческой установке – дайте все сразу, всех «жареных рябчиков науки». После Гегеля открылся простор для переноса самой логики отношения целого к самому себе на конкретный исторический материал.

---

¹ Гегель Г. В. Ф. Наука логики: в 3 т. М., 1971. Т. 2. С. 29.

² Там же. С. 9.

³ Там же. С. 16.

⁴ Там же. С. 28.

⁵ Там же. С. 202.

Отношение целого к самому себе в работах Маркса. Маркс продолжил «коперниканский переворот», применяя триадичный ритм диалектики. Схемы Фихте и Гегеля были не отброшены, но творчески переосмыслены и применены, во-первых, в решении проблемы *отчуждения*, во-вторых, в понимании социальной связи в ее *человеческой форме*, в-третьих, в обновлении понятийного аппарата, отражающего *самонаправленные* процессы бытия человека – самоопределение, самоосуществление, самоустремленность, самоизменение, самодеятельность и др.; в-четвертых, в акцентировании *субъектности* людей и *процессуальности* социальной реальности.

Как происходило такое переосмысление, документально свидетельствуют «Экономическо-философские рукописи 1844 года». Они представляют собой манифест нового миропонимания, креативно-антропологическое ядро, содержащее в свернутом виде все основные философские идеи К. Маркса. Маркс признает «величие» гегелевской «Феноменологии духа» и подвергает критике ее слабые стороны. Эта критика целиком сохраняет свою актуальность. Величие же «Феноменологии» состоит, по Марксу, в том, что Гегель рассматривает «самопорождение человека как процесс, опредмечивание как распредмечивание, как самоотчуждение и снятие этого самоотчуждения», что он понимает действительного человека как «результат его *собственного труда*»¹.

Вот как Маркс наполняет отношение целого к самому себе реальным материалом: *Я Фихте* заменяется *действительным человеком*; полагание *не-Я – процессом труда, тотальностью* человеческого проявления жизни; *не-Я – реальной действительностью* (промышленностью, государством, обществом); «сополагание» – *человеческой общностью*, возвращением человека к самому себе.

Действительное, деятельное отношение человека к себе как к родовому существу, подчеркивает К. Маркс, возможно только тем путем, «что человек действительно извлекает из себя все свои *родовые силы* ...и относится к ним как к предметам», как к своим собственным произведениям. А это возможно, продолжает он, «сперва только в форме отчуждения»². Ибо нужда, потребность в предмете приковыва-

---

¹ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. С. 159.

² Там же.

ет внимание к телесной стороне предмета, занавешивая опредмеченную социальность; кроме того, предмет, как собственность другого субъекта, действительно предстает как чужой предмет; «предмет *моего* желая находится в недоступном мне обладании *другого*»¹.

Когда же человек узнает в предмете опредмеченную социальность и относится к предмету по-человечески? Очевидно, тогда, когда предмет «относится» к человеку по-человечески, актуализирует креативные возможности и силы человека. А это происходит тогда, когда люди сознательно производят свою социальную связь как человеческую общность, намеренно производя друг для друга такие предметы. «Человек, – утверждает К. Маркс, – не теряет самого себя в своем предмете лишь в том случае, если этот предмет становится для него *человеческим* предметом или опредмеченным человеком. Это возможно лишь тогда, когда этот предмет становится для него *общественным* предметом, сам он становится для себя общественным существом, а общество становится для него сущностью в данном предмете»². Поэтому «человек есть *самоустремленное* (selbstisch) существо. Его глаз, его ухо и т. д. самоустремлены; каждая из его сущностных сил обладает в нем свойством *самоустремленности*»³. Самоустремленность – атрибут человека.

Отношение к другому – это точка зрения сознания человека, захваченного вещественностью предмета. *Отношение к самому себе* – позиция субъекта как *знающей себя социальности*, он не теряет себя в предмете потому, что сам предмет воспринимается в его «человекопроводности» – как опредмеченная социальность, как предметное бытие одного человека для другого.

Маркс раскрывает социальную связь не в овещенной, а в человеческой форме. Предположим, пишет он, что мы производили бы как люди. Каждый из нас двойным образом утверждал бы и самого себя, и другого: «1) Я в моем *производстве* опредмечивал бы мою *индивидуальность*, ее *своеобразие*, и поэтому во время деятельности я наслаждался бы индивидуальным *проявлением жизни*, а в созерцании от произведенного предмета испытывал бы индивидуальную радость от сознания того, что моя личность выступает как *предметная, чувственно созерцаемая* и потому *находящаяся вне вся-*

---

¹ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. С. 137.

² Там же. С. 121.

³ Там же. С. 160.

ких сомнений сила. 2) В твоём пользовании моим продуктом или в твоём потреблении его я бы *непосредственно* испытывал сознание того, что моим трудом удовлетворена *человеческая* потребность, следовательно опредмечена *человеческая* сущность, и что поэтому создан предмет, соответствующий потребности другого человеческого существа. 3) Я был бы для тебя *посредником* между тобой и родом и сознавался бы и воспринимался бы тобою как дополнение твоей собственной сущности, как неотъемлемая часть тебя самого – и тем самым я сознавал бы самого себя утверждаемым в твоём мышлении и в твоей любви. 4) В моём индивидуальном проявлении жизни я непосредственно создавал бы твоё жизненное проявление, и, следовательно, в моей индивидуальной деятельности я непосредственно *утверждал бы* и *осуществлял бы* мою истинную сущность, мою *человеческую*, мою *общественную сущность*. Наше производство было бы в такой же мере и зеркалом, отражающим нашу сущность». «С твоей стороны имело бы место то же самое, что имеет место с моей стороны»¹.

При таком предположении производство выступает не как производство товаров, а как *антропогенный* процесс производства жизни и обновления творческих сил субъектов. Изменяется и качество *отношений* между ними: отношения сбрасывают отчужденные формы и предстают в прозрачном виде как *непосредственные общественные отношения*, в рамках которых через формы общения индивиды взаимно *дополняют, обогащают и обновляют свою субъективность*; каждый нуждается не только в вещественных свойствах продуктов, но и (в первую очередь!) в своеобразии личных дарований других индивидов. Способности других становятся дополнительными органами каждого индивида для усвоения жизни. Так созидаются естественная человеческая связь и *естественная человеческая общность*, укорененная не во внешние опоры (разделение труда, гражданство, социальные статусы и др.), а в *креативную природу каждого как общественного существа*.

В естественной общности людей мерилами являются сами человеческие качества, это – *имманентные человеку меры*. К. Маркс продолжает диалог с воображаемым собеседником, акцентируя естественность таких мер: «Предположи теперь человека как человека и его отношение к миру как человеческое отношение: в таком случае ты

---

¹ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. С. 35–36.

сможешь любовь обменивать только на любовь, доверие только на доверие и т. д. Если ты хочешь наслаждаться искусством, то ты должен быть художественно образованным человеком. Если ты хочешь оказывать влияние на других людей, то ты должен быть человеком, действительно стимулирующим и двигающим вперед других людей»¹.

Иное дело социальная связь в ее *вещной* форме. Деньги обмениваются на весь мир человеческий и природный. «Кто может купить храбрость, – писал К. Маркс, – тот храбр, хотя бы он и был трусом». Мощность денег связана не с индивидуальностью человека, а с общественной мощностью. Деньги являются всеобщим средством обмена потому, что они символизируют собой *накопленный труд*. «Я плохой, нечестный, бессовестный, скудоумный человек, но деньги в почете, а значит в почете и их владелец». Деньги превращают «верность в измену, любовь в ненависть, ненависть в любовь, добродетель в порок, а порок в добродетель, раба в господина, господина в раба, глупость в ум, ум в глупость». Деньги смешивают все и обменивают все вещи, они «всеобщий сводник людей и народов». Извращение и смешение, братание невозможностей – эта сила денег кроется в отчуждающейся сущности человека. Деньги – «отчужденная *мощь человечества*»².

Таким образом, в изображении Маркса производство и общение представляют собой родовой (культурно-исторический) процесс самообновления индивидуальности каждого; содержанием процесса является *всеобщее* содержание (родовая, культурная субъективность), функционирующее в своеобразных *индивидуальных* преломлениях индивидов. Каждый выступает в производстве и общении как рефлектированное в себя родовое существо, как идеальная тотальность субъективных сил и человеческих отношений. Идеальный, представленный аспект бытия индивидов есть *существенное* измерение социальной связи: в идеальном представлены смысл и цель производства и общения, потребность в человеческом содержании жизни, признание других как равноценных по сущности и различных по существованию, стремление осуществить себя достойным образом в сознании других и объективировать свои способности для других как личный дар.

Индивидуальная и родовая жизнь, отмечал К. Маркс, не является чем-то различным: «способ существования индивидуальной жизни

---

¹ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. С. 150–151.

² Там же. С. 148–150.

бывает либо более *особенным*, либо более *всеобщим* проявлением родовой жизни, а родовая жизнь бывает либо более *особенной*, либо более *всеобщей* индивидуальной жизнью. Как *родовое сознание* человек утверждает свою реальную *общественную жизнь* и только повторяет в мышлении свое реальное бытие, как и наоборот, родовое бытие утверждает себя в родовом сознании и в своей всеобщности существует для себя как мыслящее существо». Идеально выраженная всеобщность сознания и реальная общественность человека суть, таким образом, одно и то же содержание, но в разных измерениях – идеальном и реально-бытийственном. Если человек есть «*индивидуальное общественное существо*, то он в такой же мере есть также и *тотальность*, идеальная тотальность, субъективное для-себя-бытие мыслимого и ощущаемого общества»¹.

Человеческая форма социальной связи, столь впечатляюще изложенная К. Марксом, всегда существовала в истории, в большей или меньшей степени, – в дружбе, товариществе, в добровольных сообществах единомышленников в области науки, искусства, религии, в духовной солидарности народа. Человеческая связь образует содержание культуры как ступени истории.

Итак, *отношение целого к самому себе* служило у Канта, Фихте и Гегеля логическим оформлением самосознания и самодеятельности в абстрактно-духовной области. У Маркса оно выражает социальную связь как человеческую общность, как снятие отчуждения и утверждение человеческих продуктивных сил. Эта *логическая* форма мышления – продукт развитой *социальности* и развитого *сознания* общественного человека.

Идею о самонаправленности сознания Маркс, конечно, не отрицал, он истолковал ее как «самоустремленность» человека. Человек же может быть устремлен на свою сущность потому, что она находится не в теле человека, а вне его – как объективированная система деятельности и общения. Маркс поэтому самым тщательным образом анализировал исторически определенные формы деятельности и общения. Продажа рабочей силы – корень всех видов отчуждения, ибо работник превращается в проводника чужой воли и осуществляет свое бытие как чуждое себе. Труд извращается в креативно-антро-

---

¹ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. С. 119.

пологическом отношении, мотивируется внешним образом, часто реализуется как «мука и самоутрата». Критикуя концепции, толкующие труд как «жертву», а нетруд как «свободу и счастье», К. Маркс развивает положение о труде как о самоосуществлении в форме самодеятельности. В таком труде разрешается противоречие между опредмечиванием и самоосуществлением, цели теряют характер внешней необходимости и полагаются «как самоосуществление, предметное воплощение субъекта, стало быть, как действительная свобода, деятельным проявлением которой как раз и является труд»¹. Самоосуществление есть перевод сущности человека в действительность, импульсированный потребностью объективировать себя.

Социальное основание отношения к самому себе. Самодеятельность – адекватная форма самоосуществления. В самодеятельности доминирует направленность субъекта на преобразование самих способов деятельности. Субъект одновременно выступает и деятелем, и объектом делания; он противопоставляет себя самому себе в реальном процессе и в то же время объемлет обе противоположности – процесс делания и результат. Соединяя в себе эти противоположности, субъект есть противоречие между *Я* прошлым и *Я* актуальным, между деятельностью ставшей и становящейся. Это противоречие разрешается и вновь становится через самоизменение, самоотталкивание и вместе с тем через вбирание субъектом в себя положенных им моментов, но уже как моментов–условий для новой фазы самостановления, а не для повтора стереотипов. Такая пульсация полагания, противопоставления и возвращение к самому себе продуцирует *прирост и обновление* творческих сил. Здесь социальным квантом оказывается личность, «постоянно неравная сама себе»². В самодеятельности противоречие между предметом и субъектом переносится в область творческих сил и превращается в противоречие между репродуктивным и продуктивным, разрешение которого требует интенсивного напряжения духовных сил и заканчивается, в конечном итоге, обновлением самого предмета. Отношение к самому себе – адекватная форма понимания самонаправленности субъекта в актах реального противопоставления.

---

¹ Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов. Т. 46, ч. 2. С. 110.

² Библер В. С. О культуре мышления теоретика Нового времени (XVII – начала XX в.) // Науковедение и история культуры. Ростов н/Д, 1973. С. 152.

Мы рассмотрели самонаправленность субъекта в актах самодеятельности, отвлекаясь, в соответствии с методом, от многих иных субъектов. Включим их в анализ, а значит, учтем и то отношение, которое возникает между ними в области реализации сущностных сил. Таким отношением является имманентное для субъектов отношение – *соревнование* по поводу творческих потенций лиц и коллективов. В соревновании каждый *идеально* полагает себя равным с другим по возможностям. Но в то же время и в том же отношении каждый полагает себя неравным с другим, что выражается в *практическом* стремлении опередить себе равного. Это выхождение за пределы равенства предполагает само равенство. Ведь смысл и накал борьбы проистекает в состязании с равным, себе достойным. Соревнование – конкретное процессуирующее тождество, форма движения истинно диалектического противоречия «в одно и то же время и в одном и том же отношении». Именно этот род противоречия есть корень и «нерв» саморазвития в отличие от рассудочно трактуемого противоречия «в разных отношениях», не содержащего самодвижения и жизненности. Такое псевдопротиворечие Э. В. Ильенков точно уподобил драке, в которой дерущиеся машут кулаками «в разные стороны». Опережая себе равного, субъект опережает самого себя, вступает в самосостязание. Противоречие между соревнующимися превращается в противоречие субъекта с самим собой, переводя в действительность все скрытые резервы.

Противоречие соревнования – один из примеров того *имманентного противоречия*, которое и интересовало Гегеля. Он писал: «...противоречие не следует считать просто какой-то ненормальностью, встречающейся лишь кое-где: оно есть отрицательное в своем существенном определении, принцип всякого самодвижения, состоящего не более как в изображении противоречия». Противоречие – «корень всякого движения и жизненности; лишь поскольку нечто имеет в самом себе противоречие, оно движется, имеет побуждение и деятельно». В самом деле, потребности, независимо от их уровня, потому побуждают к активности (и человек стремится), что потребность есть *отрицательное бытие предмета в субъекте*, отсутствие предмета, данное как реальность. Гегель продолжает: «...внутреннее, подлинное самодвижение, *побуждение* вообще (стремление или на-

пряжение монады, энтелехия абсолютно простой сущности) – это только то, что нечто *в самом себе* и его отсутствие, *отрицательное его самого* суть в одном и том же отношении». Именно, *в одном и том же отношении*. В этом уточнении заключен принцип понимания противоречия. «Таким образом, нечто жизненно, только если оно содержит в себе противоречие, и есть именно та сила, которая в состоянии вмещать в себе это противоречие и выдерживать его. Если же нечто существующее не в состоянии в своем положительном определении в то же время перейти в свое отрицательное [определение] и удержать одно в другом, если оно не способно иметь в самом себе противоречие, то оно не живое единство, не основание, а погибает в противоречии»¹. Гегелевское противоречие, отметил К. Маркс, – «источник всякой диалектики»².

Самоустремленность реализуется на уровне отдельного субъекта самодеятельности и на уровне межсубъектных отношений. *Самонаправленность субъектов в реальном противопоставлении, противоречие в самодеятельности между ставшим и становящимся порождает в мышлении соответствующее себе логическое отношение – отношение целого к самому себе, зафиксированное в языковых формах*. Лейбниц восхищал К. Маркса, вероятней всего, идеей самодеятельности, спонтанной активностью монад, прообразом которых была душа человека. «Ты знаешь, – писал он Ф. Энгельсу, – как я восхищаюсь Лейбницем»³. Содержание всей философии Канта, писал Ф. Шиллер, заключается в словах «Определяйся сам собой»⁴. То же у Фихте: «Сам человек есть цель – он должен сам определять себя...»⁵. Перерабатывая эти идеи, К. Маркс формулирует тезис о «самоизменении» в практике. Производя основу общественной жизни, субъекты самообосновывают свое развитие. Практическое самообоснование порождает адекватные идеи, идущие от античных диалектиков к Марксу и к современности, – *идеи самообоснования*. Живу-

---

¹ Гегель Г. В. Ф. Наука логики. Т. 2. С. 66.

² Маркс К. Капитал. Т. 1. С. 610.

³ Маркс – Энгельсу. 10 мая 1870 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 32. С. 416.

⁴ Шиллер Ф. Письма об эстетическом воспитании // Собр. соч.: в 7 т. М., 1957. Т. 6. С. 80.

⁵ Фихте И. Г. О назначении ученого. М., 1935. С. 62–63.

честь этих идей в философской классике объяснима их важнейшим социальным значением. При всем внешнем различии эти идеи содержат единый логический стержень – диалектическая связь раскрывается через возвратное отношение – отношение целого к самому себе.

Мы рассмотрели реальное основание отношения целого к самому себе. Представим его в логически обобщенном виде. Это отношение означает *себетожественность* целого в смене его форм и в его противоречиях: совершая спиралевидный кругооборот в процессе функционирования, целое возвращается к себе на расширенной и более конкретной основе, утверждает себя в метаморфозе форм как основа в обоснованном и предстает как самообоснованное целое. Включая структуру кругооборота, это отношение включает отрицание отрицания, а значит и снятие. Выражая противоречие в самой развитой форме (в самодеятельности), данное отношение позволяет отобразить противоречие и в иных случаях – воссоздать саморазвитие целого на собственной основе, понять движение как самодвижение, причинность как самопричинность; оно позволяет конкретизировать логику понимания субъектности и ориентирует на логику категорий как на логику творчества, в которой социальная самодеятельность представлена в снятой и во всеобщей форме. Рассмотрим методологические возможности этого логического отношения.

Отношение к самому себе и противоречие. Рассматривается ли отношение одного товара к другому, труда к капиталу, субъекта к объекту, одной нации к другой и т. д., всегда за внешним отношением одного к другому К. Маркс вскрывает внутреннее отношение вещи к себе самой. Уже в тезисах о Фейербахе данное отношение демонстрирует свою диалектическую мощь, радикальность в понимании. Одностороннее утверждение об изменении людей обстоятельствами К. Маркс развивает в положение об их «самоизменении» через изменение обстоятельств, когда субъект одновременно предстает и как воспитатель, и как воспитуемый; и как субъект, и как объект действия; и как законодатель, и как исполнитель собственных принципов.

Реальная диалектика возникает тогда, когда сущность (основа) самого предмета противопоставляется себе через свои части и предмет как целое соотносится с *положенными им же* предпосылками своего развития, выступает в пространстве *формируемым материалом*, во времени – *формирующим процессом*. Этот важный момент поясним,

в соответствии с методом, включением в анализ многих вещей одного рода. Различные вещи без тождества их сущности не вступают между собой во внутреннюю связь. В пределах такой связи каждая из вещей относится к другой как к представителю общей для обеих сущности. Относясь к иной вещи как к сущности, данная вещь относится и к себе как к сущности. Относясь к себе как к сущности, вещь отличается от себя как явления. Раздвоение вещей на внутренний и на внешний уровни ведет к раздвоению предметной области на уровень сущности и на мир явлений. Однако здесь дано отличие сущности от явления. При более детальном анализе выясняется, что отношение между вещами одной сущности сводится в итоге к отношению сущности к себе самой, к ее самоотнесению и тем самым – к противопоставлению субстрата сущности самому себе, следовательно, к существенному противоречию, которое невыносимо для предметной области; поэтому противоречие в самой сущности предметной области осуществляется только как *процесс нахождения меры между противоположностями в процессах развития*.

Отношение к самому себе углубляет понимание противоречия. Ошибочно ограничиваться, утверждал Г. С. Батищев, фиксацией противоположностей как равноправных сторон отношения двойственности или полярности¹. В *явлении* противоречие обнаруживается как взаимодействие *двух* противоположностей, но в *сущности* противоречие есть «спор» с собой *одного и того же* начала. Там, где различие, отмечает С. Н. Мареев, достигает своего «максимума» – противоположности, «обнаруживается в то же время и тождество, потому, что у противоположностей “материя” одна и та же». Противоположности обнаруживают себя как таковые «только тогда, когда один раз в положительной, другой раз в отрицательной форме имеет место одно и то же содержание. Иными выражениями единство, тождество противоположностей трудно передать»². Так, *потребность* в хлебе есть отрицательное бытие *реального* хлеба у голодного.

Дуализм недостаточен в понимании противоречия, так как при этом фиксируется взаимодействие *двух особенных* содержаний, но их

---

¹ Батищев Г. С. Проблема диалектического противоречия // История марксистской диалектики. М., 1971.

² Мареев С. Н. Диалектика логического и исторического и конкретный историзм К. Маркса. М., 1984. С. 37.

общая сущность не улавливается именно потому, что противоположности не понимаются как результат *противоположения одного начала*. Дуализм отмечает лишь *внешнюю* форму явления противоречия. Например, в явлении труд и капитал кажутся равноправными противоположностями. Теория сводит противостояние труда капиталу к противостоянию труда самому себе, ибо капитал произведен от труда, есть его «иное бытие»: «труд свою собственную действительность полагает не как бытие-для-себя, а как всего лишь бытие-для-другого... как бытие иного против самого себя»¹. Дуализм отражает *бытие-для-другого*, упуская отношение труда к самому себе. Дуализм статичен и не прогностичен. Понимание труда в аспекте отношения к самому себе сразу ориентирует на способ разрешения противоречия: оно может успешно разрешаться лишь в пользу труда, интересы труда дают верный ориентир. «Ибо сколь бы обе крайности ни выступали в своем существовании как действительные и как крайности, – свойство быть крайностью кроется все же лишь в сущности одной из них, в другой же крайность не имеет *значения истинной действительности*»². Точно так же обстоит дело с решением противоречий между частными интересами различных субъектов того или иного *общего дела* – будь то производство, образование, наука и др. Ведь здоровый частный интерес связан, по существу, с *общим интересом общего дела, из которого и надо исходить в решении противоречий*. Если же встать на точку зрения лишь *особенного*, частного интереса, то одному особенному интересу противостоит другой особенный интерес, и сознание будет видеть *только различия* без их внутреннего *единства*. Каждый начнет настаивать только на *своем особенном*. В итоге различия заостряются до враждебных противоположностей, до острого противоречия, до паралича общего дела, который в итоге заставит посмотреть на предмет более глубоко и увидеть за особенным *всеобщее* содержание, существующее через особенное, а не рядом с ним. Точно так же особенное существует не вне всеобщего, а как форма его своеобразного бытия. Ведь всеобщее существует через особенное. «На деле всякое всеобщее реально как особенное, единичное, как сущее для

---

¹ Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов. Т. 46, ч. 1. С. 442.

² Маркс К. К критике гегелевской философии права // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 322.

другого»¹. Именно в рамках *всеобщего (для сторон общения) содержания можно осуществить разумный творческий синтез тех противоположностей, которые ранее представлялись непримиримыми*. Речь идет не о том, чтобы погасить личный интерес в общем деле. От такого дела люди разбегаются. Человек – *индивидуальное общественное* существо. Его частный интерес может успешно реализоваться лишь в общем деле. Кто игнорирует интерес такого дела, тот добивается того, что его тоже будут игнорировать, вплоть до правовых санкций. Общий интерес есть существенная общность частных интересов. Игнорировать такой единый интерес – значит противопоставлять свой интерес интересам многих частных лиц. Это деструктивный путь для самого игнорирующего индивида. Общее дело – это «весы», которые определяют удельный вес каждого его участника. Если взять противоположные – отечественные и западнические – ориентации в области идеологии и политики России, то здесь с очевидностью можно утверждать, что российские западники не имеют значения «истинной действительности» потому, что они не укоренены в «почву», в отечественные традиции и культуру, в национальный общенародный интерес, а имитируют чужие формы жизни и побираются под чужими окнами.

Из отношения к самому себе следует *асимметричность противоположностей, различие их статуса, значения*. В явлении каждая из них есть особенная форма, это создает видимость их равноправия и симметрии. Но, в сущности, лишь одна из них, как правило, является основной (представляет общую основу) и порождает иную как производную форму. Ведь предмету присуща одна основа. И ее в большей мере представляет та или иная противоположность на том или ином этапе развития целого. Оптимально состояние, когда обе противоположности в равной степени выражают единую основу. Такое состояние есть гармония противоположностей, к которой следует стремиться в общем деле, исходя из его целого, которое существует в воображении как предпосылка верного понимания проблем и противоречий.

Вопрос о гармонии противоположностей принципиально важен. У Гегеля *не диалектика является определяющей, а процесс нараста-*

---

¹ Гегель Г. В. Ф. Сочинения: в 14т. Т. 10. М., 1932. С. 284.

ния конкретности в развитии целого путем разрешения противоречий. Противоречие есть форма, в пределах которой противоположности, дополняя друг друга своими содержаниями, срастаются в новое, более развитое образование и возникает полнота содержания. Именно в противоречиях проходят апробацию на жизнеспособность те или иные содержания. И, выдержав противоречия, они срастаются в конкретное целое. Поэтому противоречия являются не только источником деструктивности, разлома и гибели, но и способом возвращения жизнеспособных конкретных форм. В мышлении разумно восходить от абстрактного содержания к конкретному содержанию; не менее разумно это осуществлять и на практике, в налаживании, «конструировании» социальных связей с емким человеческим содержанием.

Противоречия неистребимы. Но они могут обретать разные формы, такие как антагонизм, партнерство, сотрудничество, солидарное единство. Нет основания увековечивать антагонизм классовых противоречий. Классы – это различные части народа. Враждебность межклассовых отношений означает возможность гражданской войны, которая разрушительнее войны между народами. Настаивать в теории на классовой вражде – значит провоцировать гражданскую войну, то скрытую, то открытую. Это – позиция догматического следования точке зрения мыслителей XIX в. Марксу не откажешь в диалектическом понимании социальной реальности, но и он указывал, что буржуазные производственные отношения являются последней антагонистической формой общественного процесса. Полнота содержания возможна только в рамках единства противоположностей.

Асимметрия противоположностей принципиально важна. Положительное и отрицательное кажутся, на первый взгляд, сугубо соотносительными категориями. Но отрицание в развитии есть форма утверждения положительного содержания, которое всегда остается основой и ведущей стороной. Мышление сначала уясняет соотношение положительного (П) и отрицательного (О) дуалистично, по схеме П – О, фиксирует статику, а не движение к разрешению противоречия по схеме П – О – П'. Утверждение одного содержания есть отрицание по отношению к другому содержанию. Отрицание есть отношение одного положительного к другому положительному, т. е. отношение положительного к самому себе. Отрицательность не имеет самостоятельного содержания, она производна от положительного. В против-

ном случае отрицание как самоцель (О – П – О') превращается в «безумие самомнения» (Гегель), в абсолютное зло, в тупиковое и деструктивное направление в развитии, что подтверждается всякий раз радикальными отрицаниями без созидательного потенциала. М. Бакунин признавал первенство отрицания, «неустанное самосожжение положительного на чистом огне отрицательного». Он писал: «Радость разрушения есть в то же время творческая радость»; «...я ищу Бога в революции»¹. Между тем отрицание производно от утверждения и в жизни, и в теории. За культом отрицания скрываются глубинные психологические и социально-политические установки, в частности отчуждение от родного, родины и др. Дорогое и родное не разрушают, а берегут и развивают². Рассудочному мышлению соотношение добра и зла тоже представляется симметричным («добро – зло»). Однако зло можно вывести из утверждения добра: добро более высокого уровня может отрицать добро вчерашнего дня («добро – зло – добро'»).

Кульм отрицания понимается в православии как *логика дьявола*, как установка, реализуя которую индивид испытывает некий «возвышенный» *пафос* и, используем сильное выражение, сатанинский «оргазм» от *разрушения цветущих форм жизни, духа и культуры*. Подобная установка сознания возникает, как правило, в условиях отрицания прежних устоев жизни. И всегда находятся такие индивиды, которые за отрицанием особенных форм жизни не видят рождение новых жизнеспособных форм и поэтому само отрицание делают самоцелью, своей *судьбой*, которой их якобы наделили некие сверхчеловеческие могущественные силы. Такая *бесоодержимость* была свойственна Л. Д. Троцкому с его «перманентной революцией». В. И. Ленин не разглядел в Троцком этой мистической установки потому, что с порога отвергал и творчество Ф. М. Достоевского, и, тем более, проницательность православия в отношении бесоодержимых. И. В. Сталин принимал опыт православия и оказался зорче.

Поскольку противоречие между особенным и всеобщим интересами сопровождает всю жизнь человека и народов в их истории, то

---

¹ Цит. по: *Зеньковский В. В.* История русской философии: в 2 т. Л., 1991. Т. 1, ч. 2. С. 54, 56.

² См. об этом: *Гончаров С. З.* Логика мышления и аксиология сердца. Екатеринбург, 2006. С. 402–443.

способ разрешения такого противоречия является, на наш взгляд, руководством для разрешения противоречий и в иных областях знания и жизни: разрешение противоречий между особенными содержаниями возможно на основе их единого основания. Представим это схематично (рис. 4).

Рис. 4. Разрешение противоречия между особенными содержаниями, исходя из их единого основания

Итак, отношение к самому себе выражает специфику диалектической связи и сущность противоречия; оно служит методом понимания противоречия в единстве его внешнего и внутреннего уровней и дает ориентир в разрешении противоречий.

Отношение к самому себе и целостность. Рассматриваемое отношение важно для понимания процессов саморазвития, в частности превращения системы в целостность. Становление целостности включает две фазы: 1) превращение внешних условий в органы функционирования целого и 2) полагание системой предпосылок своего функционирования. Во втором случае создаются внутренние предпосылки, адекватные свободному функционированию системы. Производя предпосылки своего функционирования, система себя самообуславливает и является самообоснованной, а значит и саморазвивающейся; она превращается в гомогенную, лишенную инородных включений целостность. Формой существования целостности является *существование на собственной основе, т. е. такой процесс, продуктами которого являются предпосылки его возобновления!* Например, организм, коллектив с духовной солидарностью, церковь, дух человека и др. Целостность в своей основе «монистична», а в частях «плюралистична».

Отношение целого к самому себе выражает специфику целостности – ее самонаправленность и себестождественность в смене форм и противоречий. Капитал, «исходя из самого себя, сам создает пред-

посылки своего сохранения и роста»¹. Производя предпосылки своего *сохранения*, целое совершает круговорот, где «результат выступает как предпосылка» (К. Маркс). Если в анализ, согласно методу, включить многие кругообороты, то обнажится следующее: *развитие целого на собственной основе есть развитие самой основы*. Многие кругообороты приведут количественные изменения к качественным различиям. Поэтому К. Маркс отмечает в процессах капитала два плана: «сохранение» и «рост», т. е. горизонтальный (функционирование) и вертикальный (развитие). Функционирование сохраняет прежние стадияльные меры целого и частей, оно есть количественный повтор. Вертикальный вектор есть вектор развития самой основы, устанавливающий новые пропорции между мерой целого и мерами частей, это — процесс перехода на качественно новый уровень. При этом кругооборота не происходит: юноша, став взрослым, не превращается далее в юношу. Вертикальный вектор может иметь восходящую (прогрессивную) и нисходящую (регрессивную) направленность. В первом случае доминирует отношение целого к самому себе, отношение себестождественности в смене форм; целое реализует свою «власть» над частями, т. е. согласует через опосредствованные процессы *единичные меры элементов и особенные меры частей (подсистем) с мерой целого, устанавливает надлежащую пропорцию мер*. Отдельные звенья процессов есть моменты *себестождественности* целого. Капитал, отмечал К. Маркс, есть «самоутверждающее начало», он «относится к самому себе» как основа к обоснованному и есть самообоснованное². «В форме Д – Т – Д' меновая стоимость становится содержанием и самоцелью. ... Она претерпевает изменения формы, в процессе которых, однако, сохраняет себя и поэтому выступает их субъектом»³. Такое согласование мер выступает для отдельных частей и элементов как некоторое отрицание; с позиций целого данный процесс есть утверждение целого. Но утверждение целого есть утверждение и его частей. Части и элементы претерпевают определенное отрицание, чтобы утвердиться как *необходимые* моменты целого. Здесь имеется «демократический централизм»: приведение частей и элементов к мере це-

---

¹ Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов. Т. 46, ч. 1. С. 448.

² Там же. Т. 46, ч. 2. С. 258–260.

³ Маркс К. Экономические рукописи 1861–1863 годов. Т. 46, ч. 2. С. 258–260.

лого не есть внешнее отрицание, это отрицание *внешнего, инородного* для системы, «отторжение инородной ткани» в частях и элементах и обретение ими «системного качества». *Состав целого, приведенный к единой мере целого*, становится *целосообразным*, что поражало И. Канта в живых целостностях. Так *единичные и особенные* содержания превращаются в функциональные органы целого, всем им общего и поэтому *всеобщего* отношения. Целосообразность живых систем есть предпосылка для *целосообразности* человека. В целях целосообразность обретает идеальное *для-себя-бытие* и является как знающая себя целосообразность. Человек есть живое атомарное рефлексированное в себя бытие общества; целеполагание и целеосуществление необходимо согласовывать с «мерой» целого – общего дела, шире, общества. Без базисных целей, без «больших проектов» будущего общество деградирует, ибо находится в бесцельной, бессмысленной фазе; исчезает вертикаль в развитии основы.

Отношение целого к самому себе делает возможным *себетожественность* целого в смене форм, сообщает внутренней форме (энтелехии) целого самонаправленность, «самоустремленность» и является *целостнообразующим* фактором. Это отношение блокирует распад целого, распад его функционального поля на обособленные очаги-доминанты. Как только отношение целого к самому себе (отношение себетожественности и целосообразности) начинает разлагаться, то разлагается и мера целого, затухает развитие на собственной основе. Возникает «сепаратизм» частей, претендующих на роль целого и выстраивающих свои собственные «основы». Прогресс сменяется регрессом: меры частей доминируют над мерой целого, части утверждают себя за счет целого; имеет место «эгоизм» частей. Гибнет целое – гибнут и части со своими *непомерными* претензиями. Такие претензии и есть *болезненное* состояние целого, будь то страна, ее экономика, политика, культура. В современной России меры «элементов» (отдельных лиц) и «частей» (регионов) рассогласованы потому, что нет меры целого, нет базисных, добровольно принятых гражданами *единых целей*. Без целей невозможны предвидение и оценка текущих событий, невозможна и дружная кооперация усилий по горизонтали и вертикали. Россия находится в состоянии болезни, усиливающейся деградации и хаотичности. Внесистемные и скрытые иерархии лиц устанавливают своемерие и своеволие, разрушая целое.

Необходимо, а это будет сделано потребностью общества, восстановить должную меру целого, *государства*, в регуляции общественного жизненного процесса в России. Ведь государство относится к гражданскому обществу так же, как *всеобщее* содержание относится к содержанию *особенному*. Государство есть сфера всеобщих интересов, рефлексированных внутрь себя. Гражданское общество – сфера частных интересов. Под гражданским обществом мы понимаем, вслед за А. С. Панариным, «совокупность неполитических отношений (экономических, духовно-нравственных, религиозных, культурных) граждан и их ассоциаций, основанную на принципах самодеятельности, неподопечности и автономии по отношению к государству»¹. Государство есть *учреждение*, причем *политическое*. Оно призвано работать по программе всенародной справедливости – поддерживать те законные интересы лиц, социальных групп и корпораций, реализация которых идет на пользу всем. Гражданское общество есть совокупность *корпораций*, т. е. неполитических объединений, которые сами себя конституируют «снизу», сами ставят и решают задачи. В таком самовоспроизводстве важнейшими являются субъектные качества. Развитие гражданского общества предполагает наличие у граждан не только соответствующих *нормативных правовых актов*, позволяющих развернуть субъектные качества и самодеятельность граждан, но и *субъектных качеств и способности к самодеятельности, самоопределению, самоорганизации и самоуправлению*. Необходимо подчинить вещный капитал человеческому капиталу. Как опредмеченный труд произведен от труда живого, так и вещный капитал произведен от человеческого капитала. В системе образования воспроизводится личностная основа человеческого капитала. Государство же есть главный субъект в обеспечении должного уровня национальной системы образования с точки зрения материальной, финансовой и критериальной.

Вопрос о развитии субъектности важен не только для студентов, но и для преподавателей. В современных условиях возможности экстенсивного развития вузов исчерпаны. Противоречия вузы могут успешно решать на пути интенсивного развития. *Интенсивный путь* означает личное творчество каждого работника в поиске и реализации новых резервов и стимулов роста, полное развертывание научно-образо-

---

¹ Панарин А. С. Политология. М., 2000. С. 309.

вательного потенциала коллектива; оптимальную организацию коллективных усилий всех кафедр и иных подразделений; повышение продуктивности профессиональной деятельности в единицу рабочего времени. Решающим становится субъективный фактор – человеческий капитал, вузовские работники, способные к многопрофильной профессиональной деятельности.

Отношение к самому себе как логическая основа понимания субъектности. Традиционное определение субъекта как «носителя сознательной целенаправленной деятельности», вошедшее в словари и энциклопедии, отождествляет субъектность с *социальной дееспособностью* и является слишком общим, чтобы стать для педагогов операционально выполнимым инструментарием. Раб тоже был «носителем сознательной целенаправленной деятельности». Но цели ему задавал господин. Сама по себе внешнепредметная активность мало чего стоит, так как она может направляться манипуляторами. Подобные определения кажутся бесспорными потому, что они стали привычными. Они настолько абстрактные, что ничего не дают для типологии лиц и коллективов, смазывают существенные различия между личностью, способной к самоопределению и нормотворчеству, самостоятельному выбору новых вариантов действия и общения, и индивидом, который вообще не догадывается о таких качествах и живет по извне навязанным стереотипам, репродуктивно.

Необходимость конкретизации категории субъекта признают современные авторы. Термин «субъект», отмечает Е. В. Сайко, стал одним из наиболее употребительных, и каждый раз значение этого термина не раскрывается в «особой субъектной специфике». То же отмечает В. М. Розин: «под субъектом понимают все что угодно»¹.

Понятие человека отражает родовые характеристики, единство природного и социального. Понятие личности фиксирует социальное в человеке. Субъективность означает многообразный состав сознания и подсознания, контролируруемую сознанием активность людей. *Субъектность есть высший уровень субъективности*. На этом уровне социальность представлена как рефлексированная в себя, т. е. обращенная на себя, самонаправленная, самоустраемленная, как знающая саму

---

¹ Субъект действия, взаимодействия, познания: Психологические, философские, социокультурные аспекты. М.; Воронеж, 2001. С. 5, 30.

себя, как «для-себя-бытие», как самопроектируемая и самоконтролируемая, как саму себя усиливающая.

Субъектность есть такая форма социальной активности, которая характеризует личности и коллективы в аспекте:

- их способности к самоопределению и самоорганизации, самоуправлению и нормотворчеству;
- реальных полномочий в реализации общественно значимых потребностей, интересов и целей;
- реальной власти над природными, психическими и социальными силами.

Такое понимание субъектности дает определенные ориентиры для теории образования, психологии, менеджмента, права, социологии, политологии: какие качества личности следует воспитывать, какие из них особо важны для кадровой политики и повышения созидательного потенциала персонала, как распределены полномочия между людьми и между надындивидуальными формами субъектности.

Генетически исходным в структуре субъектности является *самоопределение как всеобщая форма* реализации продуктивно-творческих сил – мышления, воображения, воли, веры и др. Оно становится реальным тогда, когда превращается в самоопределение воли – способности человека определять себя к действию согласно ценностям и знаниям. Самоопределение – *генетически исходная основа* субъектности, творчества, умения личности развивать свои способности. *Способности суть усвоенные человеком способы деятельности*, которые фиксируются в теле человека нейрофизиологически; возникает видимость (*фетишизм тела*), что способности вырастают *естественно* из органического тела человека (так же, как клевер из чернозема), а не из социального тела – совместной деятельности и общения. Человек может не ограничиться воспроизводством способов деятельности, а предпочесть их развивать. Тогда он становится творцом. Творчество – это нормальный, не деформированный внешними обстоятельствами (разделение труда и др.) процесс моделирования человеком схем своих внешних проявлений в актах самодеятельности. И талант – это норма в развитии личности, не изуродованной разделением труда в «обрывок» человека. Затухание творчества, редкость талантов – точный показатель расщепления целостной человеческой деятельности на частичные функции в условиях *объектного* строения реальной жизни и мировоззрения, ко-

гда субъектные функции монополизируются социальными институтами и атрофируются на уровне личности. В такой ситуации общество предстает ареной взаимодействия различных *анонимных инстанций и факторов* – производительных сил, хозяйственного «механизма», «рычагов» управления, цен и прибыли. Люди предстают органами реализации потребностей хозяйственного «механизма» и т. д. Человек низводится в таких условиях «до тени своей собственной тени» (Э. В. Ильенков), хотя все подобные анонимные инстанции и факторы суть органы и объективации деятельности людей. За противоречием между производительными силами и производственными отношениями всегда скрывается противоречие между людьми. В обществе все, что имеет прочную форму – продукт, разделение труда, предметные воплощения процесса производства и т. д., является лишь мимолетным моментом общественного производства, «а в качестве его субъектов всегда выступают только индивиды», взятые в их взаимоотношениях. Здесь перед нами – их «собственный процесс движения, в котором они обновляют самих себя в такой же мере, в какой они обновляют создаваемый ими мир богатства»¹.

Самоопределение развивается при определенных условиях в *конкретное основание субъектности* – в способность к *нормотворчеству*, законодательству. Законодательность здесь понимается не юридически, а философски – как умение субъекта порождать новое правило, норму, принцип действия и утверждать это новое как положительную ценность в культуре. Для репродуктивной (исполнительской) деятельности достаточно умения подводить частный случай под общее правило. Способность к нормотворчеству – это культурный феномен. Он возникает тогда, когда субъект признает себя (ибо другие признают его таковым) равноправным представителем коллектива, той или иной социальной общности, возвышается до общественного самосознания и сам дает себе мандат на творчество, полномочие на суверенное конституирование той или иной нормы, того или иного варианта действия, будь то область науки, искусства, политики, предпринимательства и др. *Самоуполномочивание* – это «душа» и самый важный момент новаторства. Оно обязательно возникает тогда, когда субъект проникается общим интересом, рассматривает свой интел-

---

¹ Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов. Т. 46, ч. 2. С. 222.

лект как равноценную частичку общественного интеллекта, доверяет свой совести и своему разуму как непосредственно-общественным и тем самым осознает себя интуитивно равноправным началом («начальником») всего нового и интересного. Поэтому он берет в свои руки без какого-либо психологического дискомфорта функцию нормотворчества, не спрашивая разрешения свыше, у «начальства».

Способность к нормотворчеству уходит своими корнями в атмосферу *товарищества* в коллективе и связана, так или иначе, с чувством или осознанием товарищеского равноправия. Это чувство остается в тени, может быть безотчетным, но именно оно подспудно рождает личную сопричастность общему делу, ответственность, воодушевление и смелость в решении проблем. Когда субъект смотрит на проблему глазами коллектива, тогда его духовная сфера наполняется емким общественным содержанием и он мыслит широко, чуток к перспективным тенденциям в общем деле. Атмосфера товарищества одухотворяет – рождает у каждого порыв внести свой вклад в общее дело, утвердить себя в сознании других как личность творческую, «со своей песней». Товарищеское равноправие в общем деле рождает свою *противоположность – потребность личности в индивидуализации мастерства и на этой основе – потребность в общественном признании*.

Исторически субъектные качества оформлялись на *надьиндивидуальном* уровне (община, род) в рамках общих, т. е. общественных, законодательных и других полномочных органов, функции которых со временем, в процессе разделения труда, закреплялись за узким кругом лиц. Нормотворческая и законодательная функция, отделившись от функции исполнительной, получает конкретное оформление на *институциональном* уровне (государство, церковь, партии) и развивается настолько, что регламентация и громоздкие аппаратные процедуры становятся для нее *оковами*. По мере *демократизации* общества и развития личностного начала нормотворчество становится достоянием все большей части народа, его самостоятельных организаций. Субъектность *деинституализируется* в той или иной области и превращается в *схему работы самосознания и воли* растущего большинства граждан. Например, в нравственности институциональный контроль вытесняется индивидуально-личностной субъектностью в виде *самооценки, самоконтроля, самоповеления*. В результате

нравственность предстает как *неинституциональная императивная саморегуляция поведения*, доступная каждому.

Напротив, в условиях античности самостоятельный выбор решения, новой нормы ведения *общего дела* осуществлялся, как правило, обращением за *санкцией на такой выбор к оракулу* и подкреплялся *авторитетом Пифии, повествующей о воле богов*. Даже такие великие люди античности, как Фемистокл, в минуты смертельной опасности для Греции убеждали других в правоте своего выбора, ссылаясь на волю богов. Для самостоятельных решений, замечает Гегель по этому поводу, у греков «еще не было этой мощи и силы воли»¹. Субъектность есть исторически конкретная общественная форма активности человека; такая форма сначала творится коллективно, обретает устойчивость благодаря специализации функций управления и организации в общем деле. Субъектность личности предстает затем как *интериоризация законодательных функций социальных институтов*.

Содержание истинной демократии в отличие от формальной состоит в развитии субъектности граждан, передаче субъектных функций гражданам как для развития их самодеятельности, так и для установления меры в соотношении различных видов субъектности – на уровне корпоративном и государственном, индивидуально-личностном и институциональном. Важнейшая креативная функция государства заключается в создании предпосылок развития субъектности граждан. *Субъектообразующее* содержание присуще «*демократии участия*» (как это было в Афинах времен Перикла и в средневековых городах с их цехами ремесленников), но отнюдь не современной формальной (представительной) демократии, отделяющей субъектные функции от «электората». В России народ распывается все более из общества *соотечественников*, объединенных *духовно и нравственно*, на собрание *социальных атомов* (на «*электорат*») в целях манипуляции. Деньгодатели с помощью средств массовой информации и «имиджмейкеров» проталкивают своих кандидатов на различные должности методами рекламы так же, как это делается с товарами на рынке. Кандидаты в депутаты стали политическим товаром, а электорат – потребителем такого товара. Демократия выродилась в политическую торговлю. Если рынок есть демократия в эко-

---

¹ Гегель Г. В. Ф. Философия. С. 239.

номике, то демократия превратилась в политический рынок со всеми его фальсификациями.

Негативной крайностью является абсолютизация субъектности на уровне личности (*персоноцентризм*), корпораций (*корпоративизм*) или социальных институтов, будь то партия, церковь, государство (*социоцентризм*). В таких случаях происходит нарушение *социальной синергии, гармонии между мерами частей и целого*. В первом случае ставка делается на права человека, на формальную демократию. Набирают силы индивидуализм, атомизация общества, многообразие ценностей без их единства, рассогласованность волеи и внешних дел. Распадается социальная иерархия, субординация и координация социальных институтов. Формальная демократия таит в себе со времен Платона и Аристотеля анархию и тиранию.

В противоположном случае (*социоцентризм*) ставка делается на иерархическую организацию, на внешнее единство без индивидуальной внутренней свободы. Субъектные функции *монополизируются* тем или иным социальным институтом, а лица превращаются в исполнителей. Начинается всеохватная (тотальная, отсюда – *тоталитаризм*) регламентация мышления, поведения, потребления. Она ведет к прогрессирующему параличу инициативы и самодеятельности граждан. Их субъектные функции отмирают. Общество поляризуется на «субъекты» и «объекты», на «ведущих» и «ведомых», на «авангард» и на «массы». Но на пассивной массе далеко не уедешь. Авангард прибегает к традиционному приему: он взбадривает «массу» показным энтузиазмом – бравурными маршами, песнями, уверениями-заклинаниями о «самодеятельности масс», и об их свободной и радостной жизни. И чем дольше длится показной энтузиазм, тем больше он разоблачает свою фальшь. Так общество движется к неизбежному кризису.

Во всем этом характерно следующее. Граждане *сами отчуждают от себя свои субъектные функции* (право на самоопределение и выбор, на самодеятельность и нормотворчество) и передают их внешнему гаранту, инстанции, превращая ее в самодовлеющего субъекта, а себя – в определяемый объект. Так как право на самоопределение незаметно сосредоточивается в одной инстанции, то возникает *гинноз ее авторитета, ее культ*. Она наделяется некоей сверхъестественной способностью быть всегда мудрой и справедливой. Дело теперь представляется так, что инстанция права не потому, что она решила истинно, а потому, что она ин-

станция, а значит и права! Такой перенос субъектности российские западники осуществляют на инстанции Запада. В обеих крайностях деформируется социальная синергия. Соборность преодолевает эти односторонние крайности. Она согласует индивидуальную свободу и внешнее единство лиц, меру целого с мерами частей и обеспечивает такой согласованностью здоровое состояние психики человека, гражданского общества и государства, общества в целом.

Если самоопределение есть исходная определенность субъектности, то *самодеятельность есть реальная основа развития самоопределения*. Одно невозможно без другого. Творческие способности проявляются в умении разрешать реальные противоречия и тем самым обновлять схемы мышления и поведения, деятельности и общения. Самодеятельность формирует творческие способности потому, что она есть свободная и самонаправленная деятельность; она развивает самоопределение лиц и коллективов, необходимое для творческого акта, переводит самоопределение в объективно выраженный процесс, содействует глубинному общению, просторному для самореализации человека как субъекта. Самодеятельность – это фундаментальный культурно-антропологический атрибут, способ развертывания продуктивно-творческих сил и вместе с тем – основная категория в понимании *перспектив* именно человеческого развития. Субъект самодеятельности относится к своим личностным предметным воплощениям как основа к обоснованному, как причина к следствию и выступает как существо самообоснованное, себя развивающее, как самоустраемленная социальность.

В самодеятельности происходит *практическое закрепление способности личности к самоопределению*. Эта способность – необходимая предпосылка творческого освоения реальности, как научно-теоретического, так и ценностного (мораль, искусство, религия). Мышление есть творческое моделирование внутренних отношений, которые восприятию не даны. Связь между явлениями устанавливается «только самим субъектом» в «актах его самодеятельности»¹. В морали важны самоопределение и самоповеление, мораль основана на «автономии человеческого духа»²; иначе ответственность потеряла бы всякое основание. Самоопреде-

---

¹ Кант И. Критика чистого разума // Соч.: в 6 т. М., 1965. Т. 4, ч. 1. С. 165.

² Маркс К. Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 13.

ление – атрибут и политической воли. Политика начинается с сознательного самоопределения в идеологии больших социальных групп; ее особенность состоит в том, что такие группы стремятся возвести свою особенность во всеобщую – в закон для всех. Класс, не способный к идейному самоопределению и властному самоутверждению своей воли, есть еще объект, а не субъект исторического процесса, он являет собой в таком состоянии «класс в себе», а не «для себя».

Свободное самоопределение составляет глубинную сущность эстетического освоения реальности. Если предмет воспринимается как сформировавшийся свободно, согласно своей мере, то он представляется прекрасным. Высказывание К. Маркса о том, что человек производит по меркам любого вида, а значит, «и по законам красоты»¹, цитируется весьма часто, при этом не раскрывается связь между *мерой и красотой*. Связующими здесь являются *свобода, свободное самоопределение*. Ведь формироваться согласно своей мере – значит определяться не извне, а изнутри, т. е. *самоопределяться*. Но не все прекрасно, что сформировано согласно своей мере. *Предмет воспринимается прекрасным только тогда, когда он пробуждает в нас состояние свободы, свободной игры наших духовных сил, провоцирует на такое субъективное состояние. Прекрасное есть чувственное изображение нашей свободы, ее сублимация и метафора*. Чувство красоты, отмечал Э. В. Ильенков, сопровождает «свободу воображения», когда воображение рождает идеальную форму предмета согласно его чистой мере². Происходит *совпадение свободного самоопределения предмета и субъекта*. Наслаждение прекрасным возвышает потому, что оно состоит в *переживании свободы нашей души*; при этом свобода выражена в *образном виде как нечто внешнее*, будь то музыкальная композиция, стих или балет. В форме красоты «переживается совпадение формы вещи с формой развитого восприятия, своеобразное чувство удовлетворения от подобного совпадения»³. Формой же «развитого восприятия» и является свободное самоопределение субъекта, который и в реальности схватывает подобный феномен.

Свободное самоопределение развивается в актах самостоятельности, освобождается от эмпирического содержания, превращает-

---

¹ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. С. 94.

² Ильенков Э. В. Об идолах и идеалах. М., 1968. С. 250–251.

³ Там же. С. 225.

ся в устойчивую схему восприятия и становится индикатором красоты, прекрасного – эстетическим вкусом. Бескорыстное свободное самоопределение есть *общая основа* нравственности и искусства, добра и красоты.

Поскольку самоопределение наиболее доступно дано каждому в нравственности («автономии человеческого духа»), то, возможно, эстетическое наиболее интенсивно раскрыто в борении человеческого духа, в нравственности. Возвышенное наиболее впечатляюще выражено величиим характеров и дел героев. Безмерность природы, будь то звездное небо или океан, поражает воображение лишь на короткое время, тогда как великие деяния героев волнуют сердца и умы на протяжении столетий. И, наоборот, предмет воспринимается безобразным, если он предстает не как определенный согласно своей природе и мере, а как принявший чуждую себе форму, навязанную извне, вопреки своей мере. Такая деформация предмета извне передается субъекту восприятия и сковывает свободную игру духовных сил. Без развитой духовной свободы и свободного самоопределения невозможны ни нравственность, ни высокое искусство, ни создание прекрасных форм, ни молитвенный полет души.

Социальная реальность, взятая в субъектном аспекте, – реальность самонаправленная, самоустремленная, саморефлектированная, самопроектируемая. Такая самонаправленность выражена в *самодетельности*. Самодетельность есть свободная деятельность, которая изменяет сами *схемы деятельности* и развивает *самоопределение* как принцип работы самосознания и воли субъекта, столь важный для *творчества*. В рамках самодетельности складываются отношения, просторные для полной самореализации человека. В прежние периоды «самодетельность и производство материальной жизни были разделены ... они являлись уделом различных лиц, и производство материальной жизни еще считалось второстепенным видом самодетельности»¹. Развитие социальности в ее неотчуждаемой форме связано с превращением материальной жизни общества в «полную, уже неограниченную самодетельность»², чему соответствует одностороннее развитие индивидов в их целостное развитие, дающее субъекту возможности обрести потенции культуры и человеческое общение.

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. С. 68.

² Там же.

Однако субъектность может осуществляться не только конструктивно, но и деструктивно, не только как *созидательное добро*, но и как *разрушительное зло*. Поэтому столь важен *ценностный* аспект вопроса о субъектности в экономике и политике, культуре, воспитании и праве. И во всех этих областях разумно исходить, как минимум, из общего дела.

В современной России практическая политика обосновывается идеологией *радикального либерализма*, с позиций которого неприемлема диалектика всеобщего и особенного, т. е. тот единственно верный метод мышления, который позволяет духовно созерцать и творить *гармонию противоположностей* – личного и общественного, корпоративного и государственного. Либерализм в современных условиях акцентирует *частное* бытие людей, утверждая ценности гражданского общества ценой умаления роли *государства*. Между тем человек – не только частное лицо со своими *индивидуальными* интересами, но и *гражданин* государства, призванный исходить из *всеобщих* народных интересов и целей. Он соединяет в себе *особенное и всеобщее* – бытие частного лица и бытие гражданина государства. Право может восприниматься гражданином как нечто внешнее, ограничивающее его свободу воли, т. е. как внешняя необходимость. На самом деле право есть развернутое выражение сущности гражданина – члена государства. И его отношение к праву есть субстанциальное отношение к своей собственной волевой сущности как гражданина. Также человек обретает свою духовную родовую идентичность, относясь к нравственности как к субстанции человеческих отношений. Диалектика соединения всеобщего и частного не поддается пониманию в рамках радикальной либеральной идеологии с ее персонифицизмом.

Современный радикальный либерализм выражает собой объективную тенденцию в мировой экономике. На Западе транснациональный финансовый капитал подчинил себе *продуктивную* (производительную) экономику. Все там живут в кредит, «на игле» банковского процента. Подчинение продуктивной экономики финансовому капиталу происходит и в России. Выявляется это подчинение *радикальной либеральной идеологией*. Суть ее – освобождение от социального контроля, в первую очередь от *государственного*. В России либералы освобождают от государства («разгосударствление») и экономику, и здравоохранение, и культуру, и образование. Защитные меры госу-

дарства по отношению к национальному производителю (протекционизм), духовное единение народа, национальная культура, патриотизм, религия объявляются идеологами мировых деньгодателей архаикой, устаревшим традиционализмом, пережитками тоталитаризма и т. д. и т. п. Финансовый международный капитал поражает национальные истоки культуры, гасит чувство дома и родины, разлагает национальное самосознание, дискредитирует служение отечеству, насаждает космополитизм и толерантность ко всему и вся, многообразную глобалистику, вырывающую человека из лона национальных традиций. Зачем он это делает? Ему нужна свобода функционирования в планетарном масштабе. Вот он и *разлагает все защитные системы национальных государств*. Ибо он – абсолютный космополит (деньги интернациональны). Его идеал – отсутствие вообще государственных границ и «новый мировой порядок» с единым мировым правительством и единой армией, с единым рынком сырья, капиталов и рабочей силы. Ему нужно безнациональное население с космополитическим сознанием, способное проживать на любых широтах и меридианах в качестве «граждан мира» с усредненным стандартом потребления, мышления и поведения. Люди-кубики, как инкубаторские цыплята, были бы идеальными потребителями. Всемирный финансовый капитал формирует соответствующую себе социальность не потому, что у него злая воля, а потому, что у него космополитическая социальная сущность, из которой часто следует и злая воля. Ныне финансовый капитал, отмечает авторитетный политолог и философ А. С. Панарин, отделяется от производящей экономики, спекулятивная прибыль вытесняет предпринимательскую, банк господствует над предприятием, международная диаспора финансовых спекулянтов – над нациями, теряющими экономической суверенитет. Этика глобализма – *отстраненность* экономических элит от местных национальных интересов, подъем нового ростовщичества. Глобалисты «всеми силами стараются ослабить и дискредитировать национальное государство», осуждают запрет на беспрепятственный вывоз капитала за границу¹. Современный либерализм защищает не предпринимателей, а финансовых спекулянтов². Он озвучивает заветные устремле-

---

¹ Панарин А. С. Искушение глобализмом. С. 9.

² Там же. С. 10.

ния финансового капитала, ставшего в наше время по существу *паразитическим*. Новому поколению эта идеология предлагает особый образ жизни: *максимум удовольствий, минимум усилий*; подальше от труда, поближе к наслаждениям; поменьше терпения, служения, верности и побольше претензий получить все сразу «здесь и теперь». Такие практики не осуществимы *легитимно, в рамках нравственности и права*. Либеральная идеология воспитывает гедониста-потребителя, у которого притязания не поднимаются «выше пояса» и отсутствует интерес к культуре. В России искусство вытесняется коммерческими зрелищами, художник – «шоуменом», духовные радости – телесно-чувственными вожделениями, культура – техникой жизни без святынь. «Если классический бюргерский либерализм был связан с социализирующим духом хозяйской свободы, то нынешний вырожденческий либерализм – с десоциализирующими искушениями чувственной эмансипации и апологетикой инстинкта»¹.

Либералы подобны царю Мидасу. Последний был наказан тем, что все, к чему он прикасался, превращалось в золото. Все, к чему прикасаются акторы либерализма, превращается в деградацию и пошлость. Пошлость – это подмена высшего низшим. Пошлость – визитная карточка либерализма. Торжествующая пошлость вуалируется *имитацией* культуры. Если в XVIII в. доктрина либерализма имела положительное значение тем, что обосновывала свободу продуктивного предпринимательства от феодальных пут и привилегий, то в конце века минувшего эта доктрина уже подобна «старушке легкого поведения»: романтика Просвещения XVIII в. развеялась, духовный заряд культуры иссяк, потухла вера в дело великое и прекрасное, угасли импульсы к созиданию, творчеству. Угасли из-за соблазна практиками неэквивалентного обмена, использования дешевой рабочей силы иммигрантов, спекуляциями валютой, ценными бумагами, финансовыми пирамидами. Остается жить на банковский процент, на доход от финансовых пирамид, от надувательства туземных либералов. Вот и лежит «старушка» в «грязи» техногенной цивилизации и выдает эту «грязь» за комфортабельную перину, соблазняя простаков свободой от совести, от «репрессивной культуры», от традиций, от достоинства и чести.

---

¹ Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире. С. 38.

Современный либерал-радикал – рыночный человек. Он сводит все ценности, все социально значимое – к *деньгам*. Он опошляет все, чтобы низвести высокое (любовь, достоинство и др.) до *товара*, до рыночной цены. Все на продажу – его девиз. Либералы завели свой особый «социальный дизайн», с помощью которого они проталкивают слуг деньгодателей на любые посты власти. Будущего кандидата они продают электорату так же, как сбывают свой фальшивый товар на рынке, используя рекламу, имиджмейкеров, своего рода «фальшивомонетчиков». Выражение «рыночная экономика» разоблачает либералов как службу менял-посредников в экономике. Экономика включает производство, обмен, распределение, потребление. Рынок и есть стадия обмена. Чтобы обменивать товары, надо их *произвести*. Но либералам до этого нет дела. Не случайно либеральные СМИ не акцентируют *этику труда*, а приковывают внимание к *сбыту и потреблению* товаров, к удовольствиям без труда.

Либерализм в России на протяжении последних двухсот лет обнажил ясно, как на ладони, свою полную теоретическую и практическую несостоятельность; его не следует брать в расчет в любом общественно важном деле. В общественном процессе оптимальным является *согласование меры целого с мерами частей*, т. е. социальная синергия – слияние энергий, соучастие, сотрудничество, кооперация совместных усилий. Такая согласованность обеспечивает здоровое состояние общества и человека, гражданина и государства, личности и коллектива. Социальная синергия, понимание проблем с позиций общего дела резко *расширяют горизонт сознания: побуждают личность избирать ценности не только потому, что они хороши для нее, но в первую очередь потому, что они хороши сами по себе, являются объективно лучшими по своим качествам и в силу именно таких качеств достойны признания не только данной личностью, но и другими людьми; достойны стать полем общего согласия и сотрудничества, взаимного понимания и доверия, служения и верности*. Так сознание прорывает узкий горизонт единичных и частных содержания и углубляется в их всеобщую основу: за «моим» и «твоим» оно прозревает «наше», за многими *Я – Мы*, за корпоративным интересом – государственный, общенародный, за внешними культурными различиями – существенное тождество человеческого духа.

Значение субъектных качеств будет неуклонно возрастать по мере вытеснения ценностей *техногенной цивилизации антропогенными установками культуры*, и, соответственно, схемы буржуазного вещного производства Д – Т – Д' схемой расширенного воспроизводства продуктивно-творческих сил человека *«продуктивно-творческие силы – их воплощения – прирост и обновление этих сил»*. Субъектные качества лиц и коллектива, помноженные на корпоративную солидарность и служение отечеству, – важнейший потенциал развития и личности, и общего дела, и страны в целом.

Итак, отношение к самому себе является диалектикообразующим. Оно логически выражает остов самосознания и социальную связь в ее человеческой форме; ориентирует на глубинное понимание противоречия, целостности и субъектности, а также на верный путь развития категориального мышления.

Ранее мы рассмотрели два типа строения социальности – *субъективное* и *объективное* – по таким параметрам, как строение *производства, общественных отношений и сознания*. Из объективного строения социальности закономерно вырастает, как это мы пытались проследить, ее *универсальное (субъектное)* строение.

Универсальное (субъектное) строение социально-технологического базиса мышления. *Субъектное (или универсальное) строение* производства, общественных отношений и сознания закономерно вырастает из предшествующей *объектной* стадии. Производство средств жизни все более основывается на автоматизированной техносфере с наукоемкой техникой, которая предполагает и *наукоемкий интеллект* работников со *всеобщим высшим образованием*. Такое образование позволяет понимать скрытые *закономерности* природной, технической и экономико-социо-культурной реальности. Благодаря передаче технике интеллектуальной функции управления машиной техносфера подлежит постоянному обновлению, а значит, работник поставлен в условия постоянного обновления своей профессиональной подготовки.

Меновые отношения сбросят свою загадочную товарную форму: за движением товаров люди будут видеть *движение своих собственных трудозатрат*. В общественном сознании будет изжит товарный фетишизм. На первый план выйдет не производство средств жизни (материальное производство), а *культурное воспроизводство* поколе-

ний, поэтому социальная сфера общества будет главной. Культурное воспроизводство людей будет главным *содержанием общественных отношений*, и тем самым отношения между людьми станут *непосредственно-общественными*, без анонимности разного рода факторов, которые вступают между собой в особые, надчеловеческие, отношения. Иными словами, общественные отношения перестанут выступать для сознания в их овещненной форме.

Общество вступит в постэкономическую эпоху своей истории, когда «по ту сторону его (труда. – С. Г.) начинается развитие человеческих сил, которое является самоцелью, истинное царство свободы»¹. Ибо «царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, по природе своей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства». Свобода в области материального производства может заключаться «лишь в том, что коллективный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль ...совершают его с наименьшей затратой сил и при условиях, наиболее достойных их человеческой природы и адекватных ей»².

Политическая сфера общества тоже подвергнется дефетишизации. Социальные институты, окончательно надоев гражданам своей бюрократической замкнутостью и самовоспроизводством в расширенном масштабе, снова примут социально ясную функцию – *как органы коллективной воли для самоорганизации и самоуправления ассоциированных субъектов*.

Ценностно-нейтральный стиль объективного научного мышления избавится от этой односторонности: объективное понимание реальности будет дополнено равноценным компонентом – ее *ценностным пониманием и переживанием*; разум и «сердце» – это два крыла духовного полета творческой индивидуальности, не изуродованной технической цивилизацией в одномерный логический интеллект. Мышление станет *интегральным, целостным, полным*. Такое мышление утвердится на основе аналогий не фабрично-заводского, а *культурного* производства поколений. Доминирование самодеятельности, духовно-нравственной направ-

---

¹ Маркс К. Процесс капиталистического производства, взятый в целом. Т. 25, ч. 2. С. 387.

² Там же. С. 386–387.

ленности в образе жизни «запишет» в сознании субъектов целостные и гибкие аналогии, позволяющие увидеть в природе, в ее самодвижных структурах новые грани – разумную *целосообразность*, согласованность частей с целым, эстетически оформленные меры. Качественно изменится сама система воззрения на природу: спонтанное бессознательное саморазвертывание ее сил уподобляет природу непосредственной искренности ребенка, в отношении которого взрослый человек побуждается быть *охранителем*; возродится в особой форме античное миропонимание в виде *могучего эстетического разумного космизма*.

Субъектное строение социальности приведет в соответствие универсальную сущность человека с его существованием, ранее ограниченным как орудийным фондом, так и ставшей узкой стоимостной формой.

Современная техногенная цивилизация медленно преобразуется уже ныне в *антропогенное* общество, в условиях которого люди будут производить свою субъективность во всей культурной полноте, производя *заодно* холст, лен и общественные отношения. Субъектность, субъектные качества личности станут императивом подобно тому, как ныне, прежде чем кем-то быть, надо вначале быть гражданином того или иного государства. *Престижность* закрепится за *субъектными* качествами человека, который, обогащая себя культурно, обогащает тем самым и других.

Три типа строения социальности, отметим еще раз, выделил К. Маркс на основании различных форм общения:

- «отношения личной зависимости» (добуржуазные формы общества);
- «личная независимость, основанная на вещной зависимости» (буржуазная социальность), при которой образуется «система всеобщего обмена веществ, универсальных отношений, всесторонних потребностей и универсальных потенций»;
- «свободная индивидуальность, основанная на универсальном развитии индивидов и на превращении их коллективной, общественной производительности в их общественное достояние» – такова третья ступень. «Вторая ступень создает условия для третьей»¹.

---

¹ Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов. Т. 46, ч. 1. С. 100–101.

Субъектность становится важнейшей характеристикой личности именно потому, что ранее выработанные продуктивно-творческие и производительные силы людей уже развились настолько, что частная *монополия* на их присвоение стала очевидным *тормозом* общественного развития. И новые поколения справедливо восстают против монополии на образование и культуру. Наступает с необходимостью период превращения коллективно развитых продуктивно-творческих сил в индивидуальное достояние каждого, в целом – в общественное достояние. И такая тенденция будет усиливаться. Подобие народного социализма намечается в Венесуэле, Боливии, «левеют» Чили, Перу, Никарагуа. Пример Китая, Вьетнама, Кубы, Беларуси не померк.

Как опредмеченный труд произведен от труда *живого*, так и вещный капитал произведен от человеческого капитала. Необходимо подчинить вещный капитал *человеческому капиталу*. Самовозрастание капитала в его вещной форме следует подчинить *самовозрастанию культурного и профессионального потенциала народа*. Необходимы инвестиции в человека, в *креативно-антропогенную сферу* – в образование, культуру, социальную инфраструктуру. Субъектное строение социальности приводит в *соответствие* универсальную сущность человека с ее существованием, ранее ограниченным как орудийным фондом, так и ставшей узкой стоимостной формой.

Отметим главные параметры универсальности человека. Это уместно потому, что в общественном сознании возникли известная растерянность и пессимизм относительно перспектив человеческого развития.

Универсальная сущность человека как стратегия развития науки и образования XXI в. Основные антропологические концепции (натуралистические, социологические, идеалистические, богословские), несмотря на их различия, толкуют сущность человека как нечто универсальное, т. е. обладающее бесконечными возможностями саморазвития. Только основа универсальности понимается по-разному – как неограниченность продуктивных сил природы, сфокусированных в человеке (Л. Фейербах), либо потенциала общества (К. Маркс) или духа (Гегель), либо божественных энергий в душе человека (тексты священных книг). Отметим в сжатом виде их преемственность и различия.

Согласно *натуралистической* концепции (Л. Фейербах, З. Фрейд, представители социал-дарвинизма Ж.-А. Гобино, Ч. Ломброзо, Л. Гумплович и др.) сущность человека – *природная*; человек сосре-

доточивает в себе и излучает все основные продуктивно-творческие силы самой природы. В лице человека природа познает саму себя и приходит к самосознанию и самопознанию. Природа – мать, а люди – ее самые одаренные дети. Эта концепция наделяет человека чувством родства с природой и неким душевным комфортом – чувством дома. Однако натурализм неудовлетворителен в том отношении, что он дает слишком мало в объяснении бытия человека: почему человек жертвует собственной жизнью ради чести, высокой благородной идеи, родины, семьи и т. д., переступая инстинкт самосохранения. Натурализм ничего не дает в решении проблем ценностных основ воспитания, педагогики, духовного единения народа, веры и др. Он не обладает возможностями предвидения и прогнозирования относительно развития людей, общества. Фейербах, например, утверждал, что тайну человека в состоянии раскрыть лишь прикладная биология – медицина, физиология. Академик Н. Амосов полагал, что «точные науки поглотят психологию и теорию познания, этику и социологию, а следовательно, не останется места для рассуждений о духе, сознании, вселенском Разуме и даже о добре и зле. Все измеримо и управляемо»¹. Натурализм в понимании именно сущности человека открывает широкие возможности для концепций расизма, нацизма, современного социал-дарвинизма, который прокладывает себе дорогу как социал-расизм. Верхним пределом натурализма является язычество, возвращение к исторически первой ступени естественной народной религии.

Недостатки натурализма преодолевает в значительной мере *социологическая* трактовка: сущность человека *социальна*. Социальное – это формы надприродной активности, которые возникают в совместной деятельности и общении людей, закрепляются в теле человека нейрофизиологически и выступают как человеческие способности. Способности есть усвоенные человеком социально значимые способы деятельности. Способности вырастают не из органического тела человека, а из его социального тела – из деятельности и общения. Эта концепция исходит не из естественной природы (натуры) а из «второй природы» (культуры). Эта концепция в значительной степени объясняет существенные особенности бытия человека, но в ее рамках не понимается в должной мере *направляющая и регулятивная функция*

---

¹ Цит. по: *Кара-Мурза С.* Идеология и мать ее наука. С. 133.

духа, сознания, мышления в жизни человека и в функционировании всех звеньев социальной системы. Эта концепция так же крепко привязывает человека к социальной действительности, как натурализм приковывает человека к природе. Пределом в рамках такой концепции является достижение земного благополучия, процветания, «рая». Но когда такое благополучие достигается, люди теряют вдохновляющие их ценности, у них атрофируется духовное миропонимание и начинается стремительное понижение ранга ценностей, т. е. *пошлость*. Например, страны «золотого миллиарда» достигли процветания, которое совпало с их стремительной духовной деградацией. Запад материально может почти все, отмечал И. А. Ильин, а духовно уже почти ничего. Буржуазная и атеистически-социалистическая идеологии суть порождения западной технической цивилизации. Обе они делают ставку на обустройство *внешней* жизни *внешнего* человека, но одна исходит по-преимуществу из частной собственности, а другая – из общественной. Глубинная же ценностная установка одна и та же – сытая при внешнем изобилии жизнь, но с обезбоженным, безвдохновенным самосознанием. Не случайно руководители КПСС и Советского государства в период «перестройки» и «реформ» быстро отбросили коммунистические идеалы и предались самому бесстыдному буржуазному потребительству, обнажив тем самым пределы социально понимаемой сущности человека. Дело в том, что социологическая версия человека не содержит в себе того идеала, который бы открывал человеку возможности саморазвития в направлении *духовного* возвышения. Человеку становится *душно* в *застенках* *социального быта и бытия*. Поэтому в порядке компенсации возникает потребность во все новых и новых формах наслаждений и начинается тотальная деградация.

Ограниченность социологической концепции преодолевается в рамках *идеалистического* понимания сущности человека как *духовной* реальности (Кант, Фихте, Гегель, Н. А. Бердяев и др.). Дух есть высшее, самое концентрированное выражение и продолжение социальности, знающая себя и устремленная на себя социальность. Дух есть ее идеальный «ген», программирующий поведение людей и народов на века. В рамках духа осуществляются самоопределение, самоорганизация и самопроектирование социальности. Социальность же есть реальность, производная от самодеятельности духа, опредмечен-

ный дух. Если социологическая концепция абсолютизирует внешний коллективный опыт человечества, то идеалистическая концепция является обобщением внутреннего, духовного опыта людей. Идеалистическая концепция имеет тот существенный недостаток, что в ее пределах сущность человека получает самые многообразные истолкования, при которых теряется *единое ценностное основание*, позволяющее объединять сознания и воли людей на основе *объективно лучших, совершенных содержаний*. Возникает «плюрализм без берегов», который рассеивает общество на атомы-персоны и обессиливает общество и государство.

Религиозная антропология (И. А. Ильин, А. М. Лосев, Н. О. Лосский, С. Л. Франк и др.) тем отличается от философской, что она решает проблему *основания духовного единения людей*, исходя из определенной методологии. Человек, конечно, соткан из природного материала, из остывшей «звездной пыли». Но природное снято в надприродном, в социальном. Социальное же в человеке снято в духовном. Духовное в человеке есть веяние божественных энергий. Поэтому человек – «религиозное существо». Таким он воспринимал себя уже на заре истории. С учетом вертикали «божественное – духовное – социальное – природное» яснее можно понять удельный вес компонентов бытия человека.

Например, православная антропология понимает человека с позиций *абсолютного и единого основания*: Бог есть полнота совершенств; душа человека есть *образ и подобие совершенства Божия*; она таит в себе отблеск Божественного совершенства и причастна по своему источнику к совершенной реальности. *Совершенство Божие – источник всех положительных качеств и ценностей человека*.

Отблески совершенства Божия проявляются в человеке: дух человека – это *любовь к совершенному*. *Совершенное есть такое содержание, которое гармонично соединяет в себе истинное, доброе и прекрасное*. Совершенное выступает как *качественное* содержание духа, а дух – как та форма, в которой совершенное существует *адекватно*. Дух есть совершенство, знающее само себя и устремленное на само себя.

Совершенство проявляется в устремлениях духовных сил человека: мышление ориентировано на объективную *истину*; нравственная воля – на сотворение добра; эстетическое созерцание – на *красоту*; любовь учит увидеть лучшее, избрать его и жить им; воля объ-

единяет истинное, доброе и прекрасное, она постигает их в первоисточке, устремляясь к *совершенству Божию*; совесть оценивает помыслы и деяния с позиций *должного совершенства*. *Душа стремится к совершенному потому, что она боготварна и сопричастна совершенству творца.*

Все духовные качества вырастают из единого корня – совершенного содержания. Такое содержание – *основа духа и религии, культуры и воспитания*. Религия культивирует в душах свет совершенства, исходя из его абсолютного первоисточника. Культура воплощает дух совершенства в зримые образцы – эталоны человеческой субъективности. Воспитание развивает умение обретать в душе объективно лучшие содержания, объединяться с другими людьми и строить совместную жизнь на основе лучших содержаний.

Если сущность человека есть дух, причастный совершенству Божию, то смысл человеческой жизни состоит в обожении своей души и внешней жизни – в развитии боготварной совершенной природы души и *приведении в соответствие с этой природой всей внешней реальности*. Внутреннее духовное преображение и самоопределение людей на основе объективно лучших содержаний – самая надежная основа успешных внешних преобразований.

Качество того, с чем личность себя идентифицирует и во что верит, определяет степень устойчивости *Я* и душевного здоровья. *Идентификация с образом Божиим есть абсолютная основа душевного здоровья*, вдохновенной и творческой жизни. Только религия дает человеку *абсолютные* ценности и тем самым надежную основу для душевного здоровья. Поэтому все народы имеют религиозные святыни вопреки приверженцам научного атеизма.

Творчество производно от воли к совершенству. Вот почему «гений и злодейство несовместимы»; творчество есть созидание положительных ценностей, объективирование и утверждение *лучших* содержаний человеческой души. Злой же умысел реализуется как деструкция и разрушение.

Православная антропология истолковывает процессы творчества с позиций совершенной реальности следующим образом. *Вдохновение движет творчеством. Но вдохновение есть благоговение и восторг от совершенного*. В сознании народов творчество не случайно квали-

фицируется как дар Божий. Оно по существу, как и религия, связано с совершенным и своими корнями уходит в религиозный настрой души. Ибо «религиозный опыт есть опыт совершенства, приобретаемый на путях сердечного созерцания»¹. Творчество есть духовное парение человека в эфире объективно лучших, совершенных содержаний, оно есть деятельная «молитва», будь то благородный поступок, поэтический стих, музыка, гармония математических соотношений и логика научных понятий. Человек в актах творчества продолжает дело Божие на земле и выступает сотружеником, соработником Творца. Дело Божие на земле есть устремленность всего сущего к *совершенной реальности*, преодоление материи, освобождение от слепой стихии на путях к свободе и совершенству, к гармонии духа и природы.

Поскольку душа каждого человека есть образ и подобие Божие, то *каждый человек есть творец по своим потенциальным возможностям*. Православная антропология толкует талант не как исключение из правила, а как *норму в развитии каждого человека*. Бездумное исполнительство, деградирование людей возникают тогда, когда они собственными усилиями гасят в себе свет совершенства, оскверняют свою душу ничтожным содержанием в погоне за «прелестями», отрывая инстинкт от идеала, натуру от культуры, душу от Бога. Одним словом, сами «пылят» и потому не видят «солнца» своего духа. Православная антропология креативно антропологическая, *человеко-творческая по существу*. Ибо она связывает творчество с Творцом и основывает творчество на духе *совершенства*, на положительной аксиологии, предохраняя личность от *вседозволенной безответственности*.

Образ совершенства Божия продуктивен для науки, искусства и нравственности. Если совершенен Творец, то совершенны и те меры, согласно которым сотворены мироздание и человек. Задача науки – познавать эти меры и содействовать улучшению реальности. *Наука является, таким образом, познанием Бога по Его творениям*.

Но человек – существо не только мыслящее и разумное, но и *чувствующее, воображающее и созерцающее*, что является субъективной основой *искусства*. Божественные идеи-меры даны человеку в природном материале и сокрыты в нем. Задача искусства – предста-

---

¹ Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта: в 2 т. М., 1993. Т. 1. С. 56.

вить эти идеи-меры в таком виде, чтобы они стали явленными для созерцания. Тогда эти *идеи-меры будут восприниматься не только как истина, но и как красота*. Искусство призвано *окультуривать чувственность, воображение и созерцание по законам красоты*, а не эстетизировать пороки и не разнуздывать инстинкт вне идеала, чем заняты современные СМИ России.

Нравственность возникает из отношения человека к другим людям, к самому себе и к Богу. Если душа каждого человека есть образ и подобие Божие, то *души всех людей имеют равноценное достоинство*. Вот почему несостоятельно самовозвышение себя ценой унижения других. Человеку дана таинственная способность, основное нравственное чувство – совесть. Совесть оценивает помыслы и деяния, исходя из *равноценности достоинства каждого человека*. Совесть существует в человеке, но она выше человека, независима от его произвола и судит надындивидуальной мерой. Хотя люди разные, но когда они поступают по совести, они поступают одинаково, согласно своей единой богосотворенной сущности. Нравственность, согласно православию, *обязывает видеть в душе каждого человека образ и подобие Божие, признавать равноценность достоинства каждого человека независимо от пола, национальности и социального положения, не превращать других людей в средство для своих личных целей, оценивать помыслы и деяния абсолютной мерой – образом Божиим – и спасать себя и других тогда, когда человек теряет в себе этот образ*. Одним словом, *нравственность обязывает жить по заветам Христа Спасителя*.

Итак, православная антропология не отрицает природных, социальных и тем более духовных аспектов бытия человека. Она устанавливает иной ранг (Божественное выше человеческого, духовное выше душевного) и оценивает человека абсолютной мерой: насколько он в своем духовном измерении есть «образ и подобие Божие». Исходя из этого «образа» соответственно толкуется и процесс *образования*. Достоинством данной антропологии является абсолютное основание именно ценностного порядка, из которого выводятся все иные креативные характеристики человека, в первую очередь нравственность.

Существует эклектичное толкование *сущности* человека – как «биосоциальной» или как «биосоциокультурной». Но сущность – это не рядоположенные кубики, не плюрализм и мозаика, а *монизм, един-*

ство в многообразии. Предмету, коль он реально определен, свойственна *одна* сущность. «Коктейль» же из «биосоциокультурной» сущности логически невозможно мыслить. Вместо понятия будет расплывчатое представление. Э. В. Ильенков по поводу подобной «биосоциальной» сущности остроумно возразил: почему бы человеческую сущность не представить как квантово-механико-физико-химико-биосоциальную. Очевидно, авторы подобных версий стремятся ничего не упустить в определении. Но все-таки следует различать *сущность* человека и его *существование*, а тем более его *действительность*.

Раскроем те основы универсальности человека, которые доступны эмпирической проверке и приемлемы для *научного* сознания.

Первая, исходная, основа – производство орудий с помощью орудий. Людей можно отличать от животных по разным внешним признакам. Сами же люди начинают выделять себя (реально и в своем сознании) из мира животных, когда они начинают производить условия для своей жизни с помощью орудий, а *орудия – посредством орудий*; когда они создают не только материальные орудия для обработки природы в нужном для себя направлении, но и социальные организации для возделывания своей собственной общественной природы наперекор природным устремлениям; в целом когда они производят совместно свое *неорганическое тело*, которое опосредствует их отношения к себе самим и к природе и является *существенным основанием* общественного жизненного процесса.

Человек ставит между собой и природой орудия-посредники, которые *пространственно отделены* от человека. Этим он уже дистанцируется от природы, разрывает естественную чувственную пуповину, слитность с природой. Умножая орудия с помощью орудий, люди обретают колоссальную технологическую мощь по отношению к природе. Орудия становятся дополнительными *неорганическими рецепторами* в предметном анализе свойств природы, увеличивая многократно возможности естественных органов чувств человека. С помощью материальной техники люди *превращают свойства и процессы природы в органы своей сознательной воли*, вовлекают в материальный процесс все новые связи и зависимости; *в принципе, наращиванию технологической мощи человека (человеческого рода) нет предела, если нравственность сохраняет свое верховенство*. Маркс писал: «Практическая универсальность человека проявляется именно в той универсальности, которая всю природу пре-

вращает в его *неорганическое тело*, поскольку она служит, во-первых, непосредственным жизненным средством для человека, а во-вторых, материей, предметом и орудием его жизнедеятельности. Природа есть *неорганическое тело* человека ... в той мере, в какой сама она не есть человеческое тело. ... Животное формирует материю только сообразно мерке и потребности того вида, к которому оно принадлежит, тогда как человек умеет производить по меркам любого вида и всюду он умеет прилагать к предмету соответствующую мерку; в силу этого человек формирует материю также и по законам красоты. ... Благодаря этому производству природа оказывается *его* (человека) производением и его действительностью. Поэтому предмет труда есть *опредмечивание родовой жизни человека*: человек удваивает себя уже не только интеллектуально, как это имеет место в сознании, но и реально, деятельно, и созерцает себя в созданном им мире»¹.

Еще более важное значение для понимания родовой природы человека имеют искусственные органы, которые люди ставят между собой, регулируя и направляя свою совместную деятельность. Именно эти социально-функциональные органы (социальная техника) служат *конкретным основанием для понимания человеческой психики, сознания, мышления*.

Вторая основа универсальности – социальная наследственность. Биологическая наследственность закодирована в организме. Социальная наследственность транслируется от поколения к поколению посредством *культуры*, символических и знаковых систем. Культура создается всеми предшествующими поколениями и содержит для каждого отдельного человека бесконечно многообразные варианты саморазвития.

Третья основа – способность овладевать любыми программами и быть самопрограммируемым субъектом собственного саморазвития. Эта способность объясняется *отсутствием врожденных программ именно социального поведения*.

Четвертая основа – свобода воли, самодеятельность, творчество. Психика человека вырвалась из цепи рефлекторного кольца. Между причиной и следствием в действиях человека вклинились размышление, свобода выбора вариантов действия на основе *значений, идеального*.

---

¹ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. С. 92–94.

Свобода есть *самопричинность через произвольные, намеренные действия*, она дана каждому как самоопределение, как выбор возможностей. Мыслить, любить, волиять, веровать человек может только свободно. Из свободы воли следуют нравственность и право. Право *вменяет* личности свободу; человека освобождают от ответственности, если он был в невменяемом состоянии, т. е. если его психика была настолько захвачена аффектами, что погасила свободу воли. Человек не продолжает наличный причинный ряд, а *порождает новые причинные ряды*, не вытекающие непосредственно из предшествующих ситуаций. В отличие от животных он не сращивается со своей жизнедеятельностью и с ее продуктами, а отстраняется от них, делает их предметом размышления и воли, изменяет их. Обновляя способы действия, он тем самым обновляет свои способности. Ибо *способности есть не что иное, как усвоенные способы действия*. Деятельность по изменению предмета развивается в *самодеятельность*, т. е. в *свободную самонаправленную* деятельность, которая устремлена на преобразование самих схем деятельности. Центр тяжести смещается с изменения предмета на «самоизменение» субъекта. Поэтому «человек есть *самоустремленное (selbstisch) существо*»¹. Самоустремленность позволяет каждой сущностной силе – воображению и эстетическому созерцанию, мышлению и воле, вере и любящему сердцу – не терять себя в предмете и обновлять свое содержание в его *бесконечном эмоциональном и смысловом многообразии*.

Субъект самодеятельности относится к своим личностным предметным воплощениям как основа к обоснованному и выступает как существо *самообоснованное*, как самоустремленная социальность, «он не стремится оставаться чем-то окончательно установившимся, а находится в абсолютном движении становления».² Связка «свобода – самодеятельность – творчество» позволяет человеку быть не застывшим кристаллом, не цельнокаменной натурой, скроенной природой раз и навсегда, а субъектом самоопределения, самообновления, самоосуществления; т. е. быть *неоконечным*.

Пятая основа – общественная природа человека, интенсивно раскрытая в актах общения, общественных отношениях. Именно общение принуждает психику к *обобщению*, к общим, социально важ-

---

¹ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. С. 160.

² Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов. Т. 46, ч. 1. С. 476.

ным значениям, без которых невозможно общение. Сознание (совместное знание) и есть система всеобщих, социально важных значений. Общие, общественные отношения резко раздвигают горизонт сознания, и человек, будучи *родовым* существом (осознающим себя наследником культуры человеческого рода), осознает и *род* вещей, их *закон и сущность*, а не просто случайные внешние особенности, данные в живом восприятии. В общении осуществляется обмен различными содержаниями человеческой живой субъективности, происходят *взаимное дополнение, обогащение и обновление* субъектов общения, *осознание родовой природы* человека, развернутой в *бесконечном вариативном многообразии*; достигается понимание того, что *ни одна личность не может исчерпать полноты* всей человеческой субъективности. Такое понимание предохраняет личность от абсолютизации своей позиции по тому или иному вопросу и ориентирует на опыт другой личности как на возможность увидеть мир в иной грани, в новом измерении. «Точно так же чувства и наслаждения других людей, – подчеркивает К. Маркс, – стали моим *собственным* достоянием». Способности и опыт других людей превращаются в *дополнительные духовные органы личности*. У человека, подчеркивал Маркс, «кроме ... непосредственных органов образуются *общественные органы в форме общества*». Маркс поясняет: «Так, например, деятельность в непосредственном общении с другими и т. д. стала органом проявления моей жизни и одним из способов усвоения человеческой жизни»¹. Общение креативно антропологично не только потому, что оно взаимно обогащает содержанием субъективности, но и потому, что может сообщать *перспективу* личности: чем больше масштаб того общего дела, в котором личность участвует, тем труднее, серьезнее, интереснее, значительнее становится сама жизнь, дарующая вдохновение, творчество, прозрение и умудрение. Это в рамках буржуазности своекорыстный расчет, личное обогащение, кривляние в пустяках может казаться «умением жить».

Шестая основа – разумная сущность человека. Тело немыслящее действует согласно своим материальным свойствам. Мыслящее тело строит свои действия согласно *формам и закономерностям*

---

¹ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. С. 121.

*внешним тел, причем любых*¹. Оно учитывает логику того *целого*, в составе которого оно действует. Мыслящее существо идеально перестраивает схемы действия согласно новым обстоятельствам. Благодаря мышлению человек выступает не частной силой природы наряду с другими ее силами, а как субъект, способный управлять *всеми стихийными силами*. Разум – универсальная сила не только планетарного, но и космического масштаба. Человек превращает механические, физические, химические, биологические, социальные силы и процессы в органы своей разумной воли, бесконечно увеличивая свою власть.

Универсальность человека поэтапно разворачивается в его истории через многие поколения и деяния миллиардов людей. Это – величественный процесс в масштабе мироздания. Природа величественна, писал великий космист Ф. Энгельс в одном из писем. «Я всегда с любовью обращался к ней, но история кажется мне даже более величественной, чем природа. Природе потребовалось миллионы лет для того, чтобы породить существа, одаренные сознанием, а теперь этим сознательным существам требуются тысячелетия, чтобы организовать совместную деятельность сознательно: сознавая не только свои поступки как индивидов, но и свои действия как массы ... добиваясь сообща заранее поставленной цели. <...> Наблюдать этот процесс, это все приближающееся осуществление положения, небывалого еще в истории нашей планеты, представляется мне зрелищем, достойным созерцания...»²

Вектор исторического саморазвития заключается в *самоосвобождении людей от природной стихии на тернистом пути восхождения к большей свободе большего числа людей, к духовному совершенству, к гармонии духа и природы, к осознанию духовного единства человеческого рода*.

Практическая универсальность выражается и продолжается субъективно – *во всеобщих по значению продуктивно-творческих силах человека, которые организуют все особенные, профессиональные, умения*.

Это – мышление, способное понимать объективные закономерности любой реальности, вынося субъективное сопровождение за

---

¹ Ильенков Э. В. Диалектическая логика. С. 38–40.

² Энгельс Ф. Письмо Джорджу Уильяму Ламплу. 11 апр. 1893 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 39. С. 55–56.

скобки; продуктивное воображение, моделирующее формы и образы в их бесконечном разнообразии и смысловом единстве; духовные чувства, окультуренные пониманием и возникающие от переживания значений в бесконечном многообразии; воля, способная переводить знания и ценности в реальные поступки и дела, осуществлять понятия и ценности, давать им практическое воплощение; бескорыстное эстетическое созерцание, дарующее способность переживать меры и гармонии в их многообразии; вера, устремленная на надындивидуальные, надгрупповые абсолютные и совершенные ценности, которые выводят сознание из застенков быта и социального бытия в бесконечную сферу безусловных значений и Божественных смыслов и служат основой духовного единства и сплоченности народа; совесть, оценивающая помыслы и деяния с позиций надындивидуальных, сверхнациональных, сверхконфессиональных и исходящая из равноценности достоинства каждого человека независимо от пола, социального положения, национальной принадлежности.

Острые экологические, социально-классовые и мировоззренческие проблемы ставят перед наукой XXI в. задачу – вернуться из «рассеяния» в материально-предметной, политической, эгоистически классовой сферах в *креативную культурную антропологию*, чтобы разрабатывать концепции и технологии, направленные на культивирование универсальной сущности человека на пути к совершенству, к гармонии духа и природы, к братскому единению народов. Разумно продолжить не объектную, а *субъектную* классическую философию, идущую от Сократа, к Канту, Фихте, Гегелю и к Марксу и обогащенную богатым ценностным содержанием совершенства русской философской классики.

Неизбыточность и креативность противоречия. Сущность человека универсальна, а существование каждого индивида конечно в этом мире. Это абсолютное противоречие, которое разрешается в ходе истории человеческим родом. Универсальная природа человека встречает на каждой исторической стадии *ограничения со стороны формы общения* (общественных отношений). Противоречие *между человеческой универсальностью и формой общения* является *всеобщим* и в социологическом, и в узко личностном отношениях. Вся история в ее антропологическом разумном аспекте есть длительный процесс разрешения этого противоречия. Каждый народ в силу своих

особенностей решает это противоречие по-своему. Более того, в каждый период в каждом коллективе противоречие между креативной деятельностью и общением встает во весь рост. Разрешение этого противоречия – творческая задача, тестирующая руководителей и коллективы на умение (ум) думать самостоятельно, предметно, творчески. В советском обществе 70–80-х гг. XX в. назрело острое противоречие не по поводу собственности, а между возросшим образовательным и культурным потенциалом советского человека и «евнухами идеологии, запрещающими публичное употребление разума», между «накопленным интеллектуальным капиталом» и «суженными возможностями его практического профессионального применения». Кто реально производил общественный продукт (рабочий, инженер, ученый и др.), тот все более отстранялся от участия в решениях и испытывал «дефицит профессиональной самостоятельности»¹. Классический марксизм тут, как видим, ни при чем.

Общий принцип решения противоречия состоит в нахождении таких форм общения (общественных отношений, регламентаций, социальных норм и т. п.), которые открывали бы простор для развертывания человеческой универсальности, креативной деятельности, побуждали к свободной, и *радостной* самоактуализации и самореализации творческих сил индивидуальности. Решение этого противоречия есть *практическая диалектика*, она по силам только коллективному разуму в условиях *человеческой общности*.

Однако данное противоречие не разрешимо *окончательно*, как и всякое содержательное противоречие, связанное с сущностью предмета. Его разрешение на каждый период состоит в приведении к соответствию деятельности и общения. Но это соответствие нарушается всякий раз все новыми «флуктуациями», инициативами, обновленными технологиями и практиками: *более просторные для самодеятельности формы общения, побуждая к инициативной самодеятельности больший круг лиц, сами готовят себе угрозу своего собственного «социального старения», а значит и отрицания*. Сообщать самодеятельности людей свободные формы – таков общий рецепт.

Данное противоречие созидательное и личностно развивающее. Однако противоречие между самодеятельностью и формами общения

---

¹ Панарин А. С. Народ без элиты. С. 114–116.

выражает собой противоречие между субъектами – различными социальными группами. Ведь кто-то заинтересован в сохранении «окостеневших» форм общения. Ссылки на объективные «факторы» разоблачаются как оправдание группового своекорыстного интереса. Социальная борьба за обновление форм общения становится вполне адресной. Противоречие «между производительными силами и производственными отношениями» – одно из форм противоречия между деятельностью и общением. Указанное противоречие присуще всем сферам, ячейкам и параметрам общества, будь то семья, институты образования, научные сообщества, конфессии, общественные объединения и политические партии, отношения между поколениями и т. д. Противоречие может носить формы антагонизма, согласованного партнерства, солидарного единодушия в обновлении и др. От чего же зависят различные формы разрешения противоречия? От самого древнего основания, на котором вырос антропогенез и на котором держится современное общежитие людей, – от *нравственности*, т. е. от *степени признания других людей и народов как субъектов равноценного достоинства*. Дело не в дефиците нефти и иных углеводородов, а в дефиците совести. Такова правда. Но само это противоречие *неистребимо* потому, что неунничтожима сама *основа* противоречия – самостоятельность и соревнование людей, различия в их притязаниях, в социальных статусах и в тех функциях, которые распределяются между субъектами самой логикой общего дела. Развитие и есть способ разрешения противоречий, порождающий разумную форму – диалектическое мышление субъектов, исходящих из социального целого, из общественного жизненного процесса, из креативного обновления социальности, а не только из того, что каждому из них лично надо.

Представленный нами анализ развития общественно-материальной основы категориального мышления позволяет сделать следующие выводы. Эта основа в своем историческом развитии обретает три своих основных типа – *субъективный, объективный и субъектный (универсальный)*. XXI в. являет собой переход от объективного типа к субъектному, от буржуазной техногенной цивилизации к новой исторической постэкономической ступени – культуре. Культурное воспроизводство новых поколений станет первичным, а производство средств жизни вторичным. Люди вернутся к себе самим, возьмут под свой контроль стихию общественного развития, чтобы *культивиро-*

вать свою универсальную человеческую природу. Креативная культурная антропология станет тем ферментом, который качественно преобразит миропонимание и природы, и социальной связи.

Поэтапное утверждение универсального строения производства, общественных отношений и сознания будет сопровождаться утверждением интегрального социального мышления, синтезом логических и ценностных структур в такое духовное новообразование, в составе которого будет доминировать ценностный компонент; ценности «сердца» будут направлять логику мышления, а эталоны культуры – технику жизни и технологии производства предметных структур. Нравственность обретет свой должный фундаментальный статус. Интегральный разум, соединяющий в себе измерения истины, добра и красоты, утвердится на *качественно иной основе* – не на материальном производстве средств жизни, как рациональность XIX–XX вв., а на *культурном производстве целостных* индивидов. Он наполнится гибкими, культурно емкими, одухотворенными метафорами и аналогиями, позволяющими прозревать и в природе новые грани, недоступные мышлению, сформированному на «инженерных» жестких аналогиях фабрично-заводского опыта. Превращение объективного строения социальности в универсальное обязывает к анализу аксиологии мышления. Такому анализу будет посвящены третья часть нашего исследования.

Заключение

Понятия искусственных органов общественной практики и практико-функционального мышления совокупного субъекта позволяют более конкретно раскрыть взаимное влияние социально-технологического базиса и мышления, историческую особенность мышления в тот или иной период.

За развитием мышления от простой формы до всеобщей скрываются общественно-материальные процессы: производство средств жизни поставляет мышлению практические предметные абстракции, которые служат опорами для микросхем мышления; развитие общения и общественных отношений с необходимостью генерализирует формы мышления до уровня всеобщности.

Общественная природа человека, производящего условия своей жизни в системе общественных отношений, с необходимостью утверждает в психике понятийное мышление, способное схватывать в реальности всеобщие устойчивые структуры, инварианты. Механизм обмена продуктами мышления фильтрует состав мышления так, что отделяет индивидуально-личностное от всеобщего. Но понятия содержат не только всеобщее. Понятия суть функциональные органы целенаправленной воли, устремленной на реализацию целей. Поэтому они предстают и как проекты будущих предметов, как схемы организации значений, смыслов. Проективно-организующий компонент понятий объясняется тем, что люди сами производят идеальные, социальные и материальные формы своей жизни.

Субъективное, объективное и универсальное (субъектное) строение социальности дает основание для предвидения тенденций развития мышления. Субъектное строение социальности ориентирует на воспитание социально-интегрального, целостного мышления в системе образования и подготовки научных кадров, на развитие их субъектности как личностной основы социокультурного обновления и развития «инновационного» общества и образа жизни.

Социокультурным основанием диалектического мышления являются процессы реальной самодеятельности людей в культурном воспроизводстве собственной жизни; через процессы самодеятельности реализуется общесоциологическая закономерность самообновле-

ния людей путем обновления предметного мира богатства, форм деятельности, общения и мышления.

Поэтапное преобразование социальной связи из ее вещной формы в человеческую, субъектную форму составляет глубинное содержание и смысл преобразования техногенной цивилизации в новую историческую ступень – культуру. Прорыв России к новым благодатным историческим перспективам заключается в неуклонной перестройке критериев и эмпирических показателей в основных областях реальной жизни согласно тенденциям грядущей ступени истории. В этом состоит долгосрочная стратегия России как внутри страны, так и в области геополитики. Человечество – это многие народы-отечества, взятые в их взаимных отношениях. Сущность каждого народа представлена в культуре. Культура есть развернутое выражение национального духа. Дух являет собой устремленность к совершенству и творение объективно лучших, совершенных содержаний. Успешная гармонизация отношений между народами-отечествами осуществима в большей мере «сверху» – на основе культуры, через культурные взаимные обмены и дары. Культура всечеловечна по содержанию и национально самобытна по форме. На протяжении всей писаной истории человеческая общность являлась и будет являться источником мечтаний и проектов о «светлом будущем». Задача философии, гуманитарных и социальных наук заключается, в частности, в разработке концепций поэтапной реализации социальной связи в человеческую общность. По мере такой реализации в общественном сознании будет усиливаться ценностный компонент в освоении реальности, а в разработке стратегии развития общества духовно-ценностные, креативно-антропологические, субъектные измерения выйдут на первый план общественного внимания и престижа.

Кризис уклада технической цивилизации выявляет перспективный путь – поэтапное превращение овещненной буржуазной социальности в человеческую общность с нравственными императивами и показателями культуры в процессе воспроизводства людьми собственной жизни.

Философским сопровождением грядущей исторической ступени может быть *креативная культурная антропология* как более адекватный духовный инструментарий восприятия и понимания, деятельности и общения. Такая антропология исходит из *универсальных* возмож-

ностей человеческого рода, проистекающих из *нравственных* основ совместной жизни, из *продуктивно-творческих* сил целостной субъективности человека и из *технологической* мощи, в которой соединяются разумные цели, искусственные органы общественной практики и *созидательные силы самой природы*, ее *самодвижные структуры*. Срастание разумной технологической мощи с созидательными природными силами актуализирует величественное чувство *космизма*.

Акцент на *антропологию* означает соответствие производимых технологических и социальных структур *телесным, душевным и духовным* измерениям бытия человека, через которые каждый индивидуум преломляет действительность, живет и потребляет богатство собственной субъективности. Внешняя действительность всегда тем или иным своим фрагментом замыкается на субъективность человека и предстает не только как нечто *внешнее*, но как действительность самого человека, как *человеческая действительность*.

Акцент на *культурную антропологию* означает наполнение субъективности человека образцами, эталонами, творимыми в культуре.

Креативная культурная антропология акцентирует, с одной стороны, формы общения и общественных отношений, которые просторны для самодеятельности и для полноты проявления жизненных сил индивидуальности, с другой – такое эстетическое оформление предметной среды жизнедеятельности, которое раскрывает творческие потенции человеческой чувственности, воображения, социальных эмоций.

Список литературы

Абдильдин Ж. М. Проблема начала в теоретическом познании [Текст] / Ж. М. Абдильдин. Алма-Ата: Наука КазССР, 1967. 366 с.

Абдильдин Ж. М. Формирование логического строя мышления в процессе практической деятельности [Текст] / Ж. М. Абдильдин, К. А. Абишев. Алма-Ата: Наука КазССР, 1981. 212 с.

Алексеев Н. А. Размышления о синергетике в педагогике [Текст] / Н. А. Алексеев // Образование и наука: изв. УрО РАО. 2004. № 6 (30).

Андреев Ю. П. Содержание и структура общественных отношений [Текст] / Ю. П. Андреев. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1985. 171 с.

Антология мировой философии: Античность [Текст]. Минск: Харвест; М.: Изд-во АСТ, 2001. 960 с.

Аристотель. Метафизика [Текст] / Аристотель // Соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1975. Т. 1. С. 67–367.

Аристотель. Трактат о душе [Текст] / Аристотель // Соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1975. Т. 1. С. 369–448.

Батищев Г. С. Деятельностная сущность человека как философский принцип [Текст] / Г. С. Батищев // Проблема человека в современной философии. М.: Наука, 1969. 431 с.

Батищев Г. С. Определечивание и распределечивание [Текст] / Г. С. Батищев // Философская энциклопедия: в 4 т. М.: Сов. энцикл., 1967. Т. 4. С. 154–155.

Батищев Г. С. Проблема диалектического противоречия [Текст] / Г. С. Батищев // История марксистской диалектики. М.: Мысль, 1971. С. 186–216.

Батищев Г. С. Проблема овещнения и ее гносеологическое значение: в свете Марксовой концепции овещнения [Текст] / Г. С. Батищев // Гносеология в системе философского мировоззрения. М.: Наука, 1983. С. 250–272.

Библер В. С. Мышление как творчество: Введение в логику мысленного диалога [Текст] / В. С. Библер. М.: Политиздат, 1975. 399 с.

Библер В. С. О культуре мышления теоретика Нового времени (XVII – начала XX в.) [Текст] / В. С. Библер // Науковедение и история культуры. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1973. С. 134–170.

Богданов А. А. Философия живого опыта [Текст]: Популярные очерки [Текст] / А. А. Богданов. М.: Госиздат, 1920. 256 с.

Бородай Ю. М. Эротика – Смерть – Табу: Трагедия человеческого сознания [Текст] / Ю. М. Бородай. М.: Гнозис: Рус. феноменолог. о-во, 1996. 416 с.

Бурдьё П. Практический смысл [Текст] / П. Бурдьё; пер. с фр. А. Т. Бикбова, К. Д. Вознесенской, С. Н. Зенкина, Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2001. 562 с.

Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада [Текст] / П. Дж. Бьюкенен; пер. с англ. А. Башкирова. М.: АСТ, 2003. 444 с.

Вебер М. Избранные произведения [Текст]: пер. с нем. / М. Вебер; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. 808 с.

Ветошкин А. П. Духовно-нравственная экономика [Текст] / А. П. Ветошкин, Н. А. Каратеева, А. М. Миняйло. Екатеринбург, Изд-во Урал. ун-та, 2008. 702 с.

Вогулкин С. Возвращение домой [Текст] / С. Вогулкин // Семья и будущее России: материалы 5-й Междунар. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 10–13 февр. 2008 г. Екатеринбург: Урал. гуманит. ин-т, 2008. 267 с.

Волков Г. Н. Истоки и горизонты прогресса: Социологические проблемы развития науки и техники [Текст] / Г. Н. Волков. М.: Политиздат, 1976. 335 с.

Водолазов Г. Г. Идеалы и идолы. Мораль и политика: история, теория, личные судьбы [Текст] / Г. Г. Водолазов. М.: Культ. революция, 2006. 864 с.

Гапонцева М. Г. Применение идеологии синергетики к формированию содержания непрерывного естественнонаучного образования [Текст] / М. Г. Гапонцева, В. А. Федоров, В. Л. Гапонцев // Образование и наука: изв. УрО РАО. 2004. № 6 (30). С. 89–102.

Гегель Г. В. Ф. Философия истории [Текст] / Г. В. Ф. Гегель // Соч.: в 14 т. М.; Л.: Соцэкгиз, 1935. Т. 8. 470 с.

Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук [Текст]: в 3 т. / Г. В. Ф. Гегель. М.: Мысль, 1974. Т. 1. 452 с.

Гобозов И. А. Куда катится философия. От поиска истины к постмодернистскому трепу [Текст]: филос. очерк / И. А. Гобозов. М.: Изд. Савин С. А., 2005. 200 с.

Гончаров С. З. Субъективная основа возникновения и развития мысли [Текст] / С. З. Гончаров. Екатеринбург: Изд-во «ГОУ ВПО Рос. гос. проф.-пед. ун-т», 2008. 274 с.

Делез Ж. Логика смысла [Текст] / Ж. Делез. М.: Раритет; Екатеринбург: Деловая кн., 1995. 480 с.

Диалектическое противоречие [Текст]. М.: Политиздат, 1979. 343 с. (Над чем работают, о чем спорят философы)

Дрюк М. А. Синергетика: позитивное знание и философский импрессионизм [Текст] / М. А. Дрюк // *Вопр. философии.* 2004. № 10. С. 102–113.

Запись беседы Карла Маркса с корреспондентом газеты «Sun» Джоном Суинтоном [Текст] // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 45. С. 478–480.

Зеньковский В. В. История русской философии [Текст]: в 2 т. / В. В. Зеньковский. Л.: ЭГО, 1991. Т. 1, ч. 2. 280 с.

Ильенков Э. В. Гуманизм и наука [Текст] / Э. В. Ильенков // *Наука и нравственность.* М.: Политиздат, 1971. С. 405–439.

Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» К. Маркса [Текст] / Э. В. Ильенков. М.: Наука, 1960. 284 с.

Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении [Текст] / Э. В. Ильенков; сост., предисл., библиогр. А. Г. Новохатько. М.: РОССПЭН, 1997. 464 с.

Ильенков Э. В. Диалектическая логика [Текст]. Очерки истории и теории / Э. В. Ильенков. М.: Политиздат, 1974. 284 с.

Ильенков Э. В. Искусство и коммунистический идеал [Текст]: Избранные статьи по философии и эстетике / Э. В. Ильенков. М.: Искусство, 1984. 349 с.

Ильенков Э. В. Об идолах и идеалах [Текст] / Э. В. Ильенков. М.: Политиздат, 1968. 319 с.

Ильенков Э. В. Проблема идеального [Текст] / Э. В. Ильенков // *Вопр. философии.* 1979. № 6. С. 128–140.

Ильенков Э. В. Проблема идеального [Текст] / Э. В. Ильенков // *Вопр. философии.* 1979. № 7. С. 145–158.

Ильенков Э. В. Философия и культура [Текст] / Э. В. Ильенков. М.: Политиздат, 1991. 464 с.

Ильенков Э. В. Что же такое личность? [Текст] / Э. В. Ильенков // *С чего начинается личность.* М.: Политиздат, 1979. С. 183–237.

Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта [Текст]: в 2 т. / И. А. Ильин. М.: Рус. кн., 1993. Т. 1. 400 с.

Ильин И. А. Кризис идеи субъекта в наукоучении Фихте Старшего [Текст] / И. А. Ильин // Ильин И. А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека: собр. соч.: в 2 т. Т. 2. Учение о человеке / сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы. М.: Рус. кн., 2002. С. 373–459.

Ильин И. А. О сущности правосознания [Текст] / И. А. Ильин // Собр. соч.: в 10 т. М.: Рус. кн., 1994. Т. 4. С. 149–414.

Ильин И. А. Общее учение о праве и государстве [Текст] / И. А. Ильин // Собр. соч.: в 10 т. М.: Рус. кн., 1994. Т. 4. С. 45–147.

Ильин И. А. Основы христианской культуры [Текст] / И. А. Ильин // Собр. соч.: в 10 т. М.: Рус. кн., 1993. Т. 1. С. 285–332.

Ильин И. А. Письма. Мемуары [Текст] 1939–1954. / И. А. Ильин. М.: Рус. кн., 1998. 512 с.

Ильин И. А. Путь к очевидности [Текст] / И. А. Ильин. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. 221 с.

Ильин И. А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека [Текст]: в 2 т. / И. А. Ильин. М.: Рус. кн., 2002. Т. 1. 448 с.; Т. 2. 608 с.

Ильин И. А. Хвала труду! [Текст] / И. А. Ильин // Собр. соч.: в 10 т. М.: Рус. кн., 1998. Т. 8. С. 439–444.

История русской философии [Текст]: учеб. для вузов. М.: Республика, 2001. 639 с.

Кагарлицкий Б. Ю. Марксизм: не рекомендовано для обучения [Текст] / Б. Ю. Кагарлицкий. М.: Эксмо, 2006. 480 с.

Калашников М. Третий проект. Спецназ Всевышнего: Книга-расследование [Текст] / М. Калашников, С. Кугушев. М.: АСТ: Астрель, 2006. 1134 с.

Кант И. Критика чистого разума [Текст] / И. Кант // Соч.: в 6 т. М.: Мысль, 1964. Т. 3. 799 с.

Качество жизни: Диалектика духовного и социального [Текст]: коллектив. моногр. / под ред. К. П. Стожко; Урал. ин-т бизнеса. Екатеринбург, 2008. 653 с.

Кемеров В. Е. Введение в социальную философию [Текст]: учеб. для вузов / В. Е. Кемеров. 3-е изд., испр. и доп. М.: Акад. проект, 2000. 314 с.

Кириевский И. В. Разум на пути к истине [Текст] / И. В. Кириевский. М.: Правило веры, 2002. 662 с.

Князева Е. Н. Антропный принцип в синергетике [Текст] / Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов // Вопр. философии. 1997. № 3. С. 62–79.

Ковалевский М. Встречи с Марксом [Текст] / М. Ковалевский // Воспоминания о Марксе и Энгельсе. М.: Политиздат, 1956. С. 306–316.

Косарева Л. М. Предмет науки: Социально-философский аспект проблемы [Текст] / Л. М. Косарева. М.: Наука, 1977. 157 с.

Косарева Л. М. Социокультурный генезис науки Нового времени: Философский аспект проблемы [Текст] / Л. М. Косарева. М.: Наука, 1989. 160 с.

Кумпф Ф. Диалектическая логика: Основные принципы и проблемы [Текст] / Ф. Кумпф, З. Оруджев. М.: Наука, 1979. 286 с.

Ленин В. И. Десять вопросов к референту [Текст] / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. Т. 18. С. 1–6.

Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики [Текст] / А. Н. Леонтьев. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. 575 с.

Любутин К. Н. Диалектика повседневности: Методологический подход [Текст] / К. Н. Любутин, П. Н. Кондрашов; УрГУ – ИфиП УрО РАН – РФО. Екатеринбург, 2007. 295 с.

Мамардашвили М. К. Анализ сознания в работах К. Маркса [Текст] / М. К. Мамардашвили // Вопр. философии. 1968. № 6. С. 14–26.

Мареев С. Н. Диалектика логического и исторического и конкретный историзм К. Маркса [Текст] / С. Н. Мареев. М.: Наука, 1984. 158 с.

Мареев С. Н. Философия XX века: истоки и итоги [Текст]: учеб. пособие / С. Н. Мареев, Е. В. Мареева, В. Г. Арсланов. М.: Акад. проект, 2001. 464 с.

Маркс К. Результаты непосредственного процесса производства. Процесс обращения капитала [Текст] / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 49.

Маркс К. Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона [Текст] / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 65–185.

Маркс К. К критике политической экономии [Текст] / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. 167 с.

Маркс К. Капитал. Критика политической экономии [Текст] / К. Маркс. СПб.: Изд. Н. П. Полякова, 1872. Т. 1. 678 с.

Маркс К. Капитал. Критика политической экономии [Текст]. Т. 1 / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. 900 с.

Маркс К. Капитал. Критика политической экономии [Текст]. Т. 3, ч. 2 / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25, ч. 2. 548 с.

Маркс К. Павлу Васильевичу Анненкову [Текст] 28 дек. 1846 г. / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 27. 684 с.

Маркс К. Прибавочная стоимость и прибыль [Текст] / К. Маркс // Коммунист. 1978. № 7. С. 3–9.

Маркс К. Размышления [Текст] // Маркс К., Энгельс Ф. 2-е изд. Т. 44. 749 с.

Маркс К. Процесс капиталистического производства, взятый в целом [Текст] / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25, ч. 1. 545 с.

Маркс К. Тезисы о Фейербахе [Текст] / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 1–4.

Маркс К. Теории прибавочной стоимости [Текст] / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 26, ч. 3. 666 с.

Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года [Текст] / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 41–174.

Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов [Текст] / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. 2-е изд. Т. 46, ч. 1. 553 с.

Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 гг. [Текст] / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46, ч. 2. 612 с.

Маркс К. Экономическая рукопись 1861–1863 годов [Текст] / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 47. 657 с.

Маркс – Энгельсу [Текст] 25 марта 1868 г. / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 32. С. 43–46.

Маркс К. Немецкая идеология [Текст] / Маркс К., Энгельс Ф. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. 625 с.

Мегрелидзе К. Р. Основные проблемы социологии мышления [Текст] / К. Р. Мегрелидзе. Тбилиси: Мецниереба, 1973. 438 с.

Мировоззрение и культура [Текст]: сб. ст. / под общ. ред. В. В. Кима. Екатеринбург: Банк культ. информ., 2002. 384 с.

Мосоров А. М. Общественные отношения и личность [Текст] / А. М. Мосоров, Г. В. Мокроносов. Свердловск: Изд-во Урал. политех. ин-та, 1969. 145 с.

Наука и культура [Текст]: материалы «круглого стола» // Вопр. философии. 1998. № 10. С. 3–38.

Панарин А. С. Испытание глобализмом [Текст] / А. С. Панарин. М.: Эксмо, 2003. 416 с.

Панарин А. С. Народ без элиты [Текст] / А. С. Панарин. М.: Алгоритм: Эксмо, 2006. 352 с.

Панарин А. С. Постмодернизм и глобализм: проект освобождения собственников от социальных и национальных обязательств [Текст] / А. С. Панарин // *Вопр. философии*. 2003. № 6. С. 16–37.

Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире [Текст] / А. С. Панарин. М.: Алгоритм, 2002. 496 с.

Панарин А. С. Стратегическая нестабильность в XXI веке [Текст] / А. С. Панарин. М.: Алгоритм, 2003. 560 с.

Плотников В. И. Социально-биологическая проблема [Текст] / В. И. Плотников. Свердловск: Урал. рабочий, 1975. 191 с.

Плотников В. И. Ценностный мир человека и его судьба [Текст] / В. И. Плотников // *Двадцать лекций по философии: учеб. пособие*. 2-е изд. Екатеринбург: Банк культ. информ., 2002. С. 367–403.

Принципы материалистической диалектики как теории познания [Текст] / отв. ред. В. А. Лекторский. М.: Наука, 1984. 304 с.

Синергетика в психологии профессионального развития [Текст]: сб. науч. тр. / Рос. гос. проф.-пед. ун-т. Екатеринбург, 2004. 122 с.

Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве [Текст]. М.: Прогресс – Традиция, 2002. 496 с.

Скворцов Л. В. Субъект истории и социальное самосознание [Текст] / Л. В. Скворцов. М.: Политиздат, 1983. 264 с.

Сокал А. Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна [Текст] / А. Сокал, Ж. Брикмон. М.: Деловая кн., 2002. 216 с.

Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество [Текст] / П. Сорокин. М.: Политиздат, 1992. 543 с.

Сорос Дж. Кризис мирового капитализма [Текст] / Дж. Сорос. М.: ИНФРА–М, 1999. 262 с.

Социальная природа познания [Текст]. Теоретические предпосылки и проблемы / отв. ред. Н. В. Мотрошилова. М.: Наука, 1979. 280 с.

Старк Г. В. Социологический анализ познавательного процесса в «Теориях прибавочной стоимости» Карла Маркса [Текст] / Г. В. Старк. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1976. 148 с.

Степин В. С. Практическая природа познания и методологические проблемы современной физики. [Текст] / В. С. Степин, Л. М. Томильчик. Минск: Наука и техника, 1970. 95 с.

Харт К. Постмодернизм [Текст] / К. Харт. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2006. 272 с.

Штеренберг М. И. Синергетика и биология [Текст] / М. И. Штеренберг // *Вопр. философии.* 1999. № 2. С. 95–108.

Энгельс Ф. Диалектика природы [Текст] / Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. 2-е изд. Т. 20. 824 с.

Энгельс – Джорджу Уильяму Ламплу [Текст]. 11 апр. 1893 г. / Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 39. С. 55–56.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства [Текст] / Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 23–178.

Энгельс – Эдуарду Бернштейну [Текст]. 25, 31 янв. 1882 г. / Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 35. С. 215–219.

Яковенко С. И. Философия незамкнутости [Текст] / С. И. Яковенко // *Вопр. философии.* 1996. № 2. С. 41–50.

Словарь основных терминов

Идеальное – материальное, пересаженное в человеческую голову со стороны формы и преобразованное в ней в предмет без материи; идеальный предмет, свободный от материи, обретает превосходные, совершенные характеристики и выступает как эталон, высший образец того или иного рода реальности, направляющий активность человека. Основным в феномене идеального является отношение представленности одного содержания иным содержанием, в результате чего возникает значение. Социально важные значения в совокупности составляют субстрат сознания.

Культура – положительная социальность, сфера творчества эталонов человеческой субъективности, духовного возрастания личности и народа. В данной монографии культура понимается и в более широком значении как грядущая ступень истории, которая сменит современную техногенную цивилизацию согласно схеме «дикость – варварство – цивилизация – культура». Во втором значении культура предстает как антропогенное креативное общество самодеятельности, в котором как альтернатива овещенной буржуазной связи доминирует социальная связь в форме человеческой общности, восстанавливающей первичность нравственной саморегуляции отношений между людьми.

Мышление – универсальная способность субъекта воспроизводить предмет идеально, отражать и моделировать закономерности, строить свои действия согласно закономерностям внешних тел, причем любых.

Мышление диалектическое – высший уровень теоретического разумного мышления, которое понимает предмет в процессах развития на основе разрешения противоречий в самом предмете, сознательно соединяет противоположности в составе одного целого; социокультурными основаниями этого мышления являются историческое саморазвитие людей в актах самодеятельности и свободного самоосуществления, процессы соревнования и самообновления людей путем обновления форм деятельности, общения и мышления.

Мышление практико-функциональное – уровень мышления, непосредственно включенный в функционирование искусственных органов общественной практики. Мышление направляет и регулирует их функционирование, выступают как технологически необходимый идеальный фактор социальной системы, как ее «самоотображение»,

идеально опосредствующее функционирование всех ее звеньев: материально-технологического освоения природы, общения и общественных отношений между людьми.

Неорганическое тело человека – искусственные органы сознательной целенаправленной воли человека, служащие для обработки природы (материальная техника), для «обработки» человека (социальная техника) и для обработки значений (интеллектуальная техника в виде методов духовного труда).

Общественно-материальная основа мышления – предметно-деятельный уровень непосредственного общественного бытия людей, включающий в свой состав:

- объективные отношения, составляющие предметное содержание мышления;
- фиксацию этих отношений в их абстрактной определенности в искусственных органах общественной практики (материальной и социальной технике);
- перевод этих отношений в формы деятельности субъекта и в его мыслительные схемы в процессе оперирования орудиями и управления социальными организациями;
- особую форму субъектности – совокупного субъекта общественной практики, с позиций которого только и можно понять коллективный характер категоризации;
- способ объективации технологической деятельности, аккумулирующей в себе предметные связи – инструмент, машина, автомат;
- разделение труда, порождающее определенность трудовых операций и тем самым – определенность и разнообразие эмпирических схем мышления;
- обмен формами деятельности в общественных отношениях;
- формы собственности, обуславливающие степень универсальности общения и общественных отношений, а значит и мышления;
- социокультурные формы осуществления деятельности субъектов;
- материальное средство духовного обмена – язык, фиксирующий способы деятельности и общения и переводящий эти способы в моменты сознания в виде значений;
- практико-функциональный уровень мышления и сознания, которые непосредственно включены в функционирование органов общественной практики, направляют и регулируют их функционирование.

Общественно-материальная основа категориального мышления разделяется на три типа: на субъективный, объективный и универсальный (субъектный) в зависимости от строения производства, общественных отношений и сознания.

Социальность – надприродная форма бытия людей, включающая формы сознательной целенаправленной деятельности, общения и мышления; понятие, отражающее качественно определенный тип отношений между людьми в тот или иной период истории:

- отношения личной зависимости;
- отношения личной независимости на основе вещной зависимости;
- отношения свободных индивидуальностей как мир человеческой общности.

Социальность буржуазная – исторически определенный тип социальности, в которой социальная эффективность измеряется единой мерой – деньгами; эта социальность и соответствующий ей образ жизни производны от производства капитала. Пределом для капитала является узость его экономической формы, сводящей все к единому стоимостному параметру. Такая редукция вступает в противоречие с социокультурным измерением человека, которое сам же капитал и развивает. Верховенство стоимостного показателя задает утилитарный образ жизни и соответствующую повседневную реальность, овещнение общественных отношений, при которых отношения межсубъектные превращаются в отношения между вещами.

Цивилизация – уклад, тип жизнеобеспечения и жизнеустройства людей, возникший после системы родового строя; длительная во времени историческая ступень развития, которая возникает на основе растущего товарного производства, регулярного товарообмена, товарно-денежных отношений, частной собственности, классового расслоения, государства и права. Родовое отличие цивилизации заключается в *верховенстве единой, всеобщей социальной нормативности*, которая окончательно подчинила природно-телесные импульсы и глубоко субъективные влечения и страсти индивидов императивам социальной взаимной связи. Такая нормативность, выросшая из различных географических и национальных условий, варьируется в зависимости от конкретных исторических условий и самодеятельности тех или иных народов. Специфика цивилизации заключается в утверждении

единых, всеохватных норм – экономических, правовых, политических, нравственных, религиозных и др. – на основе производства и обмена.

Цивилизация как ступень истории была необходима для освоения сил природы и достижения технологической свободы по отношению к ней. Способ освоения природы был распространен и на людей. Это ставка на эффект внешнего воздействия, на мощь внешних органов практики (техника, социальные институты), технико-технологическую оптимальность и рациональность, науку, на логику «определения извне». Внешние органы практики стали самодовлеющими, а люди, их творцы, – вещными технологическими агентами с технико-экономическо-правовыми параметрами. Произошло овещнение всей социальности. Овещнение лиц и персонификация вещей сопровождается сциентизмом, технократизмом, ценностным нигилизмом, объективизмом, потребительством как самоцелью.

Сложился не субъектный, а объектный тип общества и мировоззрения, человека и подготовки специалистов, сориентированных на внешнепредметные знания и умения, на отношение «техника – человек», а не «человек – человек». В современной технической цивилизации доминирует логика определения извне: в человеческой жизни внешнее, материальное направляет и ведет внутреннее, духовное.

Цель цивилизации – производство средств жизни, обустройство внешней жизни «внешнего» человека на основе техники, товарно-денежной связи, правового регулирования и науки, разрабатывающей технологии. Техника, деньги, право, наука – таковы устои и идолы современной техногенной цивилизации.

Цивилизация техногенная – завершающий цикл современной цивилизации. Ее ограниченность состоит в редукции, в резком *понижении ранга ценностей*: в сведении Бога к материи, духовной жизни – к душевной и телесно-чувственной, ценностного сознания – к технологической рациональности, культуры – к социальным технологиям, нравственности – к праву, искусства – к коммерческим зрелищам и нервирующим «шоу», полноты человеческого общения – к «социальным ролям», своеобразия национальной жизни и культуры – к интернациональным рыночным стандартам мышления, поведения и потребления; человеческих индикаторов экономики и управления – к стоимостным показателям.

Техногенная цивилизация превратила *технику жизни* в самоцель, низведя самоцельность человека до средства. Она вселяет безвдохновенный, безбожный, безнациональный, бессердечный, технорационалистический «дух» всеобщего упрощения, опошления и усреднения по единым стандартам внешней жизни и превращает людей в однородные кубики для внешнего манипулирования. Она подменила аристократию (власть лучших) демократией, качество – количеством. Ныне культурное творчество возможно только вопреки установкам технической цивилизации, благодаря остаткам «традиционного общества», где главными являются *естественные*, первичные общности, а не искусственные, вторичные, идущие от разделения труда и социальных институтов. Чувство родства, родного, родины, национальные традиции и «животворящие святыни» объявлены уделом маргиналов.

Оглавление

Введение	4
Глава 1. Общественно-материальная основа категориального мышления	7
§ 1. Предметные органы общественной практики и мышление.....	7
§ 2. Социально-технологическая основа категориального мышления	19
§ 3. Общественные отношения – конкретное основание категориального мышления	56
§ 4. Типология общественно-материальной основы категориального мышления.....	99
Глава 2. Тенденции развития социокультурных основ логико-категориального мышления	104
§ 1. Техногенная цивилизация и культура в циклах истории	106
§ 2. Тенденции превращения техногенной цивилизации в антропогенное общество.....	174
§ 3. Объективные и субъективные основы инновационного стиля жизни и ускорения социокультурной динамики	253
§ 4. Социокультурное основание диалектического мышления	261
Заключение.....	331
Список литературы.....	334
Словарь основных терминов	342

Научное издание

Гончаров Сергей Захарович

ЛОГИКО-КАТЕГОРИАЛЬНОЕ МЫШЛЕНИЕ

Часть 2

Объективная основа возникновения и развития мысли

Монография

Редактор Н. М. Юркова
Компьютерная верстка Л. Н. Осадчей

Подписано в печать __.__.09. Формат 60×84/16. Бумага для множ. аппаратов. Усл. печ. л. 19,2. Уч.-изд. л. 20,8. Тираж 100 экз. Заказ № __.
Издательство ГОУ ВПО «Российский государственный профессионально-педагогический университет». Екатеринбург, ул. Машиностроителей, 11.
